

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-0445 Print
ISSN 2712-8946 Online

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ**

VESTNIK

OF SAMARA UNIVERSITY

**HISTORY,
PEDAGOGICS,
PHILOLOGY**

ТОМ 29 • №3 • 2023 ГОД

ISSN 2542-0445

Подписной индекс / Subscription index 78535

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY
HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

Том 29 № 3

Vol. 29 No. 3

2023

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ
VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА DOAJ ЛАНЬ CROSSREF

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием.*

Тематика журнала:

- исторические науки и археология (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.4; 5.6.5; 5.6.7),
- педагогические науки (специальности: 5.8.1; 5.8.7),
- языкознание (специальности: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год. Т. 29, № 3, 2023

Миссия журнала – распространение в России и за рубежом новых научных идей и результатов оригинальных исследований в области истории, педагогики и языкознания как базовых наук гуманитарного цикла, обладающих традиционными эвристическими взаимосвязями, создающими особый синергетический исследовательский эффект как в освоении новых тенденций развития этих наук, так и в раскрытии особенностей различных языков, истории, культуры, традиций образования в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Цели и задачи журнала: привлечение в журнал авторитетных авторов; публикация результатов оригинальных научных исследований (статьи, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу) в области исторических, педагогических наук и языкознания; создание условий для развития и укрепления интеграции российских и зарубежных ученых в сфере социально-гуманитарных исследований; продвижение журнала на российском и международном рынке, в том числе путем расширения возможностей распространения и индексирования научных работ в основных базах данных в России и за рубежом.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор:

В.А. Конев, д-р филос. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Заместители главного редактора:

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Ответственный секретарь:

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

Тел. +7(846) 3345406

E-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация,

Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Выпускающий редактор *Т.А. Мурзинова*

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии **ПИ № ФС 77-67842** от 28.11.2016.

Подписной индекс в Объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 78535
ISSN 2542-0445

Прежнее название – Вестник Самарского государственного университета, ISSN 1810-5378. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-12398 от 19.04.2002 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Подписано в печать 10.10.2023. Выход в свет 18.10.2023.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 28.

Тираж 200 экз. (первый завод – 30 экз.). Заказ №

© Самарский университет, 2023

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIJA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIJA
VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (Samara University)

Indexing in databases: eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA DOAJ LAN CROSSREF

*The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003.
On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from 23.06.2017 with the new title.*

Remit of the journal:

- **historical sciences and archaeology** (specialities: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.4; 5.6.5; 5.6.7),
- **pedagogical sciences** (specialities: 5.8.1; 5.8.7),
- **linguistics** (specialities: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Journal is published since 1995. It is published quarterly. Vol. 29, no. 3, 2023

The mission of the journal is to disseminate in Russia and abroad new scientific ideas and the results of original research in the field of history, pedagogics and linguistics as the basic sciences of the humanitarian cycle, which have traditional heuristic relationships that create a special synergistic research effect both in mastering new trends in the development of these sciences and in revealing the features of various languages, history, culture, educational traditions in Russia and in the countries of near and far abroad.

Aims and objectives of the journal: attraction of authoritative authors to the journal; publication of the results of original scientific research (articles, surveys, reviews and reports on scientific literature) in the field of historical and pedagogical sciences and linguistics; creating conditions for the development and strengthening of integration of Russian and foreign scientists in the field of social and humanitarian research; promotion of the journal in the Russian and international markets, including by expanding the possibilities of disseminating and indexing scientific papers in the main databases in Russia and abroad.

All articles are reviewed in the program «Antiplagiat» and double-blind peer-reviewed by the leading scientists in accordance with remit and specialities of the journal.

Chief editor:

V.A. Konev, Dr. of Philosophical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editors:

P.S. Kabytov, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

T.I. Rudneva, Dr. of Pedagogical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

N.A. Ilyukhina, Dr. of Philological Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Executive editor:

E.L. Dubman, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7(846) 3345406

E-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Publisher: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University,

Address Publisher: Room 312b, building 22a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literatory editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

L.N. Zakonova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media III № ФС 77-67842 as of 28.11.2016 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Subscription index in the United catalog of Internet «Press of Russia» 78535

ISSN 2542-0445

The former title – Vestnik of Samara State University, ISSN 1810-5378. The certificate on registration of mass media III № 77-12398 as of April 19, 2002, was issued by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Passed for printing 10.10.2023. The publication 18.10.2023. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 28.

Circulation 200 copies (first printing – 30 copies). Order №

© Samara University, 2023

This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Главный редактор

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

История

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация); профессор (Поволжский филиал Института истории РАН, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Алматы, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация)

Б.У. Меннинг, доктор истории, профессор (Университет Канзаса, Лоренс, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Российская Федерация)

А. Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Университет Мемфиса, Теннесси, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самарский социально-гуманитарный университет, Самара, Российская Федерация)

А. Мантарова, д-р социол. наук (Институт изучения обществ и знания, София, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Л.К. Раицкая, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

В.А. Капринова, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики (Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Республика Беларусь)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

И. Ключанов, PhD, профессор коммуникации (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Б. Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Колледж искусств и науки Генри Кенделла, Талса, США)

А.А. Харьковская, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

М.В. Черкунова, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английской филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

А. Эббингхауз, д-р филол. наук, почетный профессор (Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Вюрцбург, Германия)

Г. Синекопова, PhD, профессор (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Д.С. Храменко, д-р филол. наук, доцент по специальности «Германские языки», профессор кафедры английского языка № 4 (Московский государственный университет международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Тупикова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация)

Chief editor

V.A. Konev, PhD in Philosophy, professor, Honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial board

History

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, Honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation); Volga Region branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Eurasian National University, Almaty, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B.W. Menning, PhD in History, professor (University of Kansas, Lawrence, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation)

A. Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (University of Memphis, Tennessee, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation)

A. Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

L.K. Raitskaya, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

V.A. Kapranova, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy (Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus)

Philology

S.I. Dubinin, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Ilyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

I. Klyukanov, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

B. Piters, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Henry Kendall College of Arts and Sciences, Tulsa, USA)

A.A. Khar'kovskaya, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

M.V. Cherkunova, Doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of the Department of English Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

A. Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, honorary professor (Julius-Maximilians University of Würzburg, Würzburg, Germany)

G. Sinekopova, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor on the specialty «German Languages», professor of English Language Department № 4 (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Памяти профессора Антонины Александровны Харьковской</i>	8
ИСТОРИЯ	
Лебедева Л.В., Ставицкий В.В. Пензенская засечная черта: история создания и изучения	11
Варфоломеев А.Ю. Опыт лечения и профилактики холеры в XIX веке (по материалам отчетов и публикаций врачей Саратовской губернии)	17
Леонов М.И. Организация и состав партии эсеров в начале XX в.	24
Дианова Е.В. Киноработа Самарского губернского союза потребительских обществ в 1926–1928-е годы	32
Чирков М.С. Проблемы экономической эффективности совхозов в 1940–1952 годах (по материалам раскритиченных архивных материалов)	40
Сухова О.А. Коммеморация в управленческих практиках советской элиты в 1960–1970-х гг. (на примере Пензенской области)	51
Губанова Т.С. Репрезентация моделей семейных отношений на страницах советских журналов конца 1960-х – 1970-х гг.	59
Кокорхова Д.С. Тенденции развития и основные аспекты языковой политики Советского государства в автономиях Северного Кавказа (1920-е – начало 1930-х гг.)	65
ПЕДАГОГИКА	
Ежков Д.О. Цифровая компетентность специалиста по управлению персоналом	74
Власова С.В. Оптимизация методов обучения студентов аэрокосмических специальностей технического переводу	78
Перминова О.М., Устинова Н.П., Трефилова Е.А. Наставничество в образовательном учреждении высшего образования	84
Данилова Т.В. Целевой подход к формированию профессиональной готовности будущих рабочих	91
Данько Ю.В. Совершенствование грамматической компетенции будущих учителей английского языка на основе аутентичных текстов	98
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Шамне Н.Л. Специфика объективации в немецком языке категорий социальной эксклюзии и социальной инклюзии (территориальный аспект)	104
Карпенко Л.Б., Дмитриева Т.В. Словообразовательные особенности лексики высокого стиля в лирике И.А. Бродского и А.А. Тарковского	114
Терещук А.А. Языковые средства создания образа антигероя в произведении В. Айгуалса де Иско «Тигр Маэстразго»	121
Исмаилова О.И. Фрустрационная vs провокационная стратегии: эффективность использования в период пандемии	129
Хадыева Т.В. Утрата звательного падежа и ее отражение в древнерусских и старорусских деловых памятниках письменности	137
Морозова А.Н., Караульщикова Ю.В. Дискурсивная реализация глагола would как маркера эпистемической модальности в англоязычном публицистическом тексте	144
Канашина С.В. Лингвокреативные словообразовательные приемы в политических антропонимах на материале англоязычных интернет-мемов	153
Асабина А.А. Реализация когнитивных моделей ситуаций посредством ФЕ в англоязычных статьях, посвященных культуре	160
Борисова Е.Б., Дайнеко М.В. Ритмико-синтаксическая организация средств создания образа вещного мира в оригинале и переводе романа В. Набокова «Машенька»	170
Пугачевская И.А. Фразеологическая номинация в терминосистеме международного права: семантико-когнитивный подход	177
Кучер В.В. Полиmodalный перцептивный образ и языковые средства его манифестации в англоязычном художественном тексте	186
Елизарьева М.А., Нагуманова В.А., Чигашева М.А., Гончарова Н.А. Демонстрация национальной идентичности политика при помощи культурно-маркированной лексики	195
РЕЦЕНЗИИ	
Кабытов П.С., Кабытова Н.Н. Рецензия на монографию: Широков Г.А. Военные годы Куйбышевского региона: 1941–1945: монография / науч. ред. В.И. Дорофеев, О.Н. Солдатова. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2022. 336 с.	205
Тюрин В.А., Леонов М.М. Рецензия на монографию: Кабытов П.С., Фёдорова Н.А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2023. 144 с.	212
Кучумова Г.В. Рецензия на монографию: Евграфкина Е. Семиотическая природа смысловой неопределенности в современном поэтическом дискурсе (на материале немецкоязычной и русскоязычной поэзии): NEUERE LYRIK. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Herausgegeben von Henrieke Stahl, Dmitrij Bak, Hermann Korte, Hiroko Masumoto und Stephanie Sandler. BAND 5. Berlin: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 173 S. ISBN 978-3-631-78193-7	217
Соловова Н.В. Рецензия на комплекс учебных пособий для магистров, ориентирующих на развитие навыков самостоятельной и исследовательской деятельности	221
<i>Требования к оформлению статей</i>	223

CONTENTS

<i>In memory of professor Antonina Alexandrovna Kharkovskaya</i>	8
HISTORY	
Lebedeva L.V., Stavitsky V.V. Penza serif line: history of creation and study	11
Varfolomeev A.Yu. Experience in the treatment and prevention of cholera in the XIX century (based on reports and publications of doctors of the Saratov province)	17
Leonov M.I. Organization and composition of the Socialist-Revolutionary Party at the beginning of the XX century	24
Dianova E.V. Film work of the Samara Provincial Community of Consumer Cooperatives in 1926–1928	32
Chirkov M.S. Problems of economic efficiency of state farms in 1940–1952 (based on materials of declassified archive materials)	40
Sukhova O.A. Commemoration in the management practices of the Soviet elite in the 1960–1970-ies (on the example of the Penza region)	51
Gubanova T.S. Representation of male and female family roles in Soviet magazines of the late 1960-ies – 1970-ies	59
Kokorkhoeva D.S. Development trends and main aspects of language policy of Soviet state in the autonomous regions of the North Caucasus (1920-ies – early 1930-ies)	65
PEDAGOGICS	
Ezhkov D.O. Digital competence of a human resource specialist	74
Vlasova S.V. Optimization of methods of teaching technical translation to aerospace engineering science students	78
Perminova O.M., Ustinova N.P., Trefilova E.A. Mentoring system in an educational institution of higher education	84
Danilova T.V. Target approach in the formation of future workers' professional readiness	91
Danko Yu.V. Improving the grammatical competence of future English teachers based on authentic texts	98
LINGUISTICS	
Shamne N.L. Specifics of objectification of the social exclusion, social inclusion categories (territorial aspect) in German	104
Karpenko L.B., Dmitrieva T.V. Derivational peculiarities of the high style vocabulary in the lyrics of I.A. Brodsky and A.A. Tarkovsky	114
Tereshchuk A.A. Linguistic means of creating the image of the anti-hero in W. Ayguals de Izco's novel «El Tigre del Maestrazgo»	121
Ismailova O.I. Frustration vs provocative strategies: the efficiency of use during a pandemic	129
Khadyeva T.V. Loss of the vocative case and its reflection in Old and Middle Russian monuments of business writing	137
Morozova A.N., Karaulshchikova Yu.V. Discursive realization of the verb «would» as a marker of epistemic modality in English publicistic text	144
Kanashina S.V. Linguocreative word-formation devices in political anthroponyms (the case of English internet memes)	153
Asabina A.A. Realization of cognitive models of situations through phraseological units in English-language articles on culture	160
Borisova E.B., Daineko M.V. Rhythmic and syntactic structure of means to create material world image in V. Nabokov's novel «Машенька» and its English translation «Mary»	170
Pugachevskaya I.A. Phraseological nomination in the terminological system of international law: semantic cognitive approach	177
Kucher V.V. Multimodal perceptual image and linguistic means of its manifestation in an English-language literary text	186
Yelizaryeva M.A., Nagumanova V.A., Chigasheva M.A., Goncharova N.A. Demonstration of the politician's national identity with the help of culture-bound elements	195
REVIEWS	
Kabytov P.S., Kabytova N.N. Review of the monograph: Shirokov G.A. War years of Kuibyshev region: 1941–1945: monograph. V.I. Dorofeev, O.N. Soldatova (Eds.). Samara: OOO «Nauchno-tehnicheskii tsentr», 2022, 336 p.	205
Tyurin V.A., Leonov M.M. Monograph review: Kabytov P.S., Fedorova N.A. Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: personality and time. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2023, 144 p.	212
Kuchumova G.V. Review of the monograph: Evgrashkina E. The semiotic nature of semantic uncertainty in modern poetic discourse, based on the material of German and Russian poetry. NEUERE LYRIK. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Herausgegeben von Henrieke Stahl, Dmitrij Bak, Hermann Korte, Hiroko Masumoto und Stephanie Sandler. BAND 5. Berlin: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 173 S. ISBN 978-3-631-78193-7	217
Solovova N.V. Review of a set of textbooks for masters, focusing on the development of independent and research skills	221
<i>Requirements to the design of articles</i>	223

Харьковская Антонина Александровна,
кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии,
основатель научной школы англистики в г. Самаре

**ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ХАРЬКОВСКОЙ**

**IN MEMORY OF PROFESSOR
ANTONINA ALEXANDROVNA KHARKOVSKAYA**

21 июля 2023 года кафедра английской филологии Самарского университета, Социально-гуманитарный институт и весь лингвистический мир Самарского региона понесли невосполнимую утрату – ушла из жизни кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Антонина Александровна Харьковская. Именно она стояла у истоков развития англистики в Куйбышеве / Самаре. Она создала свою научную школу и сделала ее известной не только в пределах Российской Федерации, но и далеко за рубежом.

Антонина Александровна родилась 17 марта 1940 года в городе Куйбышеве в семье потомственных интеллигентов. В 1964 году она с отличием окончила Куйбышевский педагогический институт, а затем – с 1969 по 1972 г. – обучалась в очной аспирантуре при кафедре английской филологии МГПИ им. В.И. Ленина в Москве. В 1973 году она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сопоставительный анализ семантической структуры и сочетаемости группы однокоренных английских и французских прилагательных положительной оценки» по специальности 10.02.04 – Германские языки и получила степень кандидата филологических наук. В 2005 году ей было присвоено ученое звание «профессор».

Административно-педагогическую деятельность Антонина Александровна начала в стенах своей *alma mater* – в 1976 году ее избрали заведующей кафедрой английского языка в Куйбышевском государственном педагогическом институте. Спустя два года, в 1978 г., ректорат пригласил ее в Куйбышевский (впоследствии Самарский) государственный университет, где она создала кафедру английской филологии, которой руководила в течение 32 лет. Пребывая в этой должности, Антонина Александровна сумела создать прекрасный коллектив увлеченных единомышленников и профессионалов и заложила высочайшие стандарты педагогического мастерства. Благодаря этому кафедра английской филологии приобрела репутацию одного из лучших выпускающих подразделений Поволжского региона, осуществляющего подготовку специалистов в области преподавания, перевода, а также теоретического осмысления различных аспектов функционирования английского языка.

Выпускники кафедры успешно трудятся в вузах Самары, Оренбурга, Москвы, активно работают в зарубежных университетах, а также в крупных российских и международных компаниях в США, Канаде, Индии, Дании, Великобритании и в других странах. Они неизменно подтверждают высочайший уровень академизма и соответствие мировым образовательным стандартам, которые были приняты Антониной Александровной в качестве ориентира в стенах вверенного ей подразделения.

При этом высочайший педагогический профессионализм был не единственным фокусом интересов кафедры английской филологии. Огромное внимание Антонина Александровна уделяла развитию ее научного потенциала. За свою более чем полувековую трудовую деятельность профессор А.А. Харьковская создала в Самарском университете научную школу, которая плодотворно разрабатывает вопросы теории и практики современной англоязычной коммуникации. Спектр исследуемых лингвистических проблем отличается неизменной социальной востребованностью и широтой диапазона. Он включает различные аспекты семантики и прагматики речевых единиц в рамках англоязычного учебного, научного, делового, медийного и художественного дискурсов. Профессор А.А. Харьковская подготовила 27 кандидатов филологических наук, которые, следуя примеру своего любимого наставника, не прекращают научные изыскания с завершением работы над диссертацией. В частности, результаты исследований, проведенных под руководством Антонины Александровны, послужили основой для трех докторских диссертаций.

Творческий почерк Антонины Александровны и выполненных под ее руководством работ неизменно отличают два главных свойства: фундаментальность и актуальность, базирующая-

ся на применении современного методологического инструментария и новейших разработок в области филологической науки. Именно умение сочетать традиции и инновации, а также широчайший лингвистический кругозор позволили Антонине Александровне успешно сотрудничать в качестве члена редколлегии уважаемых научных журналов из списка, рекомендованного ВАК РФ («Вестник Самарского университета», «Дискурс профессиональной коммуникации», «Вопросы прикладной лингвистики»), а также авторитетного научного издания, публикуемого за рубежом (*Russian Journal of Communication*).

Научная школа, созданная профессором А.А. Харьковской, известна далеко за пределами Самарского региона. Это стало возможным во многом благодаря обширным связям, которые Антонина Александровна поддерживала с ведущими лингвистами – представителями ведущих вузов Российской Федерации: МГУ, МГИМО, РУДН, МГПУ, БелГУ, ВГСПУ и др.

Антонина Александровна является автором более 300 публикаций по проблемам дискурсологии, коммуникативистики, когнитивистики, функциональной стилистики. Ее научные труды широко известны в нашей стране и далеко за ее пределами, многие из них являются классикой филологической науки. На протяжении всей своей профессиональной деятельности она принимала активное участие в работе диссертационных советов по филологическим наукам в крупнейших вузах страны в Москве, Самаре, Казани, Белгороде, Волгограде, Оренбурге и многих других университетских центрах.

В течение нескольких десятков лет Антонина Александровна входила в состав Президиума Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию. Она принимала участие в разработке образовательных стандартов, чем внесла деятельный вклад в развитие высшего филологического образования в масштабах Российской Федерации.

Профессор А.А. Харьковская оставила яркий след в душе тех, кто ее знал, как блестящий педагог, выдающийся исследователь и общественный деятель. Память о ней всегда будет жить в сердцах ее коллег и учеников.

Редакционная коллегия журнала
«Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология»
Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology»
Кафедра английской филологии

Editorial Board of the journal
«Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiiia»
Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology»
Department of English Philology

ИСТОРИЯ HISTORY

DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-3-11-16

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930

Дата поступления: 11.04.2023
рецензирования: 19.05.2023
принятия: 25.08.2023

Пензенская засечная черта: история создания и изучения

Л.В. Лебедева

Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Российская Федерация

E-mail: lebedevalv@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0641-6600>

В.В. Ставицкий

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация

E-mail: stawiczky.v@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>

Аннотация: Статья посвящена истории изучения Пензенской засечной черты, которая насчитывает более двух с половиной столетий, но до сих пор не становилась предметом историографического анализа. В ее изучении можно выделить три основных этапа. Интерес к укреплениям засечной черты проявился в последнюю четверть XVIII в., когда информация о них попадает на страницы записок путешественников и писателей: П.С. Палласа, П.И. Сумарокова. Со второй половины XIX в. сбором архивных документов о Пензенской засечной линии начинают заниматься архивисты и краеведы. Их усилия были направлены на локализацию земляных валов, установление времени создания воинских поселений, публикацию текста древних актов. Наряду с документами они использовали данные легенд и местных преданий. Начало второго этапа относится к середине XX в., когда исследование Пензенской засечной черты приобрели систематический характер. Основным ее исследователем становится В.И. Лебедев. Помимо широкого использования архивных данных, он обращается к проведению полевых исследований, которые позволили восполнить пробелы, имеющиеся в документах, утраченных в результате пожаров архивов приказа Казанского дворца. Большая работа по поиску древних актов была проделана пензенскими архивистами и краеведами: Г.В. Ереминым, С.Л. Шишловым и В.М. Шаракиным – при подготовке издания «Город-крепость Пенза» по поручению второго секретаря Пензенского обкома КПСС Г.В. Мясникова. В результате общих усилий укрепления Пензенской черты были локализованы на местности, установлены точные даты их строительства, определен состав служивых людей. Итоги исследований были подведены в двух изданиях монографии В.И. Лебедева 1986 и 2006 гг. На современном этапе изучение оборонительных сооружений засечной черты ведется в основном с помощью археологических методов, но их результаты достаточно скромные.

Ключевые слова: Пензенская засечная черта; оборонительная линия; Пензенский край; историография; сторожевая служба.

Цитирование. Лебедева Л.В., Ставицкий В.В. Пензенская засечная черта: история создания и изучения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 11–16. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-11-16>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Лебедева Л.В., Ставицкий В.В., 2023

Лариса Витальевна Лебедева – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет, 440039, Российская Федерация, г. Пенза, проезд Байдукова/ул. Гагарина, 1а/11.

Владимир Вячеславович Ставицкий – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и обществознания, Пензенский государственный университет, 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.04.2023
Revised: 19.05.2023
Accepted: 25.08.2023

Penza serif line: history of creation and study

L.V. Lebedeva

Penza State Technological University, Penza, Russian Federation

E-mail: lebedevalv@list.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0641-6600>

V.V. Stavitsky

Penza State University, Penza, Russian Federation

E-mail: stawiczky.v@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>

Abstract: The article is dedicated to the history of the study of the Penza fortress line, which accounts for more than two and a half centuries, but has not yet become the subject of historiographical analysis. There are three main stages can be distinguished in the study. The interest to the fortifications of the saddle line appeared in the last quarter of the XVIII century, when the information about them appeared in the notes of travelers and writers: P.S. Pallas, P.I. Sumarokov. Since the second half of the XIX century archivists and regional ethnographers began to collect archival documents on the Penza fortification line. Their efforts were aimed at localizing the earth ramparts, establishing the time of creation of military settlements, and publishing the texts of ancient acts. Along with documents, they used the data of legends and local legends. The beginning of the second stage refers to the middle of the XX century, when the studies of the Penza fortification line acquired a systematic character. V.I. Lebedev becomes its main researcher. Along with a wide use of the archival data, he turned to the field research, which allowed to fill the gaps in the documents, lost as the result of fires in the archives of the Prikaz Kazan Palace. Great work in search of the ancient acts was carried out by Penza archivists and local historians: G.V. Eremin, S.L. Shishlov and V.M. Sharakin in publication's preparation: «The Fortress-City of Penza», by order of the Second Secretary of Penza Regional Committee of the CPSU G.V. Myasnikov. As a result of common efforts, the fortifications of the Penza Line were localized on the ground, the exact dates of their construction were established, and the composition of the servicemen was determined. The results of the research were summarized in the two editions of V.I. Lebedev's monographs of 1986 and 2006. At present the studies of fortifications of serfdom are carried out mainly by archaeological methods, but their results are rather modest.

Key words: Penza serif line; defensive line; Penza region; historiography; guard service.

Citation. Lebedeva L.V., Stavitsky V.V. Penza serif line: history of creation and study. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 11–16. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-11-16>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Lebedeva L.V., Stavitsky V.V., 2023

Larisa V. Lebedeva – Candidate of Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Translation and Translation Studies, Penza State Technological University, 1a/11, Baidukova Passage/Gagarina Street, Penza, 440039, Russian Federation.

Vladimir V. Stavitsky – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of General History and Social Science, Penza State University, 40, Krasnaya Street, Penza, 440026, Russian Federation.

Введение

«Засечные черты» – уникальные памятники русского военно-инженерного искусства, получившие особое развитие в XVI–XVII вв. Созданные трудом многих тысяч часто безымянных и безызвестных «деловцев», они и поныне восхищают воображение современников. Строительство оборонительных линий в XVI–XVII вв. сыграло важную роль во внешней и внутренней политике Российского государства. Их сооружение позволило обезопасить и заселить южные и юго-восточные окраины государства. Одним из центральных участков этой оборонительной линии являлась территория Пензенского края, через которую проходили дороги из Крымского ханства и Ногайской орды. Строительство Пензенской засечной черты было связано с ухудшением положения на юго-восточной окраине государства. В 1640-х гг. участились разорительные набеги ногайцев и крымских татар на пограничные земли, что побудило царя Алексея Михайловича издать в 1645 г. указ, по которому было велено «по черте устроить прибавочные города и населить большим многолюдством, и земляной вал устроить больше прежнего... также надолбы большия и стоялые острожки частые и лесные завалы и иныя многия крепости, какие доведется» [Лебедев 1986, с. 35]. Царский указ о постройке новой черты был выполнен. На территории Пензенского края в 1636–1648 гг. были построены Керенская, Верхнеломовская, Нижнеломовская, Инсаро-Потижская и Саранско-Атемарская, а в 1676–1680 гг. Пензенская засечные черты.

Трудность в изучении засечных черт XVI–XVIII вв., как в целом истории Поволжья, состоит в том, что документы местных архивов и центрального – архива приказа Казанского двора сгорели во время многочисленных пожаров. В связи с этим большое значение имеют полевые исследования.

Основная часть

Интерес к засечным чертам Поволжья проявился во второй половине XVIII в., когда информация о них попала на страницы сочинений путешественников, членов Петербургской академии наук. Первое упоминание о Пензенской засечной черте содержится в книге П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства». При описании Симбирской засечной черты им было указано, что она укреплена лучше, чем Пензенская: «Не доезжая верст пять до Симбирска, находится проведенная от Суры до Волги при Великом царе Алексее Михайловиче линия, которая здесь состоит из превысокого вала и глубокого рва, и гораздо знатнее, нежели проведенная от Суры в западную сторону» [Паллас 1773, с. 128–128].

Упоминание о засечном вале, идущем от г. Пензы до г. Саранска, содержится у П.И. Сумарокова в книге «Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году». В ней же им было высказано предположение, что для дозорных целей могли использоваться и находящиеся в окрестностях засечной черты курганы [Сумароков 1839, с. 18, 153].

В 1855 г. членом Археографической комиссии Н.В. Калачевым были выявлены архивные данные, согласно которым Пензенская засечная черта была проведена в 1677 году, после чего: «Инсарская черта стала в Пензенском валу». Объясняя данное заключение, Н.В. Калачев отмечал, что, в каком направлении была проведена Пензенская черта, ему неизвестно. «Есть ясные указания, что она шла от Пензы на запад сначала к Мокшану (почему нынешнее селение Рамзай, находящееся в 24 верстах от Пензы на Мокшанской почтовой дороге, было одним из острогов Пензенской черты), потом к Верхнему Ломову. Но как шла она с другой стороны от Пензы? По всей вероятности, на север к Саранску или Корсуни, ибо только в таком случае Пензенская черта могла оказаться внутри черты Пензенской или быть в Пензенском валу» [Калачев 1855, с. 69].

Более подробная информация о Пензенской засечной черте была изложена членом-корреспондентом Московского археологического общества Н.П. Горожанским в «Материалах для археологии России по губерниям и уездам». Им были описаны замеры участков засечного вала по линии: д. Терновка – г. Пенза – с. Рамзай – г. Мокшан – граница Наровчатского уезда, а также сохранившиеся остатки укреплений в г. Мокшане, состоящие из четырехугольного вала длиной 30 и шириною 20 сажней [Горожанский 1884, с. 60–61].

В 1893 г. вышла статья Ф. Чекалина «К истории построения Пензенского сторожевого вала», где им были опубликованы архивные данные о его создании: «В 1676 г. по указу царя Федора Алексеевича стольнику и воеводе князю Прохору Долгорукову было велено от города Пензы до Ломовской засеки для приходу воинских людей (ордынцев) сделать вал и острожки и поселить слободы». Однако данные работы не были завершены, и на следующий год продолжить строительство засечной черты было поручено саранскому воеводе Павлу Языкову, в помощь которому должны были пригласить рабочих людей воеводы Инсара, Ядрина и Курмышы: «с пяти дворов по человеку».

В 1898 г. была издана «Строельная книга города Пензы» с предисловием В. Борисова, где на основе сравнения текста книги с описанием Пензы подполковника Свечина 1765 года было сделано предположение, что город был основан воеводой Е.П. Лачиновым в 1664 году, а на следующий год его жители были наделены землей. Им же был отмечен необычный факт, что среди переселенцев значительную категорию составляли ссыльные люди («за воровское денежное дело» [Борисов 1898, с. 5–7]).

В 1903 г. В.Х. Хохряковым в статье «О сторожевых чертах в Пензенской губернии» были обобщены архивные данные о Пензенской засечной черте. В ней была описана предыстория ее создания, берущая свое начало от Мещерских сторожей, одна из которых располагалась во впадении в р. Суру р. Шукши. В.А. Хохряков пришел к выводу, что

в 1681 г. князем Козловским на Пензенской засечной черте был основан г. Городище на р. Юлове, а в 1684 г. она была доведена до реки Волги [Хохряков 1903, с. 15].

В 1922 г. А.Л. Хвощевым по материалам «Строельной книги города Пензы» был проанализирован процесс строительства крепости Пенза и линии военных поселений в левобережной долине р. Суры, протянувшихся от Пензы на север до деревни Вяяс. По мнению А.Л. Хвощева, эти слободы, заселенные поверстанными в военную службу казаками, должны были затруднить кочевникам организацию набегов по так называемой Ногайской дороге, проходившей по степному коридору между Сурским и Мокшанским лесами.

В 1955 г. краеведом С.П. Петровым было высказано предположение, что земляной вал шел на север от г. Пензы до Пензятской слободы [Петров 1955, с. 18].

Новый этап в изучении Пензенской засечной черты связан с научной деятельностью В.И. Лебедева, для которого в середине 1950-х годов эта тема стала одной из основных. Исследование засечных черт он начал с изучения историографии проблемы и знакомства с архивными документами, а затем перешел к проведению полевых изысканий. Первые полевые работы были проведены им в июле 1955 г. на участке Пенза – Мокшан. Для того чтобы правильно делать замеры и переносить их на карту, к исследованиям был привлечен профессиональный геодезист, который познакомил с методикой проведения геодезических изысканий. В 1957 г. на историко-филологическом факультете Пензенского государственного педагогического института был создан историко-краеведческий кружок, члены которого приступили к систематическим полевым исследованиям засечных черт. До середины 1970-х годов экспедиции в основном носили пеший характер, позже стал использоваться транспорт. В ходе обследований делались необходимые замеры, описания, фотографии, составлялись схемы и чертежи разрезов остатков валов и острогов. Затем полученные данные наносились на крупномасштабные карты, а с них уже на карты с меньшим масштабом. Первые результаты исследований были опубликованы в местной периодической печати и научно-популярном издании «Книга для чтения по истории родного края» [Лебедева 2012].

В 1973 г. В.И. Лебедевым для «Очерков истории Пензенского края» был написан раздел «Заселение и оборона края», где им были обобщены сведения по Пензенской засечной черте. Им было выдвинуто предположение, что в 50-х годах XVII века при впадении реки Пензы в Суру был построен Черкасский острог, а в начале 60-х годов сюда прибыла специальная комиссия, которая определила место закладки города-крепости Пензы [Лебедев 1973, с. 24–25].

В начале 1980-х гг. вторым секретарем Пензенского обкома КПСС была начата работа «Го-

род-крепость Пенза», к сбору документальных данных для которой были привлечены пензенские архивисты и краеведы Г.В. Еремин, С.Л. Шишлов, В.М. Шаракин и др. Опираясь на выявленные ими документы, Г.В. Мясников пришел к выводу, что строительство г. Пензы было поручено Ю.Е. Котранскому в мае 1663 г. Черкасского острога на месте основания Пензы ранее не существовало, и он был отстроен в качестве опорного пункта непосредственно перед строительством основной крепости. Также Г.В. Мясниковым было оспорено утверждение С.П. Петрова о том, что засечный вал был проложен от г. Пензы к Пензятской слободе [Мясников 1984, с. 33, 41, 125].

В центральном архиве было выявлено описание Пензенской засечной черты 1723 года, согласно которому вал начинался у озера Долгого и далее шел к р. Пензе, прикрывал город с севера, после чего переходил в засеку и затем поворачивал на Рамзай и Мокшан, примыкая далее к засечному лесу, который соединял его с укреплениями Керенско-Ломовской черты. В документе была указана общая протяженность вала, равная 15 793 сажням [Мясников 1984, с. 134–140]. В Ленинградском архиве была обнаружена ландкарта Пензенской провинции 1730 г., составленная геодезистом И. Бровцыным. Засечная черта была показана на ней единой линией, которая брала свое начало у Суры чуть выше села Засечного, далее прикрывала Пензу с юго-востока, а затем шла на Мокшан и далее до села Симбухова. В архивном документе 1735 года на чертежах были зафиксированы разрезы укреплений. Ров в среднем имел глубину около 2 сажень, ширину – 6 сажень, а вал – высоту 1,5 сажени, а ширину в подошве около 6 сажень [Мясников 1984, с. 140].

В 1986 г. была издана монография В.И. Лебедева, в которой им были изложены результаты тридцатилетних полевых исследований и работы в архивах. До выхода этой книги в пензенской краеведческой литературе бытовало представление, что с постройкой крепости Пензы в 1663 г. на север от города по Сурской долине была проведена оборонительная черта, состоящая из земляных укреплений. Согласно выявленным В.И. Лебедевым архивным документам, пространство к северу от Пензы представляло «дикое поле ковыла». Через степь пролегла Саранская дорога, по которой отходили Ломовская, Инсарская и Атемарская. Этот «проходной» участок степной территории истари охранялся сторожами и станичниками. С постройкой крепости Пензы здесь были созданы поселения – слободы, которые составляли Пензенскую сторожевую линию, однако валов, рвов и засек здесь не было [Лебедев 1986, с. 94].

В.И. Лебедевым также было доказано, что земляных укреплений не было и на участке между Пензой и Налуевским городищем. Полевые исследования не выявили их следов на данной территории. Кроме того, В.И. Лебедевым были обнаружены архивные документы 1681 г. об осмотре

Пензенской черты и строительстве Налуевского городища. В них говорилось: «А за рекою Сурую большой Сурский лес, а в нем черты и деревянных и земляных крепостей... не бывало, и ныне нет...» [Лебедев 1986, с. 109]. «В прошлом по 189 (1681) г. по указу блаженной памяти великого государя по грамоте и по челобитью саранских казаков Васьки Холопова с товарищи послан ис Саранска на Пензенскую черту за реку Суру Петр Митков на Налуево городище описывать того городища и около того лежащие, и разыскать всякими сыски накрепко наперед сего то городище в дачу в поместья и в вотчину кому дано» [Лебедев 1989, с. 108]. Из его содержания стало ясно, что данное городище относилось к Пензенской черте. Это имело важное значение, поскольку на исторических картах Налуевское городище ошибочно причислялось к Сызранской черте (которой не существовало). Термин «Сызранская черта» появился только в XIX в. и первым его применил К. Новоструев. В.И. Лебедевым было доказано, что указ о строительстве новой черты был, но построена она не была. Были четко определены конечные пункты намечавшей к строительству укрепленной линии: «Казачьи горы» на Волге и «Тураево городище» у Суры; вымерено расстояние – 70 верст 342 сажени (75,4 км); дана разрядка о количестве деловцев и служилых людей; начато строительство, однако за ним последовал новый указ, и строительство было приостановлено [Лебедев 1985; Лебедев 1990; Лебедев 1993].

В 2006 г. монография В.И. Лебедева была переиздана и дополнена иллюстративными материалами, которых из-за вынужденной экономии «листажа» не было в ее первом издании. В нее были включены карты военных поселений и земляных укреплений Пензенской засечной черты, фотографии и чертежи валов, а также добавлен ряд вышедших позже 1986 г. статей, в том числе публикация, посвященная Пензенской засеке [Лебедев 2006].

В последние годы к исследованиям Пензенской засечной черты обратились археологи. В 2011 году Г.Н. Белорыбкиным был обследован участок вала, расположенный у д. Пяша Мокшанского района Пензенской области. В разрезе вала, разрушенном при строительстве газопровода, были выявлены следы деревянных внутривальных конструкций. В ходе обследования были установлены параметры вала: высота – 2,4–2,5 м, ширина – 9 м. С двух сторон вала расположены рвы, из которых брали землю для насыпи. На карте, приложенной к статье, Пензенская засечная черта была показана как часть Сызранской черты, проведенная сплошной линией от Самарской Луки до верхнего течения р. Мокши [Белорыбкин 2012], что не соответствовало действительности.

В 2014 г. археологической экспедицией Марийского государственного университета в том же районе были проведены раскопки на площади 800 кв. м. В результате исследований было установлено, что максимальная высота сохранившейся насыпи вала

от уровня материковой глины составляла 277 см. Строительным материалом для вала служили черnozем и материковая глина, полученная при рытье рва. Была зафиксирована внутривальная конструкция, состоявшая из горизонтальных рядов плах и бревен длиной 120–200 см. Было установлено, что при возведении вала использовались достаточно простые внутривальные конструкции, которые позволяли не осыпаться насыпи и сохранять крутизну ее склона. Находок каких-либо предметов XVII в. в раскопе сделано не было [Вихляев, Данилов, Зеленева 2015, с. 103–108].

Заключение

Таким образом, в изучении Пензенской засечной черты можно выделить три основных этапа. Первый этап охватывает последнюю четверть XVIII – первую половину XX вв. В это время появляются первые фрагментарные описания земля-

ных укреплений засечной черты, архивистами и краеведами ведется поиск документов о ее создании. Исследователи используют не только архивные документы, но данные легендарного характера. Второй этап (1955–1995 гг.) в основном связан с деятельностью В.И. Лебедева, который помимо широкого использования архивных материалов обращается к проведению полевых исследований, приводит собранные им сведения в единую стройную систему. Существенный вклад в изучение проблемы был внесен Г.В. Мясниковым, которым была организована масштабная работа по выявлению архивных документов. В результате оборонительные укрепления черты были локализованы на местности, установлены точные даты их строительства. На современном этапе исследования Пензенской засечной черты ведутся в основном с использованием археологических методов, но их результаты достаточно скромные.

Библиографический список

- Белорыбкин 2012 – *Белорыбкин Г.Н.* Засечные черты – Великая русская стена // Вояджер: мир и человек. 2012. № 3. С. 104–107. URL: <https://byelorybkin.edu-penza.ru/zasechnye-cherty-velikaya-russkaya-stena>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29026669>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yleypl>.
- Борисов 1898 – *Борисов С.* Строельная книга города Пензы. Москва: Университетская типография, 1898. 59 с. URL: <https://dl.liblermont.ru/DL/September%2014/Stroelnaya.pdf/download/Stroelnaya.pdf>.
- Вихляев, Данилов, Зеленева 2015 – *Вихляев В.И., Данилов П.С., Зеленева Ю.А.* Оборонительный вал Пензенской засечной черты (по данным исследований 2014 г.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3 (35). С. 103–108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24307011>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ulxrej>.
- Горожанский 1884 – *Горожанский Н.П.* Материалы для археологии России по губерниям и уездам. Вып. 1. Москва: Тип. А.А. Карцева, 1884. 111 с. URL: <https://litbit.ru/ru/gorozhanskiy-n/materialy-dlya-arkheologii-rossii-poguberniyam-i-uezdam-vyp-1?page=1>.
- Калачев 1855 – *Калачев Н.В.* Заметки об Инсаре и его уезде // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России: Кн. 1–3. Кн. 2. Москва, 1855. С. 37–96. URL: https://vk.com/wall-57460169_6073.
- Лебедев 1973 – *Лебедев В.И.* Пензенский край во второй половине XVI – XVII века // Очерки истории Пензенского края. Пенза: Приволж. кн. изд-во. Пензенское отделение, 1973. С. 18–41.
- Лебедев 1985 – *Лебедев В.И.* Из истории правительственной колонизации Среднего Поволжья в конце XVII в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 54–60.
- Лебедев 1986 – *Лебедев В.И.* Легенда или быль: По следам засечных сторожей. Саратов: Приволж. кн. изд-во. Пензенское отделение, 1986. 136 с.
- Лебедев 1990 – *Лебедев В.И.* К вопросу о так называемых Сенгилеевской и Сызранской чертах XVII в. // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. II. С. 113–129.
- Лебедев 1993 – *Лебедев В.И.* Пензенская «Засека» // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. IV. Пенза, 1993. С. 76–86.
- Лебедев 2006 – *Лебедев В.И.* Легенда или быль: По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. 125 с. URL: https://vk.com/wall-86702529_9321.
- Лебедева 2012 – *Лебедева Л.В.* Ученый и краевед. К 80-летию со дня рождения профессора В.И. Лебедева // Шестые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Можайск, 1–21 июня 2012 г.). Москва, 2012. С. 159–167. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25850541>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtrwlt>.
- Мясников 1984 – *Мясников Г.В.* Город-крепость Пенза. Саратов: Приволж. кн. изд-во. Пенз. отделение, 1984. 229 с. URL: <http://www.penzahroniki.ru/index.php/khroniki/143-gorod-krepost-penza>.
- Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Санкт-Петербург, 1773. URL: <https://runivers.ru/lib/book4739/58492>.
- Петров 1955 – *Петров С.П.* Пенза. Краткий исторический очерк. Пенза: Пензенское издательство, 1955. 206 с.
- Сумароков 1839 – *Сумароков П.И.* Прогулка по 12-ти губерниям с историческими, статистическими замечаниями в 1838 г. Санкт-Петербург: Тип. А. Сычева, 1839. 333 с. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/217576>.

Хохряков 1903 – *Хохряков В.Х.* О сторожевых чертах в Пензенской губернии // Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Пенза, 1903. С. 1–41. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_93772310-f71b-4208-b05d-d14ee339b6e4_126398.

References

Belorybkin 2012 – *Belorybkin G.N.* (2012) Defence line – Great Russian wall. *Voyadzher: mir i chelovek*, no. 3, pp. 104–107. Available at: <https://byelorybkin.edu-penza.ru/zasechnye-cherty-velikaya-russkaya-stena>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29026669>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yleypl>. (In Russ.)

Borisov 1898 – *Borisov S.* (1898) Construction book of the city of Penza. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 59 p. Available at: <https://dl.liblrmont.ru/DL/September%2014/Stroelnaya.pdf/download/Stroelnaya.pdf>. (In Russ.)

Vikhlyaev, Danilov, Zeleneev 2015 – *Vikhlyaev V.I., Danilov P.S., Zeleneev A.Yu.* (2015) Defensive earthwork of the Penza abates line (according to research works of 2014). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, no. 3 (35), pp. 103–108. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24307011>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ulxrej>. (In Russ.)

Gorozhansky 1884 – *Gorozhansky N.P.* (1884). Materials for the archeology of Russia by provinces and districts. Issue 1. Moscow: Tip. A.A. Kartseva, 111 p. Available at: <https://litbit.ru/ru/gorozhanskiy-n/materialy-dlya-arkheologii-rossii-poguberniyam-i-uezdam-vyp-1?page=1>. (In Russ.)

Kalachev 1855 – *Kalachev N.V.* (1855) Notes on Insar and its district. In: *Archive of historical and legal information relating to Russia: Books 1–3. Book 2.* Moscow, pp. 37–96. Available at: https://vk.com/wall-57460169_6073. (In Russ.)

Lebedev 1973 – *Lebedev V.I.* (1973) Penza region in the second half of the XVI–XVII century. In: *Essays on the history of the Penza region.* Penza: Privolzh. kn. izd-vo. Penzenskoe otделение, pp. 18–41. (In Russ.)

Lebedev 1985 – *Lebedev V.I.* (1985) From the history of government colonization of the Middle Volga region at the end of the XVII century. In: *Government policy and class struggle in Russia during the period of absolutism.* Kuibyshev, pp. 54–60. (In Russ.)

Lebedev 1986 – *Lebedev V.I.* (1986) Legend or true story: In the footsteps of the security guards. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo. Penzenskoe otделение, 136 p. (In Russ.)

Lebedev 1990 – *Lebedev V.I.* (1990) To the question of the so-called Sengileevsky and Syzran lines of the XVII century. In: *From the history of the region. Essays of local historians.* Penza, issue II, pp. 113–129. (In Russ.)

Lebedev 1993 – *Lebedev V.I.* (1993) Penza «Zaseka». In: *From the history of the region. Essays of local historians.* Penza, issue IV. Penza, pp. 76–86. (In Russ.)

Lebedev 2006 – *Lebedev V.I.* (2006) Legend or true story: In the footsteps of the security guards. Penza, 125 p. Available at: https://vk.com/wall-86702529_9321. (In Russ.)

Lebedeva 2012 – *Lebedeva L.V.* (2012) The scientist and local historian. The 80th anniversary of birthday of professor V.I. Lebedev. In: *Sixth All-Russian local history readings (Moscow–Mozhaisk, June 1–21, 2012).* Moscow, pp. 159–167. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25850541>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtrwlt>. (In Russ.)

Myasnikov 1984 – *Myasnikov G.V.* (1984) Fortified city of Penza. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo. Penz. otделение, 229 p. Available at: <http://www.penzahroniki.ru/index.php/khroniki/143-gorod-krepost-penza>. (In Russ.)

Pallas 1773 – *Pallas P.S.* (1773) Traveling through different provinces of the Russian state. Saint Petersburg, Part 1, 786 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book4739/58492>. (In Russ.)

Petrov 1955 – *Petrov S.P.* (1955) Penza. Brief historical essay. Penza: Penzenskoe izdatel'stvo, 206 p. (In Russ.)

Sumarokov 1839 – *Sumarokov P.I.* (1839) A walk through 12 provinces with historical and statistical notes in 1838. Saint Petersburg: tip. A. Sycheva, 333 p. Available at: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/217576>. (In Russ.)

Khokhryakov 1903 – *Khokhryakov V.Kh.* (1903) On watchdog lines in the Penza province. In: *Proceedings of the Penza Scientific Archival Commission.* Book 1. Penza, pp. 1–41. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_93772310-f71b-4208-b05d-d14ee339b6e4_126398. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47).083

Дата поступления: 18.05.2023
рецензирования: 20.06.2023
принятия: 25.08.2023

Опыт лечения и профилактики холеры в XIX веке (по материалам отчетов и публикаций врачей Саратовской губернии)

А.Ю. Варфоломеев

Муниципальное учреждение культуры «Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского», г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: varfolomeev-alexandr@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4115-274X>

Аннотация: Статья посвящена изучению медицинской практики и методов лечения, применявшихся саратовскими врачами в борьбе с эпидемиями холеры в XIX веке. Актуальность проведенного исследования определяется повышенным интересом широких слоев российского общества и представителей властных структур к поиску эффективных практик в лечении и противодействии распространению опасных инфекционных заболеваний (к их числу относятся и холера). Эпидемии и пандемии инфекционных болезней представляют серьезную потенциальную опасность жизни и здоровью людей, а также создают повышенную рискогенность и социально-экономические угрозы современному человечеству. Эти вызовы актуализируют обращение к избранной теме. В данной статье рассматривается многоаспектная проблема, касающаяся способов и методов лечения, которые применяли врачи в борьбе с наводящим ужас и самым смертоносным заболеванием того времени – холерой. Данная проблематика рассматривается на примере эпидемий холеры 1847 и 1892 гг. и борьбы с ними на территории Саратовского Поволжья. Основной исследовательский ракурс сосредоточен на анализе выявленных автором архивных источников – дневников саратовских врачей, на страницах которых они не только представляли официальный отчет губернской врачебной управе, но и делились опытом лечения больных холерой. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что в результате многолетней медицинской практики городских и уездных врачей Саратовской губернии, а также обобщения эмпирических материалов на основе их дневниковых записей вырабатывались оптимальные решения по профилактике и борьбе с эпидемиями холеры, а вместе с тем постепенно формировались и общие методики лечения больных холерой в XIX веке не только на территории Саратовского Поволжья, но и по всей стране.

Ключевые слова: холера; народные лечебники; методы лечения; саратовские врачи; дневники (отчеты).

Цитирование. Варфоломеев А.Ю. Опыт лечения и профилактики холеры в XIX веке (по материалам отчетов и публикаций врачей Саратовской губернии) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology, 2023. Т. 29, № 3. С. 17–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-17-23>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Варфоломеев А.Ю., 2023

Александр Юрьевич Варфоломеев – старший научный сотрудник по хранению музейных предметов, отдел фондов, Муниципальное учреждение культуры «Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского», 410002, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Чернышевского, 142.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.05.2023
Revised: 20.06.2023
Accepted: 25.08.2023

Experience in the treatment and prevention of cholera in the XIX century (based on reports and publications of doctors of the Saratov province)

A.Yu. Varfolomeev

Municipal Cultural Institution «Museum-Estate of N.G. Chernyshevsky», Saratov, Russian Federation
E-mail: varfolomeev-alexandr@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4115-274X>

Abstract: The article is devoted to the study of medical practice and treatment methods used by Saratov doctors in the fight against cholera epidemics in the XIX century. The relevance of the study is determined by the increased interest of the broad strata of Russian society and representatives of government structures in the search for effective practices in the treatment and counteraction to the spread of dangerous infectious diseases (including cholera). Epidemics and pandemics of infectious diseases pose a serious potential danger to human life and health, as well as create increased risk and socio-economic threats to modern humanity. These challenges actualize the appeal to the chosen topic. This article discusses a multidimensional problem concerning the methods of treatment that doctors used in the fight against the terrifying and deadliest disease of that time – cholera. This problem is considered on the example of the cholera epidemics of 1847 and 1892 and the fight against them on the territory of the Saratov Volga region. The main research perspective is focused on the analysis of archival sources identified by the author – the diaries of Saratov doctors, on the pages of which they not only presented an official report to the provincial medical board, but also shared their experience in treating cholera

patients. The results of the study allow us to conclude that as a result of many years of medical practice of city and county doctors of the Saratov province, as well as generalization of empirical materials based on their diary entries, optimal solutions for the prevention and control of cholera epidemics were developed, and at the same time, general methods of treating cholera patients were gradually formed in the XIX century. not only on the territory of the Saratov Volga region, but also throughout the country.

Key words: cholera; folk medical clinics; treatment methods; Saratov doctors; diaries (reports).

Citation. Varfolomeev A.Yu. Experience in the treatment and prevention of cholera in the XIX century (based on reports and publications of doctors of the Saratov province). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 17–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-17-23> (In Russ.)

Information on the conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

© Varfolomeev A.Yu., 2023

Alexander Yu. Varfolomeev – senior researcher for the storage of museum objects, Department of Funds, Municipal Cultural Institution «Museum-Estate of N.G. Chernyshevsky», 142, Chernyshevsky Street, Saratov, 410002, Russian Federation.

Введение

Отсутствие научных данных и медицинских практик по борьбе с холерой в XIX веке привело к двойственной ситуации. С одной стороны, в народном сознании формировались панические настроения перед лицом беспощадной болезни и недоверие к врачам. Все это приводило к использованию в народной среде различных обрядов и оккультных практик в борьбе с холерой, а также обращение, как считалось, к универсальным и традиционным методам самолечения, основанным на приданиях народной медицины. При этом в народном сознании преобладала мешанина из религиозных верований, дремучих суеверий и предрассудков. С другой стороны, официальная медицина еще только подступала к выработке эффективной противоэпидемической тактики, а также разработке общих методик профилактики заболеваний холерой и способов ее лечения. Для решения этой проблемы важную роль, в частности, играла повседневная медицинская практика врачей, непосредственно работавших в очагах заражения.

Теоретическая основа исследования предопределила необходимый набор принципов и методов, необходимых для понимания и анализа медицинских практик и способов лечения заболеваний холерой, применявшихся городскими и уездными врачами Саратовской губернии. Теоретический фундамент исследования базируется на обширной и разнообразной историографии проблемы борьбы с инфекционными заболеваниями и, в частности, с холерой. Это и научные работы по историографии региона, как, например, фундаментальный труд коллектива самарских ученых: П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, Ю.Н. Смирнова, Л.М. Артамоновой, Н.Н. Кабытовой и О.Б. Леонтьевой [Кабытов и др. 2020], исследования концептуально-методологического плана [Михель, Сиротина 2004; Михель 2008; Михель Д.В., Михель И.В. 2021], а также статьи ученых, раскрывающие региональный аспект борьбы с эпидемиями холеры [Куркина 2014; Лепкова 2015; Смирнова, Ерегина 2021; Киценко 2021; Варфоломеев 2022]. Однако до сих пор ни в одном из исследований не предпринималось подробное изучение и не давалась характеристика методов лечения, применяемых врачами во время эпидемий холеры в Поволжье

в XIX веке. В соответствии с этим целью данного исследования являются обобщение и сравнительный анализ методов лечения холеры в XIX веке на примере медицинских практик, применявшихся саратовскими врачами.

Материалы Саратовской губернской врачебной управы свидетельствуют о том, насколько серьезное значение придавалось обобщению медицинской практики местных врачей, которые вели специальные дневники, направлявшиеся затем в виде отчета в высший губернский орган здравоохранения. В силу названных обстоятельств эти документы являются важнейшим источником в изучении организации работы, а также тактики и методов лечения больных холерой на территории Саратовского Поволжья. Изучение вводимых в научный оборот дневниковых записей саратовских врачей позволяет определить общее и частное в медицинской практике, которую они применяли для лечения больных холерой.

В качестве методологии исследования выбран проблемно-хронологический принцип, в русле которого использовались традиционные методы исторического исследования: антропологический, причинно-следственный анализ, историко-системный анализ исторического явления как целостной, взаимосвязанной во времени и пространстве системы и др.

Основная часть

Холера – это одна из самых смертоносных и страшных болезней, известна человечеству с незапамятных времен, но настоящим бедствием, наводившим ужас на население, она стала лишь в XIX веке. Родиной холеры считается Ост-Индия, а если точнее – Нижняя Бенгалия, устье реки Ганг. На территорию России холера впервые проникла в сентябре 1823 года. «Вратами» для ее проникновения послужил Астраханский порт. В Саратове она появилась в конце июля 1830 г., а первыми ее жертвами стали два бурлака, прибывших из Астрахани. Принесенное ими поветрие, как тогда называли эпидемию, стало стремительно распространяться, и уже к 6 августа 1830 г. число заболевших резко возросло, а количество умерших на тот момент исчислялось десятками (Губернаторство В.Я. Рославца 1893, с. 195). В поисках спа-

сения от незваной и страшной «азиатской гостьи» многие «саратовцы стали брать из храмов иконы и дома служить молебны. Некоторые завешивали окна коврами, старались никуда не выходить. Это объяснялось тем, что в XIX веке у людей еще были сильны убеждения в том, что в окружающей среде обитают “заразительные начала”. Да и большинство врачей того времени полагали, что через воздух передаются так называемые миазматические болезни – холера, малярия, брюшной тиф и т. п.» [Варфоломеев 2022, с. 56].

В своем желании помочь пациентам врачи применяли, по их мнению, самый действенный способ лечения – кровопускание. В 30-е годы XIX века петербургская газета «Северная Пчела» так писала об этом методе: «Что касается до медицинских средств, то, невзирая на разные опыты, делаемые врачами, кончается всегда одним средством, которое поныне оказывается самым спасительным, а именно: больному отворяют кровь из жилы, после ставят пиявки на живот, часто к голове и трут все тело щетками, напитанными острыми и грызущими жидкостями, например настойкою из турецкого перца... Все медики по приказанию Министра обязаны представлять в Медицинский Совет свои наблюдения и замечания насчет холеры, что, без сомнения, принесет большую пользу» (Северная Пчела 1830, с. 2).

О бессилии медицины того времени в деле лечения холеры докладывала и Саратовская Врачебная Управа в своем донесении Медицинскому Департаменту от 12 августа 1847 г. за № 1617: «Лечение холеры теперь так же неудачно, как было и прежде. Общего метода нет, исключая разве назначение рвотного корня (ипекакуана – травянистое растение семейства Мареновые. – А. В.), который был принят в самом начале болезни, останавливает дальнейшее развитие во многих случаях, но не во всяком. Кровопускание, сладкая ртуть, лед внутрь, холодные ванны и противоположные средства: нефть, водка, перец, горячие ванны, трение спиртными острыми веществами, употребляются почти с одними и теми же последствиями» (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 76. Л. 46–46 об.).

В 1892 г., во время последней пандемии холеры XIX века, на экстренном собрании врачей было заявлено, что «ни одно до сих пор известное средство от холеры не может быть признано вполне действительным» (Журнал 1892, с. 4). Максимум, что могла сделать медицина того времени, – это снятие симптомов болезни, для чего в основном использовали настои мяты и валерианы. Первый санитарный врач России, один из организаторов земской медицины И.И. Моллесон придерживался такого принципа: «Самое лучшее лечение – это профилактика» (Моллесон 1893, с. 26). В 1893 г. он выпустил книгу «Деревенские беседы о холере», в которой доступным для простолюдина языком излагал меры предотвращения заражения этой коварной болезнью. В качестве мер профилактики и предупреждения заболевания холерой он сфор-

мулировал несколько правил, которых советовал строго придерживаться. Первое и самое важное, по его мнению, это осмыслить принципы передачи холеры. Этому вопросу он посвятил вводную часть своей книги, в которой подробно с примерами объяснял, как «холерный грибок» передается от человека к человеку. Второе правило – нужно содержать все в чистоте. Третье – каждый добросовестный гражданин должен «других вразумлять» основным правилам профилактики (Моллесон 1893, с. 26–28).

Если же «поветрие» все-таки было занесено, И.И. Моллесон советовал придерживаться пятнадцати неперенных правил. Среди которых, в частности, он называл такие: «...следить за чистотой источников воды (рек, колодцев, родников), чтобы никто не стирал там грязное белье; следует избегать мест скопления народа (базаров, кабаков, похорон). <...> каждый человек должен держать улицу, двор, избу, сени в чистоте и особенно следить за тем, чтобы не было сырости. <...> нужно содержать свое тело, белье, одежду и постель в чистоте, ходить в баню как минимум раз в неделю. <...> всеми мерами избегать простуды: не купаться в холодной воде, не пить холодного и избегать всякой сырости. <...> крепко-накрепко поминуть, что заразительнее всего рвота и понос холерных больных, и поэтому их надо сторониться» (Моллесон 1893, с. 28–37). В заключительной части своих наставлений Моллесон приводил советы, которые, по его мнению, хоть как-то должны были облегчить страдания человека, уже заболевшего холерой. В основном он сосредотачивал свое внимание на методах снятия симптомов, а не на лечении самой болезни. Когда человек обнаружил у себя признаки холеры, то он должен был, по мнению Моллесона, действовать без промедления. «Хотя еще в каких силах, а бросай все и ложись, – строго наставлял доктор. – Не исполнишь это – спокаешься, да поздно!» (Моллесон 1893, с. 41–42). Особое значение врач придавал профилактике заболевания холерой, так как соблюдение санитарных и гигиенических норм в народной среде и особенно среди крестьянства находилось на крайне низком уровне.

Перечень мер по предупреждению распространения холеры был опубликован в виде отдельной брошюры в Саратове в 1885 г. (Холера 1885). Это крайне важное с практической точки зрения издание подготовили саратовский губернский врачебный инспектор И.Н. Буховцев и психиатр С.И. Штейнберг. Соавторство в разработке методики профилактики холеры двух знаменитых саратовских врачей, на мой взгляд, не случайно. В поиске путей противодействия страшной болезни объединили свои интеллектуальные усилия организатор саратовской системы здравоохранения и медицинской статистики Буховцев и его коллега – выдающийся отечественный психиатр Штейнберг. Участие специалиста в области психиатрии в разработке мер предупреждения развития холеры

вполне объяснимо, так как в сознании подавляющего большинства населения в то время господствовали самые нелепые предрассудки и предубеждения, развеять и преодолеть которые можно было, только зная особенности человеческой психики в экстремальных ситуациях, например в условиях эпидемии. Спустя несколько лет, в июне 1892 г., в разгар четвертой волны эпидемии холеры в Саратове этот труд ученых-практиков был опубликован в газете «Саратовские епархиальные ведомости» (Ведомости 1892). На первый взгляд выглядит странным, что статья по медицине вышла тогда в официальном издании Русской православной церкви. Однако, учитывая глубокую воцерковленность местного населения и высокую степень доверия верующих к слову пастырей, размещение практических рекомендаций по предупреждению заболевания холерой в печатном органе Саратовской епархии в период эпидемии придавало этому тексту особую силу убеждения и гарантировало соблюдение населением врачебных предписаний, что было тогда особенно важно.

Между тем наиболее информативными и ценными источниками, содержащими сведения о методах лечения холеры, применявшимися медиками в период эпидемий, являются дневниковые записи врачей Саратовской губернии, которые они вели на протяжении всего периода борьбы с эпидемией. Так, саратовский уездный врач, штаб-лекарь Гальфтер 13 сентября 1847 года докладывал Саратовской губернской врачебной управе (далее – СГВУ) о своих методах лечения холеры, ссылаясь на записи из своего дневника. Среди которых были, например, традиционные, давно опробованные медиками того времени, такие как: горчичники на грудь и живот, примочки к голове из винного уксуса, обтирание всего тела уксусом, трение живота, пахов и поясницы камфорным маслом со скипидаром. Кроме того, он давал своим пациентам прием *mixture nitrosa* (закись азота – скорее всего, для обезболивания. – А. В.). Наряду с этим в его записях встречаются рецепты нескольких видов чая и отваров. Как свидетельствовал сам врач, за период с 6 по 13 сентября 1847 г. у него по разработанной им методике лечилось 17 больных холерой, из которых 4 умерло, 7 выздоровело и у 6 на момент написания рапорта состояние оставалось стабильным (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 83. Л. 22 об.–26).

Врач больницы Элтонского соляного промысла, штаб-лекарь Грановский 13 октября 1807 г. рапортовал в СГВУ об эпидемиологической ситуации по холере в поселке при Элтонском озере. В нем он приводил, на его взгляд, наиболее эффективные методы лечения холеры. Так, например, Грановский отмечал: «Одно из лучших средств к излечению пораженных холерою при Элтонском озере было кровопускание, смотря по телосложению больного, от 6–8 унций; при нечистом языке и сильной боли под ложечкою с пользой употреблял я ипекакуану от 15–20 гран; некоторым с успехом действовал Воронежский эликсир, даваемый в на-

чале по 30 капель с водою, а при полном развитии до двух столовых ложек, повторяя прием каждые ½ часа» (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 79. Л. 58). Грановский также рекомендовал больным употребление теплого питья из ароматных трав, как-то: мяты перечной или мяты английской, ромашки и бузины. Но больше всего, как он отмечал, больным нравился и доставлял им пользу обыкновенный чай, так как «происходящая от того испарина всем телом, была самая спасительная» (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 79. Л. 58 об.). Наряду с этим самым лучшим средством после кровопускания, по мнению Грановского, были следующие: трение всего тела настойкой красного перца, прикладывание сильных горчичников к конечностям, на живот и на другие части тела. В заключение Грановский утверждал, что самое лучшее лечение – это «непрестанное трение всего тела настойкой красного перца и теплое ароматическое питье, которое дает испарину, оканчивающую лечение» (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 79. Л. 59 об.).

Схожие методы лечения холеры можно найти и в дневниках камышинского уездного врача штаб-лекаря Игнатовича. От симптомов рвоты он предлагал больному глотать маленькие кусочки льда и пить отвар из рвотного корня. Из напитков он прописывал своим пациентам теплый чай из ароматных трав. От судорог он советовал применять нагириание Воронежским бальзамом, камфорным спиртом или настоем из стручков перца и жидким аммиаком, а также принимать теплые ванны. Одновременно с этим он давал пациентам болеутоляющее питье, в составе которого были капли Гофмана и мятное масло. Правда, результаты лечения холеры методами Игнатовича были менее успешными, чем, например, у выше упомянутого Гальфтера: из 30 его пациентов 17 выздоровело, 12 умерло и судьба одного неизвестна (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 79. Л. 45).

В своем отчете от 20 декабря 1847 г. в СГВУ «о действиях холеры Эпидемической по городу Камышину» местный врач Лисицын подробно описал свои наблюдения и сведения о жителях города, а также приводил статистические данные и временные интервалы эпидемии. В конце рапорта он отдельно отметил некоторые методы, которые применялись им в лечении болезни. «Смотря по преобладающим припадкам в начале болезни и различных болей, – отмечал Лисицын, – с хорошим успехом вначале помогало кровопускание, горчичники, микстура *Potio Riveri*, а также, смотря по состоянию желудка и причинам болезни, рвотное из ипекакуана» (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 79. Л. 80 об.). Дневник кузнецкого городского врача Лопушевского, который тот вел с 16 по 21 августа 1847 года, повествует о следующих методах борьбы с холерой: горчичники на живот больного, натирание всего тела уксусом с вином и перцовым настоем. В процессе лечения он также практиковал прикладывание компрессов к телу пациента, пропитанных смесью из винного спирта, уксуса и

розовой воды. Питье больного – чай из мяты и настоем из рвотного корня (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 78. Л. 79–79 об.).

Из царицынского уезда свои дневники в СГВУ в качестве отчета представил штаб-лекарь Княжевский. Судя по ним, он прописывал заболевшим холерой рвотное из ипекакуаны, натирание тела больного простым вишневым спиртом и горчицей. Наряду с этим его пациенты принимали в качестве болеутоляющего средства каждый час или два по одной ложке Гофманские капли. Также Княжевский практиковал в лечении холеры кровопускание и теплые припарки на живот. Его пациенты должны были глотать кусочки льда, а также употреблять по две чайные ложки Воронежского противохолерного эликсира в рюмке водки на один прием, отвар Алтайского корня, отвар из яблоневых семян и корень валерианы (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 78. Л. 68). В заключительной части своего дневника он оставил несколько итоговых замечаний, предвзято которые он пессимистично и откровенно отметил: «При лечении этой болезни ни один врач не следовал еще рациональным показаниям в назначении лекарств; потому что, по не постигнутой сущности болезненных миазмов, рациональной теории лечения не существует» (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 78. Л. 68). Прежде всего Княжевский подчеркивал важность эмпирического подхода к излечению больных от холеры. При этом он делал вывод, что применяемые им средства и процедуры имели больший или меньший эффект лечения холеры в зависимости от степени развития болезни (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 78. Л. 127 об.).

12 октября 1847 г. свой отчет в СГВУ представил коллега Княжевского – врач посада Дубовка Царицынского уезда Дункерс. Способ лечения у него состоял в следующем: «...когда болезнь представлялась мне еще в периоде предвестников, – докладывал он, – я назначал через полчаса на прием ипекакуану, покуда окажется обильная рвота; <...>. За сим прописывал я масляную эмульсию с лавровишневою водою и советовал либо горчицей, либо мушку к предсердию...» (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 77. Л. 77 об.–78). В заключительной части своих записей он упомянул о способе лечения холерных больных, который практиковался в народе. Это «лечение» заключалось в том, что больного обливали холодной водой, заставляли глотать лед и давали пить холодную воду. Кроме того, прикладывали лед к предсердию. Также льдом растирали конечности, или мазали живот и конечности дегтем, либо делали растирание настойкой красного перца, обкладывали конечности трухою, обданною кипятком. Для приема внутрь больному давали мятный чай, чистый деготь, скипидар, нефть и настойку красного перца» (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 77. Л. 77 об.–78).

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Эпидемии холеры, пери-

одически волнами обрушивавшиеся на Россию в XIX веке, сопровождались быстротечным и масштабным распространением этой болезни в густонаселенных районах страны, что в итоге влекло за собой огромное количество жертв. Страшная и беспощадная болезнь сеяла ужас среди населения и приводила, с одной стороны, к распространению панических настроений, а с другой – к отчаянному поиску способов защиты от незваной «азиатской гостьи». Именно поэтому в народной среде стали распространяться различные оккультные и знахарские практики, а также обряды, основанные на суевериях и повериях. Население активно использовало в борьбе с болезнью рецепты народной медицины – различные «травники» и «зелейники».

Между тем и медицина оказалась поначалу растеряна и бессильна перед лицом неизвестной науке болезни. Даже официальный медицинский орган губернии – Саратовская врачебная управа в разгар второй волны эпидемии на территории губернии в 1847 г. была вынуждена признать, что существовавшие способы лечения холеры по-прежнему не приносят результатов, и на тот момент так и не было выработано общих эффективных методов борьбы с болезнью. В разгар четвертой эпидемии в Поволжье в 1892 г. земские медики в первую очередь пытались «выявить пути и факторы распространения заболевания, – отмечает О.С. Киценко. – С этой целью изучался характер местности, особенности быта, наличие торговых путей» [Киценко 2021, с. 100].

В отчаянных усилиях остановить эпидемию холеры врачи, особенно на первых порах, нередко сами использовали «народные» средства. Широко использовались нефть и деготь для натирания тела и даже прием этих жидкостей внутрь, а также прогревание всего тела больного на печи или в бане. Оценивая сложившуюся ситуацию и основные методы лечения, царицынский врач Княжевский констатировал: «Здесь врач с завязанными глазами, ошупью принужден блуждать в магазинах фармакологических средств и брать бессознательно те, которые попадутся под руку, или те, кои предшественник его выдвинул ему на дорогу. Эмпирическая метода лечения ни в какой другой болезни не допускается врачами столь охотно и уступчиво, как при кроватях больных холерой» (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 78. Л. 126). Другими словами, лечение больных холерой в те годы базировалось прежде всего на интуиции и опыте врача, а также на использовании им знаний из народных лечебников и медицинских наставлений прошлых столетий, как, например, переведенным на русский язык немецким учебником XVII века Hortus amoenus.

У большинства врачей Саратовской губернии наиболее распространенными и схожими (с небольшими вариациями) в методике лечения больных холерой были следующие: использование рвотного средства из ипекакуаны, «Воронежского эликсира» Андреевского, горчичников, примочек из винного уксуса, эликсиров и пластырей из

шпанской мушки, употребление большим каплею Гофмана, различных порошков на основе каломели, глотание им кусочков льда, а также питье различных видов чая, отваров из корня валерианы, мяты и ромашки, настоев ароматных трав. В лечении больного обязательно использовались и различные процедуры: кровопускание, теплые ванны, обтирание, натирание всего тела заболевшего настоек красного перца. Обращает на себя внимание применение контрастного способа лечения: с одной стороны, сильное прогревание тела больного, а с другой – обливание холодной колодезной водой и прием внутрь кусочков льда.

Однако в дневниках встречаются и специфические, присущие конкретным врачам методы лечения. В частности, Гальфтер использовал в лечении больных Mixture nitrosa (закись азота), чай из цветов кашки, яичный отвар с прибавлением уксуса и меда, яичный отвар с красным вином, порошок из березового угля в красном вине, а также порошок из раковых жерновков с аравийской камедью с сахаром. Грановский в свою очередь применял прикладывание к животу больного ветоши, смоченной скипидаром, а поверх нее теплой припарки из золы, питье густого «салепового отвара», а также употребление пациентами напитка, который он называл составом, «изобретенным астраханским армянином» (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 79. Л. 58.). Врач Княжевский также применял «салеповый отвар», но наряду с этим эксклюзивно использовал в лечении еще и отвар «алтайского корня», Pulvis Doweri – «Доверов порошок» (сложная смесь опиума и ипекакуаны), смесь селитры с кремортартаром

в рюмке мятного чая. Камышинский врач Лисицын давал больным для приема внутрь «белую» и «красную» нефть, а его коллега Лопушевский практиковал прикладывание к телу больного компрессов, пропитанных смесью из винного спирта, уксуса и розовой воды, а также использовал edemata elix – эликсир от отеков. Доктор Дункерс давал своим пациентам питьевой отвар из разведенной соляной, а иногда уксусной кислоты с лавровишневою водою (ГАСО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 79. Л. 63–64).

Таким образом, в ходе проведенного исследования в научный оборот введены и проанализированы фрагменты дневниковых записей саратовских врачей. Эти дневники являлись своеобразной формой их официального отчета в Саратовскую губернскую врачебную управу, и, следовательно, эти документы могут служить важнейшим источником в изучении организации работы, а также тактики и методов лечения больных холерой. Следует согласиться с самарскими исследователями, которые считают, что без опыта, «...который совместно приобрели пациенты, врачи, администраторы <...> была бы невозможна успешная борьба против грозного недуга, который продолжал вторгаться в Россию» [Кабытов и др. 2020, с. 451] на всем протяжении XIX столетия. В данном случае можно констатировать, что изучение дневниковых записей саратовских врачей позволило определить общее и особенное в медицинской практике, которую они применяли для лечения больных холерой на территории Поволжья в XIX веке.

Материалы исследования

Ведомости 1892 – *Саратовские епархиальные ведомости*. 1892. 25 июня. № 13.

ГАСО – *Государственный архив Саратовской области*

Губернаторство В.Я. Рославца 1893 – *Губернаторство В.Я. Рославца* // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 195.

Журнал 1892 – *Журнал экстренного Балашовского уездного земского собрания с докладом управы 18 августа 1892 г.* Балашов, 1892.

Моллесон 1893 – *Деревенские беседы о холере земского врача И.И. Моллесона*. Саратов, 1893.

Северная Пчела 1830 – *Северная Пчела*. 1830. 8 ноября. № 134.

Холера 1885 – *Холера и меры предупреждения ее развития / сост. И.Н. Буховцев, С. Штейнберг*. Саратов, 1885.

Библиографический список

Варфоломеев 2022 – *Варфоломеев А.Ю.* «Навязчивая это была азиатская гостья»: эпидемия холеры на территории Саратова в 1830 г. // *Базис*. 2022. № 1 (11). С. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-8042-2022-111-54-60>. EDN: <https://elibrary.ru/pqwime>.

Кабытов и др. 2020 – *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. Самарское Поволжье в XVI – первой половине XIX вв.: монография / [ред. кол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.; науч. ред. Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов]. 2-е изд., испр. и доп. Самара: ООО «Слово», 2020. 480 с.: ил. ISBN 978-5-6045183-7-3. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/I/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_.XVI_-_pervaya_polovina_XIX_v.\(2000\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/I/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_.XVI_-_pervaya_polovina_XIX_v.(2000).[djv-fax].zip).*

Киценко 2021 – *Киценко О.С.* Земская медицина в борьбе с эпидемией холеры 1892 г. (на материалах Саратовской губернии) // *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко*. 2021. № 4. С. 98–103. DOI: <http://doi.org/10.25742/NRIPH.2021.04.013>.

Куркина 2014 – Куркина Е.А. Роль Саратовской врачебной земской общности в организации медико-санитарной помощи населению (вторая половина XIX – начало XX века) // Информационная безопасность регионов. 2014. № 1 (14). С. 118–122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-saratovskoy-vrachebnoy-zemskoy-obschestvennosti-v-organizatsii-mediko-sanitarnoy-pomoschi-naseleniyu-vtoraya-pоловина-xix-nachalo/viewer>.

Лепкова 2015 – Лепкова Е.А. Холерные эпидемии в провинциальных городах Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Царицына) // Приволжский научный вестник. 2015. № 5–2 (45) С. 5–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/holernye-epidemii-v-provintsialnyh-gorodah-nizhnego-povolzhya-v-kontse-xix-nachale-xx-vv-po-materialam-tsaritsyna/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23592040>. EDN: <https://www.elibrary.ru/twqwrn>.

Михель, Сиротина 2004 – Михель Д.В., Сиротина И.В. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925) // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 113–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsina-protiv-epidemiy-v-povolzhie-sotsialno-istoricheskiy-kontekst-1890-1925/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9444079>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hyrhib>.

Михель 2008 – Михель Д.В. Общественное здоровье и холерный вибрион: Российская империя, медицина и бактериология начала XX века перед угрозой холеры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История, Международные отношения. 2008. Т. 8, № 2. С. 64–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-zdorovie-i-holernyy-vibryon-rossiyskaya-imperiya-meditsina-i-bakteriologiya-nachala-xx-veka-pered-ugrozoy-holery/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11697781>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jvzocn>.

Михель Д.В., Михель И.В. 2021 – Михель Д.В., Михель И.В. Эпидемии и история: разнообразие подходов к предмету // Новая и Новейшая история. 2021. Т. 65, № 6. С. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640017167-1>.

Смирнова, Ерегина 2021 – Смирнова Е.М., Ерегина Н.Т. «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 33–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/karantiny-chut-ne-vzbuntovali-16-guberniy-vlast-vrachi-i-obschestvennost-rossii-v-borbe-s-epidemiyami-holery-xix-nachalo-xx-vekov/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46411171>. EDN: <https://www.elibrary.ru/svzjdb>.

References

Varfolomeev 2022 – Varfolomeev A.Yu. (2022) «It was an obsessive Asian guest»: the cholera epidemic in Saratov in 1830. *Basis*, no. 1 (11), pp. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-8042-2022-111-54-60>. EDN: <https://elibrary.ru/pqwime>. (In Russ.)

Kabytov (chief editor) et al. 2020 – Kabytov P.S. (chief editor) et al.; scientific editors Dubman E.L., Smirnov Yu.N. (2020) The history of the Samara Volga region from ancient times to the present day: in 2 vols. Vol. 1. Samara Volga region in the XVI – first half of the XIX centuries: monograph. 2nd edition, revised and enlarged. Samara: OOO «Slovo», 480 p.: illustrated. ISBN 978-5-6045183-7-3. Available at: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/I/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_.XVI_-_pervaya_polovina_XIX_v.\(2000\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/I/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_/Istoriya_Samarskogo_Povolj'ya_.XVI_-_pervaya_polovina_XIX_v.(2000).[djv-fax].zip). (In Russ.)

Kitsenko 2021 – Kitsenko O.S. (2021) Zemskaya medicine during the epidemic of cholera 1892 (on the materials of the Saratov province). *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*, no. 4, pp. 98–103. DOI: <http://doi.org/10.25742/NRIPH.2021.04.013>. (In Russ.)

Kurkina 2014 – Kurkina E.A. (2014) Role of Saratov's medical zemsky public in the population's health care (second half of XIX – early XX century). *Information security of the regions*, no. 1 (14), pp. 118–122. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-saratovskoy-vrachebnoy-zemskoy-obschestvennosti-v-organizatsii-mediko-sanitarnoy-pomoschi-naseleniyu-vtoraya-pоловина-xix-nachalo/viewer>. (In Russ.)

Lepkova 2015 – Lepkova E.A. (2015) The cholera epidemic in the provincial cities in the Lower Volga in the late XIX – early XX centuries (based on Tsaritsyn). *Privolzhsky Scientific Journal*, no. 5–2 (45), pp. 5–10. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/holernye-epidemii-v-provintsialnyh-gorodah-nizhnego-povolzhya-v-kontse-xix-nachale-xx-vv-po-materialam-tsaritsyna/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23592040>. EDN: <https://www.elibrary.ru/twqwrn>. (In Russ.)

Mikhel, Sirotnina 2004 – Mikhel D.V., Sirotnina I.V. (2004) Medicine against Epidemics in the Volga Region: Socio-Historical Context (1890–1925). *Acta Eurasica*, no. 3, pp. 113–139. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsina-protiv-epidemiy-v-povolzhie-sotsialno-istoricheskiy-kontekst-1890-1925/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9444079>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hyrhib>. (In Russ.)

Mikhel 2008 – Mikhel D.V. (2008) Public Health and the Cholera Vibrio: Russian Empire, Medicine and Bacteriology of Early XX Century in the Face of Cholera Danger. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 8, no. 2, pp. 64–75. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-zdorovie-i-holernyy-vibryon-rossiyskaya-imperiya-meditsina-i-bakteriologiya-nachala-xx-veka-pered-ugrozoy-holery/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11697781>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jvzocn>. (In Russ.)

Mikhel D.V., Mikhel I.V. 2021 – Mikhel D.V., Mikhel I.V. (2021) Epidemics and History: Multiple Approaches to the Subject. *Modern and Contemporary History*, vol. 65, issue 6, pp. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640017167-1>. (In Russ.)

Smirnova, Ereгина 2021 – Smirnova E.M., Ereгина N.T. (2021) «Quarantines Nearly Incited Revolt in 16 provinces»: Government, Physicians, and the Russian Public in the Fight against Cholera Epidemics (19th – Early 20th Centuries). *The New Historical Bulletin*, no. 2 (68), pp. 33–48. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/karantiny-chut-ne-vzbuntovali-16-guberniy-vlast-vrachi-i-obschestvennost-rossii-v-borbe-s-epidemiyami-holery-xix-nachalo-xx-vekov/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46411171>. EDN: <https://www.elibrary.ru/svzjdb>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.057.634

Дата поступления: 17.03.2023
рецензирования: 14.04.2023
принятия: 25.08.2023**Организация и состав партии эсеров в начале XX в.****М.И. Леонов**Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mleonov40@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8513-8871>

Аннотация: Представление об организационном состоянии и составе одной из самых значимых в дореволюционной России партии – партии социалистов-революционеров – дает чрезвычайно многое для понимания ее сущности. Соглашение о создании партии было совершено в духе традиций нелегальных заговорщических организаций. Партия явилась как крайне аморфное образование. До рубежа 1905–1906 гг. ее организационные принципы не были сформулированы и утверждены общепартийным форумом. Компетенции структурных подразделений, критерии членства были для всех неясны. Партийная структура складывалась стихийно, в духе традиций революционных организаций России 70–90-х гг. XIX в. Одновременно существовавшие «непартийные» и «партийные» комитеты и группы характеризовали два измерения: общественно-политическое движение и политическая партия. Консолидация в общих чертах завершилась к концу 1905 г. В начале XX в. основная часть эсеровских организаций располагалась в губерниях Европейской России. В основном эсеровские организации действовали в интеллектуальных и индустриальных центрах страны, районах сосредоточения интеллигенции. Значительную часть руководства партии составляли представители генерации 40–60-х гг. XIX в. рождения, в комитетах преобладала молодежь 70–80-х гг. XIX в. рождения. В партию входили представители различных социальных групп, в первую очередь интеллигенция, затем рабочие и крестьяне. Внутрипартийные связи были слабыми и прерывистыми, главным объединяющим центром выступала «Революционная Россия». Теоретические, тактические и организационные проблемы обсуждались кулуарно. В структуре партии отчетливо проявлялись черты нелегальной кружковой организации.

Ключевые слова: партия эсеров; организация; состав; комитет; группа; генерация; интеллигенция.

Цитирование. Леонов М.И. Организация и состав партии эсеров в начале XX в. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 24–31. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-24-31>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Леонов М.И., 2023

Михаил Иванович Леонов – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 17.03.2023
Revised: 14.04.2023
Accepted: 25.08.2023**Organization and composition of the Socialist-Revolutionary Party
at the beginning of the XX century****M.I. Leonov**Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: mleonov40@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8513-8871>

Abstract: The idea of the organizational state and composition of one of the most significant parties in pre-revolutionary Russia – the party of Socialists Revolutionaries – gives a lot to understand its essence. The agreement on the creation of the party was made in the spirit of traditions of illegal conspiratorial organizations. The party appeared as an extremely amorphous formation. Until the turn of 1905–1906, its organizational principles were not formulated and were not approved by the general party forum. The competencies of the structural divisions, the criteria for membership were not clear to everyone. The party structure evolved spontaneously, in the spirit of the traditions of the revolutionary organizations in Russia in the 1870-ies and 1890-ies of the XIX century. Simultaneously existing «non-party» and «party» committees and groups characterized two dimensions: a socio-political movement and a political party. Consolidation in general terms was completed by the end of 1905. At the beginning of the XX century, the main part of the Socialist-Revolutionary organizations was located in the provinces of European Russia. Basically, the Socialist-Revolutionary organizations operated in the intellectual and industrial centers of the country, areas of concentration of the intelligentsia. A significant part of the party leadership was made up of representatives of the generation of the 40–60-ies of the XIX century of birth. The committees were dominated by young people of the 70–80-ies of the XIX century of birth. The party included representatives of various social groups, first of all the intelligentsia, then workers and peasants. Intra-

party ties were weak and intermittent; the main unifying center was «Revolutionary Russia». Theoretical, tactical and organizational problems were discussed behind the scenes. In the structure of the party, the features of an illegal circle organization were clearly manifested.

Key words: Socialist-Revolutionary Party; organization; composition; committee; group; generation; intelligentsia.

Citation. Leonov M.I. Organization and composition of the Socialist-Revolutionary Party at the beginning of the XX century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 24–31. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-24-31>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Leonov M.I., 2023

Mikhail I. Leonov – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation

Введение

Организационное состояние партии эсеров, одной из самых значимых в дореволюционной России, исследовано далеко недостаточно. Между тем оно крайне важно для понимания ее сущности.

В середине декабря 1901 г. Г.А. Гершуни, позиционировавший себя в качестве представителя «Партии социалистов-революционеров», а также Е.Ф. Азев и М.Ф. Селюк, уполномоченные руководителями «Союза социалистов-революционеров», на встрече в Берлине договорились считать обе организации объединившимися под именем партии социалистов-революционеров. Определили они и контуры ее руководящих органов, в том числе и ЦК. Решение это было поддержано М.Р. Гоцем, В.М. Черновым, Л.Э. Шишко и другими эсерами-эмигрантами. Всего в переговорах прямо или косвенно участвовал 21 человек. В январе 1902 г. в газете «Революционная Россия» было опубликовано извещение об образовании партии. Событие это свершилось в традициях российских нелегальных заговорщических организаций. В январе 1902 г. Г.А. Гершуни вернулся в Россию и уведомил наиболее авторитетных эсеров Саратова, что они составляют ЦК партии (так называемый «оседлый ЦК») [Леонов 2016, с. 47–48].

Заявления «Революционной России» и «Вестника русской революции» знаменовали завершение чрезвычайно важного этапа в истории эсеровского движения. Идеино и организационно объявившая о себе партия представляла в это время до крайности аморфное образование. Вместо программы, на худой конец, платформы, идейной основой объявлялись «руководящие принципы» журнала. Об организационных установках умалчивалось. И все-таки это был важный рубеж. Со времени этих событий ведет свою историю партия эсеров.

Организационные принципы

Организационные принципы не декларировались и не утверждались партией эсеров вплоть до революции 1905–1907 гг. Правда, участникам I съезда Заграничной организации в Женеве в августе 1903 г. представили пространственный документ «Деятельность партии». В нем говорилось о съездах партии, Центральном и местных комитетах, Крестьянском Союзе ПСР и крестьянских братствах, Боевой организации, но их функции не

определялись, ничего не говорилось о критериях членства и принципах построения партии. Документ этот, по всей видимости, не был известен российским местным организациям, о чем свидетельствует полное отсутствие каких-либо упоминаний о нем в переписке и в воспоминаниях. На I и II съездах Заграничной организации (август 1903 г. и июль 1904 г.) предпринимались попытки выработать партийный Устав, даже создавалась «Уставная комиссия», но дело закончилось практически ничем. Компетенции структурных подразделений партии были тайной для всех. На заседании II съезда Заграничной организации 26 июля 1904 г. О.С. Минор вопрошал: «Не ясно, что такое комитет и чем он отличается от группы?» Сколько-нибудь вразумительного ответа на этот вопрос протоколы съезда не содержат (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 200). Не содержал уставных дефиниций и доклад партии Амстердамскому конгрессу II Интернационала (август, 1904 г.) Эмоциональный И.А. Рубанович, говоря о времени до I съезда партии, восклицал: «...вообще в партии совершенно не выяснены были организационные и функциональные отношения: кто такой Центральный Комитет? Кто такие эти заправилы официальными органами? Почему они являются заправилы? Вот хотя бы Гоц и Чернов: дают ли им директивы из России, или же Россия получает директивы от них?» (ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 129. Л. 61).

Явочным порядком сложилась такая структура: Центральный комитет, областная организация, Заграничная организация, комитет, группа (местные организации). При Центральном комитете значились Боевая организация (БО), редакция центрального органа, Крестьянский и Учительский союзы партии, издательская, транспортная, литературная, финансовая комиссии. Низовыми организациями были группы или кружки рабочих, учащихся, солдат. Первичные крестьянские организации часто назывались «крестьянскими братствами». Если число организованных учащихся, рабочих, крестьян было значительным, то они объединялись в «союзы» (учащихся, рабочих, крестьян). Деятельные комитеты располагали пропагандистской или агитаторской, а также издательской группой.

О создании БО партии эсеров, в задачу которой входила организация террористических покушений, было объявлено в начале 1902 г. Руководил ею Г.А. Гершуни, а после его ареста в мае 1903 г. –

Е.Ф. Азеф и Б.В. Савинков. На первых порах БО состояла из нескольких человек. За все годы ее существования в ее составе побывало около 80 человек. В том же 1902 г. К.Р. Качаровский и Н.И. Ракитников объявили о начале деятельности Крестьянского союза партии социалистов-революционеров – объединения первое время достаточно эфемерного. В мае 1903 г. сложился «Союз народных учителей партии социалистов-революционеров». При ряде комитетов функционировали организации рабочих, крестьян, солдат, студентов и учащихся.

До конца 1904 г. существовали «партийные» и «непартийные» организации. «Партийными» организациями считались те, которые тем или иным образом заявили о своей причастности к партии, а «непартийными» – те, что находились вне партии и не указывали на связь с нею. Первые подписывали свои издания так: «комитет (группа и т. д.) партии социалистов-революционеров», вторые – «группа», «организация» социалистов-революционеров». В «Кратком отчете о деятельности П.С.-Р в 1903–1904 гг.», составленном С.Н. Слетовым ко II съезду Заграничной организации, отмечалось, что в 1902–1904 гг., наряду с партийными организациями, «ряд групп в разных местах России действовал вне связи с ПСР, не изъявляя официально о своей принадлежности к ней в своих прокламациях и т. п.» Затем, продолжал он, многие из них «оформили связь с партией» (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 202). На заседании II съезда Заграничной организации 26 июля 1904 г. Д.А. Хилков говорил, что «в России никому не возбраняется создавать группы социалистов-революционеров», которые не рассматриваются как «группы партии социалистов-революционеров» (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 200). Было своего рода два измерения: эсеры как партийное движение и эсеры как партийная организация. Организационная консолидация в основных чертах завершилась к концу 1905 г. ко времени I съезда.

Организации партии

Первые эсеровские организации датируются 1893 г. (эмиграция) и 1895 г. (Россия). С середины 90-х гг. XIX в. и по конец 1901 г. (времени соглашения об образовании партии) в России нами выявлено 29 эсеровских организаций. Все они, за исключением Томской, находились в городах Европейской России. В губернских городах располагалось 25 организаций, в уездных – четыре. Первоначальное ядро составили Киевский, Воронежский, Екатеринославский, Саратовский комитеты. Как выявлено нами, в течение 1902 г. объявили о себе 46 эсеровских организаций, в том числе «партийных» – 24 (8 комитетов и 16 групп), «непартийных» – 22 (в том числе в составе «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров» – шесть, в объединенной организации социал-демократов и социалистов-революционеров – одна). В течение 1903 г. зафик-

сирована 71 организация, в том числе 39 «партийных» (17 комитетов и 22 группы) и 33 «непартийные».

В 1904 г. проявили себя 96 организаций, в том числе 54 «партийных» (29 комитетов и 23 группы) комитетов и 42 «непартийные» (в том числе две в объединенных организациях социал-демократов и эсеров). В Европейской России в этом году располагалось 85 организаций (47 партийных и 38 непартийных), в Сибири – 5 (две партийные и 3 непартийные организации), в Кавказском крае – 3 партийные организации, в Средней Азии – 3 (2 партийные и 1 непартийная организации). В Сибири и Средней Азии первые оформленные эсеровские объединения заявили о себе в 1903 г. Были они малочисленны, состояли, за небольшим исключением, из интеллигентов, деятельность свою ограничивали спорадическим изданием листов. Партийному центру была известна лишь томская организация, о других он не знал. Значительно более активны были три партийные организации Кавказского края. Впрочем, их воздействие не выходило за пределы городов, в которых они дислоцировались. В Царстве Польском и Финляндии эсеровских организаций не было. Российские организации регулярно арестовывались, порой в полном составе, но достаточно быстро восстанавливались. В Европейской России находилось 81,6 % общего числа организаций, в том числе 83,9 % партийных и 78,7 % непартийных. Здесь располагались все первоначально созданные и все наиболее многочисленные и значимые объединения эсеров. В губернских городах находилось 37 партийных и 10 непартийных, в уездных городах – 10 партийных и 28 непартийных групп и комитетов. Всего партия эсеров в эти годы ориентировочно насчитывала в своих рядах около двух тысяч членов.

Абсолютное большинство организаций действовало в районах сосредоточения интеллигенции: в интеллектуальных и промышленных центрах. Все эсеровские объединения первых мест партийного рейтинга: Петербургская, Московская, Бакинская, Виленская, Витебская, Волынская, Воронежская, Екатеринославская, Киевская, Кишиневская, Курская, Нижегородская, Одесская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Саратовская, Томская, Уфимская, Харьковская, Черниговская – возникли на основе народовольческих организаций (Rapport 1904, p. 45–44). Многие из остальных и большинство появившихся до конца 1901 г. эсеровских объединений были основаны при активном участии бывших народников и народовольцев.

В конце апреля 1904 г. была создана Северо-западная областная организация, в конце августа – начале сентября того же года образован Сибирский союз. Зимой 1904 г. эсеры приступили к формированию Поволжской области («Поволжского союза»). Для этого понадобилось два съезда. На I съезде (Москва, декабрь 1904 г.), в котором от Саратова участвовала И.И. Ракитникова, не удалось решить всех организационных про-

блем. Окончательно Поволжская областная организация конституировалась в начале 1905 г. (ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 22. Т. 2. Л. 215; Д. 39. Л. 33).

Наиболее влиятельными и полифункциональными были комитеты Саратова, Киева, Екатеринослава, Одессы, которые вели агитацию рабочих, учащихся, армии, имели солидную издательскую базу, являлись центрами организаций окружающих губерний. Составленный в середине 1904 г. «Доклад» партии эсеров Амстердамскому конгрессу II Интернационала называл самой крупной и деятельной киевскую организацию, отмечая, что она «вела очень энергичную пропаганду среди заводских рабочих»; далее назывались организации Одессы, Харькова, Воронежа, Пензы, Тамбова (Rapport 1904, p. 14–15). Киевский комитет располагал типографией, с 1904 г. издавал газету «Рабочее слово», вел достаточно деятельную по тем временам агитацию рабочих в 30 кружках, учащихся, студентов, солдат, крестьян. Харьковские эсеры также вели агитацию рабочих в 10 кружках, учащихся, крестьян. Московская и Петербургская организации вышли на первые позиции партийного рейтинга лишь к концу 1904 г.

До трети организаций, практически все непартийные и особенно в 1902–1903 гг., проявляли себя лишь спорадическим изданием гектографированных листов и агитацией в считанных кружках, имея лишь единичные прерывистые связи с единомышленниками в других городах и получая в ограниченном количестве экземпляров, да и то по случаю, издания ЦК или Аграрно-социалистической Лиги. Время активной деятельности лидеров комитетов и групп редко превышало четыре, много пять, месяцев, далее следовали арест, и тогда оставался «маленький комитет», о котором так образно писал А. Грин [Грин 1995, т. 1, с. 406–410]. Нужно сказать, что А.С. Гриневский (А. Грин), деятельный функционер Екатеринославского, Севастопольского комитетов, в своих ранних рассказах достаточно адекватно изображал ситуацию организационного состояния эсеровских партийных организаций в рассматриваемое время.

Зарубежных эсеров объединяла Заграничная Организация партии, возглавляемая заграничным комитетом. На август 1903 г. в Европе находился 61 эсер; во второй половине 1904 г. их было около 100, при этом едва ли не половина – в Женеве (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 199). Группы, утвержденные Заграничным комитетом, кроме Женевы, были в Берне, Цюрихе (из 20 человек), Париже. Не были утверждены Заграничным комитетом группы в Берлине (в середине 1903 г. – 18 человек), Галле, Гейдельберге, Вене (собирали в 1902 г. деньги на нужды БО), Дрездене, Мюнхене, Лейпциге, Митвейде, а также в Льеже, Нанси, Лозанне, Фрайбурге, Баден-Бадене, Дармштадте, Карлсруэ, Гетеборге (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904 г. Оп. 316. Д. 1. Ч. 1. Т. 3. Л. 391–395; 1898 г. Оп. 316. Д. 16. Л. 17; Обзор 1902, с. 122, 132). В США, в Нью-Йорке и Нью-Гевене, находились утвержденные

группы (действовали под руководством «Комитета американских организаций партии социалистов-революционеров»), а также «самостоятельные группы» в Филадельфии, Чикаго и Бостоне (комитет из 6 человек). Каждая из американских организаций эсеров состояла из нескольких членов, занятых преимущественно организацией собраний, митингов и сбором средств, половина которых предназначалась Боевой организации (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 162; Д. 199).

Состав партии

На первых порах бывшие народники и народолюбцы (представители генераций 40–60-х гг. XIX в.) составляли заметную часть и играли ведущую роль в эсеровских группах и комитетах. В 1902–1904 гг. их доля в местных организациях заметно сокращается. Их место заняла молодежь второй половины 70–80-х гг. рождения. Большую часть «образцового» в 1904 г., по мнению эсеровского центра, Московского комитета составляли интеллигенты, недавно закончившие высшие учебные заведения, меньшую – студенты. Самым возрастным членом комитета была М.С. Емельянова (1876 года рождения). В 1903–1904 гг. молодежь преобладала в комитетах Киева, Екатеринослава, Смоленска, Белостока, Тулы, Казани, Пензы, Тамбова, Харькова, занимавших в партийном рейтинге первые места. В целом в рядах организации молодежь решительно преобладала. Лидеры партии многократно отмечали это обстоятельство. Е.К. Брешко-Брешковская, одна из наиболее компетентных лидеров партии, в июне 1904 г. писала: «Мы вынуждены действовать, имея сто тысяч рублей в год (на все расходы), и при наличии нескольких сот молодых людей, по несколько раз в году арестуемых и пополняемых новыми условиями неопытной молодежи» (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 г. I Отд. Д. 117. Т. 1. Л. 178). В партийном руководстве и в Заграничной организации в это время представители генерации 40–60-х гг. XIX в. по-прежнему составляли значительную часть. Из 48 находившихся в эмиграции ко времени I съезда Заграничной организации (август 1903 г.) эсеров-эмигрантов, чьи данные установлены, 28 (58,3 %) представляли генерацию 40–60-х гг.; ко времени II съезда Заграничной организации (июль 1904 г.) из установленных 65 человек к отмеченной выше генерации принадлежали 29 (44,6 %) (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 199; Д. 200, 202; ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 1550. Л. 22).

Основным объектом партийного воздействия было городское население. Все комитеты создавали группы учащихся (и студентов – там, где были средние специальные и высшие учебные заведения), рабочих и ремесленников. «Рабочие союзы» и группы рабочих и ремесленников имелись в городах 35 губерний. «Крестьянские союзы» при городских комитетах и группах были созданы в 17 губерниях, крестьянские организации – в 25 губерниях. Крестьянские организации находились

только в Европейской России. Основной ареал сельских организаций эсеров располагался в губерниях русского черноземного клина. В Сибири и национальных окраинах Российской империи эсеровские крестьянские объединения до революции 1905–1907 гг. отсутствовали.

Социалистические оппоненты эсеров, социал-демократы, превосходили эсеров по числу организаций: в 1898 г. социал-демократические организации зафиксированы в 71 населенном пункте, в 1903 г. – в 130, в 1904 г. – в 156 [История... 1964, т. 1, с. 594–609]. Разрыв в количестве городских организаций эсеров и социал-демократов сокращался, однако оставался существенным. Число сельских организаций эсеров и социал-демократов, особенно после 1902 г., несопоставимо, по той причине, что таковых у социал-демократов, по существу, не было.

В партию эсеров входили представители различных социальных групп, в первую очередь интеллигенты, включая сюда учащихся, затем рабочие и крестьяне. Партийные функционеры рекрутировались из интеллигенции, которая составляла большинство комитетов и руководства групп. Простонародье являлось объектом воздействия; его представители встречались в комитетах лишь в редких случаях. Нужно отметить, что эсеровская интеллигенция по происхождению, характеру деятельности, имущественному положению, как правило, была близка к массам. Значительную часть ее представляли народные учителя, фельдшеры и агрономы.

Эсеры на рубеже XIX–XX вв. были преимущественно городской организацией Европейской России. На первых порах эсеровские объединения имели явно выраженный интеллигентский кружковый заговорщический характер. К концу 1904 г. наиболее значимые из них становились более полифункциональными, усложняли инфраструктуру, вовлекали в свои ряды в небольшом количестве представителей простонародья, расширяли ареал и объект своего воздействия, усилили агитацию масс. Лицо эсеровских объединений определяла интеллигенция. Простонародье было объектом воздействия и лишь в редких случаях субъектом организаций.

Членов партии, способных вести пропаганду и агитацию, особенно нелегальных профессионалов, катастрофически не хватало. Н.Я. Быховский, направленный в 1903 г. на восстановление «ужасного и скандального», по словам Г.А. Гершуни, провала Екатеринбургской организации, получил от него несколько брошюр и пожелание искать помощников, в чем сам лидер эсеровской партии ему помочь был не в состоянии, оставил красочный рассказ, как он объехал Саратов, Москву и другие центры и всюду получал отказ. Даже самые солидные по тем временам эсеровские комитеты постоянно испытывали острую нехватку литературы, активных членов, денежных средств. Быховскому, в конце концов, повезло. В Пензе ему презентова-

ли только что дезертировавшего А.С. Гриневского, которого пензенским эсерам нужно было сплавить подальше (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 21, 225–266).

Емко охарактеризовал ситуацию М.А. Натансон: «Как принимались члены? Кого считали хорошим человеком, того и принимали». Другими словами, о том же говорили и писали все эсеры, и лидеры, и простые функционеры. Участница Воронежской организации со времени ее формирования, потом многолетний член Петербургского комитета Л.П. Лойко свидетельствовала: «Для вступления в партию социалистов-революционеров не требовалось никаких формальных обязательств и заявлений в местную или центральную организацию. Никаких членских билетов не выдавалось. Не существовало правильных партийных взносов». Соответственно, никаких формально зафиксированных прав и обязанностей не было (ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 128. Л. 29; Д. 123. Л. 4).

В 1902 г. такие видные деятели, как С.Н. Слетов, Л.Э. Шишко, как и многие другие видные члены Аграрно-социалистической Лиги, принимали самое активное участие в редактировании Революционной России», издании популярной, «народной», литературы, «все время работали на партию», формально не являясь ее членами. «О русских делах известно было очень мало, и это было вполне естественно, потому что общение было очень незначительное; из России вообще приезжало очень немного народу», отмечал позднее С.Н. Слетов (ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 128. Л. 30–31).

Партийные институты и руководство

Руководство партии, такова была революционная традиция, возлагалось на Центральный комитет. Вопрос о его возникновении, составе, численности, функциях далеко не прост. Во время переговоров об образовании партии решили, это также определялось традицией, что ЦК должен располагаться в России, а заграничным представителем его будет М.Р. Гоц. На первых порах обязанности ЦК поручили выполнять Саратовской группе, в состав которой входило значительное число зрелых революционеров, в том числе народовольцев: Е.И. Аверкиева, А.И. Альтовский, В.С. Арефьев, Л.П. Буланов, О. Буланова-Трубникова, Д.С. Гендельман, В.В. Гроздов П.С. Гусев, С.Г. Клитчоглу, М.Д. Кутومانов, П.П. Крафт, В.В. Меркулов, Н.И. Малинин, А.В. Милашевский, И.И. и Н.И. Ракитниковы, А.Ю. Старынкевич, В.Г. Хотемкина. В составе Саратовского ЦК были также Е.Ф. Азеф, Е.К. Брешко-Брешковская, Г.А. Гершуни, М.М. Мельников, М. Лебедева. В делах ЦК активно участвовал К.Р. Качаровский (Буланова-Трубникова 1929, с. 157–158; ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 123. Л. 11).

Компетенции «оседлого ЦК» не были формально обозначены и определялись традицией революционных организаций предшествующих лет. Большинство первого эсеровского ЦК составляли люди возрастные, семейные, занятые легальной работой. Объезд российских организаций был уделом «не-

легалов» Е.К. Брешко-Брешковской, Г.А. Гершуни, М.М. Мельникова, П.П. Крафта. Подчеркну, что главный теоретик партии, редактор «Революционной России» В.М. Чернов, и представитель ЦК за границей М.Р. Гоц, в руках которого концентрировались организационные нити, до конца 1904 г. членами ЦК формально не являлись. Согласно революционной традиции, члены ЦК должны были быть заняты непосредственно в России. Если они по тем или иным обстоятельствам находились продолжительное время за границей, то в партийных документах именовались «членами ЦК, временно пребывающими за границей» [Леонов 2016, с. 49].

После образования партии в Женеву, где находилась редакция «Революционной России» и типография, которая стала отправным пунктом транспорта литературы, съезжались лидеры. Был даже принят ряд особых специальных мер, чтобы в Женеву переселились Шишко, Чернов, Гоц, затем Волховский. Таким образом, сконцентрировалась группа наиболее деятельных эсеров-эмигрантов. В Женеву же тянулись и другие эмигранты. Вся масса будничной партийной работы вершилась здесь. Женева превратилась в заграничный центр. Здесь жили члены комитетов Заграничного и Центрального, как эмигранты, так и приезжавшие из России.

Большое значение имело то обстоятельство, что в Женеве жил М.Р. Гоц, заграничный представитель ЦК с момента образования партии, причем ему же на случай ареста всего ЦК было дано право организации нового временного центра. Кроме того, он был также заграничным представителем Боевой организации. Чрезвычайные полномочия Гоца, полученные явочным порядком, вызывали протест и возражения со стороны многих видных эсеров. О.С. Минор недоумевал: «Что же это такое получается? С одной стороны, он член нашего комитета, а у нас все дела решаются большинством голосов, а с другой – совершенно неопределенно, какие именно дела он может решать сам, своим единоличным мнением, и ничего тут нельзя понять». В верхах шли разговоры о диктаторском поведении М. Гоца, которому то ли в шутку, то ли всерьез было дано прозвище Марат (Из истории партии... 1970, с. 284–291).

«Оседлый» Саратовский ЦК оказался недостаточно дееспособным. Структуру партии во время его существования Г.А. Гершуни в феврале 1903 г. называл «удивительно простой». Е.К. Брешко-Брешковская, Г.А. Гершуни, П.П. Крафт и М.М. Мельников в ходе «объездов» связывали разрозненные группы и комитеты в относительно целое. Они же устраивали перевозку («транспорт») литературы, а также планировали и организовывали террористические покушения. С.Н. Слетов, объехавший в 1903–1903 гг. российские группы и комитеты, пришел к выводу, что, «в сущности говоря, организации в это время никакой не было, были просто группы работавших людей, вот и

все». «Положение было критическое», – вторила ему М.Ф. Селюк (ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 128. Л. 31, 34, 36) [Hildermeier 1978, S. 113].

В конце сентября 1902 г. Е.Ф. Азеф, Г.А. Гершуни, П.П. Крафт и М.М. Мельников на совещании в Киеве постановили заменить «оседлый ЦК» «подвижным», составленным из профессиональных революционеров, который они называли «районными представителями». В их числе значились Г.А. Гершуни, Д.С. Розенблюм, Н.И. Ракитников и М.Ф. Селюк, а также Е.Ф. Азеф, П.П. Крафт и М.М. Мельников (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 16. Л. 43–47; РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 567). Реорганизованный таким образом ЦК просуществовал недолго. Вначале в ночь на 1 ноября 1902 г. был арестован почти весь состав Саратовского ЦК; затем 5 ноября 1902 г. арестовали П.П. Крафта, 3 января 1903 г. – М.М. Мельникова, 13 мая – Г.А. Гершуни. Первый ЦК партии эсеров прекратил существование. В России не осталось какого-либо координационного центра. В январе 1904 г. с поручением воссоздать ЦК с полномочиями «временно пребывающих за границей членов ЦК» в Россию выехал Е.Ф. Азеф. Он ввел в новый ЦК известных ему авторитетных эсеров С.Н. Слетова, М.Ф. Селюк, А.И. Потапова и некоторых других. В дальнейшем основанный Е.Ф. Азефом ЦК пополнялся кооптацией, и к концу 1904 г. в нем числились Е.Ф. Азеф, А.А. Бельский, Е.К. Брешко-Брешковская, А.В. Гедеоновский, В.В. Леонович, И.И. Майнов, А.И. Потапов, А.В. Прибылев, И.И. Ракитникова, Н.И. Ракитникова, М.Ф. Селюк, С.Н. Слетов, Н.С. Тютчев, А.Ю. Фейт, Л.В. Фрейфельд, Н.Н. Фрейлих, А.В. Сазонов, С.П. Швецов, А.В. Якимова. В следующем году продолжался рост численности ЦК, так что к концу 1905 г. в нем насчитывалось почти 40 человек, которые жили в разных городах и никогда вместе не собирались. Полного его состава, по авторитетному мнению М.А. Натансона, никто в партии не знал (ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 123. Л. 11).

С задачами обеспечения взаимодействия комитетов и групп этот ЦК также явно не справлялся. В июне 1904 г. Е.К. Брешко-Брешковская решительно заявляла: «Комитеты почти автономны и никакого ЦК не знают». Ей вторили С.Н. Слетов и М.Ф. Селюк. Редактор центрального органа партии ссылался на мнение членов российских комитетов: «Мы Центрального Комитета не знаем, не видим и не слышим. Знаем редакцию “Революционной России”» (ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 130. Л. 134, 137). Связи эсеровского центра с российскими организациями, о существовании некоторых из них он и не подозревал, были неустойчивыми и прерывистыми.

В этих обстоятельствах эмигрировавшие в Европу Е.Ф. Азеф, Е.К. Брешко-Брешковская и П.С. Поливанов инициировали съезд Заграничной организации партии социалистов-революционеров и содействовали формированию Заграничного

комитета. В обязанности ему вменялось издание литературы за границей и транспорт ее в Россию, редактирование совместно с членами ЦК «Революционной России», сбор денежных средств, отправка профессиональных революционеров в Россию. В случае ареста ЦК в России Заграничный комитет должен был исполнять его обязанности. В Заграничный комитет входили 10 человек, избираемых съездом Заграничной организации, и еще трое, введенные «членами ЦК, временно пребывающими за границей» (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 210). Заграничный комитет в 1903–1904 гг. относительно удовлетворительно выполнял отдельные функции ЦК, но наладить связь с комитетами и группами в России, объединить их в единое целое он был не в силах.

Наряду с Заграничным комитетом по инициативе все той же энергичной и авторитетной Е.К. Брешко-Брешковской во второй половине 1904 г. была основана Заграничная делегация, в состав которой вошли опытные революционеры с большим стажем – Е.К. Брешко-Брешковская, Ф.В. Волховский, О.С. Минор, Д.А. Хилков и Л.Э. Шишко. Надеялись, что Заграничная делегация будет отделением ЦК за границей, сможет контролировать деятельность Заграничного комитета, Боевой организации, партийные финансы, издание литературы (ГАРФ. Ф. 5753. Оп. 1. Д. 114. Л. 3–6). Идея, однако, оказалась мертворожденной: после отъезда в сентябре 1904 г. Е.К. Брешко-Брешковской в Америку Заграничная делегация признаков жизни не подавала.

Поскольку ЦК, как констатировалось в его отчете в июле 1904 г., был не в состоянии «выполнять постоянно и исправно роль центра технического, центра справочного», главным объединяющим партийным центром в 1902–1904 гг. являлась «Революционная Россия». Сюда стекалась в письмах и корреспонденциях информация комитетов и групп. Газета являлась основным, зачастую единственным собранием фактов о деятельности партии в целом и отдельных ее частей в частности. Не случайно в «Кратком отчете о деятельности

П.С.-Р. за 1903–1904 гг.», составленном от имени ЦК С.Н. Слетовым, сведения о деятельности комитетов и групп представлены в виде вырезок из соответствующих номеров центрального органа партии (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 202). Затем эти данные вошли в доклад партии эсеров Амстердамскому конгрессу II Интернационала, составленному В.М. Черновым и А.И. Рубановичем. В свою очередь местные организации черпали сведения о состоянии партийных дел, о намечаемых мероприятиях, получали указания о намечаемых и проводимых мероприятиях в России и за рубежом со страниц «Революционной России».

Функционеры не ощущали потребности в созыве общепартийного съезда для обсуждения и принятия программы, устава, тактики, принципов построения партии и других насущных задач. По крайней мере, до конца 1905 г. не предпринимали заметных шагов в этом направлении. Теоретические, тактические и организационные проблемы обсуждались и решались либо кулуарно, либо на съездах Заграничной организации, на которых, наряду с эсерами-эмигрантами, присутствовали некоторые члены ЦК и немногие представители комитетов [Леонов 2021, с. 28–32].

Заключение

В начале XX века партия эсеров представляла слабо координированную совокупность групп и комитетов общей численностью около двух тысяч членов: интеллигентов, рабочих и крестьян. Ее лицо определяла интеллигенция; простонародье было объектом партийного влияния. Партия эсеров начала XX века были преимущественно городской организацией Европейской России. В ее организационной структуре отчетливо проявлялись черты нелегальной кружковой организации. В этом отношении она была не одинока. «Сектантская кружковщина», по определению лидера большевиков В.И. Ленина и современных исследователей, была свойственна в то время всем революционным объединениям России [Ленин, т. 8, с. 94; Тютюкин 2002, с. 40].

Материалы исследования

Rapport 1904 – *Rapport du Parti Socialiste Révolutionnaire de Russe au Congrès Socialiste International d'Amsterdam*. Paris: Aout, 1904. URL: <https://archive.org/details/rapportdupartiso00part>.

Буланова-Трубникова 1929 – Буланова-Трубникова О. Леонид Петрович Буланов // Каторга и ссылка. Москва, 1929. № 6.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

Из истории партии... 1970 – *Из истории партии С.-Р.* // Новый журнал. Нью-Йорк. 1970. № 100

Обзор 1902 – *Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях по делам о государственных преступлениях*. За 1902 год. Ростов на-Дону, 1906.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Библиографический список

Hildermeier 1978 – *Hildermeier M.* Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln; Wien, 1978. 458 S.

Грин 1995 – Грин А. Сочинения. Москва, 1995. URL: <http://www.newfoundglory.ru/sochineniya/index.html>.

История... 1964 – *История Коммунистической партии Советского Союза*: в 6 т. URL: https://vk.com/wall76131398_8288.

Ленин – *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 8. URL: <http://leninvi.com/t08>.

Леонов 2016 – *Леонов М.И.* Центральные организации партии эсеров в начале XX в. // Самарский земский сборник. 2016. № 1 (26). С. 47–52. URL: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=41487885>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yzihki>.

Леонов 2021 – *Леонов М.И.* Заграничные организации и Заграничный комитет партии эсеров в начале XX века (На путях партийной институционализации) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 27–36. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-27-36>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wosbrc>.

Тютюкин 2002 – *Тютюкин С.В.* Меншевизм: страницы истории. Москва, 2002. 560 с. URL: <https://djvu.online/file/r5iooOWfXxDda>.

References

Hildermeier 1978 – *Hildermeier M.* (1978) Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln; Wien, 458 S.

Green 1995 – *Green A.* (1995) Works. Moscow. Available at: <http://www.newfoundglory.ru/sochineniya/index.html>. (In Russ.)

History... 1964 – *History of the Communist Party of the Soviet Union*: in 6 vols. Available at: https://vk.com/wall76131398_8288. (In Russ.)

Lenin – *Lenin V.I.* Full composition of writings. Vol. 8. Available at: <http://leninvi.com/t08>. (In Russ.)

Leonov 2016 – *Leonov M.I.* (2016) Central organizations of the Socialist-Revolutionary Party at the beginning of the XX century. *Samarskii zemskii sbornik*, no. 1 (26), pp. 47–52. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=41487885>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yzihki>. (In Russ.)

Leonov 2021 – *Leonov M.I.* (2021) Foreign Organization and the Foreign Committee of the Socialist-Revolutionary Party at the beginning of the 20th century. (On the path of party institutionalization). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 2, pp. 27–36. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-27-36>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wosbrc>. (In Russ.)

Tutyukin 2002 – *Tutyukin S.V.* (2002) Menshevism: pages of history. Moscow, 560 p. Available at: <https://djvu.online/file/r5iooOWfXxDda>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 791(470+571)

Дата поступления: 11.05.2023
рецензирования: 15.06.2023
принятия: 25.08.2023

Киноработа Самарского губернского союза потребительских обществ в 1926–1928-е годы

Е.В. Дианова

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Российская Федерация
E-mail: elena-dianowa@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7661-5181>

Аннотация: В данной статье рассматривается киноработа Самарского губернского союза потребительских обществ в 1926–1928 годы. Актуальность темы исследования состоит в том, что на примере деятельности регионального кооперативного союза по кинообслуживанию населения можно выявить общественные факторы и механизмы социокультурной динамики. В качестве источника использованы материалы журналов «Сеятель правды» Самарского губернского союза потребительских обществ и «Кооперативный путь» Средне-Волжского областного и окружного союза потребкооперации. В журналах печатались анонсы фильмов, объявления о маршруте кинопередвижек, отчеты инструкторов о кинорейсах, отзывы зрителей. Основная научная проблема заключается в изучении способов организации кинообслуживания и результатов работы кооперативных передвижек Самарского губернского союза потребительских обществ. Методология исследования базируется на теории коммуникации. Для объективного количественного анализа содержания коммуникации используется контент-анализ. Также применялись нарративный, историко-генетический, историко-сравнительный, типологический методы научного познания. В ходе проведенного исследования удалось выяснить, что самарские кооператоры применили грамотную стратегию по привлечению зрителей, сделав ставку на активных пайщиков, полностью внесших паевые взносы, подписчиков журнала «Сеятель правды». Во время киносеансов, до и после показа фильмов шла вербовка новых членов кооперации и абонентов журнала «Сеятель правды», принимались паевые взносы. Данная политика губсоюза обеспечила окупаемость проката лент и кинорейсов. Организация кинопередвижек увязывалась с различными общественно-политическими и кооперативно-просветительскими кампаниями.

Ключевые слова: кооперация; кино; кинопередвижки; киносеанс; зрительская аудитория.

Цитирование. Дианова Е.В. Киноработа Самарского губернского союза потребительских обществ в 1926–1928-е годы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29. № 3. С. 32–39. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-32-39>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дианова Е.В., 2023

Елена Васильевна Дианова – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, 185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.05.2023
Revised: 15.06.2023
Accepted: 25.08.2023

Film work of the Samara Provincial Community of Consumer Cooperatives in 1926–1928

E.V. Dianova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation
E-mail: elena-dianowa@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7661-5181>

Abstract: The article deals with the film work of the Samara Provincial Community of Consumer Cooperatives in 1926–1928. The relevance of the research topic lies in the fact that, using the example of the activities of the regional cooperative union for film services to the population, it is possible to identify social factors and mechanisms of sociocultural dynamics. As a source, the materials of the magazines «Sower of Truth» of the Samara Provincial Community of Consumer Cooperatives and «Cooperative Way» of the Middle Volga Regional and District Union of Consumer Cooperatives were used. The magazines published announcements of films, announcements about the route of film shifts, instructors' reports on film flights, and reviews from viewers. The main scientific problem is to study the ways of organizing cinema services and the results of the work of cooperative movements of the Samara Provincial Union of Consumer Cooperatives. The research methodology is based on the theory of communication. For an objective quantitative analysis of the content of communication, content analysis is used. Narrative, historical-genetic, historical-comparative, typological methods of scientific knowledge were also used. In the course of the study, it was possible to find out that the Samara cooperators used

a competent strategy to attract viewers, relying on active shareholders who fully paid their share contributions, subscribers of the Sower of Truth magazine. During film screenings, before and after the films were shown, new members of the cooperatives and subscribers of the Sower of Truth magazine were recruited, and share contributions were accepted. This policy of the Gubernia Union provided a return on the rental of tapes and film flights. The organization of movie nights was linked to various socio-political and cooperative educational campaigns.

Key words: cooperation; movie; cinema movers; film show; audience.

Citation. Dianova E.V. Film work of the Samara Provincial Community of Consumer Cooperatives in 1926–1928. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 32–39. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-32-39>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Dianova E.V., 2023

Elena V. Dianova – Doctor of Historical Sciences, associate professor, associate professor at the Department of National History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, 33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation.

Введение

С переходом к нэпу кооперация как организация, обслуживающая мелких производителей и потребителей, оказалась востребована для развития товарно-денежных отношений, восстановления сельского хозяйства и кустарных промыслов, для укрепления смычки между городом и деревней. В 1920-е гг. наряду с хозяйственной (торговой, производственной, заготовительной, сбытовой) деятельностью кооперативные объединения занимались и непрофильной работой, в том числе кинообслуживанием населения.

В целом библиография по истории кооперативного движения достаточно обширна. Можно назвать научные работы регионального характера [Безгина 2009; 2018; Ягов 2012]. Непосредственно с темой данной публикации связаны статьи о развитии кинематографа в Самарской губернии [Буданова 1996] и Среднем Поволжье [Миронов 2013; Семенова 2007], об использовании кино в культурно-просветительных мероприятиях кооперации [Дианова 2016].

В качестве источниковой базы привлекались журналы «Сеятель правды» Самарского губернского союза потребительских обществ и «Кооперативный путь» Средне-Волжского областного и окружного союза потребкооперации. Медиатексты кооперативной периодики когерентны первоисточнику, т. е. тем материалам и сведениям, которые собирались кооперативными союзами о деятельности потребительских обществ на местах, поэтому статистические данные, опубликованные в кооперативной печати, вполне объективны и достоверны. Некоторые материалы о культурно-просветительной деятельности кооперации обнаружены в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ. Ф. 484).

Методология исследования базируется на теории коммуникации. С точки зрения Ю.М. Лотмана, кино является «коммуникативной системой», так как «режиссер, киноактеры, авторы сценария, все создатели фильма что-то нам хотят сказать своим произведением. Их лента – это как бы письмо, послание зрителям» [Лотман 1973, с. 6]. Широкие коммуникативные функции даже немого кинематографа обеспечивали условия для передачи информации, создавали коммуникативное пространство, необходимое кооператорам для прове-

дения пропагандистских акций и культмассовых мероприятий по привлечению новых пайщиков и индоктринации кооперативных идей.

Для объективного количественного анализа содержания коммуникации используется контент-анализ, метод сопоставления различных потоков информации. С целью создания наиболее полного представления о деятельности Самарского губернского союза по кинообслуживанию населения также применялись общесторические методы научного познания. Среди них можно назвать историко-генетический, нарративный, историко-сравнительный, типологический методы. Историко-генетический метод позволяет применить последовательный анализ изменений в сельском социуме, происходивших в процессе «продвижения кино в деревню» (рост активности сельских жителей и подписчиков журнала «Сеятель правды», создание кооперативов, инкорпорация новых пайщиков). Исторический нарратив дает возможность описать работу «вокруг кино» инструкторов губсоюза в целях индоктринации кооперативных идей. Для выяснения общего и особенного в организации киносеансов на местах использован компаративистский подход, или историко-сравнительный метод. Типологический метод способствовал обнаружению схожих явлений в работе кинопередвижек Самарского губсоюза.

В кино 1920-х гг. художественная интерпретация действительности акцентирует внимание на социально-экономических процессах в доколхозной деревне, на социокультурных преобразованиях с участием самих крестьян. Многие фильмы, например «Всем на радость», демонстрировали открывшиеся после революции возможности «перемещения в социальной иерархии» [Почепцов 2001, с. 361]. Поскольку кинокартины, в том числе о кооперации, постулируя новые коллективные ценности, воспроизводили традиционные представления об общинном характере крестьянского социума, то сельский зритель мог понять и расшифровать «информационные коды, которые ему уже знакомы» [Постникова 2006, с. 22].

В статье рассматривается киноработа Самарского губернского союза потребительских обществ в 1926–1928 гг. Данный хронологический отрезок времени ограничен началом развертывания активной деятельности губсоюза по кинообслуживанию

населения Самарской губернии (январь 1926 г.) и преобразованием Самарского губернского союза в Средне-Волжский областной и окружной союз (август 1928 г.). Несмотря на непродолжительный период работы, самарские кооператоры смогли выстроить целенаправленную и хорошо продуманную стратегию по кинообслуживанию низовой сети и получили одобрение со стороны Всероссийского Центрального союза потребительских обществ (Центросоюза). В публикации представлены сведения о работе кооперативных кинопередвижек в уездах Самарского губернии; обозначены основные способы привлечения зрителей на периферии. Выявлены основные формы кооперативно-просветительной и культмассовой работы «вокруг кино» с учетом интересов аудитории, показаны достижения и трудности на пути «продвижения кино в деревню» (Советские художественные фильмы).

Кинообслуживание низовой сети

Во второй половине 1920-х гг. потребительская кооперация стала «главным каналом продвижения кино в деревню». Управление культуры Центросоюза напоминало кооперативным организациям, что они должны «принять решительные меры к превращению кино в мощное орудие кооперативно-просветительной и общей культурной работы», «яркую форму художественной пропаганды» (Информационный бюллетень Центросоюза 1929, № 17, с. 398). С точки зрения кооператоров, «аппарат народного просвещения был не в состоянии обслужить деревню, инициативу постановки такой кооперативной агитации и пропаганды в деревне должна взять на себя сама потребительская кооперация», поэтому (Кооперативные кампании 1924, с. 3) Совет Центросоюза счел необходимым перейти к «систематической киноработе через потребкооперацию». Работа «вокруг кино» включала показ картины, ее объяснение, беседы о фильме, чтение докладов и лекций (Информационный бюллетень Центросоюза 1927, № 30, с. 12).

Кинообслуживание низовой сети входило в систему общей культурно-просветительной деятельности кооперативных союзов, которые использовали кино в кампаниях по паенакоплению и снижению цен, по борьбе с частной торговлей, за привлечение женщин и молодежи в кооперацию, по мобилизации средств, хлебозаготовкам, продвижению книги в деревню. Не случайно, по мнению некоторых работников Управления культуры Центросоюза, «культурно-просветительная работа кооперации должна вестись не с целью самодовлеющей работы, ставящей своей задачей поднятие культурного уровня населения. Эту задачу выполняет советское государство. Культурно-просветительная работа кооперации должна преследовать утилитарную цель как вспомогательное средство в работе кооперации по организации и овладению рынка. Только при такой постановке мыслима и возможна культурно-просветительная работа кооперации» (РГАЭ. Ф. 484. Оп. 3. Д. 399. Л. 78).

С 1926 г. эффективную киноработу развернул Самарский губернский союз потребительских обществ. Предварительно в журнале «Сеятель правды» появилась информация об отправке в сельскую местность кинопередвижки: «Чтобы теснее связаться с крестьянством, узнать его нужды и запросы, ознакомить крестьянина с громадным значением кооперации, продвинуть в самые глухие уголки крестьянский журнал, Самарский губсоюз потребительской кооперации и редакция журнала “Сеятель правды” отправили в деревню кинопередвижку». Здесь же сообщалось об условиях посещения киносеансов: «Для членов потребительских обществ и подписчиков журнала “Сеятель правды” вход бесплатный». Таким образом, правлением Самарского губсоюза «сделана ставка на члена потребительского общества и подписчика журнала» (Сеятель правды 1926, № 80, с. 1), что обеспечило приток новых пайщиков, уплату паевых взносов и подписку на журнал «Сеятель правды».

Правление разработало маршрут кинопередвижки. В течение шести дней, с 29 января по 3 февраля 1926 г., кинопередвижка посетила такие села и деревни Обшаровской волости Самарского уезда, как Нижне-Печерское, Березовка, Александровка и Обшаровка. Затем кинопередвижка отправилась дальше на юг Самарского уезда в села Натальино, Преполовенка, Верхне-Печерское, Тростянка, Мосты, Приволжье.

В село Обшаровка Самарского уезда кинопередвижка с кооперативной картиной «Всем на радость» прибыла 1 февраля 1926 г., в этот день состоялись перевыборы правления потребительского общества (сельпо). Кино привлекло так много зрителей, что вместо одного дня передвижка работала три дня. В первый день бесплатный киносеанс был устроен специально для членов потребкооперации (около 500 человек). На второй день кино показывали для допризывников (почти 450 человек), на третий день – для подписчиков журнала «Сеятель правды», пионеров и комсомольцев (около 300 человек). В селе Березовка Обшаровской волости киносеанс устроили в частном доме, там собралось 162 человека мужчин, женщин и детей разного возраста. Даже «приходилось отказывать публике за недостатком мест в зале» (Сеятель правды 1926, № 81, с. 16, 17).

Появление кооперативной передвижки в деревню Мосты Обшаровской волости Самарского уезда тоже стало «большим праздником». В течение двух вечеров 8 и 9 февраля 1926 г. показывалась кооперативная картина «Всем на радость». В заметке «Заветы Ильича выполняются» местный селькор сообщил: «Из картины мужики наглядно увидели, как беднота сообща может улучшить свое положение посредством кооперативов. После первого же вечера перед крестьянами встал ребром вопрос о необходимости иметь свой кооператив. После сеанса подробно переговорили об этом с инструктором, а на следующий вечер 9 февраля

1926 г. перед сеансом состоялось общее собрание граждан нашей деревни, где инструктор толково объяснил пользу кооперирования и возможность открыть в деревне кооперативную лавку. В тот же вечер в кооператив записалось 50 новых членов». Изначально кооператив объединял всего 10 человек, а после киносеанса в его состав входило уже 60 членов (Сеятель правды 1926, № 84, с. 22).

Приезд кинопередвижки в деревни вызывал всплеск активности крестьян. Для того чтобы попасть на киносеанс, они охотно подписывались на журнал «Сеятель правды», вступали в кооперативы. Так, с 29 января по 3 февраля 1926 г. в четырех селах Обшаровской волости Самарского уезда – Нижне-Печерском, Березовке, Александровке и Обшаровке – на журнал подписались 150 человек, в ряды кооперации вступили 24 человека и пополнили пай 13 человек. 10 февраля 1926 г. в Мостовском сельсовете возникла «необыкновенная давка», так как «приходили записываться в кооператив те, кто не записался накануне вечером». Тут же они оформляли подписку на журнал «Сеятель правды» (подписались больше 20 человек). По мнению зрителей, «такая работа губсоюза на деле отражает лозунг “Лицом к деревне”» (Сеятель правды 1926. № 81. С. 16, 17).

Затем в нескольких номерах журнала «Сеятель правды» печатались сообщения о проведении киносеансов в различных волостях и приводились восторженные отклики деревенских зрителей. Сведения, поступавшие с мест, говорили «о большом успехе этого полезного начинания»: «Кино своим приездом буквально выбило из колеи не только ребятишек, но и взрослых»; «Многие впервые увидели кино»; «Крестьяне были очень довольны. Они говорили: “Сколько радости привезло нам кино!”» (Сеятель правды 1926, № 91, с. 15).

Весной 1926 г. кинопередвижка Самарского губсоюза посещала села Бугурусланского уезда. 11 апреля в деревне Преображенской Сергиевской волости «прошел слух, что к крестьянам прибыло кино. Многих удивляло, что за зверь это кино, так как до сих пор некоторые еще не имели понятия о таковом. Вечером на кино повалила масса народа, среди которых взрослые, молодежь и старики, и каждый при себе имел кооперативную книжку или журнал “Сеятель правды”. Они входили в помещение, где проходил киносеанс, с такой смелостью и быстротой, что отталкивали близстоящего человека, который не был членом потребительского общества. Тут-то вот он и почесывал в затылке, думая войти в члены кооператива». В селе Ивановка Бугурусланского уезда «пронесся слух, что в школу приехали показывать “живые картины”. Поднялся целый переполох. Со всех концов повалили мужики, бабы, ребятишки. Около школы собралось все село, но тут объявили, что войти могут только члены кооперации и подписчики “Сеятеля правды”. Народ заволновался. Большинство не принадлежало ни к тем, ни к другим. Когда сказали, что можно сейчас же подписаться на журнал

и войти, народу набилось битком». Как и в других селах, в Ивановке и деревне Преображенской приезд кинопередвижки и показ кино обеспечили приток новых членов в потребительские общества, вызвали массовую подписку на кооперативный журнал «Сеятель правды» (Сеятель правды 1926, № 91, с. 15).

В целом зимой-весной 1926 г. кинопередвижка Самарского губернского союза кооперативов посетила 41 село в районе деятельности Обшаровского, Приволжского, Кабановского, Матвеевского и Пригород-Сергиевского обществ потребителей. Всего киносеансы посетили 16 529 человек, причем для членов кооперации и подписчиков журнала «Сеятель правды» вход был бесплатный. В результате работы кинопередвижки в кооперацию вступили 393 человека, пополнили пай 224 человека, подписались на журнал «Сеятель правды» 1180 человек более чем на 1000 экземпляров (Сеятель правды 1926, № 93, с. 14).

С установлением санного пути начался новый этап по «продвижению кино в деревню». С 7 ноября по 21 декабря 1926 г. кинопередвижка посетила 33 села в Самарском уезде, где было устроено 35 кино вечеров, на которых присутствовало 9180 человек. Перед показом фильма инструктор Самарского губернского союза А.Н. Сурков выступал с докладом о кооперации, затем демонстрировалась картина «Всем на радость» с подробными разъяснениями. Условия пропуска на киносеанс были прежними – членство в кооперации и подписка на журнал «Сеятель правды». В связи с большим притоком зрителей пришлось ввести очередность. В первую очередь бесплатно по членским книжкам пропускались члены, только что вступившие в кооператив; потом шли пайщики, полностью уплатившие паевой взнос; затем – пайщики, уплатившие половину пая, но с учетом их социального положения; в завершение – подписчики журнала «Сеятель правды».

Киносеансы устраивались в народных домах и сельских школах, но зрителей было так много, что помещения не вмещали всех желающих, так как везде наблюдался наплыв публики, пришедшей посмотреть кино за несколько верст из других сел. В селе Канцевка Самарского уезда в зал Народного дома поместилось 380 человек, но еще «целая вереница оставалась на улице». В Кормежско-Журавлихинском селе Пугачевского уезда внутрь старой глиняной школы смогло войти только 100 человек, тогда как на улице образовался «хвост» в 300 человек. Они говорили: «Возьмите деньги, только пустите». В селе Ивановка учитель Брусникин даже разобрал в школе перегородку, «чтобы больше поместилось народу» (Сеятель правды 1927, № 14, с. 22).

В селе Малый Красный Яр киносеанс проводился в церкви. Поскольку там служба давно уже не проходила, разрешение на показ кино церковный совет дал без проволочек. Внутреннее убранство церкви тоже не мешало натянуть полотно,

так как иконы были все сняты и сложены в алтаре, в правом углу иконостаса висел красный флаг, а над иконостасом – лозунг «Владыкой мира будет труд. Через правильный севооборот и механизацию труда крестьянство идет к социализму». Посмотреть кино пришли 320 человек, из них 30 % – «бородачей». Один крестьянин сказал, что на киносеансе «было столько же народу, сколько и на пасхальной заутрене» (Сеятель правды 1927, № 14, с. 23).

Проведение киносеансов способствовало большему участию крестьянства в кооперативной работе. В период с 7 ноября по 21 декабря 1926 г. во время кино вечеров в члены кооперации вступили 126 человек, пополнили пай 154 человека, на журнал «Сеятель правды» подписались 836 человек. В деревнях киносеансы совмещали с собраниями пайщиков, проводились перевыборы правлений сельпо и крестьянских комитетов. На собраниях нередко принимались решения об увеличении ассигнований на избу-читальню и на содержание сельских школ. Действенную помощь в проведении кино вечеров оказывали, как правило, работники кооперации, учителя, комсомольцы и избачи. Подводя итоги о работе кинопередвижки в ноябре-декабре 1926 г., кооперативные инструкторы с удовлетворением отмечали: «Всюду крестьяне были довольны кино вечерами и благодарили губсоюз за кооперативное просвещение. Картина убедила их в громадной пользе кооперации и показала, чего можно добиться при дружном объединении всех крестьян в кооперативы» (Сеятель правды 1927, № 15, с. 16).

В 1927 г. правление Самарского губернского союза кооперативов продолжило кинообслуживание своей низовой кооперативной сети. 25 января 1927 г. кинопередвижка отправилась в Бузулукский уезд, где в течение полутора месяцев посещала населенные пункты в районе деятельности Павловского, Борского и Колтубановского многолавочных кооперативов. Кинопередвижка разъезжала от села к селу, везде показывали кооперативную картину «Всем на радость», и еще демонстрировались две комические ленты, которые «смотрелись с большим удовольствием при почти непрерывном смехе зрителей». Условия пропуска зрителей были прежние. В первую очередь проходили новые, только что поступившие пайщики, затем ранее состоящие и полнившие пай, потом подписчики журнала «Сеятель правды». Всего было устроено 34 кино вечера, где присутствовали 8099 человек, из них 3388 мужчин, 2318 женщин и 2444 детей и подростков. По словам инструктора А.Н. Суркова, «лучше всего удалось обслужить села Державино, Косовское, Петровка, Павловка и поселок Колтубанка, где кино посмотрело почти все взрослое население». В Бузулукском уезде 128 человек стали членами кооперации, 609 человек пополнили пай на сумму 840 руб., 638 человек подписались на журнал «Сеятель правды» (Сеятель правды 1927, № 23, с. 18).

В целом в 1926/27 хозяйственном году инструктор Самарского губсоюза А.Н. Сурков побывал в 137 селах, где лично провел 64 кино вечера, на которых удалось кооперировать 773 человека, пополнили пай 956 человек, и 3480 человек оформили подписку на журнал «Сеятель правды» (Сеятель правды 1927, № 23, с. 18).

Весной 1927 г. инструктор А.Н. Сурков отправился в район Пригород-Сергиевского потребительского общества. Правление общества «настоячиво просило губсоюз прислать кинопередвижку», объясняя свою просьбу намерением одновременно с киносеансами провести отчетную кампанию за период с октября 1926 г. по февраль 1927 г. На собрании пайщики прослушали отчетный доклад о работе общества за пять месяцев и содоклад о задачах кооперации. Работа правления признана «вполне продуктивной», отчетный период отмечен ростом паевого капитала, увеличением оборотных и собственных средств (Сеятель правды 1927, № 31, с. 20). Затем участники собрания смотрели кинокартину «Кирпичики» (Межрабпом-Русь, 1925).

За время поездки с 24 марта по 10 апреля 1927 г. кинопередвижка посетила 12 населенных пунктов, где организовано 17 киносеансов (13 бесплатных и 4 платных), где присутствовали 3655 человек, в том числе 1776 мужчин, 680 женщин, 1199 детей и подростков. Условия пропуска были такие же, что и прежде. Но в некоторых деревнях, где помощь кооперативной кинопередвижке оказывали сельсоветы, финансируя ее проезд, посещение киносеанса увязывалось с социальным статусом жителей. Так, председатель Успенского сельсовета пропускал крестьян на кино вечер, учитывая социальное положение, т. е. бедняки проходили бесплатно.

Многонациональный состав зрителей в Микушине, Одемякове и других деревнях потребовал комментария к картине и на русском, и чувашском языке. Секретарь Микушинского волисполкома М.А. Арсентьев выехал вместе с кооперативной передвижкой в соседнее село Ново-Ганькино, где во время сеанса разъяснял картину «Кирпичики» на чувашском языке. Приезд кинопередвижки местное население встретило с воодушевлением. После кино вечера «у собравшихся бородачей настолько было поднято настроение, что они в момент все кооперировались», открыли «потребилку», собрали паевые взносы на сумму 169 руб. 85 коп. и тут же отправили извозчиков за товаром (Сеятель правды 1927, № 31, с. 20). Общий эмоциональный подъем ускорил кооперирование населения и создание потребительского общества.

В целом поездка кинопередвижки весной 1927 г., сопряженная с рядом трудностей (распутица, пост, «истощение у крестьян средств»), дала определенные результаты (пополнение паев и привлечение новых пайщиков). Как и прежде, шла вербовка новых подписчиков на журнал «Сеятель правды». Так, в селе Ново-Ганькино на журнал подписались 48 крестьян, всего – 233 человека. Крестьяне вы-

ражали недовольство тем, что стоимость журнала выросла с 20 до 30 коп. Действительно, во время проведения кампании за снижение цен в 1927 г. подписка подорожала – «вот тебе и снижение цен!» (Сеятель правды 1927, № 31, с. 21).

В период с 18 июня по 16 июля 1927 г. кинопередвижка находилась в Бугурусланском уезде, где посетила 15 деревень и провела 19 кино вечеров с показом картины «Всем на радость» и документального фильма «Наша кооперация». 19 киносеансов посетили 4997 человек, из них 2396 мужчин, 965 женщин и 1636 детей. Крестьяне воспринимали кино как «небывалое зрелище». Желание увидеть «живые картины» было настолько велико, что во время киносеансов в помещении школы или Народного дома «запертая дверь срывалась с крючков и даже петель, толпа врывается в переполненное здание с криками: “Возьмите деньги! Дайте взглянуть хоть одним глазом!”» (Сеятель правды 1927, № 43, с. 23).

В селе Старо-Чесноковка Бугурусланского уезда киносеанс проводился в здании сельсовета, где собралось 300 человек, в том числе крестьяне из деревень Починовки и Дмитриевки. В помещении «было настолько душно, что не горели лампы, аппарат и кинолента покрылись потом, а о присутствующих и говорить было нечего. К концу сеанса буквально дышать было нечем, но все же крестьяне убедительно просили: “Покажите нам еще комическую (картину) – повеселее”». Даже в таких тяжелых условиях «вечер прошел в полном порядке, с громадным подъемом» (Сеятель правды 1927, № 46, с. 14).

Стремясь усилить киноработу на селе, правление Самарского губсоюза приобретало новые киноаппараты. В преддверии 1927/28 хозяйственного года в распоряжении губсоюза имелось три кинопередвижки, а к апрелю 1928 г. – уже четыре аппарата. За период с 1 октября 1927 г. по 1 апреля 1928 г. кинопередвижки Самарского губсоюза объехали 154 населенных пункта, там было дано 329 сеансов, пропущена 41 тыс. зрителей (Сеятель правды 1928, № 80, с. 19). Идя навстречу пожеланиям первичных кооперативов, в маршрутный лист кинопередвижки в первую очередь записывались потребительские общества, где еще не устраивались киносеансы. Приезд кинопередвижки осуществлялся по заявкам обществ и совмещался с отчетно-перевыборными кампаниями, вербовкой новых членов, пополнением паев, подпиской на журнал «Сеятель правды». В самом журнале появилась отдельная рубрика «Кино в деревне», где печатались отчеты кооператоров-инструкторов о поездках на периферию и отзывы сельских зрителей о просмотренном фильме.

Одновременно крупные потребительские общества стали обращаться в правление Самарского губсоюза с просьбой помочь приобрести собственные кинопередвижки. В связи с тем что киноаппарат стоил довольно дорого, предлагалось создавать кинотоварищества на паях и договор-

ных началах, куда могли войти несколько потребительских обществ. Из отчислений из прибыли они имели возможность создавать кинофонды, на эти средства приобрести технику и обслуживать район своей деятельности (Кооперативный путь 1928, № 17, с. 3).

Наряду с положительными моментами в кинообслуживании населения пришлось отмечать и некоторые отрицательные явления. Дело в том, что в годы нэпа возродились обычные для рабочей среды практики досуга, отдыха и проведения свободного времени, среди них бытовое пьянство, кабацкие застолья, а в деревне – самогонование, праздники с большим количеством спиртных напитков. Антиалкогольная и атеистическая пропаганда вменялась в обязанность кооператорам, поэтому во время проведения киносеансов инструкторы Самарского губсоюза по мере необходимости вели агитацию против пьянства, суеверий и предрассудков.

Деятельность Самарского губернского союза по кинообслуживанию своей периферии отмечена правлением Центросоюза. Заведующий киновидео Центросоюза Н.А. Каринцев признал достижения самарских кооператоров «в области продвижения кино в деревню» «чрезвычайно ценными». Работники Центросоюза интересовались вопросами, связанными с организацией киносеансов, стоимостью кинорейсов, включая расходы на амортизацию кинопередвижки. Большой интерес вызвал выбор кинокартин для деревенских зрителей. Серьезного внимания заслуживала работа по кооперированию населения и привлечению новых пайщиков во время проведения киносеансов (Сеятель правды 1927, № 23, с. 20). Положительный опыт Самарского союза кооперативов предполагалось использовать в развертывании киноработы потребкооперации в других регионах.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что продуманная и четко выверенная стратегия Самарского союза потребительских обществ по «продвижению кино в деревню» дала серьезный положительный результат. Социокультурная динамика киноработы Самарского губсоюза отразилась в росте числа зрителей, расширении сферы кинообслуживания за счет увеличения протяженности пути кинопередвижки и посещения большего количества населенных пунктов. По заранее составленному маршруту кооперативные кинопередвижки посещали села Бугурусланского, Бузулукского, Мелекесского, Самарского уездов, где устраивались кино вечера. Усиление материальной базы союза способствовало расширению охвата территории по кинообслуживанию уездов Самарской губернии, что, в свою очередь, дало возможность приобрести новые киноаппараты и брать напрокат художественные и документальные киноленты, среди них «Всем на радость», «Наша кооперация», «Кирпичики», «На дальнем берегу», «Случай на мельнице».

Рекламные кампании на страницах журнала «Сеятель правды» (анонсы фильмов, объявления о маршруте кинопередвижек, заметки с отзывами восторженных зрителей) «подогревали» интерес потенциальных посетителей киносеансов на местах. Привлечение «культурных сил» сельской местности к демонстрации фильмов и участию в кино вечерах также повышало рейтинг кооперативных обществ. Весьма удачным можно назвать маркетинговый ход самарских кооператоров, сделавших ставку на активных пайщиков, полностью внесших паевые взносы, подписчиков журнала «Сеятель правды». Во время киносеансов, до и после показа фильмов проходила вербовка новых членов кооперации и абонентов журнала «Сеятель правды», принимались паевые взносы. Данная политика губсоюза обеспечила окупаемость проката лент и работы кинопередвижки.

В сельской местности при демонстрации фильмов с установлением тесного контакта присутствующих зрителей с инструкторами Самарского губсоюза возникала атмосфера доверия, создавалось особое коммуникативное пространство, которое оказывало влияние на мотивацию поведения, формировало положительный имидж кооперативного сообщества, способствуя инкорпорации новых членов. Киносеансы совмещались с общественно-политическими акциями, кооперативно-просветительской работой по случаю перевыборов волысполкома или правления сельпо, советских праздников, Международным днем кооперации, где читались доклады, проводились вечера вопросов и ответов, лекции и беседы об укреплении обороноспособности страны, международном положении, достижениях советской кооперации и кооперативном движении в нашей стране и за рубежом.

Материалы исследования

Информационный бюллетень Центросоюза – *Информационный бюллетень Центросоюза*.

Кооперативный путь – *Кооперативный путь*.

Кооперативные кампании 1924 – *Кооперативные кампании*. Материалы для докладчиков. Вып. 1. Москва: МСПО, 1924. 16 с.

РГАЭ – *Российский Государственный архив экономики*.

Сеятель правды – *Сеятель правды*.

Библиографический список

Безгина 2009 – *Безгина О.А.* К вопросу о положении отечественной кооперации в 1921–1923 гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2009. Т. 15, № 5. С. 164–169. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3992>.

Безгина 2018 – *Безгина О.А.* Кооперативное движение Поволжья в конце XIX – начале XX века: взаимодействие власти и общества. Тольятти: Издательство Тольяттинского госуниверситета, 2018. 306 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35396607>. EDN: <https://elibrary.ru/xvritr>.

Буданова 1996 – *Буданова А.А.* Развитие кинематографии в Самарской губернии за 1898–1917 гг. // Краеведческие записки. Самара, 1996. Вып. VIII. С. 119–133. URL: https://alabin.ru/biblioteka/kraevzap08/08_budanova.pdf?ysclid=lkv1vho4rb421400262.

Дианова 2016 – *Дианова Е.В.* Кино в культурно-просветительской работе северной кооперации // Клио. 2016. № 7 (115). С. 153–161. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26489169>. EDN: <https://elibrary.ru/whrfpx>.

Лотман 1973 – *Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээсти Раамат, 1973. 138 с. URL: http://library.lgaki.info:404/2017/Лотман%20Ю_Семиотика.pdf.

Миронов 2013 – *Миронов Г.А.* Развитие кинодела в Среднем Поволжье в 1890–1930 гг.: историография проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3 ч. Ч. 2. С. 137–141. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_12-2_32.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20797175>. EDN: <https://elibrary.ru/rncsnl>.

Постникова 2006 – *Постникова Т.В.* Коммуникация кинематографа в семиотике Ю.М. Лотмана: философско-антропологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2006. № 3. С. 11–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-kinematografa-b-semiotike-yu-m-lotmana-filosofsko-antropologicheskij-analiz/viewer>.

Почепцов 2001 – *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. Москва: Рефл-бук: Ваклер, 2001. 651 с. URL: <http://socium.ge/downloads/komunikacii-teoria/pochepcov%20teoria%20komunikacii.pdf>.

Семенова 2007 – *Семенова Е.Ю.* Кинематограф – феномен отечественной культуры в годы Первой мировой войны (по материалам поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9, № 2. С. 364–372. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12888112>. EDN: <https://elibrary.ru/kwauod>.

Советские художественные фильмы – *Советские художественные фильмы*. Аннотированный каталог: Немые фильмы (1918–1935). Москва: Искусство, 1961. 529 с. URL: <https://arttaller.com/books/kn/kat1/kinokatalog1..html?ysclid=lkv2ucjrcz134475992>.

Ягов 2012 – *Ягов О.В.* Государственная финансовая политика по поддержке кооперативного сектора экономики Поволжья в 1920-е гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2012. Т. 18, № 2/2. С. 120–124. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3187>.

References

Bezgina 2009 – *Bezgina O.A.* (2009) To the question about the state of domestic cooperation in 1921–1923 years. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 15, no. 5, pp. 164–169. Available at: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3992>. (In Russ.)

Bezgina 2018 – *Bezgina O.A.* (2018) Cooperative movement of the Volga region at the end of the XIX – beginning of the XX century: interaction between government and society. Togliatti: Izdatel'stvo Tol'yattinskogo gosun-ta, 306 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35396607>. EDN: <https://elibrary.ru/xvritr>. (In Russ.)

Budanova 1996 – *Budanova A.A.* (1996) The development of cinematography in the Samara province for the period of 1898–1917. In: *Local history notes*. Samara, issue VIII, pp. 119–133. Available at: https://alabin.ru/biblioteka/kraevzap08/08_budanova.pdf. (In Russ.)

Dianova 2016 – *Dianova E.V.* (2016) Cinema in the cultural and educational work of northern cooperation. *Klio*, no. 7 (115), pp. 153–161. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26489169>. EDN: <https://elibrary.ru/whrfpx>. (In Russ.)

Lotman 1973 – *Lotman Yu.M.* (1973) Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics. Tallinn: Eesti Raamat, 138 p. Available at: http://library.lgaki.info:404/2017/Лотман%20Ю_Семиотика.pdf. (In Russ.)

Mironov 2013 – *Mironov G.A.* (2013) Cinema affairs development in Middle Volga Region in 1890–1930: historiography of problem. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. Tambov: Diploma, no. 12 (38): in 3 parts, part 2, pp. 137–141. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_12-2_32.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20797175>. EDN: <https://elibrary.ru/rncsnl>. (In Russ.)

Postnikova 2006 – *Postnikova T.V.* (2006) Communication of cinematograph in semiotic conception of Yu.M. Lotman: philosophical–anthropological analysis. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, no. 3, pp. 11–31. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-kinematografa-b-semiotike-yu-m-lotmana-filosofsko-antropologicheskij-analiz/viewer>. (In Russ.)

Pocheptsov 2001 – *Pocheptsov G.G.* (2001) Theory of communication. Moscow: Refl-book: Vakler, 2001. 651 p. Available at: <http://socium.ge/downloads/komunikaciisteoria/pochepcov%20teoria%20komunikacii.pdf>. (In Russ.)

Semenova 2007 – *Semenova E.Y.* (2007) Cinema – the phenomenon of Russian culture in the years of the First World War (on materials of the Volga provinces). *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 9, no. 2, pp. 364–372. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12888112>. EDN: <https://elibrary.ru/kwauod>. (In Russ.)

Soviet feature films 1961 – *Soviet feature films* (1961). Annotated catalogue: silent films (1918–1935). Moscow: Iskustvo, 527 p. Available at: <https://arttaller.com/books/kn/kat1/kinokatalog1..html?ysclid=lkv2ucjrcz134475992>. (In Russ.)

Yagov O.V. 2012 – *Yagov O.V.* (2012) State financial policy on supporting the cooperative sector of Volga region economics in 1920-ies. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 18, no. 2/2, pp. 120–124. Available at: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3187>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47).084.8

Дата поступления: 08.04.2023
рецензирования: 10.05.2023
принятия: 25.08.2023

Проблемы экономической эффективности совхозов в 1940–1952 годах (по материалам рассекреченных архивных материалов)

М.С. Чирков

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mich.chirk@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6259-2417>

Аннотация: В статье на основе архивных источников, многие годы находившихся под грифом секретности, анализируются проблемы экономической эффективности советских хозяйств (совхозов) в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. Огромные людские и материальные потери, понесенные сельским хозяйством, предопределили сложности восстановительного периода. Анализ различных статистических данных показал следующие результаты. Слабо росла урожайность кормовых, технических и зерновых культур, не удавалось значительно приумножить поголовье скота. Увеличение заработной платы в совхозах не сопровождалось повышением производительности труда. Несмотря на улучшение технической оснащённости совхозов, не удавалось добиться применения достижений агрономической науки, наблюдались существенные потери при уборке урожая. Сложившаяся система ценообразования сельскохозяйственной продукции породила значительную разницу в плановой и фактической себестоимости, которые, с свою очередь, превышали государственные цены. Важнейшим механизмом ликвидации этого несоответствия стало дотирование совхозов за счет бюджетов разных уровней. Более 80 % сельскохозяйственных предприятий находились на государственных дотациях, из них около 60 % хозяйств имели убытки, которые не сумели компенсировать даже выделяемые средства. Вместе с тем государство получало экономическую выгоду от деятельности совхозов. Средства, выделенные на финансирование деятельности совхозов, были в два раза меньше, чем государство получало от продажи сельскохозяйственной продукции. Несмотря на определенные успехи в аграрном производстве, совхозы были не в состоянии к началу 1950-х годов увеличить производительность труда, значительно повысить урожайность и умножить поголовье скота, активно внедрять достижения агрономической науки и рационально использовать технику.

Ключевые слова: сельское хозяйство; совхоз; сельскохозяйственная продукция; зерновое производство; поголовье скота; себестоимость; дотации; показатели.

Цитирование. Чирков М.С. Проблемы экономической эффективности совхозов в 1940–1952 годах (по материалам рассекреченных архивных материалов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 40–50. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-40-50>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чирков М.С., 2023

Михаил Сергеевич Чирков – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 08.04.2023
Revised: 10.05.2023
Accepted: 25.08.2023

Problems of economic efficiency of state farms in 1940–1952 (based on materials of declassified archive materials)

M.S. Chirkov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: mich.chirk@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6259-2417>

Abstract: The article, based on archival sources that have been under the heading of secrecy for many years, analyzes the problems of economic efficiency of Soviet farms (state farms) in the first years after the end of World War II. The huge human and material losses suffered by agriculture predetermined the difficulties of the restoration period. Analysis of various statistics showed the following results. The yield of feed, technical and grain crops grew weakly, it was not possible to significantly increase the number of livestock. The increase in wages on state farms was not accompanied by an increase in labor productivity. Despite the improvement in the technical equipment of state farms, it was not possible to achieve the application of the achievements of agronomic science; significant losses were observed in harvesting. The existing system of pricing agricultural products gave rise to a significant difference in the planned and actual cost, which, in turn, exceeded government prices. The most important mechanism for eliminating this discrepancy was the subsidy of

state farms at the expense of budgets of different levels. More than 80 % of agricultural enterprises were on state subsidies, of which about 60% of farms had losses that could not even compensate for the allocated funds. At the same time, the state received economic benefits from the activities of state farms. The funds allocated to finance the activities of state farms were half as much as the state gained from the sale of agricultural products. Despite certain successes in agricultural production, state farms were unable by the beginning of the 1950-ies to increase labor productivity, significantly increase yields and multiply livestock, actively implement the achievements of agronomic science and rationally use technology.

Key words: agriculture; state farm; agricultural products; grain production; livestock; prime cost; subsidies; indicators.

Citation. Chirkov M.S. Problems of economic efficiency of state farms in 1940–1952 (based on materials of declassified archive materials). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 40–50. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-40-50>. (In Russ.)

Conflict of interest information: author declares no conflict of interest.

© Chirkov M.S., 2023

Mikhail S. Chirkov – Candidate of Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of National History and Historiography, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Современная Российская Федерация в свете меняющихся геополитических и экономических условий выстраивает путь суверенного развития. Особое место занимает проблема переустройства собственного сельскохозяйственного производства, особенно на фоне санкций со стороны коллективного Запада. В поисках опорных конструкций, обеспечивающих потребности государства и запросы общества, важное место занимает анализ предшествующего советского опыта. Продолжительное время в академической среде ведутся различные дискуссии об эффективности сельскохозяйственной модели СССР, ее трансформаций в сложных условиях Великой Отечественной и холодной войн. Значимую роль в этой системе играли совхозы, представлявшие собой крупные производящие хозяйства, выполнявшие наряду с колхозами и личными приусадебными участками важнейшие функции по обеспечению продовольствием населения страны. Таким образом, указанная проблематика является не только актуальной, но имеет научную значимость в контексте изучения особенностей процесса аграрного развития.

Экономическая деятельность советских хозяйств (совхозов) – государственных сельскохозяйственных предприятий СССР – всегда находилась в нашей стране в фокусе научных исследований. В советский период анализу указанной проблематики уделялось огромное значение. Важно было показать, что именно социалистическая аграрная политика является наиболее передовой в мире, максимально учитывающей интересы земледельцев и государства. Наиболее значительное количество исследований появилось в период 1960–1980-х годов, когда часть колхозов была преобразована в совхозы, а также продолжали развиваться уже созданные хозяйства. Для отечественных историков важнейшей особенностью такой организации труда на селе было то, что совхозы являлись общественными производствами государственного типа. Следовательно, деятельность таких единиц приближала советское крестьянство (и общество в целом) к победе коммунистического строя. Тематика исследований на эту тему крайне разнообраз-

на. Изучались основы организации совхозного производства как в целом по стране, так и по отдельным республикам в составе СССР [Богденко, Зеленин 1976; Зеленин 1972] (Даргвайнис 1983; Михайлов 1977). Большое количество исследовательских работ было опубликовано по материалам Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Затрагивались проблемы повышения производительности труда, материального стимулирования, роста различных сельскохозяйственных отраслей (Башмачников 1982; Миронова 1978; Насонов 1973).

Значительное внимание было уделено совхозному строительству, социально-экономическому развитию и культурной жизни хозяйств. Эти исследования проходили в рамках общего идеологического подхода к изучению процессов, происходивших в отечественной деревне на разных этапах исторического развития. Экономика, демография, культурное строительство анализировались подробным образом, делался вывод об «окончательной и бесповоротной победе ленинского курса», выдвигались тезисы об эффективности общественных хозяйств, постоянном улучшении их материально-технического обеспечения, удовлетворенности сельских жителей уровнем жизни [Арутюнян 1973; Волков 1972; История крестьянства... 1986–1988].

В 1990-е годы на волне перемен возобладали критические оценки совхозного способа производства. Советская модель аграрной политики признавалась в принципе ошибочной, соответственно, совхозы как общественные производственные комплексы подвергались разгромной критике. Значительная часть исследователей конца XX – начала XXI века сосредоточила свое внимание на мрачных сторонах сельской действительности, многие работы были посвящены трагическим страницам истории советской деревни (голоду 1930-х и 1940-х годов, коллективизации, репрессиям и пр.) [Вербицкая 1992; Зима 1996; Попов 2000]. Логично, что положительные итоги аграрного курса СССР были поставлены под сомнение, выход из экономического кризиса конца 1980-х годов виделся в появлении частного собственника

на земле по типу американского фермерства. При этом игнорировались основы традиционного уклада российской деревни (например, общинный способ ведения хозяйства); культивировалась точка зрения, что собственное аграрное производство неконкурентоспособно по отношению к западному; что Россия способна без участия отечественного крестьянина прокормиться импортной «дешевой и качественной» продукцией.

К началу 2010-х годов положение стало меняться. Положительный опыт создания крупных хозяйств на базе бывших совхозов (которые превратились в акционерные общества) привел многих исследователей к выводам, что дело не столько в форме собственности, но и в правильной организации хозяйства [Лазарева 2008]. Тип американского фермерства в России оказался в силу объективных причин трудно реализуем, и поиски ответов на вопросы об эффективности колхозно-совхозной системы СССР велись с точки зрения изучения сложных процессов упорядочивания производства и эффективности управления [Безнин, Димони 2011; Романченко 2012].

Обозначилась тенденция к переосмыслению аграрного опыта советского периода в целом. Наряду с отрицательными последствиями сельскохозяйственной политики 1920–1940-х годов отмечались характерный для периода 1960–1980-х высокий уровень капиталовложений, положительный опыт комплексной механизации, улучшение жизни простых тружеников [Мотрович 2013; Панарин 2013; Петрушин 2012; Романченко, Ножкина 2016].

Современная историография обобщила многие проблемы истории советской деревни и производственной деятельности общественных хозяйств [Андреенков 2019]. Экономическая деятельность совхозов в настоящий период изучается значительным количеством историков, однако преобладает комплексный характер исследования всех форм сельскохозяйственного производства. Получил распространение более широкий контекст «постижения» истории отечественного крестьянства, связанный с размышлениями о судьбах российско-го крестьянства в целом, анализа отдельных сторон жизни, особенностей сельского менталитета в советский период [Наухацкий 2019; Сухова, Ягов 2018]. Активные усилия в этом направлении предпринимают региональные исследователи [Надькин 2011; Хасянов 2018; Хисамутдинова 2003].

Основная часть

Термин «совхоз» произошел от сокращенной формы выражения «советское хозяйство». Идею создания государственных хозяйств для производства сельскохозяйственной продукции на основе помещичьих имений выдвинул В.И. Ленин еще до октябрьских событий 1917 года. После прихода к власти большевиков планы начали получать практическое воплощение. Преимущественно совхозами становились предприятия, работавшие в сфере

производства технических культур. Их труженики являлись наемными работниками, получавшими фиксированную заработную плату. По оценкам советских историков, к 1928 году на территории СССР действовало 5 тысяч совхозов с общей площадью земли в 3600 тыс. гектаров [Зеленин 1972, с. 22]. Хозяйства в 1920-е годы не всегда были эффективны, наиболее убыточные предприятия закрывались. Однако после хлебозаготовительного кризиса 1927 года совхозы приобрели важное значение в советском сельском хозяйстве как крупные производящие единицы. Руководители СССР во главе с И.В. Сталиным полагали, что при правильной организации совхозного дела зерновое производство в стране может вырасти через несколько лет на 15–20 % [Сталин 1949, с. 92]. Таким образом, создание сельхозпредприятий стало одной из приоритетных задач советского государства, на долгие годы став предметом его гордости; а в «перестроечные» и постсоветские годы уже для историков – предметом серьезных дискуссий об эффективности советской модели аграрного курса.

Период 1940–1953 годов стал крайне важным для совхозной системы, поскольку можно говорить о том, что она обрела устойчивость, пройдя испытания суровыми буднями военного лихолетья. При этом временной отрезок Великой Отечественной войны изучен гораздо больше (в контексте героических усилий советского народа для достижения Победы), последние «сталинские» годы (1946–1953) представлены в палитре исследований значительно меньше. Указанные обстоятельства свидетельствуют о недостаточной изученности многих проблем экономической деятельности общественных хозяйств в военный и особенно в послевоенный периоды. Достаточно сказать, что в период 1940–1950-х годов практически перестали публиковаться документальные сборники со статистическими материалами о сельскохозяйственном производстве, а ко многим архивным документам невозможно было получить доступ из-за их секретности. Введение в научный оборот документальной базы, долгое время хранившейся под грифом «совершенно секретно» в отечественных архивах, в значительной степени позволяет утолить историко-информационный «голод», выявить многие особенности функционирования совхозной системы, проследить тенденции и сложности периода первых послевоенных лет. Естественно, только лишь архивные материалы не могут дать полной информации о происходивших в совхозах социально-экономических процессах, однако являются ценным источником информации.

В этом отношении показателен документ, представляющий данные о финансово-хозяйственной деятельности совхозов, подготовленный Центральным статистическим управлением СССР по указанию заместителя председателя Совета министров СССР М.З. Сабурова в июле 1952 года. Чиновники статуправления провели большую работу по систематизации огромного количества данных.

Из этого отчета, который, разумеется, сразу же получил гриф секретности, следует, что экономическое положение совхозов в период с 1940 по 1952 год было крайне сложным, а финансовая составляющая их деятельности зависела как от организации деятельности, так и от количества бюджетных дотаций, выделяемых Правительством СССР. Высокий статус документа позволяет нам в значительной степени доверять ему, поскольку он включает сведения, не содержащихся в открытых источниках, предназначенные для информирования высших государственных чиновников.

Прежде всего необходимо отметить, что основная часть хозяйств Советского Союза функционировала по четырем направлениям: зерновое (441 совхоз), животноводческое (2926), технические культуры (466), овощные, плодовые и виноградные (1053), прочие (46). Всего, таким образом, на территории СССР действовало 4932 совхоза. Несмотря на то что в послевоенный период функционировало общесоюзное Министерство совхозов, далеко не все хозяйства находились в его ведении. Если быть точным, то к указанному ведомству относилось только чуть более половины предприятий (2802). Остальные распределялись между другими министерствами: пищевой промышленности, мясной и молочной промышленности, сельского хозяйства, хлопководства (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 128). Такая «разношерстность» структур, отвечающих за деятельность совхозов, вполне закономерна: управление сельским хозяйством представлялось весьма сложным делом в связи с огосударствлением экономики и ростом бюрократических процедур. Вместе с тем необходимо отметить, что подобная схема не могла не «размывать» ответственность высшей бюрократии за деятельность совхозов, а в самих отраслевых министерствах появлялась возможность скрывать «неудобные» результаты в общей массе отчетов.

Тем не менее выявить финансово-экономическое и хозяйственное состояние совхозов благодаря отчетам статистиков не составляло большого труда. Особенно следует отметить общие показатели, которыми в наше время можно оперировать

в попытках проанализировать сильные и слабые стороны сельскохозяйственного производства. Результаты деятельности хозяйств за период 1940–1952 годов не были выдающимися, однако преуменьшать их значение не нужно. Прежде всего необходимо, конечно, отметить влияние событий Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Страна понесла колоссальные людские и материальные потери, как следствие, сократился объем производства во всех отраслях сельской экономики. Так, например, общая посевная площадь совхозов в 1940 году составила 11,6 млн га. Какова была площадь посевов в 1945 году, мы не можем представить, ибо следующей датой, фигурирующей в аналитике, является 1949 год. Очевидно, что статистика не собиралась вплоть до указанного срока (или собиралась, но в таком виде, что систематизировать ее было крайне сложно). Например, в Куйбышевской области к 1946 г. общая посевная площадь сократилась на 25,9 %, орошаемые площади уменьшились почти в десять раз. Упало плодородие, снизились валовые сборы, объемы заготовок. Не будем забывать, что помимо разрухи, связанной с ведением войны, отечественная деревня пережила голод 1946–1947 годов, потери от которого историки затрудняются подсчитать до сих пор. К 1949 году часть военных тягот уже была преодолена, размер посевной площади составил 11,5 млн га, что все равно не дотягивало до довоенных показателей. К 1951 году посевы увеличились до 14,2 млн га, превысив показатель 1940 года на 23 % (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 129).

Тяжелее всего восстанавливалось зерновое производство, более высокими темпами выращивались технические и кормовые культуры (табл. 1).

Поголовье скота увеличивалось невысокими темпами. Прирост по сравнению с 1940 годом был отмечен во всех отраслях животноводства, но отличался неравномерностью (табл. 2).

При этом доля совхозного производства в общей массе была невелика: сельскохозяйственные предприятия (не считая государственных подсобных хозяйств) обрабатывали 10 % введенных в

Таблица 1

Производство сельскохозяйственных культур в совхозах СССР в 1940–1951 гг.

Table 1

Production of agricultural crops in state farms of the USSR in 1940–1951

Виды сельскохозяйственных культур (млн га)	Производство в 1940 году (млн га)	Производство в 1949 году (млн га)	Производство в 1951 году (млн га)	Прирост производства в 1951 году по сравнению с 1940 годом (%)
Кормовые культуры	3,3	3,4	5,5	+69
Технические культуры	0,33	0,32	0,37	+11
Зерновые культуры	7,7	7,4	8	+5

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 128.

Таблица 2

Поголовье скота и птицы в совхозах СССР в 1940–1951 гг.

Table 2

Number of livestock and poultry in state farms of the USSR in 1940–1951

Виды скота и птицы	Производство в 1940 году (млн голов)	Производство в 1949 году (млн голов)	Производство в 1951 году (млн голов)	Прирост поголовья в 1951 году по сравнению с 1940 годом (%)
Домашняя птица	1,8	3,9	6,4	+248
Свиньи	1,9	2,2	3	+58
Овцы и козы	5,9	6,9	8,5	+44
Крупный рогатый скот	2,5	2,5	3,2	+32
Лошади	0,7	0,7	0,8	+12

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 128.

Таблица 3

Техническая оснащенность совхозов СССР в 1940–1951 гг.

Table 3

Technical equipment of state farms of the USSR in 1940–1951

Виды техники	Количество в 1940 году (тыс. ед.)	Количество в 1949 году (тыс. ед.)	Количество в 1951 году (тыс. ед.)	Прирост поголовья в 1951 году по сравнению с 1940 годом (%)
Автомашины грузовые	25,6	35,7	44,2	+73
Сенокосилки (тракторные и самоходные)	12,8	7,2	20,8	+63
Комбайны	27,4	28,9	38,6	+43

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 129.

оборот земель, производили 6 % поголовья крупного рогатого скота, 11 % поголовья свиней, 8 % поголовья овец и коз.

Что касается технической оснащенности совхозов, то здесь дело обстояло гораздо лучше. Комплексная механизация крупных производств, взявшая старт в 1930-е годы, была приостановлена в годы войны. Затем после 1945 года наметился устойчивый рост обеспечения сельскохозяйственной техникой (табл. 3).

Мощность тракторного парка по сравнению с 1940 годом выросла к 1951 году на 43 % (с 1500 до 2146 лошадиных сил), совхозы получали новые машины, что привело практически к механизации основных полевых работ. Все это способствовало в целом поступательному росту производства сельскохозяйственной продукции (табл.4).

Довольно скромные результаты по сравнению с 1940 годом показали картофельное и зерновое производство. По зерну динамика и вовсе отрица-

тельная, но статистика связывала такое сокращение с увеличением расхода фуражного зерна на корм скоту в условиях роста совхозного животноводства. Между тем хлеб и картофель в условиях тяжелого восстановительного периода советской экономики в середине 1940-х – начале 1950-х годов были основными, в ряде регионов чуть ли не единственными и незаменимыми продуктами питания. Неудивительно, что хлеб и картофель показывали самый низкий прирост урожайности (а практически – его отсутствие) среди прочих сельскохозяйственных культур. Впрочем, в процесс производства сельскохозяйственной продукции вмешивались и объективные факторы, в частности неурожай и голод 1946–1947 годов, а также неблагоприятные погодные условия 1951 года, оказавшие прямое влияние на урожай в Поволжье и Западной Сибири.

Одним из самых главных факторов, влиявших на аграрное производство, был демографический.

Таблица 4

Производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции в совхозах СССР в 1940–1951 гг.

Table 4

Production of certain types of agricultural products in state farms of the USSR in 1940–1951

Виды сельскохозяйственной продукции	Производство в 1940 году (тыс. тонн)	Производство в 1951 году (тыс. тонн)	Прирост производства в 1951 году по сравнению с 1940 годом (%)
Сахарная свекла	654	1046	+60
Молоко	1013	1405	+39
Скот и птица	338	430	+27
Картофель	138	151	+9
Зерно	3674	3522	-4

Составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 128.

Значительное снижение численности сельского населения, произошедшее за годы Великой Отечественной войны, не могло не сказаться на деятельности крупных хозяйств. В сельской местности в 1945 году проживало 36,1 млн мужчин (37,8 % населения) и 59,3 млн женщин (62,2 %) (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1684. Л. 11). Нехватка трудовых ресурсов, особенно мужского населения, и невозможность их замещения в ближайшие годы накладывались на объективные сложности в проведении сельскохозяйственных работ. Преобладали зачастую сиюминутные экономические интересы, и в этих условиях проводить координированную сельскохозяйственную деятельность было крайне сложно. Трудно было выполнять как решения партии, так и рекомендации агрономической науки, нацеленные на рост эффективности производства. Так, например, в 1951 году только в 15 % совхозов были полностью освоены травопольные севообороты, в значительном числе хозяйств нарушались правила полевых и лугопастбищных севооборотов. Не соблюдались и установленные сроки начала и завершения полевых работ. В ряде областей сев яровой пшеницы составлял от 15 (Курганская, Новосибирская, Челябинская области) до 25 дней (Ростовская область, Красноярский край). Не выполнялся план культивации «чистых паров». Например, по состоянию на июль 1952 года единственной культивации подверглись лишь 75 % площади «чистых паров». В середине лета в Саратовской области оставались необработанными 56 % паров, в Красноярском крае – 47 %, в Куйбышевской области – 31 %. Не выполнялся и план вспашки зяби: так, к концу 1951 года в среднем почти четверть совхозов не укладывалась в положенные сроки (до 15 октября) для проведения соответствующих работ (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 132).

Не удавалось большинству хозяйств добиться высоких результатов и при уборке урожая. Воле-

вым решением руководящих органов, в частности Главной государственной инспекции по определению урожайности при Совете министров СССР, урожайность по всем совхозам была установлена в размере 11,3 центнера с гектара. Однако эти цифры были явно завышены даже с учетом довоенных показателей. К такому объему – 11,3 ц/га – не удалось приблизиться даже в 1940 году (8,6 ц/га), что уж говорить о ситуации послевоенной разрухи. Даже в 1951 году, когда многие показатели уже сдвинулись чуть вверх, урожайность в целом по совхозам страны составляла 8,3 ц/га, то есть была ниже, чем в последнем довоенном году.

Нерадостными были итоги развития животноводства. Несмотря на то что удой молока на одну корову в 1951 году в среднем возросли на 33 % по сравнению с 1940 годом, ни одно министерство, имевшее в своем ведении совхозы, не выполнило план по производству молока. Никак не удавалось вернуться к довоенным показателям и по производству шерсти. поголовье разных категорий овец (тонкорунных, полутонкорунных, грубошерстных) сократилось в 1951 году по отношению к довоенному периоду на 11 %. Оставался значительным в целом падеж скота. Здесь цифры 1951 года были немного ниже, чем в 1940 году, но все равно являлись весьма чувствительными для сельского хозяйства. Так, например, падеж свиней за 1951 год составил 10,5 % от всего поголовья, а падеж овец и коз даже превысил довоенные показатели (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 134). Рабочие совхозов не могли обеспечить скот кормами, не хватало животноводческих помещений. Недостаточное развитие в неспециализированных совхозах получали птицеводство, пчеловодство и садоводство.

При достаточно скромных показателях сельскохозяйственного развития росла численность работников и затраты на оплату труда. Если в 1940 году общая численность рабочих совхозов состав-

ляла 1 млн 373 тыс. человек, то в 1951 году – 1 млн 745 тыс. Средняя годовая зарплата выросла за этот период с 2658 до 4627 рублей в год (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 138). Получалось, что при росте работников на 34 % их зарплата выросла на 76 %. Логика такого роста могла быть объяснена увеличением объема выработки и в целом роста производительности труда, однако ни того, ни другого в первые послевоенные годы, как мы видели выше, не последовало. Очевидно, причиной роста зарплат стал дефицит людских ресурсов, прежде всего трудоспособного мужского населения. Косвенным доказательством этого является факт, что в самих совхозах по сравнению с довоенным временем увеличилась численность рабочих, занятых низкоквалифицированным трудом. Если численность основных профессий (комбайнер, доярка, шофер, конюх и пр.) выросла на 21 %, то численность всех остальных работников – на целых 32 %. Это свидетельствует о том, что значительного роста технологического оснащения производства не происходило; наоборот, обозначилась потребность в работнике, умеющем работать лопатой, топором, киркой или пилой. Неудивительно, например, что затраты труда на полевых работах трактористов, с одной стороны, и прочих рабочих – с другой, при пахоте, культивации и бороновании были практически идентичны. Мы убеждены, что совхоз таким образом выполнял социальную функцию, поддерживая жизненный уровень своего работника. Проблема повышения квалификации работников стояла крайне остро, но с 1950 года начала решаться путем организации профессионального обучения [Яковлев 2014, с. 116].

Интенсификация труда, применение новых агрономических и технологических решений неизбежно ведет к повышению производительности

труда, чего в нашем случае не последовало. Например, в 1951 году на сельскохозяйственные работы направлялось почти наполовину больше рабочих совхозов, чем в 1940 году; при этом посевные площади выросли только на 28 %, а поголовье скота увеличилось менее чем на 50 % (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 139).

Одной из важнейших проблем сельского хозяйства страны оставалось ценообразование. Особенности плановой экономики состояли в том, что цены устанавливались государством. Далеко не всегда конечная цена продукта учитывала себестоимость. Рост себестоимости продукции был обусловлен не только повышением заработной платы различным категориям совхозных рабочих, но и другими факторами. К ним можно отнести указанное выше отсутствие роста производительности труда, повышение цен на корма и минеральные удобрения, увеличение амортизационных отчислений (оптовые цены на трактора и другие сельскохозяйственные машины за период с 1940 по 1951 год выросли в 1,5–3 раза). Естественно, возникала разница между плановой и фактической себестоимостью, вызванная тем, что фактическое производство сельскохозяйственной продукции было ниже планового из-за больших потерь, например при уборке урожая или из-за падежа скота.

Цены для закупки практически всегда устанавливались государственными органами на основе собственной системы подсчетов, этот факт общеизвестен и часто приводится в научной литературе. Между закупочными ценами и себестоимостью продукта возникала разница, иногда она была существенной. В этом отношении показательными являются данные, собранные по совхозам, относящимся к ведению Министерства совхозов СССР (табл. 5).

Таблица 5

Затраты на производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции в совхозах СССР по сравнению с закупочными ценами в 1951 г.

Table 5

Costs for the production of certain types of agricultural products in state farms of the USSR compared with purchase prices in 1951

Виды сельскохозяйственной продукции	Плановая себестоимость (за 1 ц в руб. и коп.)	Фактическая себестоимость (за 1 ц в руб. и коп.)	Средняя закупочная цена (за 1 ц в руб. и коп.)
Свиньи (в живом весе)	1106-00	1250-96	292-49
Крупный рогатый скот (в живом весе)	527-00	605-84	170-21
Молоко	106-00	123-77	51-24
Зерно	37-75	49-17	12-19

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 142.

Таблица 6

Государственные дотации на производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции в совхозах СССР по сравнению с закупочными ценами в 1951 г.

Table 6

State subsidies for the production of certain types of agricultural products in state farms of the USSR compared with purchase prices in 1951

Виды сельскохозяйственной продукции	Государственная дотация (в млн руб.)	Доля дотации в общей стоимости продукции (%)
Свиньи (в живом весе)	2289	45,7
Молоко	911	18,2
Зерно	847	16,9
Крупный рогатый скот (в живом весе)	605	12,1

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 142.

Как мы видим, по зерну фактическая себестоимость превышала среднюю закупочную цену в 4 раза, по мясу – в 4,3 раза, по молоку – в 2,4 раза. Указанную разницу приходилось покрывать за счет бюджетных дотаций. В 1952 году убытки совхозов превысили 5,2 млрд руб., хотя еще в 1949 году они составляли 3,6 млрд. Из них более 1,2 млрд руб., что в 1949-м, что в 1952-м, составляли убытки из-за того, что фактические затраты превышали плановые.

Государственные дотации (покрытие разницы между плановой себестоимостью и закупочными ценами) в 1951 году отражены в табл. 6.

Сложившаяся практика ценообразования делала неизбежной ситуацию, когда большинство совхозов находились на государственных дотациях. Из 2857 хозяйств, состоявших в ведении Министерства совхозов СССР, только 25 сумели выстроить свою деятельность так, чтобы не брать денег у государства. При этом лишь 18 из них получали прибыль, 7 работали в «ноль». В этих цифрах нет ничего удивительного, даже в странах Западной Европы и США по сей день хозяйства прямо или косвенно дотируются из бюджетов разных уровней. Для нашей же страны такая практика «получения денег» выглядела порочной с учетом заявленной еще в 1930-е годы линии на прибыльность общественных хозяйств. Именно дотирование хозяйств из государственного бюджета стало поводом к информационным атакам на совхозную систему в конце 1980-х годов, в период заката СССР, и обвинениям этой системы в неэффективности. Всего же в 1951 году из 4932 хозяйств, находившихся в ведении разных министерств, дотации не получал 821 совхоз (16,6 % от общего числа), из которых прибыльными являлись 465 (56,6 % от неполучавших). Более того, из 4111 хозяйств (83,4 % от общего числа), получавших дотации, убытки, превышающие дотации, имели 2554 (62,1 %

от получавших) (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 145).

Вместе с тем за сданную продукцию совхозами государство получило 27,9 млрд руб., из которых 12,8 млрд было выплачено совхозам и на возмещение заготовительным организациям и промышленным предприятиям, а чистый доход бюджета составил 15,1 млрд руб. Из этой суммы нужно вычесть 5,7 млрд руб. государственных дотаций, и получалась итоговая цифра – 9,4 млрд руб. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804. Л. 150). Именно такую сумму в 1950 году советское государство получило от совхозов страны в виде дохода.

Заключение

Таким образом, экономическая деятельность совхозов с периодом с 1940 по 1952 год претерпела значительные изменения, вызванные как объективными обстоятельствами (события Великой Отечественной войны, неурожай и голод 1946–1947 годов и неблагоприятные погодные условия 1951 года), так и субъективными факторами, производными от несовершенств сельскохозяйственной политики. В целом за указанный период на сельскохозяйственных предприятиях СССР выросли поголовье скота и посевные площади, повысились техническая оснащенность, урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства. При этом необходимо обратить внимание, что отсчет показателей эффективности велся с 1940 года (а не с более ранних периодов, например 1913 или 1927 годов). Такой подход стал практиковаться в послевоенный период в публикациях статистических сборников по сельскохозяйственному производству (Народное хозяйство СССР в 1960 году... с. 508–520). Огромный зияющий провал произошёл в 1941–1945 годах, последствия которого до сих пор не до конца оценены историками. Огромные материальные и людские потери, которые понесла наша страна в этот пери-

од, отбросили сельское хозяйство на многие годы назад.

Большинство показателей экономической деятельности совхозов, по сравнению с 1940 годом, были улучшены только в 1949 году (цифрами первых послевоенных лет мы практически не располагаем). Вместе с тем огромные потери военных лет и отсутствие крупных капиталовложений привели к тому, что большинство совхозов существовали за счет государственных дотаций. Многие совхозы не выполняли государственные задания по зерновым и техническим культурам, слабо использовали технику, допускали большие потери урожая. Вследствие малообеспеченности скота кормами не удавалось увеличить продуктивность

животноводства. Себестоимость основных видов сельскохозяйственной продукции (как плановая, так и фактическая) значительно превышала государственные цены. Повысить производительность труда в совхозном хозяйстве в таких условиях было крайне сложно. Очевидно, необходимость решения масштабных задач в сельском хозяйстве диктовала смену партийно-государственного курса в 1953 году. Тем не менее согласиться с неэффективной оценкой деятельности совхозов не представляется возможным. В суровых условиях первых послевоенных лет сельские труженики делали все возможное для скорейшего восстановления страны и закладывали фундамент для последующего динамичного развития.

Материалы исследования

Башмачников 1982 – *Башмачников В.Ф.* Формирование и функционирование производственных подразделений в растениеводстве колхозов и совхозов (проблемы организации и управления): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Москва: Московская ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева, 1982. 50 с.

Даргвайнис 1983 – *Даргвайнис М.И.* Совершенствование организации экономической работы в совхозах (на примере совхозов Литовской ССР): дис. ... канд. экон. наук. Каунас, 1983. 212 с.

Михайлов 1977 – *Михайлов Ф.К.* Совхозы Казахстана. 1946–1970-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1977. 47 с.

Миронова 1978 – *Миронова Н.А.* Совершенствование условий формирования фонда материального поощрения в совхозах: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 1978. 28 с.

Народное хозяйство СССР в 1960 году... – *Народное хозяйство СССР в 1960 году.* Статистический ежегодник. Москва: Госстатиздат, 1961. 944 с.

Насонов 1973 – *Насонов А.С.* Проблемы формирования и повышения экономической эффективности использования рабочей силы совхозов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 1973. 28 с.

РГАЭ – *Российский государственный архив экономики.*

Библиографический список

Андреевков 2019 – *Андреевков С.Н.* Колхозно-совхозная система СССР в 1946–1964 гг. в современной отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/58/1>. EDN: <https://elibrary.ru/lqexgu>.

Арутюнян 1971 – *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. Москва: Мысль, 1971. 372 с. URL: <https://ihtika.ru/book/arutyunyan-yu-v-socialnaya-struktura-selskogo-naseleniya-sssr-m-1971>.

Безнин, Димони 2011 – *Безнин М.А., Димони Т.М.* Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // Социологические исследования. 2011. № 11 (331). С. 90–102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17054323>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ojfewz>.

Богденко, Зеленин 1976 – *Богденко М.Л., Зеленин И.Е.* Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917–1975 гг.). Москва: Политиздат, 1976. 279 с.

Вербицкая 1992 – *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середина 40-х – начало 60-х гг. Москва: Наука, 1992. 222 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18933586>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ryikql>.

Волков 1972 – *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Москва: Мысль, 1972. 293 с.

Зеленин 1972 – *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941. Москва: Наука, 1972. 239 с.

Зима 1996 – *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождения и последствия. Москва: Институт Российской истории, 1996. 265 с. URL: <https://libr.link/istoriya-rossiyskaya-sovremennaya/golod-sssr-1946-1947-godov-proishojdenie.html?ysclid=llajldmbl4101833654>.

История крестьянства... 1986–1988 – *История крестьянства СССР: история советского крестьянства:* в 5 т. Москва: Наука, 1986–1988.

Лазарева 2008 – *Лазарева О.Ю.* Экономическая эффективность крупного многоотраслевого хозяйства в аграрном секторе экономики (ГУСП Совхоз «Алексеевский») // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2008. № 6 (86). С. 66–72. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11723599>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jwogan>.

Мотревич 2013 – *Мотревич В.П.* Сельскохозяйственные рабочие на Урале в 1940–1950-е гг. // *Аграрный вестник Урала*. 2013. № 1 (107). С. 45–47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20260881>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbjren>.

Надькин 2011 – *Надькин Т.Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. Москва: РОССПЭН, 2010. 311 с. URL: https://vk.com/wall-18181383_234469?ysclid=llaq8qjgpt51990842.

Наухацкий 2019 – *Наухацкий В.В.* Этапы аграрной модернизации СССР/России второй половины XX – начала XXI вв. // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2019. № 2 (105). С. 102–107. DOI: <https://doi.org/10.23683/1997-2377-2019-105-2-102-107>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zgkxpw>.

Панарин 2013 – *Панарин Д.А.* Решение проблем интенсификации производства в совхозах Кубани и Ставрополя в годы Великой Отечественной войны // *Известия Сочинского государственного университета*. 2013. № 1–2 (24). С. 75–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21037026>. EDN: <https://elibrary.ru/rsjepv>.

Петрушин 2012 – *Петрушин Ю.А.* Повседневность рабочих совхоза как отражение советского образа жизни сельчан в 1928–1945 гг. // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: История. 2012. № 1. С. 155–168. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17771354>. EDN: <https://elibrary.ru/oyxdwd>.

Попов 2000 – *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства: 1946–1953 гг. Москва; Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2000. 222 с.

Романченко 2012 – *Романченко В.Я.* Типология и особенности эволюции совхозной системы России в условиях аграрной модернизации 1950-х – 1980-х гг. // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2012. № 1. С. 510–520. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19424585>. EDN: <https://elibrary.ru/qjbyfy>.

Романченко, Ножкина 2016 – *Романченко В.Я., Ножкина И.А.* Сельские подсобные хозяйства колхозов, совхозов, предприятий, организаций и учреждений в советский и начальный период постсоветской России // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 11–1 (73). С. 111–114. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26740074>. EDN: <https://elibrary.ru/wndzfv>.

Сталин 1949 – *Сталин И.В.* На хлебном фронте // *Сочинения: в 16 т.* Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 11. С. 81–97. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/11-9.html?ysclid=llbys5ehcc825927942>.

Сухова, Ягов 2018 – *Сухова О.А., Ягов О.В.* Политика коллективизации в оценках массового сознания 1930-х – начала 1950-х гг.: динамика представлений // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2018. № 4 (48). С. 65–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36733848>. EDN: <https://elibrary.ru/ytcacl>.

Хасянов 2018 – *Хасянов О.Р.* Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Москва: Политическая энциклопедия, 2018. 520 с. URL: <https://litmir.club/br/?b=722326&ysclid=llbz8rik5g553265148>.

Хисамутдинова 2003 – *Хисамутдинова Р.Р.* Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2003. 607 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19126404>. EDN: <https://elibrary.ru/qcoczf>.

Яковлев 2014 – *Яковлев А.Л.* Агрозоотехническое обучение в колхозах и совхозах Восточной Сибири в 1950-е гг. // *Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова*. 2014. № 2 (35). С. 115–120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21607572>. EDN: <https://elibrary.ru/sevuqp>.

References

Andreenkov 2019 – *Andreenkov S.N.* (2019) The USSR collective farm and state farm system of 1946–1964 in the modern national historiography. *Tomsk State University Journal of History*, no. 58, pp. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/58/1>. EDN: <https://elibrary.ru/lqexgu>. (In Russ.)

Arutyunyan 1971 – *Arutyunyan Yu.V.* (1971) Social structure of the rural population of the USSR. Moscow, 372 p. Available at: <https://ihtika.ru/book/arutyunyan-yu-v-socialnaya-struktura-selskogo-naseleniya-sssr-m-1971>. (In Russ.)

Beznin, Dimoni 2011 – *Beznin M.A., Dimoni T.M.* (2011) Social classes in Russian kolkhoz and sovkhov village 1930–1980th. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological Studies*, no. 11 (331), pp. 90–102. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17054323>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ojfewz>. (In Russ.)

Bogdenko, Zelenin 1971 – *Bogdenko M.L., Zelenin I.E.* (1971) State farms of the USSR. Short historical essay (1917–1975). Moscow, 279 p. (In Russ.)

Verbitskaya 1992 – *Verbitskaya O.M.* (1992) Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev, mid-40-ies – early 60-ies. Moscow, 222 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18933586>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pyikql>. (In Russ.)

Volkov 1972 – *Volkov I.M.* (1972) Labor feat of the Soviet peasantry in the post-war years. Moscow: Mysl', 293 p. (In Russ.)

Zelenin 1972 – *Zelenin I.E.* (1972) State farms of the USSR during the years of the pre-war five-year plans. 1928–1941. Moscow: Nauka, 239 p. (In Russ.)

- Zima 1996 – *Zima V.F.* (1996) *Famine in the USSR in 1946–1947: origin and consequences*. Moscow: Institut Rossiiskoi istorii, 265 p. Available at: <https://libr.link/istoriya-rossiyskaya-sovremennaya/golod-sssr-1946-1947-godov-proishozhdenie.html?ysclid=llajldmbl4101833654>. (In Russ.)
- History of peasantry... 1986–1988 – *History of peasantry of the USSR: the history of Soviet peasantry: in 5 vols*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Lazareva 2008 – *Lazareva O.Yu.* (2008) Economic efficiency of a large diversified economy in the agricultural sector (GUSP State Farm Alekseevsky). *Economics and Management: Research and Practice Journal*, no. 6 (86), pp. 66–72. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11723599>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jwogan>. (In Russ.)
- Motrevich 2013 – *Motrevich V.P.* (2013) Agricultural workers in the Urals in the 1940–1950. *Agrarian Bulletin of the Urals*, no. 1 (107), pp. 45–47. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20260881>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbjpen>. (In Russ.)
- Nad'kin 2011 – *Nad'kin T.D.* (2011) Stalin agrarian policy and the peasantry of Mordovia. Moscow: ROSSPEN, 311 p. Available at: https://vk.com/wall-18181383_234469?ysclid=llaq8qjgpt51990842. (In Russ.)
- Naukhatskiy 2019 – *Naukhatskiy V.V.* (2019) Stages of agrarian modernization of the USSR/Russia of the second half of XX – beginning of XXI centuries. *The Humanities and socio-economic sciences*, no. 2 (105), pp. 102–107. DOI: <https://doi.org/10.23683/1997-2377-2019-105-2-102-107>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zgkxpw>. (In Russ.)
- Panarin 2013 – *Panarin D.A.* (2013) Solving the problems of intensification of production in state farms of the Kuban and Stavropol during the Great Patriotic War. *Sochi Journal of Economy*, no. 1–2 (24), pp. 75–79. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21037026>. EDN: <https://elibrary.ru/rsjepv>. (In Russ.)
- Petrushin 2012 – *Petrushin Yu.A.* (2012) Sovkhoz labourers' everyday life as a reflection of Soviet life of villagers in 1928–1945. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya» = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: «History»*, no. 1, pp. 155–168. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17771354>. EDN: <https://elibrary.ru/oyxdwd>. (In Russ.)
- Popov 2000 – *Popov V.P.* (2000) Economic policy of Soviet state: 1946–1953. Moscow; Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 222 p. (In Russ.)
- Romanchenko 2012 – *Romanchenko V.Ya.* (2012) Typology and specifics of evolution of Russian Soviet farm system in the conditions of the agricultural modernization in the 1950s – 1980s. *The Agrarian History of Eastern Europe Yearbook*, no. 1, pp. 510–520. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19424585>. EDN: <https://elibrary.ru/qjbytf>. (In Russ.)
- Romanchenko, Nozhkina 2016 – *Romanchenko V.Ya., Nozhkina I.A.* (2016) Subsidiary farming of collective farms, state farms, enterprises, organizations and institutions in Russia in the Soviet and early post-Soviet period. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 11–1 (73), pp. 111–114. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26740074>. EDN: <https://elibrary.ru/wndzfv>. (In Russ.)
- Stalin 1949 – *Stalin I.V.* (1949) On the bread front. In: *Writings: in 16 vols*. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, vol. 11, pp. 81–97. Available at: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/11-9.html?ysclid=llbys5ehcc825927942>. (In Russ.)
- Sukhova, Yagov 2018 – *Sukhova O.A., Yagov O.V.* (2018) Collectivization Policy in the Mass Consciousness Assessments of the 1930s – the Early 1950s: Dynamics of Ideas. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, no. 4 (48), pp. 65–73. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36733848>. EDN: <https://elibrary.ru/ytcacl>. (In Russ.)
- Khasyanov 2018 – *Khasyanov O.R.* (2018) Daily life of the Soviet peasantry during the late Stalinism period. 1945–1953 Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 520 p. Available at: <https://litmir.club/br/?b=722326&ysclid=llbz8rik5g553265148>. (In Russ.)
- Khisamutdinova 2003 – *Khisamutdinova R.R.* (2003) Agrarian policy of Soviet state in the Urals after the end of World War II (June 1945 – March 1953). Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 607 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19126404>. EDN: <https://elibrary.ru/qcoczf>. (In Russ.)
- Yakovlev 2014 – *Yakovlev A.L.* (2014) Agricultural and zootechnical education in collective and state farms of Eastern Siberia in the 1950s. *Vestnik of Buryat State Academy of Agriculture named after V. Philippov*, no. 2 (35), pp. 115–120. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21607572>. EDN: <https://elibrary.ru/sevuqp>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 947.084.5

Дата поступления: 17.04.2023
рецензирования: 25.05.2023
принятия: 25.08.2023

**Коммеморация в управленческих практиках советской элиты
в 1960–1970-х гг. (на примере Пензенской области)**

О.А. Сухова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация
E-mail: savtemp@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): S-4085-2016.
Scopus ID: 57193094045. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0658-736X>.

Аннотация: Целью исследования является анализ практик коммеморации и мемориальной культуры в Пензенской области в 1960–1970-х гг. Рассматриваются вопросы периодизации развития мемориальной культуры и исторической политики; содержания коллективных воспоминаний; трансформации социальной рефлексии; форм и средств коммеморации. Дана оценка возможности применения методологического инструментария «новой политической истории» на региональном и локальном уровнях разработки проблемы. Отмечен высокий источниковедческий потенциал материалов личного происхождения в деле изучения коммеморативного содержания в нарративах, символах и знаках. В ходе анализа историографии проблемы выявлен плюрализм оценочных суждений относительно «инструментальности» советской исторической политики. Сделаны выводы о необходимости объективного анализа национальной специфики, в том числе и в отношении памяти о прошлом, в поиске универсального контента в структурах мемориальной культуры. Прослеживается эволюция функционала и содержания исторической политики в 1960–1970-е гг.: общим трендом процесса выступают падение интереса к символическим практикам революционной эпохи и утверждение новой «организующей» идеи как проявление социального запроса на солидарность и общую идентичность. Память о жертвах борьбы за советскую власть как инструмент легитимизации уступает место социально значимым переживаниям (память о Великой Отечественной войне) и идее восстановления единства памяти, толерантного отношения к прошлому в целом, что объединяло и имперское, и советское наследие. Фактором травмирующего порядка выступает память о Сталине. На рассматриваемый период приходится и институциональное оформление системы социально-политического взаимодействия в сфере мемориальной культуры.

Ключевые слова: Пензенская область в 1960–1970-х гг.; политическая элита; региональная идентичность; символическая политика; историческая память; краеведение.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015>.

Цитирование. Сухова О.А. Коммеморация в управленческих практиках советской элиты в 1960–1970-х гг. (на примере Пензенской области) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 51–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-51-58>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сухова О.А., 2023

Ольга Александровна Сухова – доктор исторических наук, профессор, декан историко-филологического факультета, Педагогический институт имени В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет, 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.04.2023
Revised: 25.05.2023
Accepted: 25.08.2023

**Commemoration in the management practices of the Soviet elite
in 1960–1970-ies (on the example of the Penza region)**

O.A. Sukhova

Penza State University, Penza, Russian Federation
E-mail: savtemp@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): S-4085-2016.
Scopus ID: 57193094045. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0658-736X>

Abstract: The aim of the study is to analyze the practices of commemoration and memorial culture in the Penza region in the 1960–1970-ies. The issues of periodization of development of memorial culture and historical politics, the content of collective memories, transformation of social reflection, forms and means of commemoration are considered. An assessment is made of the possibility of using the methodological tools of the «new political history» at the regional and local levels of problem development. The high source potential of materials of personal origin in the study of commemorative content in narratives, symbols and signs is noted. In the course of the analysis of historiography of

the problem, a pluralism of value judgments regarding the «instrumentality» of Soviet historical policy was revealed. Conclusions are drawn about the need for an objective analysis of national specifics, including in relation to the memory of the past, in the search for universal content in the structures of memorial culture. The evolution of functionality and content of historical politics in the 1960–1970-ies is traced: the general trend of the process is the decline in interest in the symbolic practices of the revolutionary era and the establishment of a new «organizing» idea as a manifestation of social demand for solidarity and common identity. The memory of the victims of the struggle for Soviet power as a tool of legitimization is giving way to socially significant experiences (memory of the Great Patriotic War) and the idea of restoring the unity of memory, a tolerant attitude towards the past as a whole, which united both the imperial and Soviet heritage. The factor of traumatic order is the memory of Stalin. The period under review also saw the institutionalization of the system of socio-political interaction in the field of memorial culture.

Key words: Penza region in the 1960–1970-ies; political elite; regional identity; symbolic politics; historical memory; local history.

Acknowledgements. The research is carried out at the expense by the grant of the Russian Science Foundation № 22-18-20015; <https://rscf.ru/project/22-18-20015>.

Citation. Sukhova O.A. Commemoration in the management practices of the Soviet elite in the 1960–1970-ies (on the example of the Penza region). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 51–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-51-58>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Sukhova O.A., 2023

Olga A. Sukhova – Doctor of Historical Sciences, professor, dean of the Faculty of History and Philology, Pedagogical Institute named after V.G. Belinsky, Penza State University, 40, Krasnaya Street, Penza, 440026, Russian Federation.

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью решения проблемы формирования национальной и региональной идентичности в условиях роста политической нестабильности, вызовов глобализации и инновационного развития, что увеличивает значение конструирования и деконструирования мемориальной символики [Аникин, Бубнов, Комплеев 2020, с. 114–124]. В поисках средств и инструментария отечественные исследователи обращаются к изучению практик коммеморации и мемориальной культуры, исторического опыта прошлых поколений. Явной доминантой исследовательских предпочтений выступает советское общество второй половины XX века как актор и участник ключевых процессов запоминания и забвения. Разворачивая когнитивную карту, последователи memory studies задают определенные параметры изучения проблемы: периодизация развития мемориальной культуры и исторической политики; содержание коллективных воспоминаний; факторы трансформации социальной рефлексии; формы и средства, практики коммеморации; наконец, их функционал и результативность.

Методология и источники

Исследование выполнено на основе анализа делопроизводственной документации ВС РСФСР, Пензенского областного совета народных депутатов, материалов фонда секретаря Пензенского обкома КПСС Г.В. Мясникова, источников личного происхождения. Методологический инструментарий базируется на использовании теоретических построений «новой политической истории», ориентирующей на анализ символических конструкторов и практик конструирования исторической памяти. В этом контексте политика памяти представлена в общем ряду проявлений символической политики как «совокупность публичных взаимодействий мнемонических акторов, т. е. «полити-

ческих сил, заинтересованных в особом понимании прошлого»» и стремящихся доминировать в публичном пространстве посредством исторических нарративов, образов, знаков [Малинова 2019, с. 291–292; Twenty Years After... 2014, p. 4; Forest, Johnson 2011; Heisler 2008].

Более широким звучанием обладают концепты «мемориальная культура» и ее компонент – «культура коммеморации», составляющие предмет изучения для memory studies [Соколова 2020, с. 20]. Мемориальная культура как способ освоения прошлого и ее трансформация на рубеже XX–XXI вв., связанная с глубинной сменой ценностей современного мира, выступает центральным концептом трудов Алейды Ассман [Леонтьева 2017, с. 32]. В своей работе «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика», выдержавшей в издательстве «Новое литературное обозрение» уже три издания (2014, 2018 и 2023 гг.), Ассман пишет о современности как о «посттравматической эпохе», когда индивидуальные «и коллективные воспоминания становятся все менее спонтанным, естественным или сакральным актом, они во все большей мере распознаются как социальные и культурные конструкторы, изменяющиеся во времени и обретающие собственную историю» [Ассман 2023, с. 12]. Причины происходящего рассматриваются автором в двух аспектах: глобализации памяти и вытекающего из этого «этического поворота в культурной мемориальной практике, где особую роль начинают играть категории признания вины и ответственности» [Ассман 2023, с. 123–124]. Разделяя понятия «мемориальная культура» и «историческая политика», Ассман тем не менее указывает на полемичность признака «инструментализации» прошлого и подчеркивает функции коллективных воспоминаний: помимо обеспечения легитимности, это – формирование идентичности, чувства общности, критичности самооценки (что является стимулом развития)

и возможности забвения [Ассман 2023, с. 300–301].

В последнее время заметен тренд на регионализацию мемориальных исследований, что способствует как наполнению пространства культуры памяти, так и изучению включенности последних в коммеморативные практики (активность и система символической саморегуляции как равные составляющие предметной области) [Красильникова, Вальдман 2020; Шуб 2018].

Формирование института коммеморации в СССР (региональный аспект)

Процессы институционализации политики памяти в Европе и России, закрепление соответствующих норм и практик в целях легитимации социально-политического порядка, интеграции общества, современные исследователи относят к периоду не ранее последней четверти XX в. [Красильникова, Вальдман 2020, с. 49]. На наш взгляд, «бегство» от мемориального опыта предшествующих эпох выглядит демонстративно поспешным. По всей вероятности, мы наблюдаем череду трансформаций культурного кода, в рамках которых изменения охватывают не только настоящее, но и прошлое. Традиционным фактором символической политики выступают победоносные военные кампании, и каждое время предлагает свои инструменты и ритм формирования мемориальной культуры. Более решительные изменения происходят в революционные эпохи: радикальные политические преобразования незамедлительно запускают процессы коммеморации.

Аргументировать подобные выводы позволяет обращение к региональным и локальным аспектам проблемы. В частности, как отмечает Г.В. Любимова, в сельском ландшафте Западной Сибири памятники, посвященные участникам Гражданской войны, появились сразу же после окончания военных действий, тогда как первые обелиски погибшим во время Великой Отечественной войны – спустя двадцать лет в 1965 г. [Любимова 2021, с. 808].

Заметим при этом, что правовая основа революционной трансформации мемориальной культуры была подготовлена декретом СНК «О памятниках республики» от 12 апреля 1918 г., потребовавшего внедрения новой знаковой системы, отражавшей «идеи и чувства революционной трудовой России», уже к Первомайским торжествам [Декреты... 1959 с. 96]. Следуя прямым указаниям советского правительства, Пензенский комитет РСДРП(б) и губисполком принимают решение о создании мемориала К. Марксу. 1 мая 1918 г. у бывшего губернаторского дома на Советской площади был размещен поясной портрет теоретика коммунизма работы скульптора Е.В. Равделя (Открытие памятника...). Скульптура была выполнена наспех из глины и не выдержала испытания временем. Попытка установить памятник Марксу к следующей праздничной дате – 7 ноября того же года – успехом не увенчалась. Скульптурное изображение головы Маркса, выполненное из бетона, появилось

17 июня 1920 г. в городе Наровчатке Пензенской губернии. В Пензе памятник Марксу был открыт 5 ноября 1960 г. на Советской площади (Пензенская... 2019, с. 127).

Совершенно иной статус получает коммеморация памяти участников Гражданской войны. Революционный некрополь появился в Пензе после подавления мятежа чешских легионеров (28–29 мая 1918 г.). 2 июня рядом со Спасским собором были похоронены первые жертвы конфликта: около 80 красноармейцев, интернационалистов и случайно оказавшихся на линии огня обывателей (Соборная площадь...). Спустя пять лет здесь будет установлен деревянный обелиск, а 6 ноября 1928 г. – памятник Борцам революции, выполненный скульптором М.С. Бабинским уже в бетоне. Позднее рядом с монументом были захоронены еще 25 участников революции, Гражданской войны и социалистического строительства (Пензенская... 2019, с. 122). Вплоть до конца 1960-х гг. формирование советской мемориальной среды (чествование жертв борьбы за советскую власть) происходило вокруг «главного» места памяти – Соборной (с 1919 г. – Советской) площади.

Механизм коммеморации следует рассматривать ключевым условием формирования идентичности региона. В этом случае базовым нарративом мемориальной культуры будут выступать военные события и конфликты [Соколова 2020, с. 22]. В первую очередь это проявилось в практике переименования населенных пунктов. Так, спустя год с момента образования Пензенской области Указом Президиума ВС РСФСР от 10 февраля 1940 г. за № 629/9 «Об увековечивании памяти Героя Советского Союза А.Е. Махалина» село Новый Кряжим Кузнецкого района Пензенской области, где родился А.Е. Махалин, получило новое название – село Махалино. Именной стала и средняя школа, в которой учился герой. Начальник погранзаставы «Пакшикори» Дальневосточного пограничного округа войск НКВД, лейтенант Алексей Ефимович Махалин 29 июля 1938 г. погиб, прикрывая отход своих бойцов, в бою с японской боевой группировкой, нарушившей границу и окружившей заставу (Документы... Л. 7).

В ознаменование 100-летия со дня смерти В.Г. Белинского город Чембар и Чембарский район были переименованы в Белинский и Белинский район соответственно, тогда же имя критика было присвоено и Пензенскому государственному педагогическому институту (Документы... Л. 28).

Процесс мемориализации затронул и с. Верхнее Аблязово, переименованное в село Радищево Радищевского сельского совета 15 декабря 1952 г. (Указ Президиума ВС РСФСР за № 744/132) (Документы... Л. 56).

В августе 1963 г. с. Селикса Пензенского сельского района было переименовано в село Кижеватово (Указ Президиума ВС РСФСР за № 745/21). Андрей Митрофанович Кижеватов, начальник 9-й погранзаставы Брестского погранотряда 22 июня 1941 г. возглавил оборону погранзаставы, а за

тем Брестской крепости и погиб в начале июля 1941 г. Отметим, что инициатива увековечивания памяти А.М. Кижеватова была поддержана до присвоения ему звания Героя Советского Союза (1965 г.) (Документы... Л. 108).

Мемориальная традиция (советский «обряд») празднования Дня Победы берет свое начало с 9 мая 1970 г., когда был открыт памятный камень на месте будущего монумента на ул. Луначарского, переименованной по этому случаю в проспект Победы. В дневниковых записях Г.В. Мясникова буквально по часам описана смена приоритетов в практиках коммеморации: «9 мая. День праздничный, солнечный. В 10.00 поехал в ГК КПСС. Возложение венков к памятнику Борцам революции на Советской площади. Традиция хорошая, но ее придется отменять. Ничего не связано здесь с Победой. <...> В 10.45 – митинг на площади Ленина. Я поздравил училище с Днем Победы и вручил юбилейную почетную грамоту. Получился своеобразный военный парад на площади. Масса народа. <...>

В 12.30 на быв. ул. Луначарского <...> Торжественно замуровывается снарядная гильза с землей, открывается камень на месте будущего памятника. Все очень торжественно! Опять масса народа: на улице, балконах и даже крышах домов. Прохождение училища торжественным маршем, возложение венков. Получилось хорошо! Надо на будущий год продумать обряд» [Мясников 2008, с. 92]. Значение переноса места памяти тем более ощутимо, что 8 мая на той же Советской площади открыли монумент, посвященный героям Советского Союза и героям Социалистического Труда [Мясников 2008, с. 91].

Примечательно, что к концу 1970-х гг. в сознании партийного функционера уже сложилось представление о периодизации процесса коммеморации. В частности, решая, казалось бы, сугубо управленческую задачу по созданию объединения музеев Пензенской области, Г.В. Мясников предложил, по сути, первую периодизацию эволюции мемориальной политики в советскую эпоху: «I этап: 1937–1939 гг. – создание музеев, сам факт; II этап: все последние пятнадцать лет – материальное и моральное укрепление музеев; III этап – надо начинать. Он должен состоять в том, чтобы превратить музеи в центры научной пропаганды деяний великих земляков» [Мясников 2008, с. 336].

Не менее значимым аспектом проблемы выступает реконструкция содержания коллективных воспоминаний. Так, А. Ассман, ссылаясь на работы М. Саброва, рассматривает динамику западной политической культуры в XX в. как дискурсивный переход от героизации к виктимизации, от идеала героя к идеалу жертвы. Происходит эволюция ценностей революционно-героической семантики, тускнеет образ Французской революции. Новым «учредительным мифом» Европы становится память о Холокосте [Ассман 2016, с. 155–156, 167, 169].

В мемориальных практиках советской «глубинки» 1960-х гг. при сохранении общего тренда

на героизацию прошлого мы также обнаружим первые признаки грядущих изменений: в отечественной традиции это вылилось в формирование нового противоречивого конструкта массовой политической культуры – памяти о Сталине. Новый «миф о Сталине» воспроизведен и в дневнике Г.В. Мясникова: «Стало модным почти в любой компании спорить о И.В. Сталине. Ни один разговор за столом не обходится без его имени. Оно стало “болезнью” народа. Сколько ни думаю, все больше убеждаюсь в его какой-то демонической силе и при жизни, и даже после смерти». В 1969 г. эта идея дважды почти буквально воспроизводится в записях: «Странная манера: как выпили, так о Сталине. Это имя стало болезнью народа. Каким-то демоном висит оно над душами и сознанием людей» [Мясников 2008, с. 53, 75]. Реплики партийного функционера и практики коммеморации свидетельствуют об исчерпании потенциала революционной борьбы, о появлении собственной «исторической травмы», о начале поисков новой «организующей идеи», о сложности выбора. Двойственность, амбивалентность суждений сквозит в оценках Сталина: «Самое острое место – обвинение в безвинной гибели сотни тысяч людей, работников партии, государства» и здесь же: «Простого люда из рабочих погибло мало! – это тоже особенность!!!» [Мясников 2008, с. 53–54]. Этим объясняются сомнения в увековечивании памяти М.Н. Тухачевского, детские годы которого прошли в имении родителей в с. Вражском Чембарского уезда Пензенской губернии, а затем в Пензе, и В.Э. Мейерхольда, родившегося в Пензе в купеческой семье (репрессированных и реабилитированных посмертно в 1957 и 1955 гг.). Во время визита в Пензу маршала М.В. Захарова (24 мая 1970 г.) Мясников напрямую спросил высокопоставленного гостя: «Как быть с Тухачевским?» – и услышал в ответ: «“Все что положено, партия решила”, “Все доски установлены...”». В сентябре 1977 г. в дневнике появилась следующая запись: «О реабилитации М. Тухачевского. Я долго сдерживал этот процесс. Внутренне не верю в эту личность, думаю, что его дворянское прошлое и удачное течение жизни могло породить бонапартистские замашки.... Но, с другой, все и повсюду реабилитированы. Мы не теряем “полководца, героя гражданской войны”? Вчера смотрел литературу, беседовал с чекистами и решил сменить позицию. Попробуем ввести его в круг Пензы». Вскоре мемориальная доска появилась на доме по ул. Московской, 22, где в 1904–1909 гг. жил Тухачевский [Мясников 2008, с. 93, 303–304]. В феврале 1974 г. Мясников безрезультатно пытался обсуждать вопрос о коммеморации Мейерхольда в ЦК и СМ РСФСР: «Объяснил ему [В.М. Стриганову. – Прим. О. С.], что дом, в котором родился Мейерхольд, аварийный, жильцов выселяем, взяли на охрану. Музей [одного] Мейерхольда создавать сложно и не нужно. Ломать дом нельзя – дадим пищу для крика. [Лучше всего] создать театральный музей с мемориальной комнатой» [Мясников 2008, с. 53–54, 282].

Организация краеведческой работы

Знамена исторической политики, в официальном дискурсе своего времени обозначавшейся посредством концепта «краеведческая работа» (Переписка...), разворачивалась в периоды подготовки к юбилейным торжествам. Первой важной вехой в этом отношении выступила организация 300-летнего юбилея г. Пензы. До начала 1960-х гг. датировка времени основания центра региона определялась «Строельной книгой», составленной в 1665 г. первым воеводой города Е.П. Лачиновым. Обнаружение более точной даты его основания – 1663 г. (по времени назначения священников во вновь построенную церковь) – изменило ситуацию. В июне 1963 г. промышленные обком и облисполком обращаются в бюро ЦК КПСС по РСФСР с просьбой разрешить официальные торжества, посвященные трехсотлетию Пензы в 1964 г. (благоустройство исторических мест и памятников, беседы и доклады на предприятиях и стройках, учреждениях и по месту жительства, стенды, торжественные вечера, массовые гуляния) (Письмо... Л. 1–6).

Своего максимума усилия региональных властей в направлении формирования мемориальной культуры достигают к концу 1960-х гг. в преддверии 100-летия со дня рождения В.И. Ленина и 25-летия Победы в Великой Отечественной войне. В этом отношении своеобразным мемориальным водоразделом становится 1970 год. В частности, в 1968–1969 гг. в Пензе разворачиваются ремонтно-реставрационные работы, связанные с «историко-революционными событиями и жизнью и деятельностью И.Н. Ульянова» (капитальный ремонт здания, в котором проживали И.Н. и М.А. Ульяновы и организация в нем музея семьи Ульяновых, здания бывшего Дворянского института, где преподавал И.Н. Ульянов, реконструкция планетария, построенного в память о работе Ульянова по организации метеорологической службы в Пензенской губернии, и т. д.), а также капитальный ремонт памятника Борцам революции на Советской площади г. Пензы (Переписка... Л. 1).

На этом этапе уже можно судить и об институциональной зрелости мемориальной культуры и исторической политики, что нашло отражение в дневниковых записях Г.В. Мясникова. Так, 12 мая 1969 г. секретарь пензенского обкома запишет: «В 13.00 собрал историков-краеведов. Мочалов, Лебедев и др. Проблемы увековечивания исторических мест на трассе Москва – Куйбышев. <...> Вырисовывается такая тематика: на въездах в область – карта памятных мест области, на въездах в город – история и памятные места Пензы, у поворота на Вадинск – о Буслаеве, у поворота на Наровчат – о Куприне, у Старой Пятины – о вале и бастионе, история Ломова, в с. Вирга – об академике Юрьеве и враче Захарьине, у Мокшана – история, Суворов и Малышкин, у Рамзая – крепость и М.Н. Загоскин, на Бессоновской горе – о движении Пугачева, в Селиксе – о Кижеватове и героях Великой Отечественной войны, у Городища – о Н. Маркине, у с. Поселки – о Радищеве.

Таков перечень исторических мест, которые могут рассматриваться» [Мясников 2008, с. 60–61].

Масштабные работы охватили территорию мемориального комплекса, связанного с именем М.Ю. Лермонтова. 5 января 1967 г. Пензенский облисполком принимает решение о создании охранной зоны музея-усадьбы М.Ю. Лермонтова общей площадью 91 га. Местному совхозу было предложено прекратить строительство производственных и жилых помещений в непосредственной близости к музею-усадьбе М.Ю. Лермонтова. В 1968–1969 гг. с территории комплекса были перенесены все производственные постройки совхоза (пилорама, столярная мастерская, нефтебаза, электроподстанция и пр.). Одновременно начинаются восстановительные работы в лесопарковой зоне и на территории музея: к 1968 г. завершена реставрация фасада церкви Михаила Архангела, началась реконструкция дома ключника, домовая кухня и теплицы. Для обеспечения транспортной доступности комплекса было организовано движение автобусов по маршрутам: Пенза – Белинский (четыре рейса) и Каменка – Белинский (каждые три часа). В летние месяцы число автобусов увеличивалось (Переписка... Л. 3–4, 34). В 1969 г. последовало специальное постановление СМ РСФСР «О мерах по благоустройству государственных музеев М.Ю. Лермонтова и В.Г. Белинского в Пензенской области» (от 30 июня 1969 г. за № 369), что заметно активизировало работы. По решению пензенского облисполкома в состав лермонтовского музея-заповедника были включены: «...бывшая усадьба Е.А. Арсеньевой в границах лермонтовского времени, бывшая усадьба П.П. Шан-Гирея, часовня-могила М.Ю. Лермонтова и мемориальная церковь Михаила Архангела» (Переписка... Л. 34). Были отреставрированы сторожка при церкви, часовня над могилой поэта, восстановлена церковная ограда, бывший дом ключника, где «развернута экспозиция, отражающая старый быт тарханских крестьян»; начались работы по реконструкции и реставрации бывшего дома Е.А. Арсеньевой, по восстановлению всех прудов и водоемов комплекса (Переписка... Л. 34–35).

На базе музея В.Г. Белинского был создан еще один мемориальный комплекс – музей-усадьба, объединивший территорию усадьбы Белинских с домом и надворными постройками, территорию бывшего уездного училища со зданием училища и могилу родителей В.Г. Белинского (Переписка... Л. 34). Кроме того, обращаясь в СМ РСФСР в августе 1970 г. с отчетом о ходе выполнения постановления, заместитель председателя облисполкома А.Н. Власов указал на необходимость восстановления мемориального комплекса единственного в стране музея А.Н. Радищева, находившегося «в бедственном положении» (Переписка... Л. 36). Просьба пензенского облисполкома была поддержана, и сентябре 1970 г. начинается составление проектной документации по усадьбе и церкви в с. Радищеве и Нижне-Аблязове (Переписка... Л. 39).

Символические практики в деятельности Г.В. Мясникова

Уникальным источником в деле изучения мемориальной культуры и практик коммеморации являются дневниковые записи Г.В. Мясникова, второго секретаря Пензенского областного комитета КПСС в 1961–1986 гг. [Мясников 2008]. В должностные обязанности «второго» входило руководство идеологической работой, следовательно, инициативы и реализация политики памяти в регионе исходили именно от него. Следует учесть и «историчность» мировоззренческих установок Георга Васильевича, и весьма опасное (для своего времени) стремление к формированию этнической идентичности: «...основная направленность “интересных” строек – это возрождение русского духа, национального достоинства русского человека»; «Пенза вернула меня в лоно русского народа»; «Думал о нашем изумительном русском народе. Сколько сил, мужества, крепости, выносливости таится в его недрах!» [Мясников 2008, с. 16, 90, 159]. Подобные суждения встречаются на страницах дневника с завидным постоянством. Так, под личным патронажем секретаря обкома Мясникова находилось строительство трактира «Золотой петушок» и ресторана «Засека» («хорошие памятники пензенской старины»), более того, традиции русского имперства противопоставлялись знаковым объектам интернационализма, например открытию «Белого аиста» (фирменного магазина с широким ассортиментом молдавских вин) [Мясников 2008, с. 159, 318].

В структуре повседневных практик партийного работника вопросы коммеморации не просто доминировали, но вытесняли все прочие, за исключением, пожалуй, времени чрезвычайных мобилизационных кампаний, когда запускался режим ручного управления («Все на спасение хлеба!»; «В Москве крайне тяжело с мясом. Грузите все, что можете» в 1969 г.; наводнение в Пензе в 1970 г.; восстание в колонии в 1971 г.) [Мясников 2008, с. 65, 72, 87–90, 106]. Что касается понимания миссии и средств реализации политики памяти, то здесь мы встретим единичные и весьма лаконичные суждения: «Мое устремление: 1) сделать Пензу интересным городом, пробудить у жителей настоящую любовь к городу, патриотизм. Но одними лозунгами сделать это сложно, нужна материальная основа. Надо иметь то, чем гордиться»; «Отрабатывал мысль о возведении деревянной крепостной стены на ул. Кирова, где сохранился старый вал. Сколько патриотов можно было бы воспитать на простых, близких и понятных, особенно молодежи, свидетелях прошлого»; по случаю открытия мемориальной доски с именами павших работников обкома 8 мая 1970 г.: «Это нужно и для памяти, и как пример другим» [Мясников 2008, с. 90, 92, 159].

Еще одним значимым проектом преобразования городского ландшафта в деятельности Г.В. Мясникова стало создание терренкура – Тропы здоровья, история которого начинается 6 сентября

1969 г. [Мясников 2008, с. 70]. Спустя десятилетие в планах второго секретаря обкома, курировавшего вопросы идеологии в регионе, значилось объединение объектов, символизовавших историческую преемственность и транслировавших «русскую идею» в единое культурное пространство: «Надо выбрать на весну и лето (1979 г.) несколько объектов, которые обогатят город. Одна из главных и интересных – туристская тропа в парке им. Белинского. Надо уже в этом году дотянуть асфальт до видовой площадки, а зеленой дорожкой дойти до “Ласточки”, а может и лесного массива у “Засеки”». Разбить тропу по организациям и создать укромные уголки с благоустройством и скульптурой» (в арт-объектах прослеживается отсылка к русской народной сказке и былинному эпосу) [Мясников 2008, с. 347]. К началу 1980-х гг. эти планы были реализованы лишь частично. Так и не удалось использовать особенности ландшафта и создать каскад озер, островков, плотин и мостов по ул. Боевой горе [Мясников 2008, с. 195; Шилин 2022, с. 52–62].

Оценить эффективность мемориальной политики позволяет обращение к описанию взаимодействия ее субъектов в период «всенародного обсуждения» проекта Конституции СССР. Сотрудники облисполкома тщательно фиксировали ответные меры, поступившие на предложения трудящихся, и в качестве самостоятельного направления работы было выделено улучшение охраны и пропаганды памятников истории и культуры (в рамках смotra «памятников истории советского общества, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции»). В отчетах управления культуры говорилось, что в 1978 г. «работа по выявлению, пропаганде и использованию памятников истории и культуры на территории области как государственными органами охраны памятников, так и общественными (в том числе молодежными) организациями» будет продолжена, предполагалось «установить шефство комсомольских и пионерских организаций над историческими памятниками, ответственность каждого гражданина, и в первую очередь советов народных депутатов, за сохранность памятников истории и культуры» (Материалы... Л. 21–22, 39).

Изучая эпистолярное наследие перестроечной эпохи, С.С. Наумов отмечает «пробуждение активного интереса людей к старине и деятельности по сохранению и возрождению историко-культурного наследия» как свидетельство трансформации коллективной памяти применительно к периоду 1980–1990-х гг. [Наумов 2020, с. 61]. Вместе с тем, как следует из материалов «всенародного обсуждения», подобные идеи были широко представлены в обществе и ранее и, более того, обнаруживали поддержку со стороны властей. Сохранение установки в массовом сознании на сбережение памяти об истории своей семьи и своей малой родине выявлено и в ходе онлайн-анкетирования, проведенного среди населения Пензенской области с мая по ноябрь 2022 г. и охватившего свыше 1000 человек.

Заключение

В предписанных временем формах коммуникации партийных структур коммеморация была представлена как инструмент «мобилизации трудящихся города на претворение в жизнь решений XXII съезда партии, ноябрьского и июньского Пленумов ЦК КПСС» и т. д. (Письмо... Л. 6). Современные исследователи выделяют аксиологическую и интегративную функции. Так, по мнению О.М. Соколовой, переживание общего прошлого играет важную роль в создании и поддержании социальной солидарности и общей идентичности

[Соколова 2020, с. 21]. В этой связи, объективно оценивая коммеморативные практики советской региональной элиты в 1960–1970-е гг., следует заметить, что по большому счету «управление» мемориальной культурой не противоречило социальному запросу. Более того, политика памяти формально и содержательно эволюционировала, революционная символика постепенно растущевывалась, смещалась на периферию мемориальных практик, уступая место социально значимым переживаниям и идее восстановления единства памяти, апеллируя к историческим корням.

Материалы исследования

Документы... – *Документы* об образовании в составе РСФСР Пензенской области и изменениях в административно-территориальном делении и составе области (копии указов и постановлений, акты, записки, переписка и др.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ВС РСФСР. Ф. А-385. Оп. 47. Д. 78.

Материалы... – *Материалы* о выполнении предложений, высказываний при обсуждении Конституции СССР (решения, приказы, информация, справки) // Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 6877.

Открытие памятника... – *Открытие памятника* К. Марксу на Соборной площади. 1 мая 1918 г. [Фото] // ГАПО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 374.

Пензенская... 2019 – *Пензенская энциклопедия*: в 2 т. 2-е изд., уточн. и доп. / гл. ред. А.Ю. Казаков. Пенза: б/и, 2019. Т. 2. Н – Я. 812 с.

Переписка... – *Переписка* с вышестоящими партийными и советскими органами о развитии в области краеведческой работы за 1968–1970 гг. // ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 5131.

Письмо... – *Письмо* Пензенского промышленного обкома КПСС и облисполкома в бюро ЦК КПСС по РСФСР от 15 июня 1963 г. о 300-летию г. Пензы // ГАПО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 5.

Соборная площадь... – *Соборная площадь*. Похороны жертв белочешского мятежа. 1 июня 1918 г. [Фото] // ГАПО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 376.

Библиографический список

Forest, Johnson 2011 – *Forest B., Johnson J. Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States* // *Post-Soviet Affairs*. 2011. Vol. 27, issue 3. P. 269–288. DOI: <http://doi.org/10.2747/1060-586X.27.3.269>.

Heisler 2008 – *Heisler M.O. Introduction: The Political Currency of the Past: History, Memory, and Identity* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 617, issue 1. P. 14–24. DOI: <http://doi.org/10.1177/0002716208315024>.

Twenty Years After... 2014 – *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / ed. By M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford University Press, 2014. 362 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=Ol6yAwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ViewAPI&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

Аникин, Бубнов, Комплеев 2020 – *Аникин Д.А., Бубнов А.Ю., Комплеев А.В.* Российское историческое общество как актор символической политики: институциональные особенности и мемориальные риски // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2020. № 1 (53). С. 114–124. DOI: <http://doi.org/10.21685/2072-3024-2020-1-9>.

Ассман 2016 – *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с. URL: https://vk.com/wall-29115409_293822?ysclid=ll3co8g4nc337017924.

Ассман 2023 – *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 3 изд. 328 с. URL: <https://tocit.ru/static/files/149eaf2013025b89d66c0734b63f8cbbbed3cd51f64006ae636e2c0336af87124.pdf>.

Декреты... 1959 – *Декреты советской власти*. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. Москва: Политиздат, 1959. 698 с. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9065>.

Красильникова, Вальдман 2020 – *Красильникова Е.И., Вальдман И.А.* Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2020. Т. 26, № 1. С. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54>. EDN: <https://elibrary.ru/nfkbqf>.

Леонтьева 2017 – *Леонтьева О.Б.* Память, время, мемориальная культура в работах Алейды Ассман // *Историческая экспертиза*. 2017. № 4. С. 31–46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32698867>. EDN: <https://elibrary.ru/ytzvyu>.

Любимова 2021 – *Любимова Г.В.* Культурные и мемориальные места в сельских ландшафтах Западной Сибири: вопросы соотношения и коллективной памяти // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2021. Т. 27. С. 806–811. DOI: <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0806-0811>. EDN: <https://elibrary.ru/yfjnse>.

Малинова 2019 – Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // *Метод*. 2019. № 9. С. 285–312. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-oblast-simvolicheskoy-politiki/viewer>.

Мясников 2008 – Мясников Г. Страницы из дневника (1964–1992) / под ред. М.Г. Мясникова, М.С. Полубоярлова. Москва: б/и, 2008. 775 с. URL: <https://dl.liblermont.ru/DL/Poluboyarov/Myasnikov.pdf/info>.

Наумов 2020 – Наумов С.С. Эпистолярное наследие как источник по изучению проблем трансформации коллективной памяти // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2020. Т. 26, № 1. С. 55–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-55-64>. EDN: <https://elibrary.ru/ojsad>.

Соколова 2020 – Соколова О.М. Культура коммеморации в контексте мемориальных исследований XX – начала XXI в. // *Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств*. 2020. № 1 (35). С. 17–28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42973679>. EDN: <https://elibrary.ru/pxoqhq>.

Шилин 2022 – Шилин А. «Там, на неведомых дорожках...» // *Культура провинции*. 2022. № 4 (26). С. 52–62. URL: <https://culture-province.ru/news/tam-na-nevedomyh-dorozhkah>.

Шуб 2018 – Шуб М.Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // *Обсерватория культуры*. 2018. Т. 15, № 2. С. 161–169. DOI: <http://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169>. EDN: <https://elibrary.ru/xnsatr>.

References

Forest, Johnson 2011 – Forest B., Johnson J. (2011) Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States. *Post-Soviet Affairs*, vol. 27, issue 3, pp. 269–288. DOI: <http://doi.org/10.2747/1060-586X.27.3.269>.

Heisler 2008 – Heisler M.O. (2008) Introduction: The Political Currency of the Past: History, Memory, and Identity. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 617, issue 1, pp. 14–24. DOI: <http://doi.org/10.1177/0002716208315024>.

Twenty Years After... 2014 – Bernhard M., Kubik J. (Eds.) (2014) *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press, 362 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=Ol6yAwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ViewAPI&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

Anikin, Bubnov, Kompleev 2020 – Anikin D.A., Bubnov A.Yu., Kompleev A.V. (2020) Russian Historical Society as an Actor of Symbolic Policy: Institutional Features and Memorial Risks. *University proceedings. Volga region. Humanities*, no. 1 (53), pp. 114–124. DOI: <http://doi.org/10.21685/2072-3024-2020-1-9>. (In Russ.)

Assman 2016 – Assman A. (2016) New dissatisfaction with memorial culture. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 232 p. Available at: https://vk.com/wall-29115409_293822?ysclid=ll3co8g4nc337017924. (In Russ.)

Assman 2023 – Assman A. (2023) The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3rd edition, 328 p. Available at: <https://tocit.ru/static/files/149eaf2013025b89d66c0734b63f8cbbcd3cd51f64006ae636e2c0336af87124.pdf>. (In Russ.)

Decrees ... 1959 – *Decrees of the Soviet government*. Vol. II. March 17 – July 10, 1918. Moscow: Politizdat, 698 p. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9065>. (In Russ.)

Krasilnikova, Valdman 2020 – Krasilnikova E.I., Valdman I.A. (2020) Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the region (Siberia of the XX – early XXI centuries). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 1, pp. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54>. EDN: <https://elibrary.ru/nfkbfq>. (In Russ.)

Leontyeva 2017 – Leontyeva O.B. (2017) Memory, time, memorial culture in the works by Aleida Assmann. *Historical Expertise*, no. 4, pp. 31–46. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32698867>. EDN: <https://elibrary.ru/ytzvyo>. (In Russ.)

Lyubimova 2021 – Lyubimova G.V. (2021) Cult and memorial sites in rural landscapes of Western Siberia: correlation and collective memory issues. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, vol. 27, pp. 806–811. DOI: <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0806-0811>. EDN: <https://elibrary.ru/yfjnse>. (In Russ.)

Malinova 2019 – Malinova O.Yu. (2019) Politics of memory as a branch of symbolic politics. *Metod*, no. 9, pp. 285–312. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-oblast-simvolicheskoy-politiki/viewer>. (In Russ.)

Myasnikov 2008 – Myasnikov G. (2008) Pages from a diary (1964–1992); Myasnikov M.G., Poluboyarova M.S. (Eds.). Moscow, 775 p. Available at: <https://dl.liblermont.ru/DL/Poluboyarov/Myasnikov.pdf/info>. (In Russ.)

Naumov 2020 – Naumov S.S. (2020) Epistolary heritage as a source for studying the problems of transformation of collective memory. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 1, pp. 55–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-55-64>. EDN: <https://elibrary.ru/ojsad>. (In Russ.)

Sokolova 2020 – Sokolova O.M. (2020) Culture of commemoration in the context of memorial researches of the XXTH – beginning of the XXST century. *Bulletin of the Belorussian State University of Culture and Arts*, no. 1 (35), pp. 17–28. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42973679>. EDN: <https://elibrary.ru/pxoqhq>. (In Russ.)

Shilin 2022 – Shilin A. (2022) “Along Unknown Paths...”. *Kul'tura provintsii*, no. 4 (26), pp. 52–62. Available at: <https://culture-province.ru/news/tam-na-nevedomyh-dorozhkah>. (In Russ.)

Shub 2018 – Shub M.L. (2018) Commemoration Phenomenon: An Experience of Culturological Analysis of Public Commemoration Practices (By the Example of Chelyabinsk Streets Naming). *Observatory of Culture*, vol. 15, no. 2, pp. 161–169. DOI: <http://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169>. EDN: <https://elibrary.ru/xnsatr>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47).084.9

Дата поступления: 05.05.2023

рецензирования: 17.06.2023

принятия: 25.08.2023

Репрезентация моделей семейных отношений на страницах советских журналов конца 1960-х – 1970-х гг.**Т.С. Губанова**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская ФедерацияE-mail: gubanova-ts09@mail.ru . ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8987-2459>

Аннотация: Рассмотрение социального института семьи как среды формирования и эволюции гендерных ролей представляет особый интерес применительно к истории советского общества, для которого даже на позднем этапе его развития был характерен контроль над частной сферой со стороны государства. Важным социальным институтом, оказывающим влияние на конструирование представлений о гендере, были средства массовой информации, поскольку в них воспроизводились образы желаемых моделей семейных отношений и гендерного устройства общества. С помощью методов гендерного анализа материалов популярных советских газет и журналов возможно раскрытие общих стереотипов мужественности и женственности, а также гендерных семейных ролей, характерных для позднесоветского общества. В данной работе предпринят анализ материалов советских журналов и газет, издававшихся с конца 1960-х по 1970-е гг.: журнала для родителей и учителей «Семья и школа», научно-популярного журнала «Здоровье», рекламного журнала «Новые товары» и детских журналов «Мурзилка» и «Веселые картинки». Разнообразная направленность рассмотренных изданий позволяет получить более полное представление о реальных и желаемых моделях мужественности и женственности в позднесоветском обществе. В результате исследования сделаны выводы о значимых расхождениях между декларируемым равенством женщин и мужчин в советском обществе и реальной гендерной структурой социума. Противоречия особенно ярко были выражены в форме репрезентации стереотипных моделей семейных отношений, в особенностях мужской и женской гендерной социализации, а также в гендерной дифференциации семейно-бытовых функций мужчин и женщин.

Ключевые слова: гендер; гендерная история; гендерные стереотипы; позднесоветское общество; семья в СССР; гендерные роли в семье; женщины и мужчины в СССР, периодическая печать.

Цитирование. Губанова Т.С. Репрезентация моделей семейных отношений на страницах советских журналов конца 1960-х – 1970-х гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 59–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-59-64>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Губанова Т.С., 2023

Татьяна Сергеевна Губанова – аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 05.05.2023

Revised: 17.06.2023

Accepted: 25.08.2023

Representation of male and female family roles in Soviet magazines of the late 1960-ies – 1970-ies**T.S. Gubanova**

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: gubanova-ts09@mail.ru . ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8987-2459>

Abstract: The social institution of the family as an environment for the formation and evolution of gender roles is of particular interest for the study of Soviet society. The government controlled the private sphere of public life even in the late USSR. The media were an important social institution that influenced the construction of ideas about gender and reproduced images of desired models of family relations and the gender structure of society. Gender analysis can be used to identify popular stereotypes about masculinity and femininity, as well as gender family roles in the late USSR. In this paper, the author analyzes the materials of Soviet magazines and newspapers published from the late 1960-ies to the 1970-ies: the magazine for parents and teachers «Family and School», the popular science magazine «Health», the advertising magazine «New goods», the children's magazines «Murzilka» and «Funny Pictures». These publications are aimed at different readership. This allows us to get a more complete picture of the real and desired models of masculinity and femininity in late Soviet society. As a result of the study, conclusions are drawn about significant discrepancies between the declared equality of women and men in Soviet society and the real gender structure. The representation of stereotypical

models of family relations indicates contradictions in the peculiarities of male and female gender socialization, as well as in the gender differentiation of family and household functions of men and women.

Key words: gender; gender history; gender stereotypes; late Soviet society; family in the USSR; gender roles in the family; women and men in the USSR; periodicals.

Citation. Gubanova T.S. Representation of male and female family roles in Soviet magazines of the late 1960-ies – 1970-ies. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 59–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-59-64>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Gubanova T.S., 2023

Tatiana S. Gubanova – postgraduate student of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Гендерная структура советского общества не поддается исчерпывающей характеристике по причине своего сложного устройства, изменения политической конъюнктуры, трансформации методов управления и культурных ценностей. Так, И.С. Кон утверждает, что в 1956–1986 гг. происходит «смена тоталитаризма авторитаризмом; постепенное расширение сферы индивидуальной свободы; переход от командно-административных методов защиты брака и семьи к морально-административным» [Кон 1977, с. 168]. При исследовании гендерной структуры общества необходимо учитывать специфику конкретного исторического периода; именно 1960-е годы характеризуются интенсивной урбанизацией, улучшением бытовых условий жизни горожан, завершением демографического перехода (перехода к семье нуклеарного типа). Помимо того, многие исследователи отмечают либерализацию в социальном законодательстве, но в то же время по-разному оценивают его влияние на гендерный порядок и положение женщин в СССР. С.Г. Айвазова говорит о дискриминационном характере льготного законодательства [Айвазова 1998, с. 66–99]. Эта проблема выражалась в том, что советское законодательство «уделяло материнству гораздо больше внимания, чем отцовству» [Чвыкалов 2011]. С.В. Поленина, отражая специфику популярных мнений среди советских исследователей, пишет о материнстве как «специфической функции женщины» и обосновывает тем самым описанные законодательные практики [Поленина 1985].

Исследуемый период также характеризуется изменениями в системе трудовых отношений. Современные исследователи отмечают проявления гендерного неравенства. Так, Н.Л. Пушкарева пишет, что в 1976 г. женщины составляли до 70–80 % трудящихся среди самых неквалифицированных категорий и занимали лишь 5–6 % среди самых высших и высокооплачиваемых должностей [Пушкарева 2021, с. 94–101]. Тем не менее в исследуемый период возросла не только абсолютная численность работающих женщин, но и их доля в структуре работающего населения. К примеру, в 1970-м году среднегодовая численность работающих женщин составляла 45 800 тыс. чел. (т. е. 51 % от общей численности рабочих и служащих) (Женщины в СССР 1985, с. 7). Именно поэтому для общества стало актуально переосмысление сложившихся ранее моделей семейных отношений. Несмотря на механизмы цензуры и особен-

ности построения официального дискурса, общая информационная повестка позволяет понять образы желаемых моделей семейных отношений и гендерного устройства общества.

Настоящее исследование строится на выявлении специфики отображения семейных ролей мужчин и женщин в позднесоветском обществе на материалах периодических печатных изданий: журнала для родителей и учителей «Семья и школа», научно-популярного журнала «Здоровье», рекламного журнала «Новые товары» и детских журналов «Мурзилка» и «Веселые картинки».

Основная часть

Предметом исследования в первую очередь стало отображение проблем «мужского» и «женского». Были рассмотрены мартовские выпуски журнала для родителей и педагогов «Семья и школа» с 1970 по 1980 г. (тираж – 1 300 000–1 890 000 экземпляров). До 1975 года мартовский выпуск сопровождался помещенными на первые страницы номера фотоработами, изображающими женщину с ребенком и женщину в образе работницы-профессионала. Рядом с фото помещались также прозаические и поэтические тексты о роли матери в жизни каждого советского гражданина. Выпуск журнала 1975 года начинается со статьи, в которой говорится о целях программы ООН по проведению Международного года женщин: «...заботами Коммунистической партии и Советского правительства буквально с первых дней советской власти женщине обеспечено юридическое и фактическое равноправие» (Семья и школа 1975, № 3, с. 2). Эта идея выражалась не только в данном журнале, но и в иных изданиях (например: «В СССР впервые в мире решена социальная проблема огромной исторической значимости – обеспечено подлинное равноправие женщины...» (Здоровье 1977, № 11, с. 29–32), как писала кандидат исторических наук в журнале «Здоровье» в статье под названием «От Домостроя к паритету»).

Помимо женского вопроса как политического, интерес представляют рубрики, где читатели и читательницы задают волнующие вопросы экспертам и делятся своим родительским семейным опытом. Встречаются истории от женщин, сомневающих в необходимости повторного заключения брака или столкнувшихся с проблемой алкогольной зависимости супруга (Семья и школа 1975, № 3, с. 14). Представлены тексты дочерей, посвященные их матерям. Показательна история от девочки из Чечено-Ингушской АССР, в которой

она рассказывает о том, как ее мать, когда-то не закончившая школу и невольно выданная замуж за незнакомца, «благодаря советской власти» в 38 лет поступает на юридический факультет и становится председателем женсовета (Семья и школа 1975, № 3, с. 4–6). Из этой истории следует, что ныне успешная мама из сочинения девушки ранним этапом своей биографии все же опровергает тезис редакторов журнала о юридическом и фактическом равноправии женщин и мужчин, наступившем «с первых дней советской власти». Очевидно, что любая экстраполяция выводов о гендерных ролях и стереотипах на все «советское общество» будет в той или иной мере ошибочной, что обосновано пестротой и разнообразием советского социума.

В целом в текстах, представленных в журнале, стереотипные установки соседствуют с эгалитарными воззрениями, а проблемы, о которых говорят авторы текстов, указывают на гендерное неравенство, как минимум по параметру низкого уровня вовлеченности мужчин в процессы воспитания детей: «Вот мнение председателя школьного родительского комитета Р.П. Рядович: – Ну что можно мужчине поручить, кроме ремонта? ... В квартире лет пять не убиралась, а для мужчины так – легкий беспорядок... А потом женщина – мать, у нее и подход к детям иной...» (Семья и школа 1975, № 3, с. 24–25).

Из рубрики, подразумевающей вопросы и ответы, мы можем узнать, что мужчин беспокоят проблемы физической слабости и недостаточной мужественности образов своих сыновей (Семья и школа 1975, № 3, с. 16), а редакторы журнала воспроизводят «традиционные» стереотипы маскулинности, утверждая, что «для мальчика наиболее привлекательны качества настоящего мужчины: сила, воля, смелость, верность дружбе» (Семья и школа 1975, № 3, с. 19).

Вопросы брака, позитивной вовлеченности мужчин в процессы воспитания детей и физической заботы о членах семьи в целом были достаточно актуальными, судя по данным периодической печати. Особый интерес в этом плане представляют тематические рубрики научно-популярного журнала «Здоровье», выходявшего тиражом более 11 500 000 экземпляров.

По результатам анализа выпусков 1968–1982 годов можно сделать вывод о том, что в журнале уделяется достаточно внимание вопросам здоровья: чаще женского (Здоровье 1968, № 1, с. 30; № 2, с. 20–21; 1971, № 7, с. 19; № 9, с. 4) и реже мужского (Здоровье 1971, № 9, с. 12, 26–27; № 5, с. 20). Интерес к женскому, в особенности репродуктивному, здоровью можно объяснить с помощью подхода Е. Здравомысловой и А. Темкиной, которые характеризуют советский гендерный порядок как этакратический [Здравомыслова, Темкина 2003, с. 299–321].

В статьях, связанных с этикой семейных отношений, воспитанием детей и гигиеной, можно найти материал, свидетельствующий о гендерных стереотипах. В одном из выпусков 1970 года опубликована статья под названием «Азбука создания семьи», авторами которой являются учительница средней школы и главный врач психоневрологи-

ческой больницы. Наряду с тезисами, пропагандирующими ответственное и вовлеченное родительство, осознанное отношение к сексуальной жизни, необходимость полового просвещения, встречаются и тезисы, стигматизирующие некоторые виды сексуального и семейного поведения, очевидно, уже распространенные в СССР: «Несчастливая семья – это очень часто семья неполная, состоящая только из матери и ребенка; несчастные дети – это обычно дети, растущие без отца» (Здоровье 1970, № 8, с. 14–15). Данный тезис вызывает множество вопросов: почему семья без отца считается несчастной, а о семье, где нет матери, ничего не сказано? Принимать ли статус «несчастной» как неоспоримую данность семье, в которой уже произошел развод супругов или женитбы изначально не было? Как оценивать семью, которая формально является полной, а в вопросе реальной вовлеченности обоих родителей в процесс воспитания – нет?

Выпуски 1971 года содержат ежемесячную рубрику «Лекторий для родителей – хотите иметь здорового ребенка?», в которой описано взросление новорожденного с соответствующими его развитию советами по гигиене и педиатрии. Важной в данной рубрике является тема участия отца в заботе о младенце, о чем редакторы рубрики говорят с первых ее строк: «Обычно, когда речь идет об уходе за грудным ребенком, все советы адресуются матери. Мы же обращаемся и к отцу и настоятельно просим его взять на себя долю обязанностей» (Здоровье 1971, № 1, с. 16). Далее рубрика дополняется специальным разделом «Задание для папы», в которой отцам рекомендуют взять на себя подготовку матери и ребенка к выписке из родильного дома, подготовку специального оборудования для безопасности и развития ребенка, обязанности по ведению домашнего быта. «Не ждите, когда вас попросят что-либо сделать. Предлагайте свою помощь сами... Обязательно каждый день уделяйте час-два малышу!» (Здоровье 1971, № 4, с. 19), указано в одном из выпусков. Такая проблематизация может быть очередным свидетельством того, что необходимость вовлеченности отцов в заботу о младенцах в СССР 1970-х годов еще является темой, не очевидной для многих мужчин. Один из выпусков данной рубрики со статьей «Отцы, это ваш долг!» начинается с возмущенного обращения в редакцию «Читателя П.»: «... я хочу спросить вас: почему это вы даете такие советы отцу? Прибрать квартиру, приготовить белье для новорожденного, закупить все необходимое в аптеке. А что же будет делать мать во время своего декретного отпуска? Вот пусть и занимается этими делами» (Здоровье 1971, № 7, с. 26). Невозможно выяснить, было ли данное обращение в редакцию реальным, однако появление такого рода дискурса в некоторой мере отражает стереотипные представления о гендерных ролях в советском обществе.

Несмотря на настойчивое желание редакторов продолжить в следующих номерах рубрику «Школа отцов», журнал все же транслирует гендерные стереотипы в других статьях в скрытой форме. К примеру, это можно проследить по иллюстративному материалу, где женщины часто изобра-

жаются в роли матерей, т. е. в окружении детей, или в статьях о декоративной косметике, красоте, внешнем виде, косметологии и подобных рекламных объявлениях.

Печатным источником, требующим особого внимания, также является советский рекламный журнал «Новые товары», который издавался на протяжении исследуемого периода приблизительно тиражом в 300 000 экземпляров. С одной стороны, проблемы развития плановой экономики позволяют сделать предположение о специфических функциях советской рекламы в целом, а также поставить под сомнение репрезентативность выбранного источника, поскольку с помощью него сложно определить популярность той или иной продукции среди мужчин или женщин. На сегодняшний день мы расцениваем явления товарного дефицита как факт социально-экономической жизни СССР, в том числе и советского общества 1970-х гг., соответственно, полагаем, что рекламируемые в журнале товары в реальности могли быть доступны в представленном объеме далеко не всем гражданам СССР. С другой стороны, именно эти обстоятельства позволяют предположить, что журнал «Новые товары» не отображал реальную картину потребления советского человека, а конструировал его желаемую модель, о чем косвенно свидетельствует и относительно небольшой тираж этого журнала. С этой позиции данные настоящего источника становятся особенно значимыми.

Действительно, примечательно, что так называемые «брежневские» годы становятся особым периодом, в котором проявления повседневности начинают наиболее активно расходиться с идеологическими концептами. Эту тенденцию замечают ряд исследователей советской повседневности, основываясь на анализе советских популярных журналов [Юрчак 2014, с. 395; Антонова 2008]. Официальный дискурс «развитого социализма», проявляющийся в дискредитации капиталистических основ устройства «западных» обществ, сочетался с трансфером некоторых капиталистических моделей на уровне частно-бытовом. Французский философ Ж. Бодрийяр, исследуя «общество потребления» на Западе, утверждает, что повседневность людей 1970-х гг. состоит уже «не в общении с себе подобными, а в получении, в соответствии с растущей статистической кривой, благ и посланий и в манипуляции с ними, начиная с очень сложного домашнего хозяйства и десятков его технических рабов вплоть до “городского оборудования” ... вплоть до постоянного зрелища прославления объекта в рекламе и в сотнях повседневных посланий» [Бодрийяр 2006, с. 5]. Несмотря на то что масштабы развития скованной государственным регулированием советской рекламной индустрии не сравнимы с западным рыночным рекламным бизнесом, образы со страниц журнала «Новые товары», очевидно, символически связаны с моделями западной культуры потребления, в том числе и в гендерном отношении. К тому же косыгинская реформа, результатом которой стало изменение методики определения эффективности производ-

ства через категории прибыли и рентабельности, приносила некоторые плоды.

Гендерный анализ журнала позволяет сделать выводы о стереотипах (и попытках их преодоления в советском обществе) на уровне культуры потребления. На основе частоты и качества употребления женских и мужских образов мы можем сделать вывод, что декларируемый равный статус женщин и мужчин не оказывает существенного влияния на традиционалистские представления о «женском» и «мужском». В частности, на страницах журнала мы видим репрезентацию образа женщины-домохозяйки, что часто выражается в изображении женщин-моделей на рекламных плакатах бытовой техники (стиральные машины, мясорубки, газовые и электрические плиты и т. п.), бытовой химии, а также товаров, связанных с обустройством уютного быта. Женщины чаще всего изображены и в рекламе продуктов питания – в процессе приготовления пищи. Иногда и текстовый материал содержит в себе прямое указание на бытовые роли женщин: «В этом году наши хозяйки получают новый электрический помощник – комбинированную электромясорубку...» (Новые товары 1968, № 2, с. 14). Примечательно, что постановочные кадры, изображающие женщин за работой по дому, зачастую эстетически и символически копируют образы американских жен-домохозяек 1950-х гг. Изображение мужчины на фоне бытовой техники (в данном случае стиральной машины) среди выпусков 1968–1980-х гг. встретилось лишь один раз.

В целом образы женщин в рекламном журнале используются, очевидно, гораздо чаще образов мужских, что, предположительно, может быть связано и с непопулярностью профессии модели среди представителей мужской части советского общества. В то же время на примере практик «капиталистических» обществ Э. Уиллис делает вывод: «...женщины становятся особой мишенью для рекламщиков. Согласно этой точке зрения, общество “создает” женщин как потребительниц» [Уиллис 2012, с. 38–39]. Фото мужчин в журнале «Новые товары» чаще встречаются в разделах «Новинки зарубежной моды» в рекламе мужских костюмов, где моделями, вероятно, являются не советские мужчины. Мужчины также присутствуют на плакатах, связанных с рекламой электроники или транспортных средств. Стоит отметить, что женщины периодически также присутствуют при рекламе аналогичных товаров (телевизоры, радиоприемники, фотоаппараты, велосипеды), в то время как тема водного транспорта и рыбалки практически полностью в журнале является «мужской». Со второй половины 1970-х образы женщин появляются и в рекламе мопедов, чего не было в первой половине десятилетия. При этом облик женщины не сексуализирован, как это было характерно для рекламы постсоветского образца.

Тема детства в целом представлена противоречиво. В некоторых номерах реклама детских игрушек только условно разбита на блоки с машинами и куклами с описанием характеристик самих игрушек, в иных номерах содержатся прямые или косвенные указания на то, для какого пола данная

игрушка предназначена. В целом образы детей используются вместе с женскими, а не с мужскими, что, конечно, отсылает к материнской роли женщины и практически исключает образы отцовства как таковые.

Наиболее популярными среди читателей детского возраста были детский журнал для октябрят «Мурзилка» и детский юмористический журнал «Веселые картинки» (тираж – более 5 000 000 экземпляров каждый). Материалы этих изданий также могут дать общее представление об особенностях мужской и женской гендерной социализации в позднем СССР. Нами были рассмотрены февральские и мартовские выпуски журналов, исходя из устоявшегося в обществе представления о гендерно-дифференцированных праздниках 8 Марта – Международной женский день и 23 февраля – День защитника Отечества. В мартовских номерах несмотря на то, что фигуре женщины уделено отдельное внимание, роль женских образов сводится именно к материнской, что, конечно, наиболее очевидно и доступно для детского понимания, однако в значительной степени отсылает к традиционалистскому представлению о женщине в целом. В то же время в одном из выпусков опубликован рассказ В. Лосиной, в котором подвергалось критике несправедливое ограничение деревенских девочек до революции в праве на получения даже школьного образования: «Не отпускают родители девочек в школу: и нянчить надо им, и прясть» (Мурзилка 1970, № 3, с. 10–12).

Поскольку данные журналы были ориентированы на детей дошкольного и младшего школьного возраста, их содержание отличается большим количеством иллюстративного материала. На наш взгляд, эта характеристика очень важна, так как репрезентация различных гендерных ролей в виде визуальных образов особенно сильно влияет на гендерную социализацию читателей. На страницах февральских и мартовских номеров данных журналов маскулинные и феминные образы представлены в соответствии со стереотипным разделением свойств социальных ролей. Персонажи мужского и женского пола, как правило, изображены в процессе выполнения разного рода действий: мужские – связаны с физической активностью (Веселые картинки 1968, № 3, с. 2), военными действиями и играми (Веселые картинки 1969, № 2, с. 3), показаны во время того, как мастерят какие-либо предметы быта (Веселые картинки 1969, № 3, с. 5); женские преимущественно связаны с приготовлением пищи (причем такие образы встречаются и на рисунках, присланных читателя-

ми в редакцию) (Мурзилка 1982, № 5, с. 20; Веселые картинки 1968, № 3, с. 4), с вязанием/вышиванием/рукоделием (Веселые картинки 1963, № 3, с. 13), с заботой о членах семьи (Мурзилка 1982, № 5, с. 18). Встречается также и детское стихотворение, которое напрямую отражает одну из стереотипных установок в отношении проявления эмоций слабости мужчинами: «Если мальчик плачет, значит, есть причина. Если слезы прячет, значит, он – мужчина» (Веселые картинки 1982, № 2, с. 11).

Заключение

Таким образом, анализ упомянутых периодических изданий позволяет прийти к следующим выводам. На бытовом уровне понимание гендерных ролей в СССР могло значительно различаться в зависимости от множества факторов. Именно по этой причине исследование дискурса на основе печатных и иных материалов позволяет выявить не столько отношение советского общества к каким-либо социально-политическим и культурным вопросам, сколько представление желаемых форм отображения (или замалчивания) социальных проблем советской властью.

Не заполненные политической пропагандой смысловые лакуны, образующиеся на месте цензурированных форм взаимодействия власти и общества, позволяют отыскать свидетельства реальных проблем социальных взаимоотношений, в том числе и проблем гендерных стереотипов. Исследуемые источники отражают стереотипные представления о гендерно ориентированных сферах общественных отношений: тема армии, и, соответственно, силы, мужества, выносливости, представлена как мужская, тема красоты и домашнего уюта – как женская.

Семейные обязанности на страницах исследуемых популярных советских журналов представлены, во-первых, как гендерно дифференцированные, во-вторых, по большей мере как женские; таким образом, приватная сфера общественных отношений воспринималась как область, где женщина может демонстрировать особую активность. Основной проблемой роли мужчин в семье считалась их слабая вовлеченность в процессы воспитания детей, выполнения функций по бытовому обеспечению домашнего семейного хозяйства.

Данные выводы дают основания полагать, что в советском обществе 1960–1970-х гг. расхождение между декларируемыми и реальными возможностями женщин, желаемыми и фактическими моделями семейных отношений проявлялось в значительной мере.

Материалы исследования

Веселые картинки – *Веселые картинки*. 1968, 1969, 1973, 1982.

Женщины в СССР 1985 – *Женщины в СССР*: Статистические материалы / ЦСУ СССР. Москва: Финансы и статистика, 1985. 35 с.

Здоровье – *Здоровье*. 1968, 1970, 1971, 1972, 1977.

Мурзилка – *Мурзилка*. 1970, 1982.

Новые товары – *Новые товары*. 1968.

Семья и школа – *Семья и школа*. 1973, 1974, 1975, 1977.

Библиографический список

- Айвазова 1998 – Айвазова С.Г. Свобода и равенство советских женщин // Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). Москва: РИК Русанова, 1998. С. 66–99. URL: https://a-z.ru/women/texts/66_99r.htm.
- Антонова 2008 – Антонова М. Сатира как инструмент дисциплины тела в эпоху хрущевских реформ: формирование идентичности советской женщины в 1950–1960-е годы (по материалам журнала «Крокодил», «Работница», «Здоровье»). // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова (Из библиотеки Журнала исследований социальной политики). Москва: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. 376 с. URL: <https://studfile.net/preview/1758861>.
- Бодрийяр 2006 – Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. Москва: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с. URL: https://wiki.z-g-m.ru/_media/библиотека/философия/bodeyar_-_obshestvo_potreblenia.pdf.
- Здравомыслова, Темкина 2003 – Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3/4. С. 299–321. URL: https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208180074/zdravomyslova_temkina_gosudarstvennoe_konstruirovanie.PDF?ysclid=lkw9486xwu177539139; <https://elibrary.ru/item.asp?id=9535922>. EDN: <https://elibrary.ru/iarnyh>.
- Кон 1997 – Кон И.С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. Москва: ОГИ, 1997. 460 с. URL: <https://djvu.online/file/MQQZKjNEFvKfa?ysclid=lkw9gfjfc987178246>.
- Поленина 1985 – Поленина С.В. Советская женщина в обществе и семье // Роль женщины в современном обществе (К итогам X-летия женщины ООН): сб. ст. Ч. II. Москва, 1985. С. 203–218. URL: <https://a-z.ru/women/texts/polenrd.htm>.
- Пушкарева 2021 – Пушкарева Н.Л. Динамика женского присутствия в российской экономике второй половины XX – начала XXI в.: глазами историка // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество: материалы Всероссийской научной конференции, Иваново, 25 июня 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 94–101. DOI: <https://doi.org/10.46726/Sb.2021.14>. EDN: <https://elibrary.ru/msyenn>.
- Уиллис 2012 – Уиллис Э. Женщины и миф о потреблении // Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 1. Пол политики / ред. Е.М. Иванова и А.Ю. Першай. 2012. С. 38–42.
- Чвыкалов 2011 – Чвыкалов В.В. Гендерная политика советского государства в социальной сфере в целях защиты прав женщин // Юрист-Правовед. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-sotsialnoy-sfere-v-tselyah-zaschity-prav-zhenschin/viewer>.
- Юрчак 2014 – Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с. URL: <http://schoolengagedart.org/wp-content/uploads/2020/02/Алексей-Юрчак-Это-было-навсегда-пока-не-кончилось.-Последнее-советское-поколение-Библиотека-журнала-Неприкосновенный-Запас-2014.pdf>.

References

- Aivazova 1998 – Aivazova S.G. (1998) Freedom and equality of Soviet women. In: Aivazova S.G. *Russian women in the labyrinth of equality (Essays on political theory and history. Documentary materials)*. Moscow: RIK Rusanova, pp. 66–99. Available at: https://a-z.ru/women/texts/66_99r.htm, (In Russ.)
- Antonova 2008 – Antonova M. (2008) Satire as an instrument of body discipline in the Era of Khrushchev's Reforms: the formation of identity of Soviet woman in the 1950-ies and 1960-ies (based on the materials of the magazine «Crocodile», «Worker», «Health»). In: *Yarskaya-Smirnova E., Romanova P. (Eds.) Soviet social policy: scenes and actors, 1940–1985*. (From the library of the Journal of Social Policy Research). Moscow: ООО «Variant», TsSPGI, 376 p. Available at: <https://studfile.net/preview/1758861>. (In Russ.)
- Baudrillard 2006 – Baudrillard J. (2006) The Consumer Society Myths and Structures. Moscow: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 269 p. Available at: https://wiki.z-g-m.ru/_media/библиотека/философия/bodeyar_-_obshestvo_potreblenia.pdf. (In Russ.)
- Zdravomyslova, Temkina 2003 – Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2003) The public construction of gender in Soviet society. *The Journal of Social Policy Research*, vol. 1 (3/4), pp. 299–321. Available at: https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208180074/zdravomyslova_temkina_gosudarstvennoe_konstruirovanie.PDF?ysclid=lkw9486xwu177539139; <https://elibrary.ru/item.asp?id=9535922>. EDN: <https://elibrary.ru/iarnyh>. (In Russ.)
- Con 1997 – Con I.S. (1997) Strawberry on the birch. Sexual culture in Russia. Moscow: OGI, 460 p. Available at: <https://djvu.online/file/MQQZKjNEFvKfa?ysclid=lkw9gfjfc987178246>. (In Russ.)
- Polenina 1985 – Polenina S.V. (1985) Soviet woman in society and family. In: *The role of women in modern society (On the results of the X anniversary of the UN Women). Collection of articles. Part II*. Moscow, pp. 203–218. Available at: <https://a-z.ru/women/texts/polenrd.htm>. (In Russ.)
- Pushkareva 2021 – Pushkareva N.L. (2021) Dynamics of the female presence in the Russian economy through the eyes of a historian (the second half of the 20th – early 21st C.). In: *Gender policy in Russia and in the world: economics, management, society: materials of the All-Russian scientific conference, Ivanovo, June 25, 2021*. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, pp. 94–101. DOI: <https://doi.org/10.46726/Sb.2021.14>. EDN: <https://elibrary.ru/msyenn>. (In Russ.)
- Willis 2012 – Willis E. (2012) Women and the Myth of Consumerism. In: *Ivanova E.M., Pershai A. Yu. (Eds.) Women in Politics: New Approaches to the Political. Feminist Educational Almanac. Vol. 1. Sex of Politics*, pp. 38–42. (In Russ.)
- Chvykalov 2011 – Chvykalov V.V. (2011) The gender policy of the Soviet state in social sphere with a view of the women rights protection. *Jurist-Pravoved*, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-sotsialnoy-sfere-v-tselyah-zaschity-prav-zhenschin/viewer>. (In Russ.)
- Yurchak 2014 – Yurchak A. (2014) Everything Was Forever Until It Was No More: the Last Soviet Generation; foreword by A. Belyaev; translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 664 p. Available at: <http://schoolengagedart.org/wp-content/uploads/2020/02/Алексей-Юрчак-Это-было-навсегда-пока-не-кончилось.-Последнее-советское-поколение-Библиотека-журнала-Неприкосновенный-Запас-2014.pdf>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(470) «1920/1933»

Дата поступления: 17.06.2023
рецензирования: 18.07.2023
принятия: 25.08.2023

Тенденции развития и основные аспекты языковой политики Советского государства в автономиях Северного Кавказа (1920-е – начало 1930-х гг.)

Д.С. Кокорхоева

Ингушский государственный университет, г. Магас, Республика Ингушетия
E-mail: dugurhan@mail.ru. SPIN-код: http://elibrary.ru/author_profile.asp?spin=7042-1328.
ResearcherID: <http://www.researcherid.com/rid/JBS-2874-2023>. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8943-1071>

Аннотация: Актуальность темы в том, что Советское государство целенаправленно формировало правовые и социокультурные нормы языковой политики, добившись массовой грамотности на региональных языках и качественного повышения статуса этих языков. Задачи языковой политики в автономиях Северного Кавказа особенно сложны. Цель работы – определить тенденции развития и основные аспекты языковой политики Советского государства в автономиях Северо-Кавказского края в 1920-х – начале 1930-х гг. Статья основана на методологии конструктивизма, системном и сравнительном анализе. Источниковая база статьи включает в себя неопубликованные документы партийных и государственных органов власти, итоги переписей, выступления политических деятелей, статьи публицистов. Новизна статьи состоит в системном исследовании таких аспектов, как формирование письменности и литературы на языках народов Северного Кавказа, ликвидация неграмотности на родных языках, замена арабского алфавита латинским, перевод делопроизводства с русского на региональные языки, унификация алфавитов языков Северного Кавказа, квоты для носителей региональных языков в органах власти. Оценивается деятельность организаций, внедрявших латинизированный алфавит: Национальной комиссии Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б), Национального совета при краевом исполнительном комитете Советов, Краевого национального издательства и др. Аргументируется вывод о противоречивых результатах и низкой эффективности языковой реформы на Северном Кавказе. Ресурсы внедрения региональных языков как основных в системе образования, пропаганды, официального делопроизводства ограничены. Это объяснялось низким уровнем грамотности населения, слабостью издательств, нехваткой образованных педагогов и журналистов со знанием региональных языков.

Ключевые слова: языковая политика; СССР; Северо-Кавказский край; автономии; тенденции развития; основные аспекты; 1920-е – начало 1930-х гг.

Цитирование. Кокорхоева Д.С. Тенденции развития и основные аспекты языковой политики Советского государства в автономиях Северного Кавказа (1920-е – начало 1930-х гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 65–73. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-65-73>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кокорхоева Д.С., 2023

Дугурхан Султангиреевна Кокорхоева – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ингушский государственный университет, 386001, Республика Ингушетия, г. Магас, пр-кт И.Б. Зязикова, 7

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.06.2023
Revised: 18.07.2023
Accepted: 25.08.2023

Development trends and main aspects of language policy of Soviet state in the autonomous regions of the North Caucasus (1920-ies – early 1930-ies)

D.S. Kokorkhoeva

Ingush State University
E-mail: dugurhan@mail.ru. SPIN-код: http://elibrary.ru/author_profile.asp?spin=7042-1328.
ResearcherID: <http://www.researcherid.com/rid/JBS-2874-2023>. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8943-1071>

Abstract: The relevance of the topic lies in the fact that Soviet state purposefully formed legal and socio-cultural norms of language policy, achieving mass literacy in regional languages and a qualitative increase in the status of these languages. The tasks of language policy in the autonomous regions of the North Caucasus are particularly difficult. The purpose of the work is to determine the development trends and the main aspects of language policy of Soviet state in the autonomies of the North Caucasus Region in the 1920-ies – early 1930-ies. The article is based on the methodology of constructivism, systematic and comparative analysis. The source base of the article includes unpublished documents of party and state authorities, the results of censuses, speeches of political figures, articles by publicists. The novelty of the article consists in a systematic study of such aspects as the formation of writing and literature in the languages of the North Caucasus peoples,

the elimination of illiteracy in their native languages, the replacement of the Arabic alphabet with Latin, the translation of office texts from Russian into regional languages, the unification of the alphabets of the languages of the North Caucasus, quotas for speakers of regional languages in government bodies. The activity of organizations implementing the Latinized alphabet: the National Commission of the North Caucasus Regional Committee of the VKP(b), the National Council under the Regional Executive Committee of Councils, the Regional National Publishing House, etc. is evaluated. The results of the language reform in the North Caucasus were contradictory and not efficient. Resources for the introduction of regional languages as the main ones in the education system, propaganda, and official records are limited. The causes of this problem were: the low level of literacy of the population, the weakness of publishing houses, the lack of educated teachers and journalists with knowledge of regional languages.

Key words: language policy; USSR; North Caucasus Region; autonomies; development trends; main aspects; 1920-ies – early 1930-ies.

Citation. Kokorkhoeva D.S. Development trends and main aspects of language policy of Soviet state in the autonomous regions of the North Caucasus (1920-ies – early 1930-ies). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 65–73. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-65-73>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Kokorkhoeva D.S., 2023

Dugurkhan S. Kokorkhoeva – Candidate of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of History, Ingush State University, 7, I.B. Zyazikov Avenue, Magas, 386001, Republic of Ingushetia.

Введение. Постановка проблемы и степень ее разработанности

Тема актуальна, поскольку российское общество и государство является полиэтничным, а в сфере образования, бизнеса и государственного управления применяются многочисленные языки. Поэтому актуален поиск оптимального взаимодействия общегосударственного и региональных языков, их сохранения и равноправного развития в поликультурной среде общения. Наследие языковой политики 1920 – начала 1930-х гг. в автономиях Северного Кавказа злободневно, так как именно в раннесоветском обществе целенаправленно формировались правовые и социокультурные нормы политики, была достигнута массовая грамотность на региональных языках и качественно повышен статус этих языков. Российская Федерация решает типологически близкие задачи социокультурной интеграции общества в сочетании с обеспечением языкового многообразия и равноправия. Эти задачи сформулированы в Федеральном законе Российской Федерации «О государственном языке Российской Федерации» (О государственном языке...).

Историография

Языковая политика 1920 – начала 1930-х гг. на Северном Кавказе характеризуется в обобщающих работах Т.Ю. Красовицкой [Красовицкая 2021] и Ю.Ю. Карпова о национальной политике [Карпов 2017]. Систему мер «коренизации», включавшей в себя латинизацию алфавитов северокавказских языков, перевод периодической печати и делопроизводства на региональные языки, изучают С.И. Аккиева и И.М. Сампиев [Аккиева, Сампиев 2016], Х.Б. Мамсиров и Н.С. Лаврова [Мамсиров Лаврова 2018], В.Г. Шнайдер [Шнайдер 2022], Е.А. Гунаев [Гунаев 2021]. Специализированные исследования языковой политики начались в советской исторической науке (отметим работы М.И. Исаева [Исаев 1979] и Ш.Г. Магидова [Маги-

дов 1979]). В постсоветский период созданы обобщающие статьи В.М. Алпатов [Алпатов 1993], Л.М. Исаевой [Исаева 2011] и М.Я. Мирзабекова [Мирзабеков 2018], монография А.И. Темирболатовой [Темирболатова 2012]. Проявляют интерес к теме и зарубежные исследователи: А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Кельеже [Bennigsen, Lemercier-Quelquejau 1961], Ж. Имар [Imart 1965], Ж. Кадио, Д. Арель и Л. Захарова [Cadiot, Arel, Zakharova 2009], В.С. Томеллери [Томеллери 2015], критикующие использование кириллицы. Ряд публикаций выполнен на материалах отдельных автономий. Глубокий анализ латинизации алфавита в Адыгее провела Н.А. Нефляшева [Нефляшева 2022], можно отметить диссертацию З.К. Нуховой о языковой политике в Дагестане (Нухова 2006). Итак, тема разрабатывается многими историками, но редко анализируются документы партийных и государственных органов, материалы периодической печати, освещающие реализацию языковой политики и дискуссии.

Цель и тема исследования. Цель статьи – определить тенденции развития и основные аспекты языковой политики Советского государства в автономиях Северного Кавказа в 1920 – начале 1930-х гг.

Территориальные рамки исследования охватывают Горскую АССР с учетом того, что после ее ликвидации сформировались Адыгее-Черкесская, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Ингушская и Чеченская автономные области.

Хронологические рамки определены по критерию направленности языковой политики «коренизации» (в аспекте статьи – предоставления равноправия местным языкам, преимуществ для их носителей при занятии государственных, партийных и хозяйственных руководящих должностей): от X съезда РКП(б), сформировавшего цели политики (март 1921 г.), до постепенной отмены мер «коренизации» в 1932–1935 гг.

Методология. Методологической базой статьи выбран социальный конструктивизм (в трактовке Э. Хобсбаума и Т. Рэйнджер) [Hobsbawm, Ranger 1983] применительно к языковой политике. Социальный конструктивизм аргументированно объясняет процессы нациестроительства в СССР 1920 – начала 1930-х гг., целенаправленные усилия органов власти по созданию и развитию литературных языков на Северном Кавказе. Этот подход в сочетании с системным и диахронным сравнительным анализом дает возможность выяснить направленность, структуру, ресурсы и результаты языковой политики в автономиях Северного Кавказа, соперничество вариантов реформ, сходства и различия реализации политики в изучаемых автономных областях.

Источники. Исследование выполнено на основе документов партийных и государственных органов власти (ЦК РКП(б), ВЦИК РСФСР, Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б), Национального совета при Северо-Кавказском крайисполкоме Советов и др.). Это материалы обследований реализации национальной политики в автономиях Северного Кавказа, стенограммы и резолюции партийных конференций, пленумов и заседаний бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б), Национальной комиссии крайкома РКП(б)–ВКП(б), Национального совета при Северо-Кавказском краевом исполкоме Советов. Документы находятся в фондах Государственного архива Российской Федерации, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Государственного архива Ростовской области. Полезны также публикации журналов «Северо-Кавказский край» и «Революция и горец» (г. Ростов-на-Дону).

Основная часть

Для осмысления языковой политики в автономиях Северного Кавказа напомним, что здесь проживали свыше 150 этнических групп, находившихся на качественно различных этапах развития. Неравномерность очевидна при сравнении удельного веса городского населения и интеллигенции, наличия или отсутствия своей письменности, уровня грамотности. Так, Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала в Северо-Кавказском крае 26,3 % городских жителей среди русских, 11,4 % – украинцев, 54,6 % – армян, 96,7 % – евреев, тогда как 8,8 % – среди осетин, 3,4 % – ингушей, 3,1 % – карачаевцев, 1,8 % – черкесов, по 1,2 % – кабардинцев и балкарцев, 0,7 % – чеченцев (Всесоюзная перепись... т. 9, с. 34–51; т. 17, с. 8–25). Уровень грамотности по переписи 1920 г. составлял в разных автономиях Северного Кавказа от 0,6 до 18,8 %, в основном мужского населения (ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 347. Л. 39). Этнографы и партийно-государственные служащие не всегда хорошо знали языки народов Северного Кавказа, что вызывало резкие изменения классификаций этнических групп при переписях [Hirsch 2005, p. 179–191].

Коммунистическая партия и органы государственной власти целенаправленно вели в 1921–1932 гг. национальную политику «коренизации». Целями политики были достижение юридического и фактического равноправия народов, искоренение «наследия национального гнета» для будущего сближения народов в мировой пролетарской революции. Это означало преимущества региональных языков над русским в использовании в делопроизводстве и образовании, квоты для увеличения участия в органах власти и высокостатусных профессиях носителей родных языков. Была необходима модернизация языковой сферы этнических групп России, чтобы органы власти могли успешно вести идеологическую и просветительную работу, расширять лояльные слои населения, контролировать и направлять общественное мнение, формировать новую, идейно преданную интеллигенцию и аппарат управления из числа представителей местных народов.

Данная политика была сформулирована на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. Среди задач Советской власти X съезд РКП(б) упомянул внедрение родных языков в делопроизводство органов власти; ускоренную подготовку квалифицированных рабочих и партийно-советских работников из числа местных народов; развитие прессы, школы, всех культурно-просветительных учреждений на родных языках (Резолюция X съезда... 1983, т. 2, с. 366). Курс «коренизации» был подтвержден в резолюции XII съезда РКП(б) в апреле 1923 г., которая потребовала принять законодательные акты об обеспечении применения родного языка в государственных и общественных организациях, развивать массовую партийную литературу на родном языке и усилить политико-воспитательную работу в отношении народов страны (Резолюция XII съезда... 1984, т. 3, с. 86–88). Президиум ВЦИК РСФСР в апреле 1924 г. постановил: постепенно перевести делопроизводство органов государственной власти либо их подразделений на местные языки, ввести преимущества для занятия должностей носителями родных языков и подготовить руководящие кадры из представителей местных народов. Ставилась задача расширить участие представителей народов в органах власти и руководстве хозяйственными организациями (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 2. Л. 30). Для этого требовалось создать широкую сеть образовательных учреждений, начиная от уголков ликвидации неграмотности и изб-читален до высших учебных заведений и структур повышения квалификации, в которых обучение велось бы на местных языках. Необходимо было создать алфавит и современную терминологию для многих бесписьменных языков Северного Кавказа. Такая политика требовала длительных системных усилий и финансирования.

Проект латинизации письменности народов, исповедующих ислам, первоначально разрабатывался в Азербайджане. Как установила Н.А. Нефляшева, 25 сентября 1922 г. члены Организаци-

онного бюро ЦК РКП(б) одобрили доклад наркома по делам национальностей РСФСР И.В. Сталина «О латинском шрифте в мусульманской письменности» [Нефляшева 2022, с. 72]. Латинская графика лучше передавала особенности северокавказских языков, чем арабская вязь, была легче в усвоении. Но главным был идеологический мотив: оторвать население Северного Кавказа от религиозной традиционной культуры и облегчить усвоение коммунистической идеологии. Поэтому ответственный секретарь Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) А.И. Микоян в речи на конференции по национальной культуре (июнь 1925 г.) поставил задачу освободить языки Северного Кавказа от «реакции арабской культуры, которая калечит народ». Микоян оценивал арабский язык как непонятный и сложный, связанный с религиозной идеологией и «уродующий психику». Арабской письменности А.И. Микоян противопоставлял латиницу как письменность мировой революции: «Латинская графика гораздо лучше, переход на нее разбивает стену между европейской и мусульманской культурой». А.И. Микоян признавал роль русского языка как средства межнационального общения и «большой литературы»; он отводил родному языку роль «домашнего, внутринародного» и призывал не топиться с реформами (ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 347. Л. 61–65). Но кириллица негативно ассоциировалась в официальной печати до 1930-х гг. с имперским наследием.

Национальная комиссия Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) 6 апреля 1925 г. утвердила годовой план выдвижения национальных работников на работу в краевые органы власти. Квоту каждого народа предстояло согласовывать с делегациями автономных областей на пленуме Северо-Кавказского крайисполкома Советов (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 113. Л. 5). Крайком РКП(б) разослал в 1925 г. письмо обкомам и оргбюро партии автономных областей, требуя усовершенствовать преподавание на родных языках по общеобразовательным дисциплинам и обществоведению, краеведению, обеспечив учителей литературой и наглядными пособиями на родном языке [Туфанов 2018, с. 67] (первый опыт школ с преподаванием на латинице внедрен в Северной Осетии в 1922 г., а затем – в Чечне и Ингушетии) [Нефляшева 2022, с. 73]. Национальная комиссия 6 января 1926 г. разработала меры реформы печати на языках Северного Кавказа. Предлагалось повысить процент «националов» в составе сотрудников и рабселькоров газет автономных областей, «особенно добиваясь того, чтобы русских редакторов заменить националами». Постепенно упразднялись страницы на русском языке в газетах. За 1926/27 хозяйственный год предстояло перевести все газеты автономий на латинскую графику. Предполагалось организовать распространение газет одних автономий в других, с родственными языками (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 385. Л. 19–20). С учетом плохого знания латиницы даже грамотными представителями на-

родов Северного Кавказа многие газеты выпускались на нескольких языках с объяснением нового алфавита.

Был проведен I Всесоюзный тюркологический съезд в г. Баку (26 февраля – 5 марта 1926 г.). В нем участвовали как профессиональные языковеды (Е.Д. Поливанов, Н.Ф. Яковлев и др.), так и руководители автономий (резолюцию огласил председатель Совнаркома Дагестанской АССР Д.А. Коркмасов). Съезд определил методы и цели преподавания в национальных школах, ввел азбуку на латинице для родственных групп народов (адыгейцев, черкесов и кабардинцев; чеченцев и ингушей; карачаевцев, ногайцев и балкарцев). Отдавался приоритет тюркским языкам. Съезд избрал Центральный комитет Нового тюркского алфавита, развивший издательскую и просветительскую деятельность. Но съезд рекомендовал автономиям самостоятельно решить вопрос о введении нового алфавита [Красовицкая 2021, с. 205–208]. 8 мая 1926 г. учрежден Северо-Кавказский краевой Национальный совет по вопросам культуры и просвещения горских народностей (Крайнацсовет) при крайисполкоме под председательством У.Д. Алиева, известного лингвиста и просветителя. Крайнацсовет решил ускорить перевод делопроизводства с русского на местные языки, запланировать краевое финансирование перехода печати на латиницу, обязать сотрудников аппарата управления в автономиях (и представителей народов Северного Кавказа, и русских) изучить местные языки (ГАРО. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 533. Л. 32–33). Крайнацсовет потребовал усилить преподавательский состав горского отделения краевой советско-партийной школы за счет представителей национальностей, провести краткосрочное повышение их квалификации; подготовить единые учебники для родственных народов, в первую очередь – по обществознанию, национальным и русскому языкам (ГАРО. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 533. Л. 22–23).

Но выполнить задачи языковой политики быстро и полностью было невозможно при существовавшем уровне грамотности. Как отмечалось в докладной записке крайкому ВКП(б) в феврале 1927 г., уровень грамотности взрослых жителей Карачаево-Черкесии составлял 18,3 %, Северной Осетии – 17,0 %, Адыгеи – 12,0 %, Кабардино-Балкарии – 8,1 %, Ингушетии – 3,5 %, а Чечни – 0,5 % (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 66). Не хватало подготовленных учителей, врачей, инженеров, агрономов, бухгалтеров, умеющих грамотно говорить и писать на местных языках [Карпов 2017, с. 275–277]. У ряда народов (балкарцев, шапсугов и др.) еще не была создана своя письменность. Проявлялось незнание многими партийными и государственными работниками местных языков, что требовало содержать переводчиков.

Местные языки успешно прививались в тех областях жизни, где сохранялась однородная среда общения: в местной торговле, суде по семейным и гражданским делам, сельском хозяйстве.

Представителям народов Северного Кавказа отдавалось предпочтение при занятии должностей, даже если они были менее квалифицированными. «Национальным» работникам больше платили, чем остальным. ВЦИК РСФСР после споров ввел 10 % надбавку к заработной плате для лиц, знающих два языка [Карпов 2017, с. 275–277].

Национальная комиссия крайкома ВКП(б) 14–15 июня 1927 г. обязала Крайнациздат обеспечить горскую среднюю и высшую школу пособиями на родном языке, нарастить издание политико-просветительной, сельскохозяйственной, кооперативной и краеведческой литературы, наглядных пособий на местных языках. Ставилась задача охватить ускоренной латинизацией алфавитов все горские народы, унифицировать их письменность. Одобрена организация Северо-Кавказского Горского Научно-исследовательского института и музея. Из-за дотационности все культурно-просветительные учреждения автономий передавались на централизованное государственное финансирование (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 82–86). Меры книгоиздания, внедрения делопроизводства и обучения местным языкам стоили госбюджету расходов в 1 млн руб. (за 1923–1930 гг.) (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 125. Д. 24. Л. 9), а за 1930/31 хозяйственный год – еще 765,3 тыс. руб. [Туфанов 2018, с. 66].

На основании постановления ЦК ВКП(б) об усилении борьбы против мусульманского духовенства члены бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в мае 1928 г. разработали план борьбы с «арабскими» школами, призвав закрывать школы, не перешедшие на латиницу, изъять из школ религиозную литературу. В качестве компромисса в Дагестане, Чечне и Ингушетии временно допускалось преобразование части «арабских» школ в советские и преподавание в них учителей-«арабистов» (других почти не было). Только в Чечне насчитывалось 126 «арабских» школ. Многие учителя (до 60 %) из-за низкой оплаты труда совмещали преподавание в советских школах и медресе (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 828. Л. 18).

Органы власти развивали «национализацию» печати. Секретариат Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) решил насытить состав главных редакторов газет в автономных областях (АО) политически подготовленными коммунистами «коренных национальностей». Особенно остро вопрос стоял в Черкесской и Северо-Осетинской АО (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 720. Л. 8). Но возник вопрос, какой язык выбрать для массовых газет. Так, в марте 1928 г. партработник Беленький критиковал газету «Адыгейская жизнь» (г. Майкоп) за то, что в ней из 8 страниц 4 – на русском языке, 2 – на арабском, 1 – на латинском и только 1 – на адыгейском языке. Беленький заключал: «...в национальных областях есть и русские, но национальные газеты должны обслуживать национальное население, а русских – русские газеты» (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 831. Л. 66–67). Сходные идеи высказал секретарь Ка-

бардино-Балкарского обкома ВКП(б) И.Н. Боровицкий: «Есть постановление крайкома – вообще всякие писания прекратить на русском языке... В очень скором времени мы вообще в газете ликвидируем русский отдел» (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 785. Л. 77).

9 июня 1928 г. Северо-Кавказский краевой отдел народного образования крайисполкома поручил партийным фракциям крайоно и Крайнацсовета разработать календарный план перевода делопроизводства на местные языки, а также «национализации» аппарата управления с учетом возможностей каждой автономии (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 828. Л. 7). Вопрос предлагалось увязать с чисткой аппарата управления от идеологически и классово чуждых работников.

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) разработал в июле 1928 г. программу подготовки перевода делопроизводства в автономиях на национальные языки. Предлагалось командировать двух работников крайисполкома для изучения опыта перехода на родные языки на Украине и в Азербайджане. Планировалось завершить смену языка делопроизводства за 3–5 лет, начиная с местных учреждений исполнительной и судебной власти. Намечались различные сроки реформы на уровне областных, окружных и аульных исполкомов. Резонно предлагалось определить населенные пункты, где нужно сохранить делопроизводство на русском языке вследствие состава жителей и пожеланий этнических меньшинств. Быстрая смена языка требовала организовать курсы подготовки руководящих и технических работников Советов (ежегодно по 280–300 чел.), расширить сеть школ для малограмотных и пунктов по ликвидации неграмотности. Издаваемые с осени 1928 г. книги на местных языках предлагалось снабжать кратким общественно-политическим словарем терминов, издать словари для перевода с русского на северокавказские языки. Планировалось перевести на местные языки основные нормативно-правовые акты (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 828. Л. 167–169). Эта программа имела признаки продуманности, детальности и конкретности в сравнении с предыдущими.

Реформа внедрялась во всех автономиях медленно. Результаты политики достигались не полностью, поскольку грамотное общение на местных языках в органах власти и судебных учреждениях организовать было сложно. Местная интеллигенция малочисленна, зависела от духовенства и кланово-родственных отношений. Издательская работа и система просвещения слабы и финансировались недостаточно. Судя по докладу комиссии Центральной контрольной комиссией ВКП(б) и ВЦИК Советов о состоянии советской работы в национальных областях края от 8 августа 1928 г., делопроизводство велось на русском языке, ответственные работники автономий плохо знали местные языки, темпы латинизации алфавита замедлились. Отмечалась крайняя слабость издательской

работы, не учитывавшей запросы населения. Признавались отсутствие профессионально-технического и сельскохозяйственного образования на местных языках, крайняя слабость школ 2-й ступени (аналог старших классов современных средних школ) и политического просвещения. Но авторы доклада признавали значительный рост образования на местных языках в автономиях. Грамотность взрослых достигла в 1927/28 хозяйственном году 25 %, а детей школьного возраста – 35,9 % (хотя сохранялись значительные диспропорции: в Адыгее было 46,4 % грамотных детей, а в Чечне – 10,2 %) (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 34 об.).

Председатель Крайнацсовета и крайнациздата У.Д. Алиев дал осенью 1928 г. преувеличенную оценку успехов языковой политики: латинский алфавит как достояние горской бедноты якобы окончательно победил арабский; «латинизация лишила орудия эксплуатации клерикально-консервативные элементы» (Алиев 1928, с. 69). За 1920–1928 гг. на арабской графике издано лишь 19 названий книг из 386, с осени 1927 г. все книги издавались только на латинице. Новый алфавит изучали 65 тыс. детей, на нем преподавали 38,7 % учителей светских школ (наибольшая доля – 62,5 % в Северной Осетии, наименьшая – от 22,5 до 25 % – в Кабардино-Балкарии, Карачае, Черкесии и Адыгее). С 1928 г. началось внедрение латиницы в государственное делопроизводство. Но Алиев вынужден признать, что большинство учителей в аулах имеют начальное образование, а латинизация не финансируется из всесоюзного и краевого бюджетов (Алиев 1928, с. 70–72).

Комиссия ЦКК и ВЦИК Советов требовала перевести делопроизводство на национальные языки ускоренно, в основном за 1930 г. Предлагалось выделить дополнительную дотацию из союзного бюджета в размере 50 % бюджета крайно. Упор в обучении кадров авторы доклада делали на ускоренную подготовку учителей и библиотекарей, выпускников школ для малограмотных, предлагая создать при школах интернаты для детей бедноты. Литературу на национальных языках настаивали издавать согласно единому плану, согласованному в союзных инстанциях (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 34–36). Такие же задачи поставил пленум Национальной комиссии крайкома ВКП(б) 22 октября 1928 г. Секретарь крайкома Д.А. Булатов призвал искоренить медлительность перевода делопроизводства на родные языки, преодолев сопротивление некоторых работников в автономиях (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 837. Л. 18–22). Пленум Национальной комиссии обязал крайисполком Советов закончить перевод делопроизводства судебных и административных органов на местные языки к началу 1930 г. в основной части автономий, а в Чечне, Ингушетии и Кабардино-Балкарии – к 1 июля 1930 г., всей сети партийных и государственных органов – к началу 1932 г., начиная от аульных Советов и завершая уровнем областей. Предлагалось создать постоянные годовичные кур-

сы подготовки ответственных работников низового звена (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 839. Л. 7–8).

Сотрудники крайисполкома отмечали и достижения: с осени 1926 г. изданы буквари для всех народностей на родных языках, выросли местные и государственные ассигнования на народное образование в автономиях. Переподготовка сотрудников аульных и окружных Советов на латинизированном алфавите охватила к осени 1929 г. 855 чел., а административных и судебных работников – 3632 чел. Планировалась полная «коренизация» советского аппарата за 3 года, а культурно-просветительных учреждений – за 5 лет. Стоимость программы оценивалась более чем в 7,5 млн руб. (Иванов, Ковалев 1929, с. 6–10).

Но и в сентябре 1929 г. члены бюро крайкома ВКП(б) отмечали отсутствие делопроизводства на местных языках в Ингушетии и Карачае, его слабость – в Северной Осетии и Чечне. Были поставлены задачи обеспечить окончательную унификацию алфавитов на основе латиницы (силами обкомов партии) и издать важнейшие директивные документы к концу 1929 г., оживить работу краевой терминологической комиссии (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 892. Л. 12 об.–13 об.). Представляют интерес докладные записки У.Д. Алиева о составлении терминологического словаря и унификации алфавитов, направленные в крайком ВКП(б) 20 сентября 1929 г. У.Д. Алиев отмечал отсутствие работы в Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, слабую квалификацию переводчиков. Он осуждал выступление заведующего Кабардино-Балкарским облоно Камбиева в сирийской печати против единого латинизированного алфавита (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 931. Л. 14–15). Крайком ВКП(б) счел работу У.Д. Алиева неэффективной. В феврале 1930 г. краевая контрольная парткомиссия обвинила Алиева в бесхозяйственности, использовании служебного положения, связях со священнослужителями и бандитами. Жесткой критике подверглись историко-этнографические работы Алиева. Он снят с должностей заведующего Крайнациздатом, директора Горского НИИ и председателя краевого Национального совета. Дело Алиева привело к снижению статуса Крайнацсовета, а затем – к его упразднению (ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 3. Д. 415. Л. 98–99 об.). Крайнациздат в апреле 1931 г. реорганизован и поставлен под строгий партийный контроль.

Начавшаяся в 1928 г. коллективизация наложила серьезный отпечаток на меры языковой политики, которые теперь внедрялись административными способами. Так, в декабре 1930 г. крайком ВКП(б) постановил обязать обкомы автономных областей обучить ответственных работников письменности на латинице и выдвинуть на руководящие должности «националов» – рабочих и колхозников за 3 месяца, установив «твердые сроки полной коренизации» для Адыгеи, Черкесии, Карачая и Ингушетии к январю 1932 г., а для Чечни и Кабардино-Балкарии – к июню 1932 г. (ГАРО. Ф. Р-1185.

Оп. 3. Д. 415. Л. 18–21). Но и в мае 1931 г. участники краевого партийного совещания отмечали отсутствие делопроизводства на родном языке в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Ингушетии, недостаточность национальных кадров среди сотрудников местных Советов, неграмотность на родном языке 50 % ответственных работников Кабардино-Балкарии (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1193. Л. 148–165). Отклонения от линии ВКП(б) отныне рассматривались не как просчеты, а как контрреволюция и вредительство, что заметно по обвинениям в адрес Н.Ф. Яковлева, М. Беляева и А. Хаджиева из-за их перевода русских политических терминов на языки Северного Кавказа (Сердюченко 1932, с. 142–148).

Заключение

Тенденции развития языковой политики в автономиях Северного Кавказа в 1920 – начале 1930-х гг. противоречивы. Данная политика решала не только общекультурные задачи повышения уровня грамотности, но и идеологизированные задачи: ослабить влияние традиционной культуры, связанной с арабской письменностью и религией, внедрить коммунистические ценности, выраженные на региональных языках. Были созданы специализированные органы, занимавшиеся языковой политикой: Национальная комиссия Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и

Национальный Совет при крайисполкоме, Крайнациздат, краевой комитет нового алфавита. Основными аспектами языковой политики стали преимущества развития и применения в публичной сфере региональных языков, введение квот для увеличения представительства в органах власти и престижных профессиях лиц, знающих эти языки, латинизация алфавитов и печатных изданий на языках Северного Кавказа. Но ресурсы внедрения региональных языков в качестве основных в системе образования, агитации и пропаганды, государственного делопроизводства оставались ограниченными. Это объяснялось общим низким уровнем грамотности населения на родных языках, слабостью издательств, острой нехваткой образованных педагогов и журналистов со знанием региональных языков. Проявились тенденции разрыва между проектами и реализацией политики, затягивания ее сроков. Многие руководящие работники автономий не стремились выполнить директивы о переходе на единый латинизированный алфавит. Поворот национальной политики к повышению статуса русского языка в середине 1930-х гг., вызванный потребностями централизации власти и сплочения народов СССР накануне мировой войны, был встречен региональным руководством с облегчением. В 1935–1938 гг. вектор языковой политики меняется на максимальное распространение русского языка в автономиях.

Материалы исследования

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Алиев 1928 – Алиев У. Полная победа нового алфавита на Северном Кавказе // Революция и горец. Ростов-на-Дону, 1928. № 2. С. 69–72.

Всесоюзная перепись... – Всесоюзная перепись населения СССР 1926 года: окончательные итоги. Москва: ЦСУ СССР, 1928. Т. 9. VI, 228 с.; Т. 17. VI, 111 с.

Иванов, Ковалев 1929 – Иванов К., Ковалев И. Некоторые итоги национальной политики на Северном Кавказе // Северо-Кавказский край. Ростов-на-Дону, 1929. № 5–6. С. 1–11.

Нухова 2006 – Нухова З.К. Национально-языковое строительство в Дагестане в 20–90-е годы XX века: история, опыт, перспективы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Нухова Заира Казаналаповна; Дагестанский гос. пед. ун-т. Махачкала, 2006. 210 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/natsionalno-yazykovoe-stroitelstvo-v-dagestane-v-20-90-e-gody-xx-veka-istoriya-opyt-perspekt>.

О государственном языке... – О государственном языке Российской Федерации: Федер. Закон Российской Федерации [принят Советом Федерации РФ 01.06.2005 № 53-ФЗ]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&revDoc=102012883&backlink=1&nd=102092715>.

Резолюция X съезда... 1983 – Резолюция X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Москва: Политиздат, 1983. Т. 2. С. 360–369.

Резолюция XII съезда... 1984 – Резолюция XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Москва: Политиздат, 1984. Т. 3. С. 79–87.

Сердюченко 1932 – Сердюченко Г.П. Буржуазная контрабанда на фронте языкового строительства // Революция и горец. Ростов-на-Дону, 1932. № 1 (39). С. 142–148.

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

Библиографический список

Bennigsen, Lemerrier-Quelquejay 1961 – Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. The Evolution of the Muslim Nationalities of the USSR and their Linguistic Problems. London: Central Asian Research Centre, 1961. VII, 57 p.

Cadiot, Arel, Zakharova 2009 – *Cadiot J., Arel D., Zakharova L.* Cacophonies d'Empire: Russes et Soviétiques Face au Multilinguisme. Paris: CNRS Editions, 2009. 265 p. URL: <https://shs.hal.science/halshs-00694751/document>.

Hirsch 2005 – *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. 392 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=2oeRI84e13QC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Hobsbawm, Ranger 1983 – *Hobsbawm E., Ranger T. (eds.)*. The Invention of Tradition. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1983. 320 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=sfvnNdVY3KIC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Imart 1965 – *Imart G.* Le Mouvement de «Latinization» en URSS // Cahiers du Monde Russe et Soviétique, 1965. Vol. 6, № 2. P. 223–239. URL: <https://www.jstor.org/stable/20169364>.

Аккиева, Сампиев 2016 – *Аккиева С.И., Сампиев И.М.* Этнотерриториальная и образовательная политика в конструировании советской идентичности на Северном Кавказе // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 1–2. С. 9–26. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-history-2016-1/1-akkieva-sampiev.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35551530>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ryukdf>.

Алпатов 1993 – *Алпатов В.М.* Языковая политика в СССР в 20–30-е годы: утопии и реальность // Восток. 1993. № 5. С. 113–127. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/5596576/>.

Гунаев 2021 – *Гунаев Е.А.* Итоги политики коренизации на Северном Кавказе к середине 1930-х – началу 1940-х гг. // Кавказология. 2021. № 3. С. 162–175. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-3-162-175>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cswghm>.

Исаев 1979 – *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР. Москва: Наука, 1979. 351 с. URL: https://vk.com/wall-33833481_1033.

Исаева 2011 – *Исаева Л.М.* Из истории письменности на Кавказе: языковая политика СССР 1920–30 гг. // Кавказология. 2011. Вып. XXIII. С. 147–185. URL: <http://caucasology.com/amirani23/luiza.pdf>.

Карпов 2017 – *Карпов Ю.Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2017. 400 с. URL: <https://djvu.online/file/1gxxmKGMr7ZfT>.

Красовицкая 2021 – *Красовицкая Т.Ю.* Этнокультурные практики: сущность, социальный аспект образовательного проекта // Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика / Д.А. Аманжолова, К.С. Дроздов, Т.Ю. Красовицкая, В.В. Тихонов. Москва: Новый хронограф, 2021. С. 175–226.

Магидов 1979 – *Магидов Ш.Г.* Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1979. 112 с.

Мамсиров, Лаврова 2018 – *Мамсиров Х.Б., Лаврова Н.С.* Политика коренизации на Северном Кавказе в 1920–1930-х годах в зеркале архивных документов: цели и результаты // Кавказология. 2018. № 4. С. 92–130. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-92-130>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yvktjr>.

Мирзабеков 2018 – *Мирзабеков М.Я.* Трансформация государственной национально-языковой политики на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг.: опыт Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы. Москва: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2018. С. 540–547. Available at: <http://test8.dlibrary.org/ru/nodes/6850-mirzabekov-m-ya-transformatsiya-gosudarstvennoy-natsionalno-yazykovoy-politiki-na-severnom-kavkaze-v-1920-1930-e-gg-opyt-dagestana-kabardino-balkarii-severnoy-osetii-checheno-ingushetii>.

Нефляшева 2022 – *Нефляшева Н.А.* «Арабисты» против «латинистов»: к вопросу о латинизации алфавита в Адыгее в 1920-е гг. // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18, № 1. С. 66–85. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18166-85>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tjmbft>.

Темирболатова 2012 – *Темирболатова А.И.* Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937)). Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2012. 312 с. URL: http://textus-pro.ru/_ld/0/48_temir.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22051183>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sooeyf>.

Томеллери 2015 – *Томеллери В.С.* Борьба кириллицы и латиницы на Северном Кавказе // Языковой контакт: сборник научных статей. Минск: РИВШ, 2015. С. 159–170. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/113600/1/Tomelleri.pdf>.

Туфанов 2018 – *Туфанов Е.В.* Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь: ООО ИД ТЭСЭРА, 2018. 206 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37008991>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yxxgfv>.

Шнайдер 2022 – *Шнайдер В.Г.* Коренизация как составная часть национальной политики большевиков на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 1. С. 172–178. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48470026>. EDN: <https://www.elibrary.ru/maarpxg>.

References

Bennigsen, Lemerrier-Quelquejay 1961 – *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch.* (1961) The Evolution of the Muslim Nationalities of the USSR and their Linguistic Problems. London: Central Asian Research Centre, VII, 57 p.

Cadiot, Arel, Zakharova 2009 – *Cadiot J., Arel D., Zakharova L.* (2009) *Cacophonies d'Empire: Russes et Soviétiques Face au Multilinguisme*. Paris: CNRS Editions, 265 p. Available at: <https://shs.hal.science/halshs-00694751/document>.

Hirsch 2005 – *Hirsch F.* (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca; London: Cornell University Press, 392 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=2oeRI84e13QC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Hobsbawm, Ranger 1983 – *Hobsbawm E., Ranger T. (eds.)*. (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 320 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=sfvnNdVY3KIC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Imart 1965 – *Imart G.* (1965) Le Mouvement de «Latinization» en URSS. *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, vol. 6, no. 2, pp. 223–239. Available at: <https://www.jstor.org/stable/20169364>.

Akkieva, Sampiev 2016 – *Akkieva S.I., Sampiev I.M.* (2016) The Soviet people at the North Caucasus: the ethnic, territorial and educational policy of the Soviet Union. «White spots» of the Russian and World History, no. 1–2, pp. 9–26. Available at: <http://publishing-vak.ru/file/archive-history-2016-1/1-akkieva-sampiev.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35551530>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ryukdf>. (In Russ.)

Alpatov 1993 – *Alpatov V.M.* (1993) Language policy in the USSR in the 20–30s: utopias and reality. *Vostok (Oriens)*, no. 5, pp. 113–127. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/5596576/>. (In Russ.)

Gunaev 2021 – *Gunaev E.A.* (2021) The results of the korenization policy in the North Caucasus by the middle 1930s – early 1940 s. *Caucasology*, no. 3, pp. 162–175. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-3-162-175>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cswghm>. (In Russ.)

Isaev 1979 – *Isaev M.I.* (1979) *Language construction in the USSR*. Moscow: Nauka, 351 p. Available at: https://vk.com/wall-33833481_1033. (In Russ.)

Isaeva 2011 – *Isaeva L.M.* (2011) From the history of writing in the Caucasus: the language policy of the USSR in 1920–30. *Kavkazologiya*, issue XXIII, pp. 147–185. Available at: <http://caucasology.com/amirani23/luiza.pdf>. (In Russ.)

Karpov 2017 – *Karpov Yu.Yu.* (2017) The national policy of Soviet state on the North Caucasian periphery in the 20–30-ies of the XX century: the evolution of problems and solutions. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 400 p. Available at: <https://djvu.online/file/1gxxmKGMr7ZfT>. (In Russ.)

Krasovitskaya 2021 – *Krasovitskaya T.Y.* (2021) Ethnocultural practices: essence, social aspect of an educational project. In: *Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Krasovitskaya T.Y., Tikhonov V.V. Soviet national project in the 1920-ies–1940-ies: ideology and practice*. Moscow: Novyi khronograf, pp. 175–226. (In Russ.)

Magidov 1979 – *Magidov Sh.G.* (1979) Implementation of Lenin's national language policy in the North Caucasus. Makhachkala: Dagestan. kn. izd-vo, 112 p. (In Russ.)

Mamsirov, Lavrova 2018 – *Mamsirov H.B., Lavrova N.S.* (2018) The policy of indigenization in the North Caucasus in the 1920s–1930s in the mirror of archival documents: goals and results. *Caucasology*, no. 4, pp. 92–130. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-92-130>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yvktjr>. (In Russ.)

Mirzabekov 2018 – *Mirzabekov M.Ya.* (2018) Transformation of the state national language policy in the North Caucasus in the 1920s–1930s: the experience of Dagestan, Kabardino-Balkaria, North Ossetia, Chechen-Ingushetia. In: *Lessons of October and the practice of Soviet system. 1920–1950s*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina, pp. 540–547. Available at: <http://test8.dlibrary.org/ru/nodes/6850-mirzabekov-m-ya-transformatsiya-gosudarstvennoy-natsionalno-yazykovoy-politiki-na-severnom-kavkaze-v-1920-1930-e-gg-opyt-dagestana-kabardino-balkarii-severnoy-osetii-checheno-ingushetii>. (In Russ.)

Neflyasheva 2022 – *Neflyasheva N.A.* (2022) «Arabists» against «Latinists»: the latinization of the alphabet in Adygea in the 1920s. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, vol. 18, no. 1, pp. 66–85. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18166-85>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tjmbft>. (In Russ.)

Temirbolatova 2012 – *Temirbolatova A.I.* (2012) Problems of language policy and language construction in the North Caucasus (on material of manuscripts of archival fund R-1260 of the State Archive of Stavropol Krai – «The North Caucasian Mountain Historical and Linguistic Research Institute of S.M. Kirov» (1926–1937)). Stavropol: Izd-vo Stavropol'skogo gos. un-ta, 312 p. Available at: http://textus-pro.ru/_ld/0/48_temir.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22051183>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sooeyf>. (In Russ.)

Tomelleri 2015 – *Tomelleri V.S.* (2015) The struggle of Cyrillic and Latin letters in the North Caucasus. In: *Language contact: collection of scientific articles*. Minsk: RIVSh, pp. 159–170. Available at: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/113600/1/Tomelleri.pdf>. (In Russ.)

Tufanov 2018 – *Tufanov E.V.* (2018) Cadres of regional managers in the 1920s–1930s: formation and functioning (based on the materials of the North Caucasus). Stavropol: OOO ID TESERA, 206 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37008991>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yxxgfv>. (In Russ.)

Schnaider 2022 – *Schnaider V.G.* (2022) Korenizatsiya as a component of the Bolshevik national policy in the Northern Caucasus in the 1920–1930s. *Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, no. 1, pp. 172–178. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48470026>. EDN: <https://www.elibrary.ru/maapxg>. (In Russ.)

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-3-74-77

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.1

Дата поступления: 15.04.2023
рецензирования: 17.05.2023
принятия: 25.08.2023

Цифровая компетентность специалиста по управлению персоналом

Д.О. ЕжковСамарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: orieh22@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6891-9180>

Аннотация: Актуальность исследования определяется необходимостью формирования цифровой компетентности у специалистов по управлению персоналом. Рассматриваются различные подходы к определению понятия «цифровая компетентность» и отбору содержания профессиональной деятельности специалистов по управлению персоналом для выполнения новых трудовых функций в соответствии с ее спецификой и особенностью, что предполагает определенные изменения в образовательной среде в условиях цифровой экономики. В связи с отсутствием программ формирования готовности специалиста по управлению персоналом затрудняется выполнение такой функции, как стратегическое управление трудовым коллективом. Предпринята попытка разрешения противоречия между запросом на данных специалистов и неопределенностью в стратегии определения совокупности компетенций как интегративного свойства личности.

Ключевые слова: цифровая компетентность; управление персоналом; профессиональная подготовка; специалист по управлению персоналом.

Цитирование. Ежков Д.О. Цифровая компетентность специалиста по управлению персоналом // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 74–77. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-74-77>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ежков Д.О., 2023

Дмитрий Олегович Ежков – аспирант кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.04.2023
Revised: 17.05.2023
Accepted: 25.08.2023

Digital competence of a human resource specialist

D.O. EzhkovSamara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: orieh22@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6891-9180>

Abstract: The relevance of the study is determined by the need to develop digital competence among HR specialists. Various approaches are considered to the definition of the concept of «digital competence» and the selection of the content of the professional activities of HR specialists to perform new labor functions in accordance with its specifics and features, which implies certain changes in the educational environment in the digital economy. Due to the lack of programs to build the readiness of a personnel management specialist, it is difficult to perform such a function as strategic management of the workforce. An attempt was made to resolve the contradiction between the request for these specialists and the uncertainty in the strategy for determining the totality of competencies as an integrative property of a person.

Key words: digital competence; personnel management; professional training of personnel management specialists.

Citation. Ezhkov D.O. Digital competence of a human resource specialist. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 74–77. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-74-77>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Ezhkov D.O., 2023

Dmitry O. Ezhkov – postgraduate students of the Department of Theory and Methods of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

С разветвливанием масштабов системы высшего образования усложняются ожидания от университетов со стороны заинтересованных групп, предприятий и государства. Университеты, отвечая на запросы общества, экономики, обеспечивают предприятия кадрами, распространяя фундаментальное знание, производя инновации» [Мишин 2018]. Современная система высшего образования базируется на компетентном подходе, который предполагает формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Сегодня подготовка специалиста по управлению персоналом ориентирована на инновационную экономику, где требуются профессионалы с цифровой компетентностью, адекватной специфике и особенностям его профессиональной деятельности.

Направление 38.03.03 Управление персоналом появилось в перечне направлений и специальностей высшего профессионального образования в 2000 году. В настоящее время эти специалисты пользуются стабильным спросом. Однако при реализации программ высшего образования по данному направлению возникает необходимость определения методологического подхода к подготовке специалистов с учетом социально-экономических вызовов. Их востребованность на рынке вызвана широким спектром решаемых трудовых задач: от кадрового делопроизводства до управления конфликтами в трудовом коллективе. Доказано, что качество решаемых им задач влияет на экономические показатели эффективности предприятия. Выпускники, обладая уникальным сочетанием компетенций в области экономики, психологии, менеджмента и права, которые носят междисциплинарный характер, решают весь комплекс научно-прикладных задач по формированию штата, развитию и эффективному использованию персонала организаций и компаний.

В российском образовании происходит поиск путей повышения эффективности профессиональной подготовки и средств формирования профессиональной компетентности выпускников. Одним из способов, по мнению ряда авторов, является разработка новой версии федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОСВО) 3++ с целью подготовки специалистов достаточного профессионального уровня в высшей школе [Головань 2021].

К обязательной части образовательной программы относятся дисциплины (модули и практики), обеспечивающие формирование общепрофессиональных компетенций, определяемых ФГОС высшего образования 3++ или самостоятельно. Дисциплины могут входить в обязатель-

ную часть по желанию участников образовательных отношений. Профессиональные компетенции определяются образовательной организацией высшего образования самостоятельно на основе профессионального стандарта (Постановление...; Письмо...).

Изменения в HR-сфере происходят под влиянием глобальных, национальных, региональных технологических и социально-экономических перемен. Происходит трансформация модели организации, меняется курс на импортозамещение и рост производительности труда, что диктует бизнесу переход в режим цифровой трансформации, способствующей оптимизации и повышению точности работы, при этом необходимо изменение философии управления работниками.

Появляется цифровой HR-менеджмент как вид организационно-управленческой деятельности средствами digital-технологий, результатом которой является эффективное управление человеческими ресурсами, что вызывает потребность формирования цифровой компетентности специалиста по управлению персоналом. Определяющим в их подготовке является профессиональный стандарт, который был переработан в 2022 году в связи с запросами цифровой экономики. Так, трудовые функции были дополнены трудовыми действиями, знаниями и навыками.

Масштабность модернизации образовательного процесса и социально-экономических изменений, развитие инновационной экономики в России актуализирует компетентностную составляющую подготовки выпускника вуза: приобретают особую значимость их способность к осуществлению эффективной деятельности в условиях цифрового направления развития и, как следствие, готовность к информатизации знаний, интегрирующая основные компетенции: умение внедрять знания; умение быстро осваивать новое оборудование; способность быстро достигать результатов, решать проблемы, ставить цели и управлять ресурсами; способность к взаимодействию; устойчивость к стрессовым ситуациям, способность обучаться [Головань 2021]. В качестве профессионально значимых выделяются корпоративные компетенции, необходимые при любых должностных обязанностях в организации [Колобова 2014].

Различные авторы выделяют в структуре цифровой компетенции знания и умения (Симарова И.С., Алексеевичева Ю.В., Жигин Д.В.) как «не только сумма общепользовательских и профессиональных знаний и умений, которые представлены в различных моделях ИКТ-компетентности, информационно-компетентности, но и установку на эффективную деятельность и личное отношение к ней, основанное на чувстве ответственности» [По-

пов 2020)]. Ряд исследователей определяют цифровую компетенцию как способность личности по овладению цифровыми технологиями, сервисами, устройствами. Наиболее интересной, на наш взгляд, является позиция Токаревой М.В.: знания и умения как внутреннее когнитивное образование, которое совершенствуется в процессе использования цифровых технологий [Токарева 2021]. На аналогичных позициях обосновывается мнение Солдатовой Г.У. Исходя из анализа представленных дефиниций, мы определили, что данная компетентность является интегративным свойством личности, имеющим компетентностную структуру [Солдатова 2016].

Утверждается, что «в целом цифровизация какой-либо системы – это закономерный и целенаправленный процесс. Цифровые технологии используются в образовательных процессах, организационно-стратегических процессах, бизнес-процессах. Их применение предполагает сформированность цифровой компетентности, не синонимичной информационной компетентности. Отмечается, что в нормативных документах отсутствует четкое определение и диагностический инструментарий реализации цифровой компетентности, в соответствии с этим отсутствуют и программы ее формирования. В то же время специалист по управлению персоналом с помощью цифровых услуг и сервисов осуществляет стратегическое управление персоналом, эффективности которого способствует цифровая компетентность

как интегративное свойство личности [Токарева 2021].

Результаты исследования

Специалист по управлению персоналом осуществляет деятельность в условиях автоматизации бизнес-процессов, используя цифровые HR-технологии с целью достижения планируемого результата.

В ходе исследования предпринята попытка определения структуры цифровой компетентности, которая интегрирует ценностно-мотивационный, когнитивный, инструментально-технологический, оценочно-аналитический, управленческий компоненты, отражающие уровень владения цифровыми технологическими сервисами, необходимыми для проведения анализа HR-процессов организации и управления человеческими ресурсами в условиях цифровой экономики.

Выводы

В настоящее время необходимо разрешить назревшие противоречия между потребностями в специалистах по управлению персоналом с цифровой компетентностью и отсутствием таких специалистов в цифровой экономике.

Определение компонентов в структуре цифровой компетентности в соответствии с новыми цифровыми трудовыми функциями будет способствовать оценке качества подготовки в вузе востребованных специалистов.

Материалы исследования

Постановление... – *Постановление Правительства Самарской области* от 17.09.2019 № 643 «О внесении изменений в постановление Правительства Самарской области от 12.07.2017 № 441 «О Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года».

Письмо... – *Письмо* Министерства науки и высшего образования РФ от 21 декабря 2020 г. № 5/40102-О «О рассмотрении обращения» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400079850>.

Библиографический список

Головань 2021 – *Головань Н.О.* Модель компетенций в управлении персоналом // Молодой ученый. 2021. № 48 (390). С. 91–93. URL: <https://moluch.ru/archive/390/85878/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47302718>. EDN: <https://elibrary.ru/qihpbi>.

Колобова 2014 – *Колобова И.Н.* Психология управления. Москва: Изд-во Российской таможенной академии, 2014. 304 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28851777>. EDN: <https://elibrary.ru/yhjllh>.

Мишин 2018 – *Мишин И.Н.* Критическая оценка формирования перечня компетенций в ФГОС ВО 3++ // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 4. С. 66–75. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/viewFile/1345/1110>.

Попов, Дидковская 2020 – *Попов Е.С., Дидковская Я.В.* Цифровые компетенции специалистов поколения Y и Z в условиях цифровизации экономики // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VI Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 27–28 апреля 2020 г.): в двух томах. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. Т. 1. С. 58–64. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/86114>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=43109261>. EDN: <https://elibrary.ru/wlwcfcz>.

Симарова, Алексеевичева, Жигин 2022 – *Симарова И.С., Алексеевичева Ю.В., Жигин Д.В.* Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие // Вопросы инновационной экономики. Russian Journal of Innovation Economics, 2022. Т. 12, № 2. С. 936–948. DOI: <http://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114823>. EDN: <https://elibrary.ru/rngvue>.

Солдатова, Рассказова 2016 – *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Модели цифровой компетентности и деятельность российских подростков онлайн // Национальный психологический журнал. 2016. Т. 2, № 22. С. 50–60. URL: <http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=6622>.

Шариков 2016 – *Шариков А.В.* О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 1. С. 87–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-chetyrehkomponentnoy-modelitsifrovoy-gramotnosti/viewer>.

References

Golovan' 2021 – *Golovan' N.O.* (2021) Competency model in personnel management. *Molodoi uchenyi*, no. 48 (390), pp. 91–93. Available at: <https://moluch.ru/archive/390/85878/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47302718>. EDN: <https://elibrary.ru/qihpbi>. (In Russ.)

Kolobova 2014 – *Kolobova I.N.* (2014) Psychology of management: textbook. Moscow: Izd-vo Rossiiskoi tamozhennoi akademii, 304 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28851777>. EDN: <https://elibrary.ru/yhjllh>. (In Russ.)

Mishin 2018 – *Mishin I.N.* (2018) Problems of the Formation of Universal and Professional Competences in the FSES HE 3 ++ and the Ways of Their Solutions. *Vyssee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, vol. 27, no. 4, pp. 66–75. Available at: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/viewFile/1345/1110>. (In Russ.)

Popov, Didkovskaya 2020 – *Popov E.S., Didkovskaya Y.V.* (2020) Digital competencies of the next generation of specialists Y and Z in the context of digitalization of the economy. In: *Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the VI International research and practical conference (Yekaterinburg, April 27-28, 2020): in two volumes*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, vol. 1, pp. 58–64. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/86114>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=43109261>. EDN: <https://elibrary.ru/wlwfz>. (In Russ.)

Simarova, Alekseevicheva, Zhigin 2022 – *Simarova I.S., Alekseevicheva Yu.V., Zhigin D.V.* (2022) Digital competencies: concept, types, assessment and development. *Russian Journal of Innovation Economics*, vol. 12, no. 2, pp. 936–948. DOI: <http://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114823>. EDN: <https://elibrary.ru/rgnvue>. (In Russ.)

Soldatova, Rasskazova 2016 – *Soldatova G.U., Rasskazova E.I.* (2016) Models of digital competence and online activity of Russian adolescents. *National Psychological Journal*, vol. 2, no. 22, pp. 50–60. Available at: <http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=6622>. (In Russ.)

Sharikov 2016 – *Sharikov A.V.* (2016) Digital literacy: a four-component model. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 14, no. 1, pp. 87–98. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-chetyrehkomponentnoy-modelitsifrovoy-gramotnosti/viewer>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.147

Дата поступления: 27.04.2023
рецензирования: 28.05.2023
принятия: 25.08.2023

Оптимизация методов обучения студентов аэрокосмических специальностей техническому переводу

С.В. Власова

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: felucia@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8257-4776>

Аннотация: Статья посвящена доказательству необходимости обучения студентов авиационных и ракетных специальностей техническому переводу в современных условиях глобальных вызовов и новых требований государства к подготовке конкурентоспособного инженера. На основе анализа научных работ исследователей теории и практики перевода, а также обобщения методического опыта автора статьи рассматриваются современные тенденции обучения переводу аэрокосмической лексики в техническом вузе. Рассмотрены дидактический, воспитательный, социальный аспекты обучения техническому переводу в контексте практико-ориентированного подхода к формированию коммуникативной компетенции у студентов инженерных специальностей. Предложены упражнения на развитие навыков технического перевода с опорой на принципы дифференцированного подхода к обучению. Даются методические рекомендации.

Ключевые слова: подготовка будущих инженеров, технический перевод, аэрокосмическая специальность, узкоспециальная лексика.

Цитирование. Власова С.В. Оптимизация методов обучения студентов аэрокосмических специальностей техническому переводу // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 78–83. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-78-83>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Власова С.В., 2023

Светлана Викторовна Власова – старший преподаватель кафедры И-11 «Иностранный язык для аэрокосмических специальностей», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 27.04.2023
Revised: 28.05.2023
Accepted: 25.08.2023

Optimization of methods of teaching technical translation to aerospace engineering science students

S.V. Vlasova

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation
E-mail: felucia@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8257-4776>

Abstract: The article is devoted to the proof of the need to train students of aviation and rocket specialties in technical translation in the modern conditions of global challenges and new state requirements for the training of a competitive engineer. Based on the analysis of scientific works of researchers of the theory and practice of translation, as well as the generalization of methodological experience of the author of the article, the current trends in teaching the translation of aerospace vocabulary in a technical university are considered. The didactic, educational, social aspects of teaching technical translation are considered in the context of a practice-oriented approach to the formation of communicative competence among students of engineering specialties. Exercises for the development of technical translation skills based on the principles of a differentiated approach to learning are proposed. Methodical recommendations are given.

Key words: training of future engineers; technical translation; aerospace specialty; highly specialized vocabulary.

Citation. Vlasova S.V. Optimization of methods of teaching technical translation to aerospace engineering science students. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 78–83. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-78-83>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Vlasova S.V., 2023

Svetlana V. Vlasova – senior lecturer of the I-11 «Foreign Languages for Aerospace Engineering Science» Department, Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoye shosse, Moscow, 125993, Russian Federation.

Введение

В последние годы происходит активное развитие авиационно-космической отрасли, что усиливает требования к подготовке инженеров аэрокосмических отраслей в условиях реализации программ технологической независимости страны с учетом опыта уникальной российской инженерной школы. Среди множества компетенций, необходимых студентам технических направлений авиационных вузов, остается важной овладение узкоспециальной лексикой – словарем аэрокосмических терминов.

Для решения данной проблемы анализировалось наследие российской школы перевода, изучались современные тенденции в методике обучения студентов инженерных кафедр техническому переводу, велись поиски средств оптимизации формирования у будущих инженеров специфических навыков и умений в техническом переводе текстов аэрокосмической тематики. Применялись методы анализа теоретического материала, эмпирические методы.

На заседании Совета по стратегическому развитию Президент отметил общественную значимость инженерного вида деятельности. Сегодня развитие отечественной инженерной школы является важнейшим направлением в общей системе подготовки кадров (Путин 2022, Заседание Совета по стратегическому развитию). Называются требования к формам и методам образования молодежи в соответствии с целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, повышению эффективности деятельности научных, образовательных, просветительских организаций (Указ Президента Российской Федерации 2022).

Таким образом, становится важным выбор вектора обучения студентов аэрокосмических направлений. Отмечается, что лингвистическое образование в авиационном вузе приобретает особую значимость как часть подготовки мировой элиты инженерных кадров по всему жизненному циклу изделий авиационной, ракетной и космической техники на базе опережающих исследований для удовлетворения потребностей государства и общества в высококвалифицированных специалистах [Зубанова 2019, с. 120].

Совершенствование образовательного процесса в вузе предполагает его оптимизацию. Остается важным требование к преподавателю по выбору методов и приемов обучения, которые адекватны конкретному элементу образовательного процесса [Бабанский 1989, с. 16–17].

В то же время иноязычный учебный материал для студентов технических профессий не должен дублировать содержание профильных технических предметов, но быть на стыке областей знаний для формирования природосообразного мышления [Султанова 2023]. Исследователи акцентируют внимание на том, что при обучении студентов переводу узкоспециальной лексике важно интегри-

ровать принципы традиционного и когнитивного подходов для более глубокого понимания оттенков значений лексических единиц на иностранном языке [Коротаева, Капустина 2022, с. 152]. Современные методы обучения, основываясь на солидном теоретическом и практическом отечественном опыте преподавания, по своей форме имеют ярко выраженный комплексный характер и базируются на междисциплинарной основе [Гальскова 2018, с. 22]. Требуется вдумчивая переработка принципов зарубежных методик обучения (CLIL, EMI, EAP, ESP-EGAP/ESAP), использование dual-focused educational approach in which an additional language is used for the learning and teaching of both content and language. Отмечается, что грамотная апробация в наших условиях этого способа позволит повысить уровень владения иностранным языком для погружения в иноязычную среду: where learning is a combination of both language and content [Колкер, Устинова 2022, с. 80].

Оптимизация обучения техническому переводу

Бурное развитие аэрокосмических технологий и быстрое обновление словаря специальности, запрос на коммуникативную направленность обучения профессиональному иностранному языку (ИЯ), изменение критериев сформированности коммуникативных компетенций требуют постоянной оптимизации рабочих программ, средств и форм обучения.

Однако технический перевод является достаточно строгой дисциплиной, в обучении которой не просто применять современные образовательные технологии, коммуникативно-грамматические тренинги, ролевые игры, интерактивные формы проведения занятий. В условиях модернизации процесса базовыми остаются традиции и принципы обучения техническому переводу. Исследователи отмечают, что технический перевод предполагает выполнение основных правил: полноты и адекватности перевода технической информации; единообразия использования моделей; избегания неясных формулировок [Смирнов 1988, с. 12]. Необходима ясность речевых образцов, которая достигается использованием точных грамматических конструкций и лексических единиц, широким употреблением терминов [Носенко, Горбунова 1974, с. 9]. Четкость технического перевода всегда должна быть на первом плане. Чтобы найти особую номинативную, единственно верную и точную единицу – термин, необходимо следовать принципу унификации терминологии, избегать разнобоя в переводе, верно использовать сокращения, следовать стандарту [Смекаев 2006, с. 15]. Значимым является умение читать таблицы, чертежи, графики, оценочные расчеты, сокращения, формулы, подписи под рисунком параллельно с основным текстом, пересчитывать размерности [Климзо 2011, с. 143].

Однако невозможно подготовить конкурентоспособного инженера, предлагая ему однотипные

задания на чтение чертежей, постоянный письменный перевод «тысяч знаков текста» и оценивая знания студентов на базе заученных ими наизусть блоков терминов по специальности. Предлагается интегрированный подход, когда наряду с традиционными заданиями на перевод для автоматизации речевых навыков (например, в теме «Подбор и систематизация лексических единиц для описания соединения и крепления различных деталей») в структуру занятия включаются презентации мини-проектов, просмотр видеофрагментов по теме *How do tail mounted jet engines work?* с последующим отбором лучших работ на базе студенческой дискуссии, задания на интеграцию знаний и развитие креативности: *Consider your timing: The average person forgets what he has heard within a couple of minutes. How would you present the data of your scientific research so that your listeners would remember everything?*

При небольшом количестве учебных часов по иностранному языку в противовес профильным предметам, изучение которых занимает основное время студентов, оптимизация обучения техническому переводу возможна за счет рационального использования учебного времени, целесообразного объяснения осваиваемых студентами действий, адекватного выбора последовательности выполнения заданий, использования технических средств [Гальскова 2018, с.23]. Препятствием может быть неоднородность уровня знаний иностранного языка у обучающихся, что требует входного тестирования студентов с дальнейшим разделением их на группы по уровню владения иностранным языком. Принципиальным остается тот факт, что на начальном этапе обучения техническому переводу аэрокосмических терминов даже отличный уровень владения иностранным языком не компенсирует отсутствие знания словаря специальности (и на родном языке также). Преподаватель включает студентов в процесс решения задач, развивающих специальные способности.

Во-первых, это задания для семантизации аэрокосмической лексики, первичного знакомства с терминами авиационной и ракетной тематики, обработка базовой терминологии, создание словаря специальности, систематизация знаний на базе межпредметных связей с инженерными дисциплинами, привитие навыков грамотного перевода аэрокосмических терминов в условиях засилья онлайн-переводчиков, не справляющихся с качественным подбором лексических эквивалентов для узкоспециальной лексики. Опыт показывает, что оптимизации образовательного процесса способствуют упражнения на развитие фонематического слуха и отработку произносительных навыков: «Распределите услышанные термины в колонки по различию звуков: *trust – thrust; past – path; strike – straight – fight; refueling – full-length*; конструкционные упражнения для повторения и закрепления знаний лексики [образование антонимичных пар (*take off – touch down*), подбор дефиниций

из предложенного списка (*heavier-than-air vehicle: fixed-wing aircraft, rotary-wing aircraft, PPG – powered paragliding*)]. Автоматизации словаря специальности способствуют дифференцировочные упражнения: «Посмотрите два видеофрагмента и на базе полученной информации скажите, чем два аппарата отличаются друг от друга (*two-stage reusable launch vehicle vs three-stage expendable launch vehicle with upper stage*)». Значимым становится обучение чтению по языковой догадке: «Бегло просмотрите текст и догадайтесь об особенностях аппарата с помощью иллюстрации: *A 2-stage counter-rotating forward fan is responsible for vertical lifting capacity and thrust for the STOVV version*. Инженеру необходимы умение реферативного и поискового чтения на базе словаря специальности по ссылкам, тегам и хэштегам, навыки владения правилами контекстного словообразования при сопоставлении словарных статей на русском и иностранном языке. Для развития критического мышления студентов используются такие упражнения, как «Бегло просмотрите заголовки сайтов, открывшихся по запросу *high bypass engine nacelle*. Распределите открывшиеся сайты по разделам: научная статья, инженерный форум, личный блог пользователя, официальный сайт, новостная лента. Сделайте вывод об особенностях представления информации». Для развития аналитического мышления студентов продвинутого уровня владения лексикой специальности предлагается следующее упражнение: «Найдите в Телеграм-канале *StarShip News Live* информацию о миссии *Starship*. Соотнесите русскую и оригинальную версии. Оцените точность перевода».

Применение иностранного языка для решения конкретных коммуникативных задач, связанных с освоением специальности, повышает мотивацию студентов, способствуя более естественному формированию универсальных и общепрофессиональных компетенций [Султанова 2023, с. 135]. Практико-ориентированный подход обеспечивает подготовку мини-проектов по аэрокосмическим специальностям, вовлекая студентов в научно-исследовательскую работу.

Для студентов 2–3-го года обучения сохраняется требование развития речевых навыков на базе лексики специальности: упражнение на автоматизацию грамматических знаний – «Назовите использованное грамматическое явление: *Double-hinged vortex flap (HVF) configurations appear to reduce vortex losses ratio*. – «По-видимому, конструкция двухшарнирного вихревого щитка снижает коэффициент вихревых потерь». (*Complex Subject*) Самостоятельно подберите похожие примеры». Для развития когнитивных способностей студентов, логики выполняется следующее задание: «Выберите из предложенных терминов единственно правильный. Докажите логически, что ваш вариант верный. *Do not displace the unit on rollers, and do not lift it with a lift truck*. (Варианты перевода: транспортировочные ролики, дорожные

катки, шариковые подшипники, ручная гидравлическая тележка, валики, колеса). При переводе следует просмотреть весь документ и выяснить: Тяжел ли этот агрегат? Каковы его размеры? Где он должен быть установлен?» (Шалыт 2011, с. 37).

Для развития коммуникативных компетенций важно совершенствовать способность владеть монологической речью, организовывать диалог и полилог [Машарова, Пивоваров 2022, с. 4]. Формирование подобных навыков у студентов целесообразно осуществлять на ситуативной основе с использованием аутентичных образцов текстов, готовых базовых сценариев по *role play*, вовлекая обучающихся в пары по принципу «сильный – слабый» для повышения мотивации говорения (FluentU English Educator Blog 2023).

Оптимизации учебного материала и подготовке заданий способствуют методические пособия: А.С. Андриенко *Business English*; Л.С. Самсонова «Обучение чтению литературы на английском языке по специальности “Ракетная и импульсная техника”»; Л.И. Иванова «Обучение студентов чтению и устной речи на английском языке по специальности «Космические летательные аппараты и ракеты-носители»»; О.Б. Салманова «Английский язык для студентов авиационного профиля»; Е.Л. Воронянская «Английский язык на воздушном транспорте».

Одновременно с отбором средств требуется оптимизация кадровой политики для притока грамотных кадров в вузы, чему способствуют решения на государственном уровне. Так, из государственных стандартов исключены требования наличия ученой степени, ученого звания. Появляется возможность привлекать лучших представителей самых разных отраслей – Проект 19.08.2021 Профессиональный стандарт педагог высшего и дополнительного профессионального образования (Проект...).

При отборе дидактического материала, должны учитываться достижения отечественной аэрокосмической отрасли с целью воспитания у студентов гражданской позиции, формирования нетерпимого отношения к проявлениям экстремизма, терроризма (Приказ Минобрнауки России 2023). Ставится задача не только междисциплинарной и проекто-ориентированной подготовки инженеров, но и подготовки лидеров больших коллективов, способных реализовать масштабные проекты» (Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022).

Обращаем внимание на стремление студентов соответствовать современным реалиям быстроты выполнения требований заказчика – получателя продукта перевода, когда функциональность превалирует над коммуникативностью. Унификация терминов для интернет-ресурсов (видеороликов, компьютерных игр, инструкций для блогеров, веб-сайтов) укрепляет желание студентов иметь единый словарь по аэрокосмической лексике

со свободным к нему доступом через приложение на смартфоне. Также представляется проблемным массовое использование студентами онлайн-инструментов для перевода (*rule-based machine translation*; *statistical machine translation*: *ABBYY Lingvo*, *Google Translate*, *Worldlingo*, *Windows Live Translator*, др.), которые на сегодня не справляются с точным переводом аэрокосмической лексики. В интернет-ресурсах молниеносность распространения информации снижает как качество технического перевода, так и требования пользователей к уровню перевода, поскольку на первый план выходит скорость получения данных.

Решение данной проблемы мы видим не в отрицании ценности инструментов искусственного интеллекта для перевода технических текстов, а в объяснении студентам специфики перевода узкоспециальной лексики. Возможно использование таких заданий, как «Оцените качество перевода термина *sroudless blade* онлайн-словарем *Lingvo Live* – “перевод не найден”, Гугл переводчиком – “без покрывала” и узкоспециальными источниками (словарь Е.Н. Девниной, справочник А.И. Данилина) как “безбандажная лопатка”, “лопатка без бандажной полки”» (Заседание...; Федеральный проект «Передовая инженерная школа»).

Заключение

Оптимизация обучения будущих инженеров аэрокосмических специальностей техническому переводу и профильному иностранному языку в современных условиях является ответом на глобальные вызовы эпохи. Обновление средств обучения должно базироваться на научных традициях российской школы переводоведения.

Сегодня оптимизация методов обучения техническому переводу студентов аэрокосмических специальностей должна соответствовать требованиям Президента и государства признать инженерное дело абсолютным приоритетом кадровой политики страны, возрождать престиж инженерных специальностей, активно развивая богатейшую российскую инженерную школу. В условиях глобальных вызовов современности технический перевод выступает как важнейший инструмент формирования практико-ориентированной речевой компетентности будущих конкурентоспособных инженеров аэрокосмических отраслей.

Переосмысление опыта отечественной школы технического перевода, изучение теоретического и практического наследия российских ученых, анализ требований образовательных программ по дисциплине технический перевод представляет методическую базу оптимизации средств формирования у студентов иноязычной компетенции. Воспитательный аспект обучения техническому переводу обусловлен формированием четкой гражданской позиции будущих инженеров, умений противостояния глобальным вызовам.

Материалы исследования

FluentU English Educator Blog – *FluentU English Educator Blog*. Chatty Kathy Conversion: How to Motivate Your ESL Students to Speak English in Class. URL: <https://www.fluentu.com/blog/educator-english/how-to-motivate-students-to-speak-english>.

Заседание... – *Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 18.08.2022*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/69019>.

Приказ... – *Приказ Минобрнауки России от 27 февраля 2023 г. № 208 «О внесении изменений в государственные образовательные стандарты высшего образования»*. URL: <https://fgosvo.ru/news/view/7114>.

Проект... – *Проект 19.08.2021 «Педагог высшего и дополнительного профессионального образования»*. URL: <https://professorstoday.org/proekt-professionalnogo-standarta-pedagog-vysshego-i-dopolnitelnogo-professionalgo-obrazovaniya>.

Указ... – *Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»*. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202211090019>.

Федеральный проект..... – *Федеральный проект «Передовая инженерная школа»*. URL: <https://engineers2030.ru>.

Шалыт 2011 – *Шалыт И.С.* (сост.) Методическое и справочное руководство по переводу на русский язык, тематическому редактированию, литературной правке и редакционно-издательскому оформлению инженерно-технической документации. ИНТЕНТ, 2007. – 54 с. URL: <https://pttc.gigatran.com/upload/shalyt/Articles/How%20to%20learn%20technical%20translation.pdf>.

Библиографический список

Бабанский 1989 – *Бабанский Ю.К.* Избранные педагогические труды. Москва: Педагогика, 1989. 558 с. URL: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=babanskiy_izbrannye-pedagogicheskie-trudy_1989&bookhl&ysclid=lm9ey6nlan896419101.

Зубанова 2019 – *Зубанова С.Г.* Развитие лингвистического образования в авиационном вузе: проблемы и перспективы внедрения основной образовательной программы лингвистической магистратуры // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2019. № 3 (59). С. 120–123. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2019.3.20>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zaqiyr>.

Гальскова 2018 – *Гальскова Н.Д.* Эволюция научно-методического познания: от методики преподавания иностранных языков к методической науке // *Преподаватель XXI век*. 2018. № 1–1. С. 18–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32792203>. EDN: <https://elibrary.ru/yvvqre>.

Китайгородская 2008 – *Китайгородская Г.А.* Гуманизация и гуманитаризация системы образования – социальная проблема // *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*. 2008. № 3. С. 3–11. DOI: <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2008-3-3-11>. EDN: <https://elibrary.ru/jvduab>.

Климзо 2011 – *Климзо Б.Н.* Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. 3-е изд. Москва: Р. Валент, 2011. 488 с. URL: https://www.toptr.ru/assets/media/files/Борис%20Климзо_low.pdf?ysclid=lma89sdeqv132678545.

Колкер, Устинова 2022 – *Колкер Я.М., Устинова Е.С.* На пути к внедрению английского языка в профессиональные дисциплины неязыкового профиля // *Иностранные языки в высшей школе*. 2022. № 1 (60). С. 78–88. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48226477>. EDN: <https://elibrary.ru/ssmjig>.

Коротаева, Капустина 2022 – *Коротаева И.Э., Капустина Д.М.* Анализ синонимических и антонимических отношений в лексико-семантическом поле «транспорт» // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ*. 2022. № 2. С. 149–153. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.02.14>. EDN: <https://elibrary.ru/corfij>.

Машарова, Пивоваров 2022 – *Машарова Т.В., Пивоваров А.А.* Коммуникативная компетентность педагога: профессиональный дефицит или нормы педагогической этики // *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*. 2022. № 2. С. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2022-2-3-13>. EDN: <https://elibrary.ru/mzezkw>.

Носенко, Горбунова 1974 – *Носенко И.А., Горбунова Е.В.* Пособие по переводу научно-технической литературы с английского языка на русский. Москва: «Высшая школа», 1974. URL: <https://obuchalka.org/20210310130063/posobie-po-perevodu-nauchno-tehnicheskoi-literaturi-s-angliiskogo-yazika-na-russkii-nosenko-i-a-gorbunova-e-v-1974.html?ysclid=lmaapkkha357550791>.

Смекаев 2006 – *Смекаев В.П.* Учебник технического перевода (английский язык). Нижний Новгород: НГЛУ им Н.А. Добролюбова, Вектор ТиС, 2006. 316 с. URL: <https://m.booksee.org/book/2244204?ysclid=lmaaxngz wj515427793>.

Смирнов 1988 – *Смирнов И.П.* Методические рекомендации для переводчиков и редакторов научно-технической литературы ВЦП / Гос. ком. СССР по науке и технике, АН СССР, ВЦП; сост. И.П. Смирнов. Москва: ВЦП, 1988. 83 с.; 22 см.

Соловова, Козлова 2017 – *Соловова Е.Н., Козлова З.А.* Глобальный феномен «EMI» английский язык как средство обучения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2017. № 4. С. 144–149. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32205504>. EDN: <https://elibrary.ru/ykhfnb>.

Султанова 2023 – *Султанова И.В.* Актуальные проблемы интегрирования профессионального компонента в содержание обучения иностранному языку студентов инженерных специальностей // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1. С. 134–138. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2023.1.20>.

Щерба 2004 – *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотип. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 432 с. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/scherba_yazykovaya-sistema--deyatelnost_1974/.

References

Babanskiy 1989 – *Babanskiy Yu.K.* (1989) Selected pedagogical works. Moscow: Pedagogika, 558 p. Available at: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=babanskiy_izbrannye-pedagogicheskie-trudy_1989&bookhl&ysclid=lm9eubnlan896419101. (In Russ.)

Zubanova 2019 – *Zubanova S.G.* (2019) The development of linguistic education in aviation institute: the implementation challenges and opportunities of the core curriculum for Master's Degree in Linguistics program. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 3 (59), pp. 120–123. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2019.3.20>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zaqiyp>. (In Russ.)

Galskova 2018 – *Galskova N.D.* (2018) Evolution of scientific and methodical knowledge: from the method of teaching foreign languages to methodical science. *Prepodavatel XXI vek*, no. 1–1, pp. 18–31. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32792203>. EDN: <https://elibrary.ru/yvvqpe>. (In Russ.)

Kitaygorodskaya 2008 – *Kitajgorodskaja G.A.* (2008) Gumanization and humanitarization of education system — a social problem. *Vestnik Moscovskogo universiteta. Serija 20: Pedagogicheskoe obrazovanie*, no. 3, pp. 3–11. DOI: <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2008-3-3-11>. EDN: <https://elibrary.ru/jvduab>. (In Russ.)

Klimzo 2011 – *Klimzo B.N.* (2011) The craft of a technical translator. About the English language, translation and translators of scientific and technical literature. 3rd edition. Moscow: R. Valent, 488 p. Available at: https://www.toptr.ru/assets/media/files/Борис%20Климзо_low.pdf?ysclid=lma89sdeqv132678545. (In Russ.)

Kolker, Ustinova 2022 – *Kolker Ya.M., Ustinova E.S.* (2022) Towards the infiltration of English into academic studies at non-linguistic departments. *Inostrannyye yazyki v vysshei shkole = Foreign Languages in Tertiary Education*, no. 1 (60), pp. 78–88. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48226477>. EDN: <https://elibrary.ru/ssmjig>. (In Russ.)

Korotaeva, Kapustina 2022 – *Korotaeva I.E., Kapustina D.M.* (2022) The analysis of synonymous and antonymous relations in the lexico-semantic field «transport». *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: «Humanities»*, no. 2, pp. 149–153. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.02.14>. EDN: https://elibrary.ru/corfi_j. (In Russ.)

Masharova, Pivovarov 2022 – *Masharova T.V., Pivovarov A.A.* (2022) Communicative competence of a teacher: professional deficiency or norms of pedagogical ethics. *Vestnik Moscovskogo universiteta. Serija 20: Pedagogicheskoe obrazovanie*, no. 2, pp. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2022-2-3-13>. EDN: <https://elibrary.ru/mzekkw>. (In Russ.)

Nosenko, Gorbunova 1974 – *Nosenko I.A., Gorbunova E.V.* (1974) Handbook on the translation of scientific and technical literature from English into Russian. Moscow: Vysshaya shkola. Available at: <https://obuchalka.org/20210310130063/posobie-po-perevodu-nauchno-tehnicheskoi-literaturi-s-angliiskogo-yazika-na-russkii-nosenko-i-a-gorbunova-e-v-1974.html?ysclid=lmaapkkha357550791>. (In Russ.)

Smekaev 2006 – *Smekaev V.P.* (2006) Textbook of technical translation (English language). Nizhny Novgorod: NGLU im N.A. Dobrolyubova, Vektor TiS, 316 p. Available at: <https://m.booksee.org/book/2244204?ysclid=lmaaxngz wj515427793>. (In Russ.)

Smirnov 1988 – *Smirnov I.P.* (1988) Methodological recommendations for translators and editors of scientific and technical literature of the VCP. Moscow: VTsP, 83 p.; 22 sec. (In Russ.)

Solovova, Kozlova 2017 – *Solovova E.N., Kozlova Z.A.* (2017) EMI global phenomenon: English as a learning instrument. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, no. 4, pp. 144–149. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32205504>. EDN: <https://elibrary.ru/ykhfnb>. (In Russ.)

Sultanova 2023 – *Sultanova I.V.* (2023) Current Issues of Integrating a Professional Component into the Teaching of Foreign Languages to Engineering Students. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 1, pp. 134–138. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2023.1.20>. (In Russ.)

Shcherba 2004 – *Shcherba L.V.* (2004) Language system and speech activity. 2nd edition, stereotype. Moscow: Editorial URSS, 432 p. Available at: http://elib.gnpbu.ru/text/scherba_yazykovaya-sistema--deyatelnost_1974/. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 37.032

Дата поступления: 24.05.2023
рецензирования: 26.06.2023
принятия: 25.08.2023

Наставничество в образовательном учреждении высшего образования

О.М. Перминова

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова,
г. Ижевск, Российская Федерация
E-mail: olgaa@istu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1737-766X>

Н.П. Устинова

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова,
г. Ижевск, Российская Федерация
E-mail: usti-natalya@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-5719>

Е.А. Трефилова

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова,
г. Ижевск, Российская Федерация
E-mail: trefilovaekaterina1608@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2053-9006>

Аннотация: На сегодняшний день одним из стратегически важных направлений совершенствования деятельности образовательных учреждений становится внедрение технологий наставничества в образовательную систему. Потребность в наставничестве обусловлена тем, что стремительные изменения в системе образования, трансформация организационных процессов требуют от всех участников образовательных отношений гибкой и моментальной реакции. Наставничество позволяет соединить профессиональное развитие, устойчивость к изменениям, формирование новых компетенций, а также взаимный социальный обмен при комплексном подходе к каждому участнику образовательного процесса. Несмотря на активное обсуждение учеными и практиками проблемы наставничества, нет единого методологического подхода к организации наставничества в образовательном учреждении высшего образования как единице инновационно-образовательной системы. В статье приводятся результаты анализа истории развития, принципов и видов наставничества, раскрыто содержание системы наставничества; представлены результаты авторских исследований и предложен механизм организации системы наставничества в образовательном учреждении высшего образования. В качестве инструмента развития системы наставничества в вузе предложено создание сообщества – клуба развития метанавыков в рамках учебного заведения.

Ключевые слова: наставничество; профессиональная подготовка; профессиональные компетенции; метанавыки; сообщество; лидеры изменений.

Цитирование. Перминова О.М., Устинова Н.П., Трефилова Е.А. Наставничество в образовательном учреждении высшего образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 84–90. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-84-90>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Перминова О.М., Устинова Н.П., Трефилова Е.А., 2023

Ольга Михайловна Перминова – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Менеджмент», Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, 426069, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.

Наталья Павловна Устинова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Инженерная графика, профессиональная педагогика и технология рекламы», Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, 426069, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.

Екатерина Александровна Трефилова – ведущий специалист кафедры «Менеджмент», Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, 426069, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 24.05.2023
Revised: 26.06.2023
Accepted: 25.08.2023

Mentoring system in an educational institution of higher education

O.M. Perminova

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation
E-mail: olgaa@istu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1737-766X>

N.P. Ustinova

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation
E-mail: usti-natalya@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-5719>

E.A. Trefilova

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation
E-mail: trefilovaekaterina1608@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2053-9006>

Abstract: Today one of the most strategically important directions of improvement of the activity of educational institutions becomes the implementing of technology of mentoring in the educational system. The need for mentoring is due to the fact that rapid changes in the education system, transformation of organizational processes require that all participants of educational relations flexible and instant reaction. Mentoring allows to connect professional development, resistance to change, the formation of new competencies, as well as mutual social exchange in an integrated approach to each participant of the educational process. Despite discussions of scholars and practitioners concerning mentoring problems, there is no single methodological approach to the organization of mentoring system in an educational institution of higher education as a unit of innovative educational system. The article analyzes the history of development, principles and types of mentoring, reveals the content of mentoring system; presents the results of the author's research and suggests a mechanism for organizing a mentoring system in an educational institution of higher education. As a tool for the development of the mentoring system at the university, it is proposed to create a community – a club for the development of meta-skills within the educational institution.

Key words: mentoring; training; professional competencies; meta-skills; community; change leaders.

Citation. Perminova O.M., Ustinova N.P., Trefilova E.A. Mentoring system in an educational institution of higher education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 84–90. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-84-90>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Perminova O.M., Ustinova N.P., Trefilova E.A., 2023

Olga M. Perminova – Candidate of Economic Sciences, associate professor, head of the Department of Management, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, 7, Studencheskaya Street, Izhevsk, 426069, Russian Federation.

Natalia P. Ustinova – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Engineering Graphics, Professional Pedagogy and Advertising Technology, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, 7, Studencheskaya Street, Izhevsk, 426069, Russian Federation.

Ekaterina A. Trefilova – leading specialist of the Department of Management, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, 7, Studencheskaya Street, Izhevsk, 426069, Russian Federation.

Введение

Приоритетной государственной целью 2023 года стало выявление, поддержка и развитие способностей и талантов у детей и молодежи, направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся, а также создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации (Указ 2020).

Развитие системы наставничества и формирование условий для успешной подготовки молодежи к профессиональной деятельности и создание условий для развития наставничества на предприятиях, в учреждениях и организациях на территории Удмуртской Республики являются ключевым моментом в программе реализации молодежной политики в УР (Закон УР 2021).

Дискуссии поиска ресурсов качественной профессиональной подготовки приводят к необходимости возрождения системы наставничества в образовательных учреждениях, способной гибко реагировать на требования рынка труда и компетенций рабочего места, использовать самообучение и адаптивную подготовку, что требует создания условий для приобретения в рамках освоения образовательных программ высшего образования предпринимательских компетенций, а также знаний и умений, необходимых для ведения предпринимательской деятельности (Программа).

Исторический аспект развития наставничества

История появления наставничества традиционно связывается с древнегреческой мифологией и Ментором, который пользовался всеобщим доверием и считался мудрым советчиком [Саркисова

2021]. На протяжении длительного времени философы обсуждали различные аспекты наставничества и призывали к пробуждению душевных сил наставляемого (Сократ), воспитанию с раннего возраста (Платон), воспитанию через размышления (Конфуций), воспитанию свободного человека (Руссо). Наставничество, как правило, рассматривалось по отношению к молодому поколению, поэтому теоретические основы созданы известными педагогами: К.Д. Ушинским [Ичетовкина 2015], Л.Н. Модзалевским [Модзалевский 2000], Д.И. Тихомировым [Тихомиров 1906], В.А. Сухомлинским [Сухомлинский 1990]. Появились отдельные направления: психолого-педагогические элементы наставничества; наставничество в системе образования; наставничество в профессиональной деятельности; наставничество в различных сферах. Параллельно вопросы наставничества представлялись элементом управления персоналом и применялись при организации труда на рабочем месте, формировании корпоративной культуры и адаптации работника. В социологических науках наставничество рассматривалось как взаимный социальный обмен, социально-психологическое развитие наставляемого и как элемент теории разделения труда [Багракова 2008]. Такая множественность задач привела к возникновению терминологической путаницы: как синонимы стали восприниматься категории *менторство*, *коучинг*, *тьюторство*, *обучение на рабочем месте*, *дуальное обучение*, *баддинг* и другие. Существует ряд исследований трудовых проблем молодежи как особенной категории трудовых ресурсов [Шубкин 1982; Чупров 1998; Сучков, Сафин, Корчагин, Айтуганов 2008; Ельчанинов 2004; Апокин, Юдкевич 2008]; адаптации молодежи на рынке труда, молодежной занятости, профориентации и

развития карьеры [Романов, Ефимова 2005; Долгова, Жукова 2007; Гайнанов 2004; Мамиконян 2019; Макарова, Килин, Андреева 2022] и подготовки конкурентоспособных выпускников [Макарова, Килин, Андреева 2022; Перминова, Старцева 2010; Перминова 2019].

Тем не менее вопросы наставничества как ресурса эффективной профессиональной подготовки в образовательном учреждении остаются предметом дискуссий и недостаточно раскрыты с позиции управления и экономики труда. В данном направлении наиболее широко представлены вопросы «профессионального наставничества» как педагогического сопровождения формирования совокупности профессиональных компетенций в рамках требований рабочего места.

Анализ литературы по наставничеству позволил сделать вывод, что эффективность процесса зависит от ориентации на применение системного, деятельностного и личностно-ориентированного подходов. Комплексный подход является одним из методологических оснований социальной психологии личности, включает изучение статуса личности, мировоззрения, характера и наклонностей, мотивации и выполняемых общественных функций, что определяет феномен поведения и деятельности и может быть использовано при построении системы наставничества [Ананьев 1980]. Деятельностная модель формирования личности предполагает качественные и количественные позитивные изменения свойств индивида в рамках сложной системы полисубъектных отношений и изучается в русле реализации программ наставничества с позиции психологической науки [Рубцов 2008]. Современная модель образования предусматривает активное участие всех субъектов образовательной деятельности с установкой на прикладной характер процесса обучения в противовес пассивному усвоению информации, что предполагает особую подготовку преподавателей к новым образовательным условиям [Устинова 2022; Руднева 2022].

Развитие системы наставничества в высшей школе

Основными принципами развития системы наставничества в вузе являются: системность, научность, аксиологичность, индивидуализация, ответственное поведение, многоаспектность и равенство. Системность предполагает максимальный охват необходимых элементов; научность – использование обоснованных инструментов и технологий; аксиологичность ориентирует на человеческие ценности и уважение к личности. Индивидуализация направлена на приоритеты личности в выборе траектории развития в зависимости от индивидуальных наклонностей, способностей и личных стратегических приоритетов. Поскольку современный образовательный процесс интегрирован в инновационную систему, необходимо учитывать баланс интересов работника и организа-

ции, наличие возможностей и желания работника, адресность и индивидуальность наряду с многовариантностью подготовки [Перминова 2010].

Трансформационные процессы в высшей школе вызвали противоречия между:

- потребностью сотрудничества студента с обществом преподавателей и разрывом между ними;

- новыми компетенциями преподавателей и отсутствием удобной и понятной площадки для их формирования в вузе;

- необходимостью привлечения талантливой молодежи в науку и отсутствием современных форм и методов их вовлечения.

Возникает необходимость развития новых форм наставничества в вузе, при которых создается сообщество студентов и преподавателей, основанное на доверии и взаимопомощи, а деятельность направляется на формирование новых компетенций преподавателей и привлечение студентов в науку и предпринимательство, чему способствуют формирование метанавыков и реализация совместных проектов.

С целью изучения проблемы формирования сообщества наставников в вузе проведено исследование среди студентов; респондентами выступили 135 человек. Основная масса опрошенных (53,3 %) утверждают, что получают высшее образование для того, чтобы работать по специальности, и более 54 % опрошенных в целом удовлетворены качеством получаемого образования.

Среди факторов, влияющих на качество образования, оценивался уровень доверия к преподавателям: 3 % опрошенных не доверяют педагогам; 26,7 % доверяют полностью, и 44,4 % – целом доверяют. При этом 23 % называют преподавателей, с которыми с удовольствием делятся своими личными достижениями в неформальной обстановке; 39,3 % обсуждают вопросы по темам учебной дисциплины, и 19,3 % не хотели бы общаться с преподавателями.

Необходимость обучаться не только по выбранной специальности, но и развивать дополнительно soft skills и другие навыки отметили 59 % студентов; при этом 54,1 % ощущают необходимость в наставнике-преподавателе, который бы направлял в процессе обучения и помогал развивать надпрофессиональные навыки; 7,4 % утверждают, что у них уже есть такой неформальный наставник.

Поскольку часть опрошенных студентов не против участвовать в совместных с преподавателями проектах и готовы работать с наставником помимо образовательного процесса, то для развития надпрофессиональных навыков они выбирают активные способы: мастер классы (59 %); тренинги (56,7 %), при этом 1 % респондентов готовы стать активными членами сообщества лидеров изменений, и 33,3 % для принятия решения хотели бы получить больше информации. Таким образом,

есть активное ядро молодежи, готовое развивать сообщество наставников и наставляемых.

Опрос преподавателей вуза показал, что 50 % респондентов отмечают потребность делиться своим опытом, готовы поддерживать студентов; 68,8 % считают, что в такой процесс необходимо вовлекать коллег для совместного развития. Активное участие в деятельности сообщества лидеров изменений готовы принять 37,5 % опрошенных (таблица 1).

Анализ ответов респондентов показывает, что желание получить новый опыт и поиск единомышленников составляют основные причины заинтересованности участия в сообществе. Преподаватели готовы делиться опытом работы не в образовательной сфере, наработками и материалами для написания и реализации инновационных и социальных проектов, проведением экспертизы

идей и внедрением инноваций в традиционный образовательный процесс.

Реализация модели наставничества в вузе

Для выбора приоритетных направлений вузовской модели наставничества опора делалась на принцип вариативности, возможности постоянных нововведений и профессиональной интеграции субъектов взаимодействия в процессе обучения и воспитания. Основной целью является создание современного сообщества лидеров изменений образования для самореализации и раскрытия внутреннего потенциала в соответствии с индивидуальными талантами и смыслами под руководством наставников в рамках единой цифровой площадки в ходе вовлечения молодежи в волонтерскую, инновационную и проектную деятельность (таблица 2).

Таблица 1

Мотивы участия студентов в сообществе лидеров изменений (в %)

Table 1

Key reasons for wanting to be part of a community of change leaders of change (%)

Мотивы	Число студентов	Число преподавателей
Получить новый опыт	55,6	62,5
Расширить круг общения	51,9	50
Развить новые навыки	49,6	31,3
Совместная реализация новых проектов	34,8	37,5
Обучение и повышение квалификации	31,1	37,5
Найти единомышленников	28,1	56,3
Найти наставника	24,4	-

Таблица 2

Стратегия создания сообщества лидеров изменений

Table 2

Main tasks and stages of forming a community of leaders of change

Задачи	Этапы
Проведение серии нетворкинговых мероприятий, направленных на популяризацию наставничества и развитие метанавыков	Объединение членов сообщества на нетворкинг и поиск единомышленников в виде организации серии мероприятий, направленных на популяризацию развития метанавыков и презентацию основных направлений общения в сообществе (волонтерство, социальное проектирование, инновации по интересующим направлениям, психология, менеджмент и т. д.)
Создание метаклуба авторских программ обучения и развития метанавыков	Обучение развитию метанавыков в форме мастер-классов и тренингов метаклуба в гибридном формате (создание метаклуба, состоящего из авторских программ)
Проведение серии тренингов и мастер-классов для развития метанавыков и компетенций наставничества	Развитие навыков и компетенций в ходе совместной реализации проектов по различным направлениям на основе принципов наставничества (апробация совместной деятельности в различных проектах, формирование уникальных форматов событий и развития)
Апробация и масштабирование совместных наставнических проектов по различным направлениям	Масштабирование сообщества (вовлечение в проект после первичной апробации работающей молодежи и школьников, проведение обучения в гибридном формате с представителями других территорий)

Заключение

В целом наставничество является мировой тенденцией, которая охватывает многие направления человеческой деятельности: предприятия, частные организации, социальные и государственные службы, образование. Наставничество в высшем

образовании – важное условие профессионального становления обучающегося и повышения педагогического мастерства педагога. В ситуации трансформации образовательных процессов необходимы новые формы и технологии наставнической деятельности, которые станут двигателем происходящих изменений.

Материалы исследования

Закон УР 2021 – *Закон УР* «О реализации молодежной политики в Удмуртской Республике» от 11.10.2021. № 107 РЗ. URL: https://minsport18.udmr.ru/feedback/Molpolit_107.pdf.

Программа – *Долгосрочная программа* содействия занятости молодежи на период до 2030 года в Удмуртской Республике». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/udmurtia/1550972/#review>.

Указ 2020 – *Указ* Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Библиографический список

Ананьев 1980 – *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: в 2 т. Москва, 1980. Available at: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=ananayev_izbrannye-trudy_t1_1980&bookhl&ysclid=lmg393cn23501473621.

Апокин, Юдкевич 2008 – *Апокин А., Юдкевич М.* Анализ студенческой занятости в контексте российского рынка труда // Вопросы экономики. 2008. № 6. С. 98–110. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-6-98-110>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jtxgv1>.

Багракова 2008 – *Багракова А.А.* Наставничество в организации // Управление развитием персонала. 2008. № 4. С. 296–311. URL: <https://grebennikon.ru/article-vvgz.html?ysclid=lmg3jv0bmv51054462>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12291500>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kizixz>.

Гайнанов 2004 – *Гайнанов Д.А.* Активные проблемы трудоустройства и адаптации к рынку труда. Москва, 2004.

Долгова, Жукова 2007 – *Долгова А., Жукова И.* Полная и эффективная занятость молодежи – условие повышения конкурентоспособности страны // Человек и труд. 2007. № 8. С. 38–41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9564776>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ibhytz>.

Ельчанинов 2004 – *Ельчанинов П.М.* Проблемы трудовой занятости сельской молодежи // Социологические исследования. 2004. № 2 (238). С. 133–135. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17670226>. EDN: <https://www.elibrary.ru/owrptw>.

Ичетовкина 2015 – *Ичетовкина Н.М.* Идеи К. Д. Ушинского в исследовании феномена классного наставничества в отечественной дореволюционной гимназии // Образование и воспитание. 2015. № 5 (5). С. 12–14. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25139085>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbctyy>.

Макарова, Килин, Андреева 2022 – *Макарова М.Н., Килин А.С., Андреева И.А.* Развитие механизмов трудоустройства выпускников университета путем модернизации образовательных коммуникаций // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, № 4. С. 461–471. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-4-461-471>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wortce>.

Мамиконян 2019 – *Мамиконян М.С.* Проблема трудовой адаптации российской молодежи (по материалам глубинных интервью) // Информационно-аналитический бюллетень института социологии ФНИСЦ РАН. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.4.3>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stugri>.

Модзалевский 2000 – *Модзалевский Л.Н.* Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен / под общ. ред. В.П. Сальникова. Ч. 2. Санкт-Петербург: Алетей, 2000. 496 с.

Перминова 2010 – *Перминова О.М.* Инновационная модель формирования профессиональных компетенций специалиста // Математическое моделирование и информационные технологии: сб. науч. ст. / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). Новочеркасск: Ред. журн. «Изв. вузов. Электромеханика», 2010. Вып. 2. С. 177–182.

Перминова, Старцева 2019 – *Перминова О.М., Старцева Е.А.* Стратегия профориентационной работы в вузе как основа повышения качества формирования профессиональных компетенций // Технические университеты: интеграция с европейскими и мировыми системами образования: материалы VIII Международной конференции (Россия, Ижевск, 23–24 апреля 2019 г.): в 2 т. Т. 1. Ижевск: Изд-во ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, 2019. С. 123–128. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37638877>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xyiyv1>.

Романов, Ефимова 2005 – *Романов В.Е., Ефимова Н.В.* Психологические проблемы трудоустройства студентов и выпускников вузов. Санкт-Петербург, 2005.

Рубцов 2008 – *Рубцов В.В.* Социально-генетическая психология развивающего образования: деятельностный подход. Москва: МГППУ, 2008. 416 с. URL: <https://psychlib.ru/mgppu/Rsg-2008/RSG-001.HTM?ysclid=lmg7suuq3w584911814#p1>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20098389>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxvdlp>.

Руднева 2022 – *Руднева Т.И.* Педагогическая деятельность в цифровой образовательной среде // Образование в современном мире: ключевые тренды трансформации: сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Самара, 25 февраля 2022 года. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2022. С. 162–164. URL: <https://repo.ssau.ru/handle/Obrazovanie-v-sovremennom-mire/Pedagogicheskaya-deyatelnost-v-cifrovoi-obrazovatelnoi-srede-98944?ysclid=lmg82kbya158052905>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49513975>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wgzkzm>.

Саркисова 2021 – *Саркисова И.В.* К вопросу о сущности понятия «наставничество» в зарубежной и отечественной литературе // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 70–5. С. 24–27. DOI: <http://doi.org/10.18411/lj-02-2021-161>.

Сухомлинский 1990 – *Сухомлинский В.А.* Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / сост. О.В. Сухомлинская. Москва: Педагогика. 1990. 288 с. URL: http://xn--e1afef0d.xn----7sbqqcjhgh3agayj.xn--plai/tinybrowser/images/suhomlinskiy_v.a._kak_vospitat_nastoyashchego_cheloveka_compressed.pdf.

Сучков, Сафин, Корчагин, Айтуганов 2008 – *Сучков В., Сафин Р., Корчагин Е., Айтуганов И.* Взаимодействие профессионального образования и производства как фактор модернизации подготовки компетентных специалистов // Высшее образование в России. 2008. № 12. С. 19–27. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11898049>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kajmqr>.

Тихомиров 1906 – *Тихомиров Д.И.* Автобиография // Библиографический указатель материалов по истории русской школы: прилож. к «Педагогическому сборнику». 1906. № 5.

Устинова 2022 – *Устинова Н.П.* Становление субъектной позиции обучающегося в вузе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 72–75. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-72-75>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ijxdsc>.

Чупров 1998 – *Чупров В.И.* Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 93–106. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42957307>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cpzwmi>.

Шубкин 1982 – *Шубкин В.Н.* Образование и жизненные пути молодежи (по материалам сравнительного международного социологического исследования) // Советская социология. Москва: Наука, 1982. Т. 2. С. 142–151.

References

Ananyev 1980 – *Ananyev B.G.* (1980) Selected psychological writings: in 2 vols. Moscow. Available at: http://elibrary.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=ananyev_izbrannyye-trudy_t1_1980&bookhl&ysclid=lmg393cn23501473621. (In Russ.)

Apokin, Yudkevich 2008 – *Apokin A., Yudkevich M.* (2008) Analysis of student employment in the context of Russian labor market. *Voprosy Ekonomiki*, no. 6, pp. 98–110. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-6-98-110>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jtxgvl>. (In Russ.)

Bagrakova 2008 – *Bagrakova A.A.* (2008) Mentoring in the organization. *Upravlenie razvitiem personala*, no. 4, pp. 296–311. Available at: <https://grebennikon.ru/article-vvgz.html?ysclid=lmg3jv0bmv51054462>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12291500>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kizixz>. (In Russ.)

Gainanov 2004 – *Gainanov D.A.* (2004) Active problems of employment and adaptation to the labor market. Moscow. (In Russ.)

Dolgova, Zhukova 2007 – *Dolgova A., Zhukova I.* (2007) Full and effective youth employment is a condition for increasing the country's competitiveness. *Chelovek i trud*, no. 8, pp. 38–41. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9564776>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ibhytz>. (In Russ.)

Elchaninov 2004 – *Elchaninov P.M.* (2004) Problems of employment of rural youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2 (238), pp. 133–135. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17670226>. EDN: <https://www.elibrary.ru/owrptw>. (In Russ.)

Ichetovkina 2015 – *Ichetovkina N.M.* (2015) Ideas of K.D. Ushinsky in the study of the phenomenon of class mentoring in the domestic pre-revolutionary gymnasium. *Obrazovanie i vospitanie*, no. 5 (5), pp. 12–14. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25139085>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbctyy>. (In Russ.)

Makarova, Kilin, Andreeva 2022 – *Makarova M.N., Kilin A.S., Andreeva I.A.* (2022) Development of mechanisms for university graduates' employment by modernization of educational communications. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, vol. 6, no. 4, pp. 461–471. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-4-461-471>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wortce>. (In Russ.)

Mamikonyan 2019 – *Mamikonyan M.S.* (2019) The problem of labor adaptation of Russian youth (based on in-depth interviews). *Informatsionno-analiticheskii byulleten' instituta sotsiologii FNISTs RAN*, no. 4. Social adaptation of youth in the labor market, pp. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.4.3>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stugri>. (In Russ.)

Modzalevskii 2000 – *Modzalevskii L.N.* (2000) Essay on the history of education and training from ancient times to our times; *Salnikova V.P. (Ed.). Part 2*. Saint Petersburg: Aleteiya, 496 p. (In Russ.)

- Perminova 2010 – *Perminova O.M.* (2010) An innovative model for the formation of professional competencies of a specialist. In: *Mathematical modeling and information technologies: collection of scientific articles*. Novocherkassk: Red. zhurn. «Izv. vuzov. Elektromekhanika», issue 2, pp. 177–182. (In Russ.)
- Perminova, Startseva 2019 – *Perminova O.M., Startseva E.A.* (2019) The strategy of vocational guidance in the university as a basis for improving the quality of the formation of professional competencies. In: *Technical universities: integration with European and world education systems: materials of the VIII International conference (Russia, Izhevsk, April 23–24, 2019): in 2 vols. Vol. 1*. Izhevsk: Izd-vo IzhGTU imeni M.T. Kalashnikova, pp. 123–129. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37638877>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xyiyvl>. (In Russ.)
- Romanov, Efimova 2005 – *Romanov V.E., Efimova N.V.* (2005) Psychological problems of employment of students and university graduates. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Rubtsov 2008 – *Rubtsov V.V.* (2008) Socio-genetic psychology of developing education: an activity approach. Moscow: MGPPU, 416 p. Available at: <https://psychlib.ru/mgppu/Rsg-2008/RSG-001.HTM?ysclid=lmg7suuq3w584911814#p1>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20098389>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxvdlp>. (In Russ.)
- Rudneva 2022 – *Rudneva T.I.* (2022) Pedagogical activity in the digital educational environment. In: *Education in the modern world: key trends of transformation: collection of scientific papers of the All-Russian research and methodological conference with international participation, Samara, February 25, 2022*. Samara: Samarskii natsional'nyi issledovatel'skii universitet imeni akademika S.P. Koroleva, pp. 162–164. Available at: <https://repo.ssau.ru/handle/Obrazovanie-v-sovremennom-mire/Pedagogicheskaya-deyatelnost-v-cifrovoi-obrazovatelnoi-srede-98944?ysclid=lmg82kbya158052905>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49513975>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wgzkzm>. (In Russ.)
- Sarkisova 2021 – *Sarkisova I.V.* (2021) On the question of the essence of the concept of «mentoring» in foreign and domestic literature. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 70–5, pp. 24–27. DOI: <http://doi.org/10.18411/lj-02-2021-161>. (In Russ.)
- Sukhomlinskii 1990 – *Sukhomlinskii V.A.* (1990) How to raise a real person: (Ethics of communist education). Pedagogical heritage. Compiled by Sukhomlinskaya O.V. Moscow: Pedagogika, 288 p. Available at: http://xn--e1afef0d.xn----7sbqqcjghgh3agayj.xn--p1ai/tinybrowser/images/suhomlinskiy_v.a._kak_vospitat_nastoyashchego_cheloveka_compressed.pdf. (In Russ.)
- Suchkov, Safin, Korchagin, Aituganov 2008 – *Suchkov V., Safin R., Korchagin E., Aituganov I.* (2008) Interaction of vocational education and production as a factor in the modernization of training of competent specialists. *Higher Education in Russia*, no. 12, pp. 19–27. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11898049>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kajmqr>. (In Russ.)
- Tikhomirov 1906 – *Tikhomirov D.I.* (1906) Autobiography. In: *Bibliographic index of materials on the history of Russian school: appendix to the «Pedagogical collection»*, no. 5. (In Russ.)
- Ustinova 2022 – *Ustinova N.P.* (2022) Formation of a student's subjective position at a university. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 2, pp. 72–75. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-72-75>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ijxdsc>. (In Russ.)
- Chuprov 1998 – *Chuprov V.I.* (1998) Youth in social reproduction. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 93–106. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42957307>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cpzwmi>. (In Russ.)
- Shubkin 1982 – *Shubkin V.N.* (1982) Education and life paths of youth (on the materials of comparative international sociological research). In: *Soviet sociology*. Moscow: Nauka, vol. 2, pp. 142–151. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 377.35

Дата поступления: 04.05.2023
рецензирования: 12.07.2023
принятия: 25.08.2023

Целевой подход к формированию профессиональной готовности будущих рабочих

Т.В. Данилова

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация
E-mail: taisiya.danilova.86@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2704-4682>

Аннотация: Непрерывное обновление требований рынка труда к результатам профессиональной подготовки будущих рабочих актуализирует необходимость конкретизации процесса формирования профессиональной готовности как ключевого качества работника. Целью статьи является процессуальная характеристика формирования профессиональной готовности будущих рабочих с позиции целевого подхода, который выполняет две взаимосвязанные функции. Первая предполагает формулирование цели, соответствующей совокупности определенных требований: терминологическая однозначность, лаконичность, реальность, диагностичность, процессуальность, конкретность. Вторая функция характеризуется профессионально-отраслевой спецификой. Она обеспечивается взаимосвязью идеальной цели с достижением результата. Итогом является сформированная профессиональная готовность будущих рабочих. Данное качество диагностируется критериями и показателями мониторинга его формирования. С позиции целевого подхода содержательный вектор формирования профессиональной готовности будущих рабочих выражается в процессуальной характеристике данного феномена. Он подчинен генеральной цели профессиональной подготовки будущих рабочих, которая декомпозируется на подцели, определяющие ее этапы: ориентационный, операционный и деятельностный. Первый из них связан с целеобразованием, объективной основой которого выступают требования к трудовой деятельности, зафиксированные в профессиональных стандартах. Второй ориентирован на целедостижение, включающее формирование практико-ориентированных умений обучающихся. Третий этап предполагает рефлексию будущими рабочими собственных действий, их выбор и оценивание с позиции целесообразности применения в конкретной профессиональной ситуации. Одним из средств, позволяющих оценить эффективность процесса формирования профессиональной готовности обучающихся, выступает педагогический мониторинг. Он реализуется на основании критериев и показателей, обусловленных целями профессиональной подготовки. Соответственно, результатом освоения ориентационного этапа будущими рабочими и критерием мониторинга выступает предготовность, операционного – репродуктивная готовность, деятельностного – продуктивная готовность. Результаты декомпозиции генеральной цели профессиональной подготовки на подцели, соответствующие им критерии и показатели сформированности профессиональной готовности будущих рабочих представлены в табличном варианте.

Ключевые слова: профессиональная готовность; целевой подход; критерии цели; целеобразование; целедостижение; рефлексия; критерии формирования профессиональной готовности будущих рабочих.

Цитирование. Данилова Т.В. Целевой подход к формированию профессиональной готовности будущих рабочих // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 91–97. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-91-97>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Данилова Т.В., 2023

Таисия Владимировна Данилова – аспирант кафедры общей и профессиональной педагогики, Оренбургский государственный университет, 460018, Оренбургская область, г. Оренбург, пр-т Победы, 13.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 04.05.2023
Revised: 12.07.2023
Accepted: 25.08.2023

Target approach in the formation of future workers' professional readiness

T.V. Danilova

Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation
E-mail: taisiya.danilova.86@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2704-4682>

Abstract: Continuous updating of labor market requirements for the results of future workers' professional training actualizes the need to specify the process of forming professional readiness as a key quality of an employee. The purpose of the article is the procedural characteristic of the formation of professional readiness of future workers from the position of the target approach that performs two interrelated functions. The first involves the formulation of a goal that corresponds to a set of certain requirements: terminological unambiguity, conciseness, reality, diagnostics, processuality, concreteness. The second function is characterized by professional and industry specifics. It is provided by the relationship between the ideal goal and the result achievement. The outcome is formed professional readiness of future workers. This quality

is diagnosed by criteria and indicators for monitoring its formation. From the target approach point of view, the content vector of the formation of future workers' professional readiness is expressed in the procedural characteristics of this phenomenon. It is dependent on the main goal of future workers' professional training, which is decomposed into sub-goals that determine its stages: orientational, operational and activity. The first of them is related to pricing, the objective basis of which is the requirements for labor activity fixed in professional standards. The second one is focused on goal-attainment, which includes the formation of practice-oriented skills of students. The third stage involves reflection by future workers of their own actions, their choice and evaluation from the position of expediency of application in a specific professional situation. One of the means to assess the effectiveness of the process of forming the professional readiness of students is pedagogical monitoring. It is implemented on the basis of criteria and indicators determined by the professional training goals. Accordingly, the result of mastering the orientation stage by future workers and the monitoring criterion is pre – readiness, operational – reproductive readiness, and activity- productive readiness. The results of decomposition of the professional training main goal into sub-goals, the corresponding criteria and indicators of future workers' readiness formation are presented in a tabular version.

Key words: professional readiness; target approach; goal criteria; goal formation; goal attainment; reflection; criteria of the future workers' readiness formation.

Citation. Danilova T.V. Target approach in the formation of future workers' professional readiness. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 91–97. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-91-97>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Danilova T.V., 2023

Taisiya V. Danilova – postgraduate student of the Department of General and Professional Pedagogy, Orenburg State University, 13, Pobedy Avenue, Orenburg, 460018, Russian Federation.

Введение

Необходимость изучения профессиональной готовности обусловлена возрастающими требованиями рынка труда к выпускникам профессиональных образовательных организаций, в том числе будущим рабочим. В этой связи введение профессиональных стандартов и обновление квалификационных характеристик предполагают ориентацию современного рабочего на совершенствование умений и трудовых действий. Развитие техники и технологий, в свою очередь, требует гибкости и профессиональной мобильности личности. Соответственно, содержание профессиональной готовности как качества, процесса и результата его достижения характеризуется непрерывным обновлением, адекватным потребностям соответствующей отрасли производства. Актуализируется проблема конкретизации содержания и процесса формирования данной готовности, а ее решение обусловлено целевым подходом как методологической доминантой.

Обзор литературы

Анализ научной литературы, рассматривающей феномен профессиональной готовности, свидетельствует о том, что понимание ее сущности в настоящее время неоднозначно. Исследователи изучают его с различных позиций: деятельностного, функционального, личностного, личностно-деятельностного, системного, аксиологического, акмеологического и синергетического подходов [Костенко, Лебединцева 2017; Лыткин, Миронова, Романова 2016; Шушара, Ланковская 2016]. Ученые Е.П. Костенко и О.И. Лебединцева дифференцируют данные подходы на традиционные и инновационные. Так, традиционными подходами к исследованию профессиональной готовности выступают деятельностный, функци-

ональный, личностный, личностно-деятельностный [Костенко, Лебединцева 2017].

В контексте деятельностного подхода профессиональная готовность трактуется как установка на деятельность, а функционального – как внутренняя мобилизация ресурсов личности, обеспечивающая ее работоспособность. Представители личностного подхода характеризуют указанный феномен как качество личности, а личностно-деятельностного – как активную личностную позицию, соответствующую содержанию деятельности и направленную на ее эффективность. В рамках системного подхода профессиональная готовность понимается как процесс самопознания, обеспечивающий самореализацию в трудовой деятельности.

Инновационными подходами к рассмотрению проблем профессиональной готовности являются аксиологический, синергетический, акмеологический [Костенко, Лебединцева 2017]. Странники аксиологического подхода изучают ее сущность сквозь призму профессиональных ценностей, а синергетического включают в содержание профессиональные компетенции. Исследователи, реализующие идеи акмеологического подхода, рассматривают профессиональную готовность как адаптационную способность к изменчивым профессиональным условиям, предполагающую направленность личности на самообразование.

В современных исследованиях наблюдается тенденция к интеграции представленных подходов, способствующая комплексной характеристике сущности изучаемого феномена [Bukhteeva, Chernavsky, Vartanova, Gerasimenko 2019; Zakharova, Dulina, Talanova 2020]. Она, как правило, осуществляется во взаимосвязи с особенностями предстоящей профессиональной деятельности. К примеру, специфика деятельности рабочих со-

стоит в преобладании практических действий, направленных на производство определенного продукта труда. Профессиональная готовность также рассматривается учеными как цель и результат профессиональной подготовки [Абдуллина 2015]. Соответственно, значительным потенциалом в ее исследовании обладает целевой подход, позволяющий интегрировать значимые в данном контексте характеристики вышеуказанных подходов в целостный процесс, объединенный целью формирования искомого результата.

В исследуемом нами контексте данный подход выполняет две взаимосвязанные функции. Одна из них обладает общенаучным потенциалом и связывается с деятельностью по формулированию цели, ее редакционно-техническим оформлением, отвечающим совокупности определенных, по своей сути статичных требований. Они описаны в научных источниках философского, психологического, педагогического и другого назначения. Эти требования предъявляются к цели на предмет их соответствия идеальному замыслу предстоящей деятельности и аккумулируются исключительно в вербальном формате. Их несколько: терминологическая однозначность, лаконичность, реальность, диагностичность, процессуальность, конкретность. По существу, указанные требования обязательны для формулировки цели вне зависимости от области предстоящей деятельности по ее воплощению. Однако их стратегическая миссия состоит в определяющем влиянии не только на достижение результатов, но и на определение критериев и показателей их мониторинга на разных этапах целереализации. Речь идет уже о достижении результатов, обладающих специфическим отраслевым содержанием и качеством.

Таким образом, логика целевого подхода в предпринятой характеристике состоит в интеграции общенаучного и профессионально-отраслевого аспектов, а отвечающая всем требованиям сформулированная идеальная цель является ориентиром, основанием для определенных производных от нее критериев, а от критериев – показателей. В целом они обеспечивают в сочетании с количественным доверительным интервалом эффективный инструментальный измерения и оценки качества достижения цели на всех этапах ее воплощения в конкретный результат, то есть продукт деятельности субъекта в соответствующей отрасли производства.

Материалы и методы

Как уже отмечалось, статья направлена на процессуальную характеристику формирования профессиональной готовности будущих рабочих с позиции целевого подхода. Соответственно, методологическим основанием изучения данного процесса является концепция целевого подхода.

Исследователь Е.С. Дорошук считает его ключевыми признаками четкую постановку как генеральной, так и промежуточных образовательных целей, разработку соответствующей структуры действий, а также реализацию условий их выполнения, проектирование программ или методик воплощения цели, а также организованность деятельности субъектов представленного процесса [Дорошук 2007]. Цель, в свою очередь, должна соответствовать критериям, определяющим ее качество. Критерий (от греч. *kriterion* – «средство для суждения») характеризуется как «признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило суждения, оценки» (Энциклопедия профессионального образования 1998). Известны критерии цели, которая должна быть диагностируемой, конкретной, осознанной, реальной, побудительной (стимулирующей к действию) и точной (характеризоваться однозначной формулировкой) [Гладких 2019]. Так, в нашем контексте формулировка генеральной цели профессиональной подготовки представлена формированием профессиональной готовности будущих рабочих. Полагаем, что ее достижение состоит в последовательности ориентационного, операционного и деятельностного этапов, предполагающих реализацию промежуточных целей. Этапность формирования профессиональной готовности будущих рабочих связывается с освоением обучающимися практико-ориентированных умений целеобразования, целедостижения и рефлексии.

Результаты исследования

Итак, целью освоения будущими рабочими *ориентационного этапа* является формирование предготовности (установки на профессиональную деятельность). Она включает позитивное отношение к профессии и представления о ней. Требования к трудовой деятельности, в свою очередь, зафиксированы в квалификационной характеристике, а универсальные знания составляют фундамент, основание технологического процесса изготовления продукта труда. Данные характеристики составляют также основу целеобразования в процессе профессиональной подготовки будущих рабочих. Его актуальность подтверждается в исследованиях Т. Konyukhova, Е. Konyukhova, Z. Zavyalova и др. ученых [Konyukhova, Konyukhova, Zavyalova, Suhushina, Osokina, Sichevskaya 2017; Kutuev, Kudyasheva, Buldakova, Aleksandrova, Vasilenko 2016]. Объективным ориентиром целеобразования считается профессиональный стандарт. Данный документ устанавливает планку обязательных знаний, умений и трудовых действий, необходимых для выполнения трудовых функций рабочего в соответствии с искомым уровнем квалификации. Их освоение достигается ис-

пользованием совокупности методов обучения. Согласно принятой нами классификации методов, разработанной И.Я. Лернером и М.Н. Скаткиным, ее основанием выступает характер познавательной деятельности обучающихся, обеспечивающий приоритет их субъектности. Соответственно, методы обучения дифференцируются на информационно-рецептивные (объяснительно-иллюстративные), репродуктивные, проблемного изложения, эвристические, исследовательские [Лернер 1981].

Ориентационный этап связывается с использованием преподавателем преимущественно объяснительно-иллюстративных методов обучения в форме лекций с применением средств наглядности, в частности рисунков, схем, таблиц, иллюстрирующих и поясняющих фрагменты технологического процесса, трудовые действия и операции. Активность обучающихся состоит в восприятии информации, усвоении знаний, характеризуется обратной связью, представленной осмысленным воспроизведением и комментированием. Соответственно, результатом освоения будущими рабочими ориентационного этапа является предготовительность, оценка которой производится с применением тестов.

Реализация *операционного этапа* предполагает формирование репродуктивной готовности будущих рабочих, связанной с воспроизведением профессиональных действий. Она характеризуется точным выполнением трудовых операций по образцу, способностью к конструированию действия по инструкции, а также к интеграции известных типовых способов профессиональной деятельности в новый, адекватный сложившейся производственной ситуации. Речь идет о практико-ориентированных умениях целедостижения. Обучающиеся воспроизводят на практических занятиях алгоритмы действий в соответствии с инструкцией преподавателя, оценивающего их в процессе наблюдения за выполнением. Репродуктивная готовность выступает технологической основой освоения следующего этапа профессиональной подготовки будущих рабочих.

Освоение *деятельностного этапа* выражается способностью обучающихся к оперативному решению нестандартных профессиональных задач, рациональному и обоснованному выбору действий, сопровождаемых адекватной самооценкой результатов профессиональной деятельности. Соответственно, итогом этапа является сформированность продуктивной готовности будущих рабочих к предстоящей деятельности в конкретных производственных ситуациях. По сути, средством ее формирования и оценки в этой связи выступают проблемные контекстные задания и ситуации. Их решение требует использования будущими рабочими рефлексивных умений, включающих осознанный контроль собственных

действий, их выбор и оценивание с позиции целесообразности в сложившейся ситуации. Преподаватель на данном этапе выступает в роли консультанта.

Таким образом, процесс формирования профессиональной готовности будущих рабочих предполагает целенаправленные действия педагога, его методическую компетентность, то есть знание методики преподавания учебных дисциплин. Одним из инструментов оценки ее эффективности является педагогический мониторинг [Kubekov, Utegenova, Baidildina, Erulanova 2019; Kumargazhanova, Soltan, Zhomartkyzy, Suleymenova 2019; Kutuev, Mashkin, Yevgrafova, Morozov, Zakharova, Parkhaev 2017], осуществляемый по итогам каждого этапа профессиональной подготовки. Он позволяет диагностировать уровень и качество формируемой и сформированной профессиональной готовности будущих рабочих, зафиксировать состояние предготовительности, репродуктивной и продуктивной готовности. Назначение мониторинга состоит в своевременном сборе информации об отклонениях в результатах достижения целей от ожидаемых, создающей предпосылки для своевременной коррекции. Основой мониторинга формирования профессиональной готовности выступают критерии, которые характеризуются определенной отраслевой спецификой, соответствующей предстоящей трудовой деятельности по рабочей профессии. В отличие от критериев цели, они необходимы для измерения результата ее воплощения в конкретный продукт, соответствующий отраслевой специфике конкретной профессии.

Итак, критериями мониторинга являются планируемые результаты этапов профессиональной подготовки будущих рабочих: предготовительность, репродуктивная и продуктивная готовность. Критерии, в свою очередь, конкретизируются в показателях, демонстрирующих уровень сформированности представленной готовности, то есть соответствие цели и достигаемого результата. Так, на основании образовательного и профессионального стандартов (Приказ Минобрнауки России от 02 августа 2013 г. № 708; Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 22 сентября 2020 г. № 642н) нами разработаны критерии и показатели сформированности профессиональной готовности будущего оператора по добыче нефти и газа, которые представлены в таблице.

Заключение

Таким образом, с позиции целевого подхода профессиональная готовность будущих рабочих рассматривается как результат воплощения генеральной цели профессиональной подготовки. Она, как идеальный объект, сознательно порождаемый образ, зафиксированный в формулировке, должна

Таблица

Взаимосвязь целей, критериев и показателей сформированности профессиональной готовности будущего оператора по добыче нефти и газа (фрагмент)

Table

Interrelation of goals, criteria and indicators of the formation of professional readiness of future oil and gas production operator (fragment)

<i>Генеральная цель:</i> сформировать профессиональную готовность будущего оператора по добыче нефти и газа		
<i>Этап формирования профессиональной готовности будущего оператора по добыче нефти и газа:</i> операционный		
<i>Цель второго уровня:</i> сформировать репродуктивную готовность		
<i>Критерий:</i> репродуктивная готовность		
Цели третьего уровня		
Цель 1	Цель 2	Цель 3
Воспроизводить трудовые операции по образцу	Конструировать трудовое действие по инструкции	Обновлять известные типовые способы профессиональной деятельности
Уровневые показатели		
<i>Недопустимый уровень:</i> выполнение трудовых операций по образцу с неточностями, создающими экономические, экологические и (или) физиологические профессиональные риски <i>Допустимый уровень:</i> выполнение трудовых операций по образцу с неточностями без последующих профессиональных рисков <i>Оптимальный уровень:</i> точное выполнение трудовых операций по образцу	<i>Недопустимый уровень:</i> осуществление попыток конструирования трудового действия по инструкции <i>Допустимый уровень:</i> способность к конструированию фрагментов трудового действия по инструкции <i>Оптимальный уровень:</i> способность к конструированию трудовых действий по инструкции	<i>Недопустимый уровень:</i> владение элементами типовых способов профессиональной деятельности <i>Допустимый уровень:</i> владение необходимыми типовыми способами профессиональной деятельности <i>Оптимальный уровень:</i> способность к продуцированию известных типовых способов профессиональной деятельности в новый
<i>Результат:</i> сформированная репродуктивная готовность будущего оператора по добыче нефти и газа		

соответствовать критериям цели: диагностичность, конкретность, понятность, осознанность, реальность, побудительность и точность. Такой является генеральная цель как предвосхищаемый результат профессиональной подготовки. Ее воплощение осуществляется динамично и предполагает декомпозицию генеральной цели на подцели, определяющие этапность формирования искомой готовности. Генеральная цель и результаты ее реализации не идентичны, а их соответствие устанавливается критериями результативности. Соответственно, критерием ориентационного этапа формирования профессио-

нальной готовности будущих рабочих выступает предготовность, операционного – репродуктивная готовность и деятельностного – продуктивная готовность. Они, в свою очередь, дифференцируются на уровневые показатели, характеризующие соответствие цели и достигаемого результата. Мониторинг, производимый на основании разработанных нами критериев и показателей, обеспечивает оперативное выявление отклонения результата от цели в процессе формирования профессиональной готовности будущих рабочих и предоставляет возможность своевременных коррекционных мероприятий.

Материалы исследования

Приказ Минобрнауки России от 02 августа 2013 г. № 708 – *Приказ Минобрнауки России от 02 августа 2013 г. № 708* (ред. от 09.04.2015) «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования 131003.01 Оператор нефтяных и газовых скважин». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152317 (дата обращения: 24.04.2023).

Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 22 сентября 2020 г. № 642н – *Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 22 сентября 2020 г. № 642н* «Об утверждении профессионального стандарта

“Оператор по добыче нефти, газа и газового конденсата”». URL: <https://base.garant.ru/74780418/> (дата обращения: 24.04.2023).

Энциклопедия профессионального образования 1998 – *Энциклопедия профессионального образования*: в 3 т. / под ред. С.Я. Батышева. Москва: АПО, 1998. 568 с.

Библиографический список

Bukhteeva, Chernavsky, Vartanova, Gerasimenko 2019 – *Bukhteeva E.E., Chernavsky M.Yu., Vartanova L.K., Gerasimenko I.I.* Design and technological approach when forming readiness for autonomous learning activities // *Revista Inclusiones*. 2019. Vol. 6, № S4–8. P. 187–199. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41116295>. EDN: <https://elibrary.ru/blixwa>.

Konyukhova, Konyukhova, Zavyalova, Suhushina, Osokina, Sichevskaya 2017 – *Konyukhova T., Konyukhova E., Zavyalova Z., Suhushina E., Osokina O., Sichevskaya O.* Goal-setting in the contemporary educational environment // *INTED2017. 11th International Technology, Education and Development Conference. Conference proceedings / Edited by L. Gómez Chova, A. López Martínez, I. Candel Torres; IATED Academy*. 2017. P. 2044–2049. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42623891>. EDN: <https://elibrary.ru/fxemgi>.

Kubekov, Utegenova, Baidildina, Erulanova 2019 – *Kubekov B., Utegenova A., Baidildina A., Erulanova A.* Implementation of analytical distributed monitoring of education system // *ACM International Conference Proceeding Series. Proceedings of the 5th International Conference on Engineering and MIS, ICEMIS 2019*. Article number: 12. P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1145/3330431.3330443>.

Kumargazhanova, Soltan, Zhomartkyzy, Suleymenova 2019 – *Kumargazhanova S., Soltan G., Zhomartkyzy G., Suleymenova L.* Analytical monitoring model of educational system // *ACM International Conference Proceeding Series. Proceedings of the 5th International Conference on Engineering and MIS, ICEMIS 2019*. Article number: 14. P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1145/3330431.3330445>.

Kutuev, Kudyasheva, Buldakova, Aleksandrova, Vasilenko 2016 – *Kutuev R.A., Kudyasheva A.N., Buldakova N.V., Aleksandrova N.S., Vasilenko A.S.* Educational-methodical projects for students’ intellectual competences formation: the imperative goal of the university // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11, № 14. P. 7206–7214. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27579767>. EDN: <https://elibrary.ru/xfnssr>.

Kutuev, Mashkin, Yevgrafova, Morozov, Zakharova, Parkhaev 2017 – *Kutuev R.A., Mashkin N.A., Yevgrafova O.G., Morozov A.V., Zakharova A.N., Parkhaev V.T.* Methodological guidance of educational monitoring effectiveness // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2017. Vol. 7, № 3. P. 405–410. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29336027>. EDN: <https://elibrary.ru/yryyxh>.

Zakharova, Dulina, Talanova 2020 – *Zakharova A.N., Dulina G.S., Talanova T.V.* Psychological readiness to entrepreneurship of economics students // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2020. Vol. 138. P. 475–488. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-15577-3_46. EDN: <https://elibrary.ru/sntrtb>.

Абдуллина 2015 – *Абдуллина Л.Б.* Профессиональная готовность – цель профессиональной подготовки будущего педагога // *Научное мнение*. 2015. № 4–2. С. 62–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23603934>. EDN: <https://elibrary.ru/twnqqd>.

Гладких 2019 – *Гладких В.Г.* Целевые горизонты современного профессионально-педагогического образования: монография. Оренбург: ОГУ, 2019. 136 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50749736>. EDN: <https://elibrary.ru/qc1lvn>.

Дорошук 2007 – *Дорошук Е.С.* Системно-целевой подход к обучению студентов-журналистов культуре творческой деятельности // *Казанский педагогический журнал*. 2007. № 1 (49). С. 26–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-tselevoy-podhod-k-obucheniyu-studentov-zhurnalistov-kulture-tvorcheskoy-deyatelnosti/viewer>.

Костенко, Лебединцева 2017 – *Костенко Е.П., Лебединцева О.И.* Современные подходы к анализу понятия «профессиональная готовность» // *Акмеология*. 2017. № 4 (64). С. 30–33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29841423>. EDN: <https://elibrary.ru/zdanej>.

Лернер 1981 – *Лернер И.Я.* Дидактические основы методов обучения. Москва: Педагогика, 1981. 186 с. URL: <https://obuchalka.org/2016110991703/didakticheskie-osnovi-metodov-obucheniya-lerner-i-ya-1981.html?ysclid=lmaj0r4liq281796282>.

Лыткин, Миронова, Романова 2016 – *Лыткин А.В., Миронова С.Х., Романова М.Л.* Синергетический подход к диагностике формирования компетенций // *Ученые записки университета Лесгафта*. 2016. № 3 (133). С. 145–150. DOI: <http://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2016.03.133.p145-150>.

Шушара, Ланковская 2017 – *Шушара Т.В., Ланковская Е.В.* Проблема определения дефиниции «профессиональная готовность» в отечественной науке // *Проблемы современного педагогического образования*. 2017. № 54–2. С. 298–305. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28828699>. EDN: <https://elibrary.ru/ygwibd>.

References

Bukhteeva, Chernavsky, Vartanova, Gerasimenko 2019 – *Bukhteeva E.E., Chernavsky M.Yu., Vartanova L.K., Gerasimenko I.I.* (2019) Design and technological approach when forming readiness for autonomous learning activities.

Revista Inclusiones, vol. 6, no. S4-8, pp. 187–199. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41116295>. EDN: <https://elibrary.ru/blixwa>.

Konyukhova, Konyukhova, Zavyalova, Suhushina, Osokina, Sichevskaya 2017 – *Konyukhova T., Konyukhova E., Zavyalova Z., Suhushina E., Osokina O., Sichevskaya O.* (2017) Goal-setting in the contemporary educational environment. In: *INTED2017. 11th International Technology, Education and Development Conference. Conference proceedings. Edited by L. Gómez Chova, A. López Martínez, I. Candel Torres; IATED Academy*, pp. 2044–2049. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42623891>. EDN: <https://elibrary.ru/fxemgi>.

Kubekov, Utegenova, Baidildina, Erulanova 2019 – *Kubekov B., Utegenova A., Baidildina A., Erulanova A.* (2019) Implementation of analytical distributed monitoring of education system. In: *ACM International Conference Proceeding Series. Proceedings of the 5th International Conference on Engineering and MIS, ICEMIS 2019*, Article number: 12, pp. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1145/3330431.3330443>.

Kumargazhanova, Soltan, Zhomartkyzy, Suleymenova 2019 – *Kumargazhanova S., Soltan G., Zhomartkyzy G., Suleymenova L.* (2019) Analytical monitoring model of educational system. In: *ACM International Conference Proceeding Series. Proceedings of the 5th International Conference on Engineering and MIS, ICEMIS 2019*, Article number: 14. P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1145/3330431.3330445>.

Kutuev, Kudyasheva, Buldakova, Aleksandrova, Vasilenko 2016 – *Kutuev R.A., Kudyasheva A.N., Buldakova N.V., Aleksandrova N.S., Vasilenko A.S.* (2016) Educational-methodical projects for students' intellectual competences formation: the imperative goal of the university. *International Journal of Environmental and Science Education*, vol. 11, no. 14, pp. 7206–7214. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27579767>. EDN: <https://elibrary.ru/xfnssr>.

Kutuev, Mashkin, Yevgrafova, Morozov, Zakharova, Parkhaev 2017 – *Kutuev R.A., Mashkin N.A., Yevgrafova O.G., Morozov A.V., Zakharova A.N., Parkhaev V.T.* (2017) Methodical guidance of educational monitoring effectiveness. *Modern Journal of Language Teaching Methods*, vol. 7, no. 3, pp. 405–410. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29336027>. EDN: <https://elibrary.ru/yryyxh>.

Zakharova, Dulina, Talanova 2020 – *Zakharova A.N., Dulina G.S., Talanova T.V.* (2020) Psychological readiness to entrepreneurship of economics students. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, vol. 138, pp. 475–488. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-15577-3_46. EDN: <https://elibrary.ru/sntrtb>.

Abdullina 2015 – *Abdullina L.B.* (2015) Professional readiness as a purpose of vocational training of a future teacher. *The Scientific Opinion*, no. 4-2, pp. 62–67. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23603934>. EDN: <https://elibrary.ru/twnqqd>. (In Russ.)

Gladkikh 2019 – *Gladkikh V.G.* (2019) Target horizons of modern professional and pedagogical education: monograph. Orenburg: OGU, 136 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50749736>. EDN: <https://elibrary.ru/qcivln>. (In Russ.)

Doroshchuk 2007 – *Doroshchuk Ye.S.* (2007) System-targeted approach to teaching students-journalists the culture of creative activity. *Kazan Pedagogical Journal*, no. 1 (49), pp. 26–33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-tselevoy-podhod-k-obucheniyyu-studentov-zhurnalistov-kulture-tvorcheskoy-deyatelnosti/viewer>. (In Russ.)

Kostenko, Lebedintseva 2017 – *Kostenko E.P., Lebedintseva O.I.* (2017) Modern approaches to the analysis of “professional readiness” concept. *Akmeologiya*, no. 4 (64), pp. 30–33. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29841423>. EDN: <https://elibrary.ru/zdanej>. (In Russ.)

Lerner 1981 – *Lerner I.Ya.* (1981) Didactic foundations of teaching methods. Moscow: Pedagogika, 186 p. Available at: <https://obuchalka.org/2016110991703/didakticheskie-osnovi-metodov-obucheniya-lerner-i-ya-1981.html?ysclid=lmaj0r4liq281796282>. (In Russ.)

Lytkin, Mironova, Romanova 2016 – *Lytkin A.V., Mironova S.H., Romanova M.L.* (2016) Synergistic approach to competencies development assessment. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, no. 3 (133), pp. 145–150. DOI: <http://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2016.03.133.p145-150>. (In Russ.)

Shushara, Lankovsky 2017 – *Shushara T.V., Lankovsky E.K.* (2017) The problem of determining the definition of «professional readiness» in the national science. *Problems of modern pedagogical education*, no. 54–2, pp. 298–305. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28828699>. EDN: <https://elibrary.ru/ygwibd>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.1

Дата поступления: 11.05.2023
рецензирования: 17.07.2023
принятия: 25.08.2023

Совершенствование грамматической компетенции будущих учителей английского языка на основе аутентичных текстов

Ю.В. Данько

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: bonifacius-zs@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5958-9866>

Аннотация: В настоящей статье рассматривается грамматическая компетенция в английском языке будущих педагогов по программе бакалавриата в виде умений корректного применения морфологических, синтаксических и лексических норм английского языка для решения практических задач. Принимая во внимание обучение английскому языку как педагогической специальности, необходимо рассматривать коммуникативный и педагогический компоненты профессиональной компетентности. На основе теоретических положений в форме анализа педагогических условий организации обучения в настоящем исследовании рассматривается специфика совершенствования морфологических грамматических навыков в виде обучения временным формам английских глаголов на материале аутентичных текстов из классической литературы. В рамках исследования как части педагогического эксперимента по результатам в экспериментальной группе определены трудности в овладении временными формами глаголов. Повышению уровня иноязычной коммуникативной компетенции будет способствовать совершенствование теоретических и лингвистических знаний, формирование практических умений и навыков в виде обучения нормам литературного языка.

Ключевые слова: педагогическое образование; обучение будущих педагогов; профессиональная компетентность; английский язык; аутентичный текст; временные формы глагола; методика работы с текстом.

Цитирование. Данько Ю.В. Совершенствование грамматической компетенции будущих учителей английского языка на основе аутентичных текстов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 98–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-98-103>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Данько Ю.В., 2023

Юрий Владимирович Данько – аспирант кафедры «Физвоспитание и спорт», Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.05.2023
Revised: 17.07.2023
Accepted: 25.08.2023

Improving the grammatical competence of future English teachers based on authentic texts

Yu.V. Danko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation.
E-mail: bonifacius-zs@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5958-9866>

Abstract: The article discusses the grammatical competence in the English language of future teachers in the undergraduate program as a component of effective foreign language teaching in the form of ability to correctly apply the morphological, syntactic and lexical norms of the English language in solving practical problems. Taking into account the teaching of English as a pedagogical specialty, it is necessary to take into account the communicative and pedagogical components of professional competence. Based on theoretical provisions in the form of an analysis of pedagogical conditions of the organization of education, the current study views the specifics of improving morphological grammatical skills in the form of teaching tense forms of English verbs on the material of authentic texts from classical literature. As part of the study, as part of a pedagogical experiment, according to the results in the experimental group, difficulties in mastering the tense forms of verbs were identified. Increasing the level of foreign language communicative competence will contribute to the improvement of theoretical and linguistic knowledge, to the formation of practical skills in the form of teaching the norms of the literary language.

Key words: teacher education; training of future teachers; professional competence; English language; authentic text; tense forms of the verb; method of working with text.

Citation. Danko Yu.V. Improving the grammatical competence of future English teachers based on authentic texts. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 98–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-98-103>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Danko Yu.V., 2023

Yuriy V. Danko – postgraduate student of the Department of Physical Education and Sport, Sevastopol State University, 33, University Street, Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Введение

Обучение иностранному языку как неродному – длительный и комплексный процесс на основе определенной методики, исследующей «цели и содержание, закономерности, средства, приемы, методы учения и воспитания на материале иностранного языка» (Миролюбов 2010).

В основе обучения на любом уровне находятся дидактические материалы, формирующие комплекс языковых навыков и умений учителя иностранного языка (в бакалавриате). Базовой частью является формирование профессиональных компетенций (ФГОС 2018), важнейшей из которых является иноязычная коммуникативная компетенция как владение основными средствами языка и умение использовать его для решения практических задач.

Коммуникативная компетенция составляет «ядро» иноязычного обучения в виде сформированных знаний, умений и навыков и включает частные компетенции, одной из которых является грамматическая, определяемая как «совокупность теоретических знаний (правил) и языковых навыков» [Мильруд, Максимова 2006], а ее практическим результатом является грамматическое умение – способность применить полученные знания в необходимой ситуации (Гурвич, Кудряшов 1991).

Хотя в настоящее время в обучении иностранному языку преобладает коммуникативная методика, ориентированная на использование языка в ситуациях реального общения, обучение на аутентичном текстовом материале также будет способствовать формированию грамматической компетенции ввиду разнообразия морфологических и синтаксических категорий в аутентичных иноязычных текстах и навыков понимания развернутых иноязычных высказываний.

Применение в обучении иностранному языку аутентичных текстов (с древнегреч. *αὐθεντικός* – «подлинный») исходит из оригинальности (исходного написания автором-носителем языка) и языковой нормы (используется широкий охват морфологических, синтаксических и лексических средств), что задает цель формирования у студентов навыков работы с текстом, выделения его смысловых частей, умений определять морфологические категории слов, синтаксические структуры предложений и навыков работы с лексическими единицами языка в контексте употребления.

В рамках настоящего исследования основной целью является обучение студентов направления 44.03.05 «Педагогическое образование» одной из грамматических категорий – временным формам глагола в английском языке на материале иноязычных аутентичных текстов, отобранных фрагментов произведений из английской классической литературы XVIII века. В качестве дидактической основы выбраны «Дневник путешествия в Лис-

сабон» Генри Филдинга (Journal of a Voyage to Lisbon, 1755; Henry Fielding, 1707–1754), «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо (Robinson Crusoe, 1719; Daniel Defoe, 1660–1731) и «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта (Gulliver's Travels, 1726; Jonathan Swift, 1667–1745). Также применение фрагментов классической английской литературы имело целью формирование методической компетенции как умения анализировать текст с лингвистической точки зрения, выделять контекстные примеры в рамках тематики занятия, что в дальнейшем будет способствовать эффективной педагогической деятельности в среднем образовании.

Методика формирования грамматических навыков определена в контексте изучающего чтения на послетекстовом этапе в виде последовательности шагов обучения грамматике: «ознакомление → тренировка → закрепление(контроль) → применение», в которой «текст...должен создавать необходимую мотивацию... иметь коммуникативную направленность, быть проблемным...» [Огнева 2016].

Методы и обзор литературы

В основе настоящего исследования находятся теоретические и эмпирические методы, ориентированные на работу с текстом.

Теоретические методы включали обзор предшествующих научных исследований за последние 5 лет применению аутентичных текстов в обучении (А.Э. Алиевой, 2017; С.А. Пушкаревой, 2018; С.П. Хорошиловой, 2019; Л.В. Левиной и А.И. Левина, 2019; А.А. Рогалева, 2019; М.В. Разумовой, 2021) и формирования грамматической компетенции (О.Н. Подгорской, 2018; Н.В. Хомович, 2018; Т.Н. Сухаревой, 2019; К. Пак, 2022); анализ нормативных положений организации педагогического образования по программе бакалавриата (ФГОС, РП, ООП, учебного плана и дисциплин «Практическая грамматика английского языка» направления 44.03.05 «Педагогическое образование (иностраные языки)»); отбор аутентичных текстов на основе важнейших критериев: аутентичности, адаптивности и целеполагания.

Аутентичность текста определялась изначальным его написанием на языке оригинала, а использование в дидактических целях подразумевало изучающее чтение, «ставящее целью полное понимание содержания для его последующего критического осмысления... его лексического, грамматического и синтаксического наполнения» [Казаква, Евтюгина 2016].

Под адаптивностью в отборе текста понималась в первую очередь его сложность: для студентов 1-го курса определяем уровень текста по основному иностранному языку (английскому) как В1, соответственно, объем дидактического фрагмента – примерно 1000 слов на 70 минут, при этом общий

его объем вместе с заданием не должен превышать двух страниц [Забурдаева 2014]. На этой основе выбирался завершённый отрывок литературного произведения средней трудности в лексике, грамматике и синтаксисе, поскольку подбор текста в части «структуры, содержания и оформления... создает условия для наиболее эффективного погружения в языковую среду на занятиях иностранного языка» [Хованова 2017].

Последним компонентом в отборе текстов определено целеполагание, в основе которого его соответствие решаемым задачам: работа с грамматическими структурами и синтаксический разбор предложений; ориентация на художественный текст для знакомства будущих педагогов иностранного языка с образцами аутентичной классической литературы, так как «художественные тексты представлены в широком разнообразии, что позволяет выбрать для обучения тексты, соотносящиеся с темой и коммуникативными задачами» [Хованова 2017]. В настоящем исследовании целью являлось усвоение системы глагольных форм активного (действительного) залога изъявительного наклонения в английском языке на примерах из английской классической художественной литературы.

Эмпирические методы являлись частью формирующего этапа педагогического эксперимента и включали непосредственную работу с текстами в виде анализа особенностей грамматики и синтаксиса для формирования грамматического умения английского языка – владение грамматическими формами глагола. Проводилось сравнение (оценка) полученных данных в форме тестирования по итогам исследования в экспериментальной и контрольной группах на основе разработанных критериев оценочного компонента.

Основная часть

Настоящее исследование как часть формирующего педагогического эксперимента было проведено в экспериментальной группе ПООиЯ/б-21-3-о (будущих учителей иностранного языка, 2021 года поступления), определенной по результатам диагностики на констатирующем этапе. Число участников в экспериментальной группе составило 16 студентов, изучающих английский язык как основной.

В структуру формирующего этапа исследования вошли 7 учебных занятий с экспериментальной группой (в дистанционном формате, период февраль-апрель 2023 года), где каждое занятие имело свою тему и цель в соответствии с учебным планом, а также 1 контрольное итоговое занятие в форме грамматического теста в экспериментальной (ПООиЯ/б-21-3-о, 16 студентов) и контрольной (ПООиЯ/б-20-4-о, 12 студентов) группах с последующим сопоставлением результатов и их анализом; темы занятий (14 ак. часов):

Занятие 1 (февраль): Present Simple/Continuous

Занятие 2 (февраль): Present Perfect/Perfect Continuous.

Занятие 3 (февраль): Past Simple/Continuous.

Занятие 4 (март): Past Perfect/Perfect Continuous.

Занятие 5 (март): Used to/ Would/ Was going to.

Занятие 6 (апрель): Future Simple/Continuous.

Занятие 7 (апрель): Future Perfect/Perfect Continuous.

Занятие 8 (апрель; диагностики или контроля): сравнение и анализ в ЭГ и КГ в виде контрольного теста в форме Use of English (на постановку необходимой глагольной формы).

Каждое занятие в рамках исследования (формирование грамматических умений на аутентичном тексте) состояло в виде нескольких последовательных этапов: ориентировочно-подготовительного, подготовки содержательной стороны, стереотипизирующе-ситуативного и варьирующе-ситуативного [Борисова, Румянцева 2020]; в классической форме – предтекстового, текстового и послетекстового (Гурвич, Кудряшов 1991). Ключевым видом чтения являлось «изучающее, предполагающее стопроцентное понимание текста» [Хованова 2017], нахождение и выделение его морфологических и синтаксических особенностей (с ориентацией на морфологию). В отборе аутентичных фрагментов ключевой задачей ставилась педагогическая специфика: из текста каждого автора выбирался нейтральный фрагмент, имеющий четкую структуру и обладающий признаком завершенности, соответствующий заявленной теме занятия.

Этап 1. Предтекстовый или ориентировочно-подготовительный – постановка дидактической задачи, включавшей просмотр фрагмента текста, определение его структуры, прогнозирование содержания и «распознавание в тексте неизвестной лексики с последующей актуализацией переводными и непереводными способами» [Казакова, Евтюгина 2016], «направлен на формирование лексических и грамматических навыков» [Борисова, Румянцева 2020] с объяснением преподавателем возможных трудностей.

Этап 2. Текстовый – чтение текста и решение дидактической задачи – включал два последовательных вида чтения.

Этап 2.1. Просмотровое чтение – студенты просматривают фрагмент и выделяют его особенности: морфологическую и синтаксическую структуры в контексте сложности; при этом каждый студент (для себя) выделяет сложные места.

Этап 2.2. Изучающее чтение и решение дидактической задачи: полного понимания содержания текста (филологический компонент) и «подробный разбор грамматических и лексических затруднений (языковой компонент)» [Хованова 2017].

Этап 3. Послетекстовый или контрольный определял уровень понимания текста в форме небольшого теста изучаемой теме из 10 грамматических вопросов по употреблению грамматических форм глаголов в предложенном фрагменте (лингвистический компонент) и понимания содержания фрагмента предложенного текста (филологический компонент).

Этап 3.1. Репликационные задания (стереотипизирующе-ситуативный) или лингвистический предполагали активизацию грамматических структур: каждому студенту предложен тест из 10 вопросов на употребление изучаемых на занятии грамматических форм.

Этап 3.2. Варьирующе-ситуативный или рецептивный предполагал устные вопросы по содержанию предложенного фрагмента (филологический компонент).

Этап 4. Анализ (обратная связь). По итогам 7 занятий в экспериментальной группе (16 студентов) каждому студенту предлагалось выделить самые сложные, на его взгляд, глагольные формы (по 3 для каждого студента), отметив для себя их сложность в баллах (где 1 – в целом понятно; 2 – испытываю затруднения и 3 – не понимаю их употребление) и прислать их ответным письмом; грамматические сложности в дальнейшем можно объяснить через приведение контекстных примеров (Big Data в системе корпусной лингвистики) – на следующем этапе исследования.

Этап 5. Диагностический. Сравнение экспериментальной и контрольной групп (каждой группе предложен идентичный тест) по результатам Use of English (уровень теста B1) и определение верности гипотезы о том, что использование аутентичных материалов может быть полезным в совершенствовании грамматической компетенции студентов и в части развития коммуникативной

компетенции как языковой основы (на основе критерия Манна – Уитни).

Результаты работы с текстом (контроля, этап 3) и диагностики (сравнения, этап 5) оценивались на основе 4 уровней иноязычной грамматической компетенции будущих учителей иностранного языка (в баллах): творческого (90–100), продуктивного (75–89), среднего (50–74) и низкого (менее 50 баллов) результатов формирования грамматических умений (системы времен в английском языке) – на формирующем этапе исследования в виде анализа полученных ответов от каждого студента.

На рис. 1 показаны полученные количественные результаты уровня сформированных иноязычных грамматических навыков будущих учителей иностранного языка на послетекстовом этапе (этап 3) по результатам теста.

Определяется усвоение глагольных времен в английском языке в экспериментальной группе на творческом (высоком) уровне 45,43 %, а на продуктивном (достаточном) уровне – 72,43 % в средних значениях.

В целом отмечается достаточно высокий уровень усвоения глагольных форм английского языка (более 70 %), но имеются затруднения в понимании особенностей употребления форм used to, would, was going to, future perfect и future perfect continuous.

Это подтверждается полученными результатами анализа (обратной связи, этап 4; рис. 2).

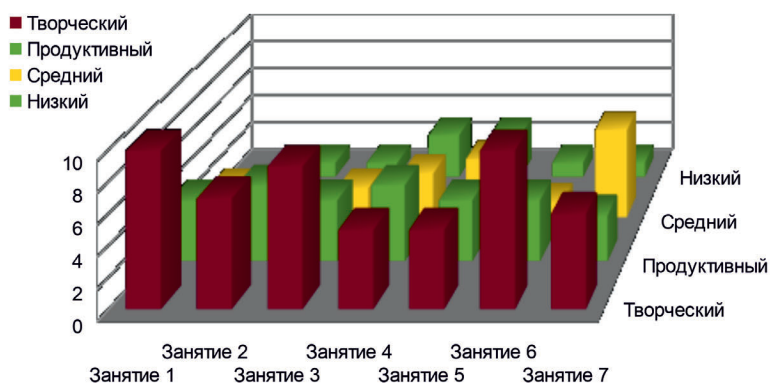

Рисунок 1 – Распределение уровней сформированности грамматических навыков
Figure 1 – Distribution of levels of formation of grammatical skills

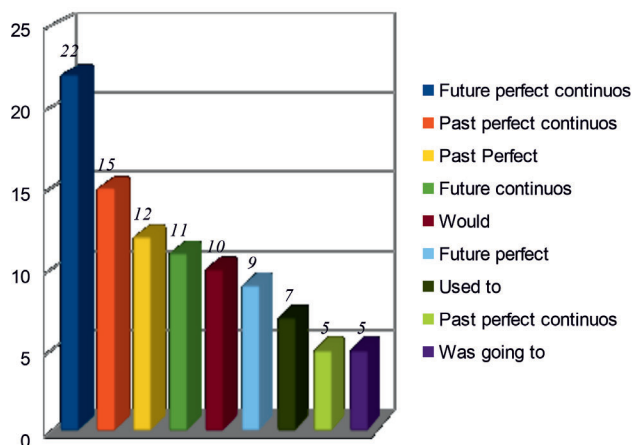

Рисунок 2 – Результаты анализа трудности глагольных форм (этап 4) в экспериментальной группе
Figure 2 – The results of the analysis of the difficulty of verb forms (stage 4) in the experimental group

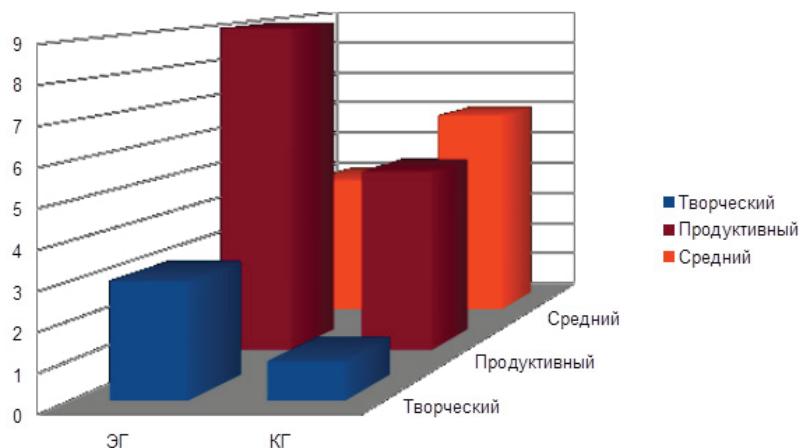

Рисунок 3 – Сравнение результатов ЭГ и КГ
 Figure 3 – Comparison of results of the experimental group and control group

На рис. 2 отмечаются наибольшие трудности в понимании глагольных форм *future perfect continuous*, *past perfect continuous* и *past perfect* (49 баллов из 96, что составило 51 % всей суммы). Однако с точки зрения коммуникативной направленности изучения языка будущими педагогами первые две формы скорее нужно усвоить пассивно, а *would* необходимо уделить особое внимание.

Рассмотрим результаты последнего этапа (этап 5) диагностики в экспериментальной (ЭГ, 16 студентов) и контрольной (КГ, 12 студентов) группах на основе теста Use of English (уровень теста B1, 25 грамматических форм в фрагменте) на образование верных глагольных в контексте (приведенного отрывка текста); творческий уровень определялся в 90 % (23 верных ответа), продуктивный в 75 % (19 верных ответов), средний в 50 % (13 верных ответов), низкий уровень определялся как менее 13 верных глагольных форм; сравним полученные результаты в каждой группе (рис. 3).

В экспериментальной группе творческий уровень студентов составил 19 %, в контрольной – 9 %; продуктивный уровень составил 56 и 41 % соответственно; на среднем уровне соответственно зафиксировано 25 и 50 %. Низкий уровень по результатам диагностики в двух группах выявлен не был (что может быть обусловлено длительным изучением английского языка студентами и уровнем теста B1), однако определяются незнание отдельных грамматических средств языка, некоторые трудности в восприятии текста (по лексике), а также неумение строить устное высказывание.

По результатам исследования критерий Манна – Уитни равен 52,5 балла, тогда как критическое значение этого при заданной численности сравниваемых групп составляет 53; $52.5 \leq 53$. Следовательно, различия уровня признака в сравниваемых группах статистически значимы ($p < 0,05$) (Медицинская статистика 2013).

Заключение

В реализации исследования каждый этап имел свою цель: первый (методический) этап определил критерии их отбора на основе аутентично-

сти, адаптивности и целеполагания для работы с грамматическими структурами в художественном тексте. Второй этап (целеполагания) сформулировал педагогическую задачу – оценку возможности обучения на основе аутентичных художественных текстов системе глагольных форм английского языка на принципах структурированности, завершенности и контекстных примеров для каждого из практических занятий. Третий (подготовительный) этап определил его систему и тематику занятий, формат проведения и целевую аудиторию.

Реализация исследования на четвертом (формирующем) этапе предполагала классическую форму работы с текстом, а центральным элементом – изучающее чтение текста с полным его пониманием, нахождением и выделением морфологических структур на послетекстовом этапе.

По результатам проведенных практических занятий на пятом (оценочном) этапе достигнут достаточный (75 %) уровень иноязычной грамматической компетенции в виде усвоения глагольных форм английского языка у студентов в экспериментальной группе и средний (50 %) – в контрольной. Одним из фактов положительной динамики в экспериментальной группе являлась аутентичность текста с точки зрения широкого охвата грамматических явлений, что свидетельствует о достаточном уровне сформированности грамматической компетенции в целом.

Применение аутентичных текстов в обучении иностранному языку оправдано в зависимости от дидактических целей и среднего уровня группы. Может быть сформирован специальный учебный корпус текстов, которые помогут студентам лучше понять контекст использования грамматических явлений (особенно сложных глагольных форм, не используемых в устной речи) на литературных примерах, овладеть всеми ее составляющими, а образцы классических произведений литературы также могут повысить мотивацию изучения иностранного языка. Однако требует дальнейшего исследования вопрос целенаправленного отбора контекстных примеров с использованием Bid Data («больших» данных) в обучении иностранному языку.

Материалы исследования

Гурвич, Кудряшов 1991 – Гурвич П.Б., Кудряшов Ю.А. Грамматические умения, обуславливающие говорение на иностранном языке и основные линии их развития // Хрестоматия по общей методике обучения иностранным языкам / сост. А.А. Леонтьев. Москва: Русский язык, 1991. 360 с.

Медицинская статистика... 2013 – *Медицинская статистика*. Расчет критерия Манна – Уитни (онлайн-калькулятор), 2013. URL: <https://clck.ru/hGyxС>.

Миролубов 2010 – Миролубов А.А. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность. Обнинск: Титул, 2010. 464 с.

ФГОС 2018 – ФГОС направления 44.03.05 «Педагогическое образование». URL: <https://clck.ru/sRPz6>.

Библиографический список

Борисова, Румянцева 2020 – Борисова Л.Е., Румянцева Е.Н. Работа с аутентичным профессионально ориентированным текстом в дистанционном обучении иностранному языку // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. 2020. С. 455–460. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44484731>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sabjgh>.

Забурдаева 2014 – Забурдаева Т.И. Совершенствование тестов как средства педагогических измерений на основе общеевропейских компетенций // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. № 26. С. 59–65. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22595488>. EDN: <https://www.elibrary.ru/talwuh>.

Казакова, Евтюгина 2016 – Казакова М.А., Евтюгина А.А. Аутентичные текстовые материалы в обучении иностранному языку // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. № 4. С. 50–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/autentichnye-tekstovye-materialy-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku?ysclid=lm963hh02q804006004>.

Мильруд, Максимова 2014 – Мильруд Р.П., Максимова И.Р. Когнитивная модель грамматической компетенции учащихся // Язык и культура. 2014. № 2 (26). С. 134–145. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21713271>. EDN: <https://www.elibrary.ru/shdygb>.

Огнева 2016 – Огнева Т.А. Формирование языковых компетенций при работе с аутентичными текстами на современном уроке немецкого языка // Гуманитарное образование в экономическом вузе: материалы IV Международной научной научно-практической заочной интернет-конференции. Москва, 2016. С. 326–331. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25131469>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vdythp>.

Хованова 2017 – Хованова Н.Ю. Алгоритм работы с аутентичным текстом // European scientific conference: сборник статей V Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 3. Пенза, 2017. С. 150–153. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29786281>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbvdlx>.

References

Borisova, Rummyantseva 2020 – Borisova L.E., Rummyantseva E.N. (2020) Work with authentic professionally-oriented text in foreign language distance learning. In: *Linguistics, translation studies and methods of teaching foreign languages: actual problems and prospects: proceedings of the II All-Russian research and practical conference with international participation*. Oryol: Orlovskii gosudarstvennyi universitet imeni I.S. Turgenyeva, pp. 455–460. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44484731>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sabjgh>. (In Russ.)

Zaburdaeva 2014 – Zaburdaeva T.I. (2014) Perfecting tests used as the means of educational measurements on the basis of common European framework of reference for languages. *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, no. 26, pp. 59–65. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22595488>. EDN: <https://www.elibrary.ru/talwuh>. (In Russ.)

Kazakova, Evtyugina 2016 – Kazakova M.A., Evtyugina A.A. (2016) Authentic written materials in teaching a second language. *Bulletin of the Buryat state university. Education. Personality. Society*, no. 4, pp. 50–59. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/autentichnye-tekstovye-materialy-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku?ysclid=lm963hh02q804006004>. (In Russ.)

Milrud, Maksimova 2014 – Milrud R.P., Maksimova I.R. (2014) Cognitive models of grammatical competence of students. *Language and Culture*, no. 2, pp. 115–122. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23283279>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tpnffh>. (In English; original in Russian)

Ogneva 2016 – Ogneva T.A. (2016) Formation of language competence when working with authentic texts on the modern German language lessons. In: *Humanities education in an economic university: materials of the IV International scientific research and practical correspondence Internet conference*. Moscow, pp. 326–331. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25131469>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vdythp>. (In Russ.)

Khovanova 2017 – Khovanova N.Yu. (2017) Algorithm of work with authentic text. In: *European scientific conference: collection of articles of the V International research and practical conference: in 3 parts. Part 3*. Penza, pp. 150–153. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29786281>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbvdlx>. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-3-104-113

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11

Дата поступления: 12.04.2023
рецензирования: 13.05.2023
принятия: 25.08.2023

Специфика объективации в немецком языке категорий социальной экслюзии и социальной инклюзии (территориальный аспект)

Н.Л. Шамне

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: nikolay.shamne@volsu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей объективации в немецком языке категорий социальной экслюзии и социальной инклюзии в территориальном аспекте на примере понятий *Kaff* и *Einöde*. В результате дефиниционного анализа лексем, обозначающих данные понятия, устанавливаются ядерные семантические признаки: отсутствие соответствующих социальных условий, малолюдность / безлюдность обозначаемой территории (*Einöde*) и небольшая протяженность, бесцельность существования субъекта (*Kaff*). Названные понятия характеризуются в работе с позиций семантического поля. Установлено, что ядро семантических полей понятий *Einöde* и *Kaff* составляют языковые единицы, непосредственно указывающие на ядерные семантические признаки, а периферию – единицы, актуализирующие процессы социальной экслюзии и в отдельных (редких) случаях социальной инклюзии. В качестве общих ведущих языковых средств, выражающих категорию социальной экслюзии, выделены единицы, выражающие пространственную удаленность от центра, а также статичность, отсутствие движения, изменений; в качестве различающихся – единицы, указывающие на небольшую пространственную протяженность, глаголы социально обусловленного перемещения с определенными усилиями субъекта (семантическое поле *Kaff*); глаголы незаметного, бесцельного существования субъекта в рамках данного объекта (семантическое поле *Einöde*). Сделан вывод о том, что лексема *Kaff* в большей степени, по сравнению с лексемой *Einöde*, объективирует в контексте процессы территориальной социальной экслюзии. Отмечается, что языковые единицы *Kaff* и *Einöde* не имеют однозначных эквивалентов в русском языке. В результате проведенного контекстуального анализа устанавливаются дополнительные семантические признаки, конкретизирующие обозначаемые данными лексемами понятия, не нашедшие отражения в толковых словарях немецкого языка.

Ключевые слова: социальная экслюзия; социальная инклюзия; территориальный аспект; семантическое поле *Kaff*, семантическое поле *Einöde*, ядро, периферия, немецкий язык.

Цитирование. Шамне Н.Л. Специфика объективации в немецком языке категорий социальной экслюзии и социальной инклюзии (территориальный аспект) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 104–113. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-104-113>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шамне Н.Л., 2023

Николай Леонидович Шамне – доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.04.2023
Revised: 13.05.2023
Accepted: 25.08.2023

Specifics of objectification of the social exclusion, social inclusion categories (territorial aspect) in German

N.L. Shamne

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
E-mail: nikolay.shamne@volsu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Abstract: The article deals with specific features of objectification in German related to the categories of social exclusion and social inclusion in the territorial aspect on the example of the concepts «Kaff» and «Einöde». As a result of the definitional analysis of the similar lexemes, denoting these concepts, the author establishes nuclear semantic features –

the absence of appropriate social conditions, low-population density area /uninhabited area (*Einöde*) and its small length, aimlessness of the subject's existence (*Kaff*). These notions are described as the semantic field. The study found that the core of the semantic fields of the concepts «*Einöde*» and «*Kaff*» are the linguistic units directly indicating the nuclear semantic features and the periphery – the units actualizing the processes of social exclusion and in separate (rare) cases of social inclusion. The author identifies the units expressing spatial remoteness from the center, as well as static, absence of movement, changes as common leading language means expressing the category of social exclusion; as different – the units indicating a small spatial extent, verbs of socially determined movement with certain efforts of the subject (semantic field «*Kaff*»); verbs of unnoticed, aimless existence of the subject within the given object (semantic field «*Einöde*»). The results of the research suggest that the lexeme *Kaff* to a greater extent as compared to the lexeme *Einöde* objectifies the processes of territorial social exclusion in the context. The author notes that the language units *Kaff* and *Einöde* do not have unambiguous equivalents in Russian. As a result of the contextual analysis the author reveals additional semantic features, specifying these concepts, which are not reflected in the glossary of the German language.

Key words: social exclusion; social inclusion; territorial aspect; semantic field «*Kaff*», semantic field «*Einöde*», core, periphery.

Citation. Shamne N.L. Specifics of objectification of the social exclusion, social inclusion categories (territorial aspect) in German. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 104–113. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-104-113>.

Information on conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Shamne N.L., 2023

Nikolay L. Shamne – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Foreign Language Communication and Linguistics, Volgograd State University, 100, Universitetsky Avenue, Volgograd, 400062, Russian Federation.

Введение

Категория социального исключения (эксклюзии) и рассматриваемая в связи с ней категория социального включения (инклюзии) стали активно обсуждаться в научной литературе с середины 1990-х годов, прежде всего в зарубежной социологии. Первоначально разрабатывалось понятие социальной эксклюзии – преимущественно по отношению к бедности, экономическим ресурсам, либо по отношению к различного рода связям индивида в социуме [Azmat 2020].

Помимо этого, категория социального исключения рассматривалась также в пространственном аспекте, где ключевым тоже является понятие бедности, поскольку в рамках данного аспекта выделяются так называемые «территории бедности» [Frost, Magyar-Naas, Schoneville, Sicoга 2020].

В отечественной социологии интерес к проблемам социальной эксклюзии и инклюзии начал пробуждаться в начале XXI века. В большинстве работ по указанной проблематике в качестве востребованных аспектов исследования выступают следующие: трактовка самих понятий социального исключения / включения [Дмитриева 2012], выделение видов эксклюзии, соотношение ее с понятием бедности [Григорьев 2020], характеристика данных явлений в сфере образования [Шмидт 2004], а также в рамках отдельных групп – старшее поколение, группы с девиантным поведением [Хухлина 2011].

Изучение обозначенных категорий в лингвистике представлено лишь фрагментарно. В зарубежной лингвистике проблема социального исключения – социального включения разрабатывается прежде всего в аспекте многоязычия, мультикультурализма в рамках более глобальной проблемы миграции [Woeskh 2018], проблемы ксенофобии [Kallmeyer 2002], а также применительно к образовательному процессу [Huber, Wilbert 2012]. В отечественной лингвистике име-

ются отдельные работы: например, характеристика понятия инклюзии в общественном дискурсе на материале немецкого языка [Лапина 2017], рассмотрение проблемы языковой и культурной интеграции мигрантов в полиэтничное пространство отдельного региона [Шамне, Милованова, Терентьева 2017].

Однако работы, посвященные характеристике отражения в языке процессов социальной эксклюзии, инклюзии с точки зрения пространственного аспекта, в научной лингвистической литературе не представлены. Нам видится целесообразным и интересным остановиться подробнее на особенностях отражения территориальной социальной эксклюзии, инклюзии в языке, в частности в немецком, поскольку германистике также достаточно мало соответствующих лингвистических работ, посвященных обозначенной проблематике.

Социальная эксклюзия и социальная инклюзия рассматриваются нами как разнонаправленные процессы: социальная инклюзия предполагает включение определенного лица (лиц) в социальные отношения, а эксклюзия, в отличие от нее, связана с исключением, вытеснением из социальных отношений в различных сферах.

Материал и методы исследования

Традиционно, если мы говорим о территориальном социальном исключении, мы имеем в виду прежде всего противопоставление «центр» и «периферия». Причем центр в данном случае включает в себя не только столицу государства, но и другие крупные, большие города; периферия трактуется в большинстве толковых словарей как удаленная (отдаленная) от центра местность. С точки зрения процессов социального исключения наибольший интерес, безусловно, представляет периферия. В рамках периферии, в свою очередь, можно выделить такие понятия, напрямую связанные с эксклюзией, как «глушь» и «захолустье». Отметим, что данные понятия в немецком языке не имеют прямого отдельного эквивалента.

Материалом нашего исследования послужил газетный подкорпус системы цифровых словарей Берлин-Бранденбургской Академии наук ФРГ (DWDS).

Данные двуязычных словарей, а также параллельные немецко-русские тексты показали, что в немецком языке понятия «глушь» и «захолустье» передаются достаточно развернутым синонимическим рядом. Однако мы не будем останавливаться на словосочетаниях типа *ein abgelegener Ort, eine verlassene Gegend* и др., поскольку в центре нашего внимания прежде всего отдельные лексемы, составляющие синонимический ряд названных понятий. В рамках статьи мы подробно остановимся на двух лексемах, которые частотно представлены в нашем фактическом материале, – *das Kaff, die Einöde*. На указанном выше материале устанавливаются контексты употребления данных единиц, их коллокации; проводится их дефиниционный анализ на основе толковых словарей немецкого языка.

Анализ примеров из выборки приведенных лексем в используемом корпусе немецкого языка позволил выделить ряд семантических признаков, конкретизирующих обозначенные данными лексемами понятия и, соответственно, группы языковых единиц, объективирующих категории социальной эксклюзии – социальной инклюзии с точки зрения территориального аспекта.

Отметим, что фрагментарный анализ параллельных текстов показал непоследовательность использования приведенных лексем как эквивалентов русских единиц *глушь, захолустье*.

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – структурно-семантического, контекстуального анализа, а также элементы метода компонентного анализа.

Результаты и их обсуждение

Анализ словарных дефиниций названных лексем немецкого языка показывает определенную степень их семантической близости:

Kaff, n – (abgelegene) kleine; langweilige Ortschaft; Nest (Duden); armselige, kleine, gottverlassene Ortschaft, Nest, в качестве примеров отмечены конструкции, в которых приводятся характеристики *ужасное, жалкое, где ничего не происходит* (WDG), в словарях дается также помета, что лексема имеет сниженную окраску разговорного стиля;

Einöde, f – einsame, menschenleere, meist öde und eintönig wirkende Gegend (Duden); einsame und öde Gegend, в качестве примеров приводятся следующие коллокации: *eine traurige, wüste, weite, ungeheure – печальное, опустевшее, протяженное, ужасающее* (WDG).

Итак, данные лексемы объединяют признаки отсутствия какого-либо движения, а также некая

определенная статичность существования; *Einöde* в большей степени выражает отсутствие соответствующих социальных условий, а также указывает на малолюдность либо безлюдность обозначаемой территории; *Kaff* эксплицирует признаки небольшого пространства, а также бесцельности существования в данном пространстве.

Анализ примеров из выборки ключевых лексем в фактическом материале позволил выделить ряд семантических признаков, конкретизирующих обозначенные данными лексемами понятия, и установить некоторые закономерности в их разграничении, уточнив тем самым словарные дефиниции.

Выборка показала, что ядро семантического поля понятия *Kaff* составляют следующие группы языковых единиц. Во-первых, это группа единиц, конкретизирующих пространственное расположение называемой лексемой территории, при этом конкретизация осуществляется по отношению к каким-либо более значимым объектам (крупный город, земля, провинция) – направление (*в ... км от*), локализация (*под, около*, либо называется непосредственно более крупная территория – генетивная конструкция, предлог *in*). При этом отметим, что сама лексема *Kaff* может уточняться в контексте именем собственным (ойконимом): *Die längste Zeit seiner Kindheit verbringt er in Ome-mee, einem Kaff hundert Kilometer nordöstlich der Stadt.* (Berliner Zeitung, 12.11.2005) (DWDS); *Der Rückblick auf die ebenfalls nicht ereignisarme Kindheit von Elvis in einem 800 Kilometer von Lagos entfernten Kaff wechselt so lange mit Kapiteln aus der Gegenwart, bis die Handlung in ein an Dramatik nicht mehr zu steigendes Jetzt mündet.* (Berliner Zeitung, 30.12.2004) (DWDS); *Die nächste Station hieß Pechüle, ein Kaff in der Nähe von Beelitz.* (Berliner Zeitung, 27.01.2005) (DWDS); *Aus einem kleinen Kaff bei Würzburg in Deutschland.* (Die Zeit, 09.04.2014) (DWDS); *Wer, wie der Autor dieser Zeilen, in jener Zeit in irgendeinem Kaff in der westdeutschen Provinz aufwachsen musste, saß die Freitag- und Sonnabend-nächte atemlos vor dem Radio und hörte in seinen Sendungen eine ganze Welt: eine fremde, große, verlockende Welt, die schöner und aufregender war als alles, was man kannte.* (Berliner Zeitung, 27.10.2004) (DWDS); *Aufgewachsen sind sie in einem Kaff im Ruhrgebiet.* (Berliner Zeitung, 26.09.2003) (DWDS); *Anklam war ein Kaff in der tiefsten DDR-Provinz.* (Der Tagesspiegel, 29.04.2004) (DWDS).

В некоторых случаях может быть выражен признак неопределенной удаленности посредством использования местоимения *irgendwo*: *Aufgewachsen in einer britischen Arbeiterstadt (Slash) und einem Kaff irgendwo im Mittleren Westen (Rose), sangen sie von dem, was sie kannten: von Frauen, Drogen und Gewalt.* (Die Zeit, 04.07.2017, Nr. 27) (DWDS).

Отдельно в рамках группы пространственных квалификаторов выделяется подгруппа языковых единиц, указывающих на «размер» обозначаемого пространства: *небольшое, маленькое, отсут-*

ствии на карте: *Auf keiner Karte war er verzeichnet, bei Salzburg fand sie zwar das Kaff Wallsee <...>*. (Berliner Zeitung, 31.05.2005) (DWDS); *Und er ist gerade skurril genug für das kleine Kaff in den Bergen*. (Berliner Zeitung, 20.06.2003) (DWDS); *Bevor Nina Simone am Montag in ihrem südfranzösischem Wohnort Carry-le-Rouet verstarb, hatte sie eine weite Reise zurückgelegt, die 1923 in North Carolina in einem kleinen Kaff mit dem bezeichnenden Namen Tryon (etwa: Versuchs weiter!) begann*. (Berliner Zeitung, 23.04.2003) (DWDS); *Das kleinste Kaff im DFB-Pokal ist Eichede, 600 Einwohner*. (Die Zeit, 11.08.2017) (DWDS). Косвенно на небольшую территорию указывает также количество жителей (например, 600 человек).

Во-вторых, можно выделить группу так называемых хоронимических квалификаторов, номинирующих часть страны, причем в данном случае это зарубежная территория – прилагательные (адъективы), образованные от административных хоронимов: *ein texanisches Kaff, griechisches, amerikanisches, schwedisches* (Duden).

Периферия в структуре семантического поля обозначаемого понятия включает языковые единицы, непосредственно указывающие на процессы территориальной социальной эксклюзии. В первую группу периферийных единиц включаются единицы, которые можно обозначить как дескриптивы, актуализирующие некое статичное состояние, без изменений, это место, где ничего не происходит, а также указывающие на малолюдность (безлюдность), причем данные контексты достаточно частотны: *verschlafenes, abgelegenes, besonders ödes, heruntergekommenes* (объект характеризуется как *сонный, глухой, опустевший, безлюдный, заброшенный, пришедший в упадок*): *Punxsutawney gibt es wirklich, es ist ein verschlafenes Kaff mit 6 700 Einwohnern im US-Bundesstaat Pennsylvania, zwei Autostunden nordöstlich von Pittsburgh*. (Berliner Zeitung, 02.02.200) (DWDS); *Kurz, nachdem der Eremit Hanin die Männer der Dorfgemeinschaft gesegnet hat, werden in dem verlassenen Kaff am Nilufer auch schon ein Pumpwerk, ein Krankenhaus und eine neue Schule gebaut*. (Der Tagesspiegel, 06.10.2004) (DWDS); *Logisch, dass Fin aufbrechen wird, mit kurzen Schritten auf den Gleisen schreitend, bis nach Newfoundland (!), einem abgelegenen Kaff*. (Der Tagesspiegel, 09.06.2004) (DWDS); *Sie sind in einem besonders öden Kaff gelandet*. (Der Tagesspiegel, 22.09.2003) (DWDS); *Denn hier, in einem heruntergekommenen Kaff, das, wie Dell sich später denkt, die Amerikaner längst gesprengt hätten, weil es dem Fortschrittsgedanken im Wege steht, wird Dell noch einmal in aller Unerbittlichkeit und ohne eigenes Zutun von der Kindheit in ein Erwachsenendasein hineingerissen, das vor allem eines auszeichnet: der untrennbare Zusammenhang von Handeln und Schuld*. (Die Zeit, 29.08.2012, Nr. 35) (DWDS); *Aber das ist Geschichte und das einst blühende Braddock ein heruntergekommenes Kaff*. (Die Zeit, 03.04.2014, Nr. 15) (DWDS).

Востребованной конструкцией в данной группе является *gottverlassenes Kaff* (*богом забытое*), что эмоционально еще более подчеркивает заброшенность, статичность: *Im Red Mill Saloon in Caca-huetes, einem gottverlassenen Kaff nahe der mexikanischen Grenze, herrscht tote Hose*. (Berliner Zeitung, 16.04.2005) (DWDS).

Особо интересными являются случаи противопоставления понятий *Dorf* и *Kaff*: в зафиксированных примерах отмечена положительная окраска *Dorf* и отрицательная – *Kaff*, в такого рода контекстах *Kaff* характеризуется как нечто грустное, безнадежно серое, где опять-таки ничего не происходит, по сравнению с *Dorf*: *Ob Lindenberg in ein paar Jahrzehnten ein trauriges Kaff oder ein lebendiges Dorf ist, hängt auch von ihrem Willen ab, das Schicksal des Dorfes selbst zu bestimmen*. (Die Zeit, 22.02.2017) (DWDS); *Bis dahin müssen sie in dem Dorf ausharren, das der Zahn der Zeit zu einem trostlos grauen Kaff zernagt*. (Der Tagesspiegel, 10.09.2002) (DWDS).

Вторую группу в рамках периферии составляют глаголы с семантикой социального разнонаправленного перемещения – по направлению к *Kaff* и по направлению из *Kaff*. При этом глаголы, указывающие на перемещение извне, передают определенные усилия субъекта для осуществления этого перемещения; глагольные единицы противоположно направленного перемещения указывают на возможность скрыться, спрятаться от чего-либо, уединиться, в большей степени отмечены контексты с направлением «из» (вырваться, покинуть, уехать, устойчивое выражение «вернуться спиной к ...»): *Ich war 21 und wollte weg aus Härkingen, aus diesem Dorf, das mir zum Kaff geworden war*. (Die Zeit, 16.04.2014, Nr. 17) (DWDS); *Als ich 1990 nach Berlin zog, war ich der Erste aus meinem Kaff*. (Berliner Zeitung, 02.10.2004) (DWDS); *Ohne Führerschein konnte ich von meinem Kaff nicht weg*. (Berliner Zeitung, 05.04.2003) (DWDS); *Eigentlich wollte der junge Bailey dem Kaff den Rücken kehren und die Welt bereisen*. (Die Zeit, 05.01.2017, Nr. 02) (DWDS); контексты с перемещением «в» отмечены в единичных случаях: *„Wenn ich die Schauspielerei an den Nagel hänge und mich in einem Kaff niederlasse, werfe ich meinen Hut in den Ring und kandidiere als Bürgermeister“, sagte der 59-Jährige dem Magazin „Playboy“*. (Die Zeit, 02.12.2015) (DWDS) – в данном примере подчеркивается возможность уединиться, вести другой образ жизни.

Анализ фактического материала позволил выделить группу дейктических единиц (т. е. указывающих, выделяющих, дифференцирующих посредством соотношения). В данную группу входят языковые единицы и выражения, указывающие на что-либо, имеющее непосредственное отношение к обозначаемому понятию (своего рода «атрибуты»). Как правило, это именные сочетания, либо отрицательные конструкции с *keine*: сломанный

светофор, пустая тюрьма, собственноручно выращенные томаты, счастливые свиньи, отсутствие магазинов, пивных, несколько улиц, малое количество жителей, снежный плен зимой: *Im Sommer 1992 verschlug es mich als Austauschschülerin nach Bluff City – einem Kaff mit einer Ampel (kaputt) und einer Gefängniszelle (leer)*. (Die Zeit, 18.08.2016, Nr. 35) (DWDS); *Doch die Idylle im Kaff Kloppenburg zwischen selbstgezüchteten Tomaten und glücklichen Schweinen entpuppt sich als Albtraum*. (Die Zeit, 04.07.2016) (DWDS); *Ein Kaff mit vier Straßen, keine Geschäfte, keine Dorfkneipe, gerade einmal 150 Einwohner*. (Die Zeit, 20.11.2013, Nr. 47) (DWDS); *Das Kaff ist im Winter ein „Gefängnis aus Schnee“*. (Die Zeit, 06.11.2014, Nr. 46) (DWDS), а также существительные (субстантивы), передающие общее состояние, которое рецептивно вызывает данная территория: *Trostlosigkeit* (безысходность, безнадежность), *keine Chance* (отсутствие шансов). Ср.: *Zur konkreten Erzählsituation: Emmanuel Carrère, der auch als Regisseur arbeitet, befindet sich mit einem Filmteam in Kotelnitsch, einem Kaff in Sibirien, das alle Klischees postsowjetischer Trostlosigkeit erfüllt*. (Die Zeit, 30.04.2017, Nr. 18) (DWDS); „In dem Kaff hatte ich keine Chance“. (Die Zeit, 07.03.2014, Nr. 10) (DWDS).

Особо можно выделить показательный пример, который дает характеристику понятия Kaff с точки зрения ограниченных возможностей для субъекта (это также можно считать определенными дейксимами, являющимися своего рода маркерами обозначаемой территории): *Nicht in einem Kaff, wo man die Wahl hat zwischen einer Existenz als Radiomoderator für den Frühstücksfunk („mit Dauer-Power vom Power-Tower“), als Wirt an der Würstchenbude, Kassiererin an der Grenze oder Verkäuferin bei Douglas*. (Der Tagesspiegel, 01.10.2002) (DWDS). В данном примере для субъекта в рамках Kaff возможности существования ограничиваются следующей деятельностью: радиоведущий (для завтрака), хозяин сосисочной, кассир на границе, продавец в магазине «Дуглас».

Нам также встретились случаи, когда социальная эксклюзия может быть выражена через противопоставление либо сопоставление двух объектов: города и не города (захолустья, глуши): *Die Story: Ein arroganter TV-Wettermann aus der Großstadt landet in einem Kaff in Pennsylvania, wo ihm etwas Unglaubliches wiederfährt <...>* (Die Zeit, 25.06.2015, Nr. 26) (DWDS); *Sie erzählt, Tränen in den Augen, wie sie ihre Gefühle in sich einschloss, nicht mehr vor die Tür gehen wollte, wie sie ihr schönes Mietshaus mit Garten eintauschte gegen die Sozialwohnung in dem Kaff Thorenc*. (Die Zeit, 20.02.2014, Nr. 09) (DWDS); *Derart unvorteilhaft ausgestattet, macht sich Lisa Plenske aus ihrem brandenburgischen Kaff auf, die hauptstädtische Modewelt zu erobern*. (Berliner Zeitung, 28.02.2005) (DWDS); „Als ich 1990 nach Berlin zog, war ich der Erste aus meinem Kaff“. (Berliner Zeitung, 02.10.2004) (DWDS). В примерах

отражены оппозиции «крупный город – захолустье», «красивый арендуемый дом – социальная квартира в захолустье», «брандербургское захолустье – мир столичной моды», «Берлин – захолустье (глушь)».

Зафиксированы единичные случаи, когда Kaff противопоставляется Dorf, при этом социальная эксклюзия выражается именно в рамках семантического поля Kaff: *Bis dahin müssen sie in dem Dorf ausharren, das der Zahn der Zeit zu einem trostlos grauen Kaff zernagt*. (Der Tagesspiegel, 10.09.2002) (DWDS) – в приведенном примере деревня под воздействием времени может превратиться в безнадежную глушь, захолустье; *Ob Lindenberg in ein paar Jahrzehnten ein trauriges Kaff oder ein lebendiges Dorf ist, hängt auch von ihrem Willen ab, das Schicksal des Dorfes selbst zu bestimmen*. (Die Zeit, 22.02.2017) (DWDS) – в данном примере представлена оппозиция «печальное захолустье (глушь) – полная жизни деревня».

Противопоставление Kaff и другого мира – центра, крупного города – может также выражаться косвенно, например, через оппозицию Kaff – intelligent: *Herausragend Jörg Froberger, Redakteur des Lokalblatts, zu intelligent für dieses Kaff*. (Der Tagesspiegel, 14.03.2004) (DWDS) – он был слишком образован для этой глуши (для этого захолустья).

В фактическом материале встретился единичный случай переносного употребления единицы Kaff: *Kaff oder Moloch, Heimat oder Metropole, Rückzug oder Aufbruch, so nah oder so fern – kein Land Europas wirkt so zerrissen zwischen diesen Gegensätzen wie das föderale Deutschland*. (Der Tagesspiegel, 15.03.2003) (DWDS). В данном случае признак статичности, отсутствия движения переосмысливается в забвение, замирание, остановку (по сравнению с молохом).

Что касается категории социальной инклюзии, то отмечается ее практически нулевая репрезентация. Встретился единичный случай: *Ungarn habe seit dem EU-Beitritt fast in jedem Kaff einen Springbrunnen bekommen, sagt sie*. (Die Zeit, 07.09.2017) (DWDS). В этом примере фонтаны в захолустье (глуши) выступают как некий маркер других (городских) социальных условий.

Обратимся к анализу выборки контекстов с лексемой Einöde. Семантическое поле понятия Einöde обнаруживает ряд структурных сходств с семантическим полем Kaff, однако имеет и свои особенности.

В ядре семантического поля Einöde также выделяется группа единиц, конкретизирующих пространственное расположение называемой лексемой территории, однако конкретизация имеет свою специфику, в частности, данное понятие обозначается в большинстве случаев именем собственным (ойконимом) и составляет часть какой-либо определенной области, территории: *Zeit für eine Fahrt nach Rannoch Moor, von dem Stevenson schrieb, es sei die «traurigste Einöde Schottlands»*.

(Berliner Zeitung, 11.08.2001) (DWDS); *Schon in „Breakdown“, einem Thriller in den Einöden des amerikanischen Westens, ging es hauptsächlich darum, in einer unendlich scheinenden, unwirtlichen Landschaft ein unsichtbares Labyrinth zu entwerfen, in dem sich ein Mann aus der Stadt verläuft.* (Berliner Zeitung, 14.09.2000) (DWDS); *Schnitt!“ 1975, als er in Baden-Württemberg auf dem Land in der Einöde lebt, lernt er seine heutige Frau Domenika kennen: Sie spricht ihn im Café in Biberach an der Riß an, ob er derjenige ist, den sie gerade in Paris im Kino gesehen hat.* (Berliner Zeitung, 20.08.2005) (DWDS); либо, напротив, включает в свой состав другие объекты (в частности *Dorf*): *Santa Eulalia ist ein Dorf in der Einöde Spaniens, ein Dorf ohne Zukunft und vor allem ohne heiratsfähige Frauen.* (Berliner Zeitung, 26.07.2005) (DWDS).

Встретились также случаи, когда *Einöde* обозначает часть небольшой территории внутри города (либо определенного отдаленного городского района), при этом подчеркивается запустение или отсутствие изменений: *Nach der Wende besichtigt Kertész dann den Potsdamer Platz: „Matte Vormittagssonne; eine Einöde voller Staub und Schutt, mitten in der Stadt, wo einst die Mauer war und umliegendes Gelände.* (Der Tagesspiegel, 23.11.2003) (DWDS); *Wegen der vielen Touristen, die die weltweit einmalige Einöde im Herzen einer Großstadt besichtigen wollten, machte der Kaffeausschank ein unglaubliches Geschäft, ein besseres als Irene Moessinger mit ihrem Zirkus.* (Berliner Zeitung, 20.02.2004) (DWDS). Данное значение «ничего не происходит» может подчеркиваться местоимением *такой* и сравнительным оборотом: *Was würde denn mit ihm in einer Einöde wie etwa Marzahn passieren?* (Berliner Zeitung, 05.02.2004) (DWDS). Марцан – это отдаленный район в одноименном округе Берлина.

В рамках данной группы отметим востребованность прилагательного *ländliche* (сельский, деревенский), указывающего на пространственное расположение за пределами города: *in die ländliche Einöde*; а также выражение *in den Einöden des Wilden Westens* (Дикий Запад – глухие места).

В отличие от аналогичной группы единиц в ядерной зоне семантического поля *Kaff* здесь не выделяется подгруппа языковых единиц, указывающих на «размер» обозначаемого пространства.

Группа хоронимических квалификаторов, номинирующих часть страны, представлена не частотно, причем в зафиксированных случаях данные квалификаторы номинируют преимущественно американскую или австрийскую, английскую территорию, например: *Es will New York sehen, Paris und in mutigen Momenten sogar Berlin, aber nur ungern wagt es sich, sagen wir, in die niederösterreichische Einöde, um in ihr länger zu verweilen.* (Berliner Zeitung, 21.09.1999) (DWDS); *An einem Tischchen sitzend oder hin und her rennend, erzählt er erst einmal sehr lange vom Leben in der oberösterreichischen Einöde.* (Berliner Zeitung, 23.10.2002) (DWDS); *Irgendwo in der südamerikanischen Einöde trifft er*

auf Mengele, den Totgeglaubten, der ihn fragt: „Warum schreiben Sie Ihr Buch nicht? (Berliner Zeitung, 23.09.1999) (DWDS); Charlotte Emma Aitchison, geboren 1992, wuchs in der britischen Einöde namens East Hertfordshire auf, ihre Mutter ist indischer Abstammung, ihr Vater Schotte. (Die Zeit, 16.02.2015, Nr. 6) (DWDS).

Периферия в структуре семантического поля понятия *Einöde* включает, как и в предыдущем описании, языковые единицы, непосредственно указывающие на процессы территориальной социальной эксклюзии. Первую группу периферийных единиц также составляют дескриптивы, указывающие прежде всего на безлюдность (малоллюдность), а также не затронутую цивилизацией местность. В отличие от периферии семантического поля *Kaff*, данные контексты не являются частотными: *wüstenähnliche, wüstenartige, hügelige, verschneite, graubraune, idiotische, spießige* (объект характеризуется как *похожий на пустыню, безлюдный, холмистый, заснеженный, серо-коричневый, идиотский, душный*): *Chris Heinemann Der Kinderspiegel Auf dem Weg nach Fuendetodos muss der Reisende zunächst eine wüstenähnliche Einöde durchqueren.* (Der Tagesspiegel, 12.05.2002) (DWDS); *Rings um Kargopol, will die Geste des Tourführers sagen, erstrecken sich die unermesslichen Wälder des russischen Nordens, unterbrochen von riesigen Sümpfen, tiefschwarzen Seen und wüstenartigen Einöden, selten von Siedlungen.* (Berliner Zeitung, 04.08.2001) (DWDS); *In einer hügeligen Einöde mehrere Hundert Kilometer weiter südwestlich wiederum fährt Mohammed Nasser Tra'ayra, 17 Jahre alt, an einem Sommertag 2016 zwei Kilometer ins Nachbardorf.* (Die Zeit, 24.06.2017, Nr. 26) (DWDS); *Gleichzeitig schickt Quentin Tarantino in seinem Western „The Hateful Eight“ Stars wie Kurt Russell und Samuel L. Jackson in eine verschneite Einöde.* (Die Zeit, 08.12.2015) (DWDS); *Sie haben keine Abteile, sondern Bänke entlang der Fenster, wo man sich wie in alten Straßenbahnen gegenüber sitzt und in die vorbeiziehende graubraune Einöde schaut.* (Berliner Zeitung, 11.12.2004) (DWDS); *Da sei es Aufgabe des Künstlers, „neue Konzepte zu entwerfen, um damit die im Dunkel der Gezeiten dahindämmernden Paradiese aufleuchten zu lassen“, Landschaften, deren Stille „womöglich die Angreifer in die idiotische Einöde zurückjagen wird, aus der sie hervorgekrochen sind“.* (Berliner Zeitung, 14.08.2003) (DWDS); *Im Bayreuther „Fliegenden Holländer“ etwa hat der Regisseur die gesamte Handlung als fixe Idee Sentas, als Sehnsucht einer Frau nach Pathos in einer spießigen Einöde verstanden.* (Berliner Zeitung, 12.03.2002) (DWDS).

Вторую группу в рамках периферии составляют глаголы, однако, по сравнению с аналогичной группой в семантическом поле *Kaff*, они имеют специфику, поскольку прежде всего подчеркивают незаметность существования субъекта, это, во-первых, глаголы перемещения в неизвестное место, а также обозначающие незаметные дей-

ствия, незаметное существование: *Das Mädchen, das gerade noch voller Vorfreude auf den all-inclusive-Urlaub war, sitzt verloren und auf die Mutter schimpfend neben ihrem roten Hartschalenkoffer in der Einöde.* (Berliner Zeitung, 29.05.2004) (DWDS); *Haben sie schon (ganz heimlich irgendwo in der Einöde) oder werden sie erst noch (ganz öffentlich in einem Luxus-Hotel und mit Millionen-Exklusiv-Vertrag mit RTL oder so), heiraten nämlich.* (Berliner Zeitung, 11.01.2000) (DWDS); *Denn das nur einige Dutzend Einwohner zählende Dorf in der Uckermark liegt versteckt in der Einöde.* (Der Tagesspiegel, 11.02.2004) (DWDS). Во-вторых, выделяется подгруппа глаголов с семантикой нахождения, проживания субъекта на данной территории, причем в большинстве случаев это бесцельное существование: *Der Mann lebt in der Einöde, etliche Kilometer im Abseits.* (Der Tagesspiegel, 18.04.2004) (DWDS); *Nur unwesentlich anders ergeht es FontanesEffi Briest (1894), die von ihren Eltern als Siebzehnjährige mit dem drögen, wesentlich älteren Baron von Innstetten verheiratet wird und fortan in der Einöde versauern darf.* (Die Zeit, 12.10.2017) (DWDS). В некоторых случаях данное проживание, существование субъекта здесь обусловлено внешними причинами, например, возможностью получить определенные льготы: *Schließlich gehöre er ja nicht zu jenen Siedlern, die sich nur wegen der Steuervergünstigungen, niedriger Hypothekenzinsen oder anderer staatlicher Zuwendungen in dieser Einöde niedergelassen haben.* (Berliner Zeitung, 28.01.2002) (DWDS).

В отдельных случаях отмечены глаголы разнонаправленных действий. Это глагольные единицы, выражающие направленность из данного объекта (*вытащить кого-либо, вырваться из, сбежать*): *Hol uns hier raus, es war deine Idee, Weihnachten und Silvester in dieser Einöde zu feiern.* (Berliner Zeitung, 24.12.1999) (DWDS); *Aus dieser Einöde bricht Gumbrecht aus, indem er dem „verborgenen Impuls philologischen Arbeitens nachspürt.* (Der Tagesspiegel, 22.10.2003) (DWDS); *Aber Hoffmanns (Andreas Sigrist) unbeirrbarer Wille, der ländlich-kleinbürgerlichen Einöde zu entfliehen, lässt ihn über sich hinauswachsen und gleichsam stürzen.* (Berliner Zeitung, 14.06.2002) (DWDS). В такого рода контекстах, с одной стороны, подчеркивается желание субъекта не находиться в данном объекте. С другой стороны, это глаголы, выражающие действия, побуждающие субъекта к перемещению в данный объект (*заманивать, привлекать*): *Im vergangenen Jahr hatten sich 60000 Interessierte wegen dieser Attraktion in die touristische Einöde locken lassen, in diesem Jahr werden es sicher noch mehr werden.* (Der Tagesspiegel, 21.09.2003) (DWDS); *Die Lebensart sei es, sagt Dall'Ara, die Gäste in die Einöde locke.* (Die Zeit, 10.08.2015, Nr. 30) (DWDS). Однако в данных контекстах не сам субъект выражает желание находиться здесь.

Следующая группа – это дейктические единицы. В этой группе представлены именные сочетания (адъектив + субстантив, либо субстантив +

субстантив), подчеркивающие обыкновенное, ничем не примечательное существование, характеризующие объект как малолюдное место, где ничего не происходит: мертвые дороги, солнце, вино, настоящая тишина, хлебцы, чай (аювердный, мятный), простая жизнь, одиночество, маленькая деревенская хижина, маленькие домики, долгие одинокие пыльные путешествия, пришедшие в упадок автозаправки и мотели, длинные дороги, ни души, передвижная баня. Сам объект характеризуется как выжженный солнцем, душный, самый печальный: *Die Einöde, die schnurgeraden Landstraßen, die Sonne und der Rotwein, den man an jeder Ecke kosten muss, all das legt den Verstand lahm.* (Berliner Zeitung, 25.04.2005) (DWDS); *Es sind meist Deutsche oder Holländer, die eigentlich nur übersetzen wollen, um in irgendeiner Einöde bei Knäckebrötchen und Yogitee mal echte Stille zu erleben.* (Berliner Zeitung, 29.12.2004) (DWDS); *Ob der Diktator und seine Söhne sich aber auf das einfache Leben in der Einöde umstellen können, scheint zweifelhaft.* (Berliner Zeitung, 14.04.2003) (DWDS); *Irgendwo in der Einöde, in einer kleinen Holzhütte am Seeufer, mussten wir unsere Elektronik zusammenstöpseln und eine Messstation einrichten“, erzählt Spiering.* (Berliner Zeitung, 29.03.2000) (DWDS); *Da stehen heruntergekommene Tankstellen und Motels in der Einöde, schrottreife Bohrtürme, Hafenarbeiter und Demonstrationen zeugen von einem tristen Alltag.* (Der Tagesspiegel, 21.12.2003) (DWDS); *Nur drei Jahre später gründete er in der Einöde ein eigenes Kloster; die Keimzelle einer Erneuerung klösterlichen Lebens.* (Die Zeit, 07.07.2016) (DWDS); *Voller Hochmut und Spott reisen sie vom südlichen zum nördlichen Polarkreis – und landen erst mal in der Einöde: lange Straßen, viel Wald, keine Menschenseele, lediglich eine fahrbare Ein-Personen-Sauna.* (Die Zeit, 11.03.2014, Nr. 11) (DWDS). Отметим также другие единицы и конструкции – *Minzetea, eine spießige Einöde, Einöde und Einsamkeit, traurigste Einöde, einsame und stauartige Fahrten durch die Einöde, kleine Häuser, eine sonnenverbrannte Einöde.*

Отдельное место занимают случаи, в которых социальная эксклюзия объективируется через прямое противопоставление либо сопоставление двух объектов: центра и не центра, например: «центр – глубинка (глушь, отдаленные районы)»: *Der Institutsdirektor hat Erfahrungen mit der Reise von Mitte in die Einöde.* (Berliner Zeitung, 15.03.2000) (DWDS); *Mancher Staatsgast wird vielleicht enttäuscht sein, nach dem Hauptstadt-Besuch in den Hubschrauber gesetzt und in die Einöde geflogen zu werden.* (Der Tagesspiegel, 04.03.2004) (DWDS), или «центр города – удаленный от центра район города»: *Die Institutsleitung setzt vor allem auf attraktive Arbeitsmöglichkeiten, um die Diplomstudenten im Hauptstudium Mathematik, die sich nach der Semesterpause plötzlich nicht mehr in Stadtmitte, sondern in der „Einöde“ Adlershof wiederfinden werden, von einer Abwanderung an die TU oder FU abzuhalten.* (Berliner Zeitung, 15.03.2000) (DWDS).

Лексема *Einöde* отмечена также в единичных контекстах, актуализирующих категорию социальной инклюзии. В качестве языковых средств отмечены конструкции, указывающие на наличие в рамках рассматриваемого объекта соответствующих социальных условий (инфраструктура), в частности противительные (с *nicht, sondern*): *Domis liegt nicht isoliert in der Einöde, sondern ist angebunden an die einheimische Infrastruktur.* (Die Zeit, 10.04.2014, Nr. 16) (DWDS); *Gleich neben dem renovierten Schloss, über dem eine große Staatsflagge weht, entsteht das zweite Symbol des Aufschwungs in dieser Einöde: ein Funkmast für das Handy-Netz.* (Der Tagesspiegel, 12.07.2004) (DWDS).

Отдельно выделим случаи переносного употребления лексемы *Einöde*. В выявленных примерах признаки малолюдности, статичности продолжают оставаться ведущими, но переосмысливаются и выражают уже не характеристики территории, а бесцельное, ничего не значащее существование: *Und wenn Eroberung und Behauptung zunächst mit Härte und auch Brutalität nur gelang, so kam doch bald die Zeit, in der Rom den Unterworfenen etwas zu bieten hatte, was mehr war als eine Einöde, die nur Friede genannt wurde.* (Berliner Zeitung, 18.08.2003) (DWDS); либо отсутствие развития, забвение в какой-либо сфере (кулинария, музыка, интеллектуальная сфера): *Die Rückkehr nach Deutschland muss ihr wie eine Verschleppung in eine musikalische Einöde vorgekommen sein.* (Berliner Zeitung, 11.06.2003) (DWDS); *Auch dass die Hauptstadt kulinarisch eine Einöde war, ist für Wiener eine Chance.* (Der Tagesspiegel, 20.06.2003) (DWDS); *Zumal als Prometheus, der einst den Göttern das Feuer stahl, nun aber festgekettet ist an sein eigenes Werk, in der Einöde der Bücherregale ausharren muss, ohne Speis, Trank und Schlaf, und immer wieder kommt ein Leser angeschlurft und reißt ein Stück heraus aus dem Kontext seines Œuvres.* (Die Zeit, 20.06.2015, Nr. 25) (DWDS).

Выводы

Предпринятый анализ репрезентации понятий территориальной социальной эксклюзии, обозначаемых в немецком языке лексемами *Kaff* и *Einöde* в эмпирическом материале (тексты СМИ) позволил уточнить семантику данных синонимичных единиц, выделить некоторые особенности выражения в немецком языке процессов социального исключения.

Лексемы *Kaff* и *Einöde* являются стилистически маркированными, обнаруживают определенную степень семантической близости, что отражено в их толковании в словарях.

В семантическом поле понятия, обозначаемого лексемой *Kaff*, можно выделить ядерные и периферийные зоны. Ядерную зону образуют пространственные квалификаторы, указывающие на удаленное расположение данного объекта с точки зрения более крупного объекта, направления и локализации, на небольшой «размер» объекта;

хоронимические квалификаторы, номинирующие зарубежное пространство. Периферийная зона включает дескриптивы, подчеркивающие статичность, малолюдность; глаголы социального перемещения, сопровождающегося усилиями субъекта, преимущественно по направлению из данного объекта; дейктические единицы со значением безысходности. Отмечена также оппозиция *Kaff – Stadt, Kaff – Dorf*.

В составе ядра семантического поля понятия, обозначенного лексемой *Einöde*, выделяются пространственные квалификаторы, в роли которых в большом количестве случаев выступают ойконимы или единицы, номинирующие часть какой-либо территории. Отмечен узкий круг хоронимических квалификаторов. В периферийную зону включается малочастотная группа дескриптивов, подчеркивающих отсутствие каких-либо изменений; глаголы с семантикой незаметного или бесцельного существования субъекта, дейктические единицы, также выражающие статичность, отсутствие развития, изменений. Противопоставление городу представлено преимущественно в рамках оппозиции «центр – отдаленные районы (страны, города)». Лексема *Einöde* отмечена также в контекстах, актуализирующих процессы социального включения, однако количество таких примеров незначительно.

Таким образом, сопоставительная характеристика единиц *Kaff* и *Einöde*, изучение контекстного окружения дают возможность установить дополнительные семантические признаки, актуализирующие процессы социального исключения в рамках территориального параметра:

Kaff, n – 1) пространственная удаленность по отношению к какому-либо крупному объекту; 2) относительно небольшая пространственная протяженность; 3) статичность, безысходность как ведущая характеристика данного объекта; 4) малолюдность; 5) противопоставленность городу и деревне;

Einöde, f – 1) пространственная удаленность преимущественно в рамках оппозиции «часть – целое»; 2) неактуальность квантитативных характеристик пространственной протяженности; 3) отсутствие изменений, бесцельность; 4) противопоставленность городу.

Приведенные характеристики позволяют говорить о том, что единицы *Kaff* и *Einöde* непосредственно выражают процессы территориальной социальной эксклюзии: удаленность от центра, отсутствие какого-либо движения, изменений. При этом данные процессы в большей степени объективирует лексема *Kaff*, обозначая место, которое в ряде случаев противопоставляется не только городу, но и деревне; в большинстве случаев лексема имеет отрицательную окраску. Что касается процессов социальной инклюзии, то фрагментарно они находят отражение в семантическом поле *Einöde*.

Материалы исследования

DWDS – *Korpora im DWDS. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. URL: <https://www.dwds.de/r>.

Duden – *Duden Deutsches Universalwörterbuch* / hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u.d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung v. G. Günter Drosdowski, 2. völlig neu bearb. u. stark erw. Aufl. Mannheim etc.: Dudenverlag, 1989.

WDG – *Klappenbach R., Steinitz W. (Hrsg.) / Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. 6 Bde. Berlin, 1980–1982.

Библиографический список

Azmat 2020 – *Azmat F. Social Exclusion and Social Inclusion* // Leal Filho W., Azul A., Brandli L., Lange Salvia A., Özuyar P., Wall T. (Eds.) No Poverty. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Springer, Cham, 2020. P. 1–10. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69625-6_50-1.

Boeckh 2018 – *Boeckh Jür. Migration und soziale Ausgrenzung* // Huster Eu., Boeckh J., Mogge-Grotjahn H. (Eds.) Handbuch Armut und Soziale Ausgrenzung. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2018. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-90906-6_20.

Frost, Magyar-Haas, Schoneville, Sicora 2020 – *Frost L., Magyar-Haas V., Schoneville H., Sicora A. Shame and Social Work: Theory, Reflexivity and Practice*. Bristol: University Press, Policy Press, 2020. 200 p. DOI: <https://doi.org/10.1332/policypress/9781447344063.001.0001>.

Huber, Wilbert 2012 – *Huber Ch., Wilbert J. Soziale Ausgrenzung von Schülern mit sonderpädagogischem Förderbedarf und niedrigen Schulleistungen im gemeinsamen Unterricht* // Empirische Sonderpädagogik. 2012. № 4. S. 147–165. DOI: <https://doi.org/10.25656/01:9296>.

Kallmeyer 2002 – *Kallmeyer W. Sprachliches Verfahren der sozialen Integration und Ausgrenzung* // Liebhart Karin, Menasse Elisabeth, Steinert Heinz (Hrsg.): Fremdbilder – Feindbilder – Zerrbilder. Klagenfurt: Drava, 2002. S. 153–181. URL: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/5692/file/Kallmeyer_Sprachliche_Verfahren_der_sozialen_Integration_und_Ausgrenzung_2002.pdf.

Schoneville 2020 – *Schoneville H. Poverty as an attack on subjectivity: the case of shame. A social work perspective* // E. Frost, V. Magyar-Haas, H. Schoneville & A. Sicora (Eds.) Shame and Social Work: Theory, Reflexivity and Practice. Bristol: Policy Press, 2020. P. 81–98. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv138wr9z.8>.

Григорьев 2020 – *Григорьев К.Н. Бедность и социальное исключение* // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 3. С. 52–56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42935065>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hdybgu>.

Дмитриева 2012 – *Дмитриева А.В. Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества* // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 98–114. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=469&l=&ysclid=lmgbovuy3y158202953.

Лапина 2017 – *Лапина Л.Г. Понятие инклюзии в немецком общественном дискурсе* // Социо- и психолингвистические исследования. 2017. № 5. С. 89–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-inklyuzii-v-nemetskom-obschestvennom-diskurse>.

Хухлина 2011 – *Хухлина В.В. Социальное исключение: проблемы и пути их решения* // Социальная педагогика. 2011. № 6. С. 15–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-isklyuchenie-problemy-i-puti-ih-resheniya-1?ysclid=lmgbx7k5d3934732134>; <https://narodnoe.org/journals/socialnaya-pedagogika/2011-6/socialnoe-isklyuchenie-problemy-i-puti-ih-resheniya?ysclid=lmgbxk0rbr577927571>.

Шамне, Милованова, Терентьева 2017 – *Шамне Н.Л., Милованова М.В., Терентьева Е.В. Социолнговистические и лингводидактические аспекты изучения проблемы миграции: монография*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 130 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30497485>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zrjufx>.

Шмидт 2004 – *Шмидт В.Р. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии* // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2, № 4. С. 547–566. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3780>.

References

Azmat 2020 – *Azmat F. (2020) Social Exclusion and Social Inclusion*. In: Leal Filho W., Azul A., Brandli L., Lange Salvia A., Özuyar P., Wall T. (Eds.) No Poverty. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Springer, Cham, pp. 1–10. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69625-6_50-1.

Boeckh 2018 – *Boeckh Jür. (2018) Migration und soziale Ausgrenzung* // Huster Eu., Boeckh J., Mogge-Grotjahn H. (Eds.) Handbuch Armut und Soziale Ausgrenzung. VS Verlag für Sozialwissenschaften. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-90906-6_20.

Frost, Magyar-Haas, Schoneville, Sicora 2020 – *Frost L., Magyar-Haas V., Schoneville H., Sicora A. (2020) Shame and Social Work: Theory, Reflexivity and Practice. Bristol: University Press, Policy Press, 200 p. DOI: <https://doi.org/10.1332/policypress/9781447344063.001.0001>.*

Huber, Wilbert 2012 – *Huber Ch., Wilbert J. (2012) Soziale Ausgrenzung von Schülern mit sonderpädagogischem Förderbedarf und niedrigen Schulleistungen im gemeinsamen Unterricht. Empirische Sonderpädagogik, no. 4, S. 147–165. DOI: <https://doi.org/10.25656/01:9296>.*

Kallmeyer 2002 – *Kallmeyer W. (2002) Sprachliches Verfahren der sozialen Integration und Ausgrenzung. In: Liebhart, Karin/Menasse, Elisabeth/Steinert, Heinz (Hrsg.): Fremdbilder – Feindbilder – Zerrbilder. Klagenfurt: Drava, S. 153–181. Available at: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/5692/file/Kallmeyer_Sprachliche_Verfahren_der_sozialen_Integration_und_Ausgrenzung_2002.pdf.*

Schoneville 2018 – *Schoneville H. (2018) Poverty as an attack on subjectivity: the case of shame. A social work perspective. In: E. Frost, V. Magyar-Haas, H. Schoneville & A. Sicora (Eds.) Shame and Social Work: Theory, Reflexivity and Practice. Bristol: Policy Press, pp. 81–98. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv138wr9z.8>.*

Grigorev 2020 – *Grigorev K.N. (2020) Poverty and social exclusion. Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research, no. 3, pp. 52–56. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42935065>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hdybgu>. (In Russ.)*

Dmitrieva 2012 – *Dmitrieva A.V. (2012) Social inclusion/exclusion as modern society structuration principle. Sociological Journal, no. 2, pp. 98–114. Available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=469&l=&ysclid=lmgbovuy3y158202953. (In Russ.)*

Lapina 2017 – *Lapina L.G. (2017) The concept of inclusion in German social discourse. Socio-Psycho Linguistic Research, no. 5, pp. 89–92. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-inklyuzii-v-nemetskom-obschestvennom-diskurse>. (In Russ.)*

Huhlina 2011 – *Huhlina V.V. (2011) Social exclusion: problems and solutions. Sotsial'naya pedagogika, no. 6, pp. 15–29. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-isklyuchenie-problemy-i-puti-ih-resheniya-1>; <https://narodnoe.org/journals/socialnaya-pedagogika/2011-6/socialnoe-isklyuchenie-problemi-i-puti-ih-resheniya?ysclid=lmgbxk0rbr577927571>. (In Russ.)*

Shamne, Milovanova, Terentyeva 2017 – *Shamne N.L., Milovanova M.V., Terentyeva E.V. (2017) Sociolinguistic and linguodidactic aspects of studying the problem of migration: monograph. Volgograd: Izd-vo VolGU, 130 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30497485>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zrjufx>. (In Russ.)*

Schmidt 2004 – *Schmidt V.R. (2004) Interdisciplinary approach to the issue of social exclusion. The Journal of Social Policy Studies, vol. 2, no. 4, pp. 547–566. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3780>. (In Russ.)*

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81

Дата поступления: 24.05.2023
рецензирования: 26.06.2023
принятия: 25.08.2023

Словообразовательные особенности лексики высокого стиля в лирике И.А. Бродского и А.А. Тарковского

Л.Б. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8432-1164>

Т.В. Дмитриева

Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: tukmakovatatyana@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-1588>

Аннотация: В статье рассматриваются словообразовательные особенности лексики высокого стиля на материале поэзии И.А. Бродского и А.А. Тарковского. Показаны преемственность поэтического языка И.А. Бродского и А.А. Тарковского с наследием А.С. Пушкина и связь лексических ресурсов, используемых этими поэтами, с корпусом славянизмов в русском литературном языке. Прослеживается продуктивность книжного словообразовательного типа отыменных и отадективных имен со значением отвлеченного признака с суффиксами *-ость/- есть, -ство/-ество*, лексических апофатизмов, образованных приставочно-суффиксальным способом с приставками *без-* и *не-*; продуктивность отглагольных существительных книжно-поэтического характера с суффиксами *-ениј/-ниј-*, отглагольных производных имен существительных с суффиксом *-тель*; активное использование поэтами причастных форм. Сделан вывод об общности в репрезентации стилевого синтеза И.А. Бродским и А.А. Тарковским. Наряду с широко представленной книжной лексикой в их поэзии находит отражение общеупотребительная и экспрессивная лексика разговорного стиля. Стилевой синтез свидетельствует о синкретизме авторского восприятия действительности: субъективный опыт сочетается с коллективным, ценностным началом.

Ключевые слова: словообразовательный тип; регулярные дериваты; высокий стиль; славянизмы; разговорный стиль.

Цитирование. Карпенко Л.Б., Дмитриева Т.В. Словообразовательные особенности лексики высокого стиля в лирике И.А. Бродского и А.А. Тарковского // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 114–120. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-114-120>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Карпенко Л.Б., Дмитриева Т.В., 2023

Людмила Борисовна Карпенко – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Татьяна Валерьевна Дмитриева – преподаватель кафедры факультета среднего профессионального и предпрофессионального образования, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 24.05.2023
Revised: 26.06.2023
Accepted: 25.08.2023

Derivational peculiarities of the high style vocabulary in the lyrics of I.A. Brodsky and A.A. Tarkovsky

L.B. Karpenko

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8432-1164>

T.V. Dmitrieva

Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation
E-mail: tukmakovatatyana@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-1588>

Abstract: The article is devoted to the word-formation features of high style vocabulary on the material of I.A. Brodsky's and A.A. Tarkovsky poetry. The author shows the continuity of the poetic language of Brodsky and Tarkovsky with the heritage of Pushkin, and links lexical resources used by these poets with the corpus of Slavic words in the Russian literary language. The productivity of book word-formation type of nominative and objectifical names with abstract feature with suffixes *-ость/- есть, -ство/-ество*, lexical apophathisms, formed by prefix-suffixal method with prefixes *без-* and

не-; the productivity of book-poetic verbal nouns with suffixes --енил-/нил-, verbal derivatives of nouns with the suffix -тель; poets' active use of participial forms. The conclusion is made about the commonality in the representation of stylistic synthesis by I.A. Brodsky and A.A. Tarkovsky. Along with the widely represented book vocabulary, their poetry reflects common and expressive vocabulary of colloquial style. Style synthesis testifies to the syncretism of the author's perception of reality: subjective experience is combined with collective, value beginning.

Key words: word-formation type; regular derivatives; high style; Church Slavonicisms; colloquial style.

Citation. Karpenko L.B., Dmitrieva T.V. Derivational peculiarities of the high style vocabulary in the lyrics of I.A. Brodsky and A.A. Tarkovsky. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 114–120. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-114-120>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Karpenko L.B., Dmitrieva T.V., 2023

Ludmila B. Karpenko – Doctor of Philology, professor, Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Tatiana V. Dmitrieva – lecturer at the Department of the Faculty of Secondary Vocational and Pre-Vocational Education, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Лирика двух выдающихся мастеров поэтического слова XX века – И.А. Бродского и А.А. Тарковского – это высокая поэзия «далних городов» и «пасхального звона». Разные в своих судьбах, А.А. Тарковский, прошедший сквозь войну, защищая Советский Союз, и И.А. Бродский, покинувший его и ставший двуязычным автором и представителем двух культур, были в главном близки по мироощущению – по отношению к России, русскому языку, жизни и творчеству. Для Арсения Тарковского: «Россия – дом, земля и мать!» (Тарковский, 1991, т. 1, с. 114). И И.А. Бродский писал издав: «независимо от того, каким образом ты его покидаешь, дом не перестает быть родным... Россия – это мой дом, я прожил в нем всю свою жизнь, и всем, что имею за душой, я обязан ей и ее народу. И – главное – ее языку» (Бродский 2003, с. 63). В творчестве этих двух великих российских поэтов XX столетия высокие смыслы о безграничности и вечности мира и мимолетности человеческой жизни нашли выражение в высоком слове русского языка. Они выражены в близких для философских стихов образах жизни, света, смерти и прорастания в новую жизнь. Например, в стихотворении «Дума» А.А. Тарковского: «Все на земле живет порукой круговой, / И если за меня покоя веков боролась / Листва древесная – / я должен стать листвою, / И каждому зерну подать я должен голос. / Созвездье, и земля, и человек, и птица. / А кто служил добру, летит вниз головой / В их омут царственный / и смерти не боится (Тарковский 1991, т. 1, с. 366). И тот же мотив прорастания у И.А. Бродского: «Как легко нам дышать, / оттого, что, подобно растению, / в чьей-то жизни чуждой / мы становимся светом и тенью / или больше того – / оттого, что мы все теряем, / отбегая навек, мы становимся смертью и раем» (Бродский 2020, с. 14).

Оба поэта были духовными и творческими наследниками Анны Ахматовой, восприняли ее творческий принцип, открывающий магию стихов, «растущих из сора», и работали со словесным материалом, используя все возможные выразительные средства русского языка. И.А. Бродский в

Нобелевской лекции признается: «Стихи, по слову Ахматовой, действительно растут из сора; корни прозы не более благородны» (Бродский 2001, с. 6).

Разная в жанровом отношении, поэзия двух авторов имеет много общего, главное – это синкретичный стиль языка. Цель данной статьи – показать особенности словообразования лексики высокого стиля в поэзии А.А. Тарковского и И.А. Бродского. Для достижения данной цели из поэтических произведений двух авторов были извлечены и сопоставлены регулярные словообразовательные дериваты, репрезентирующие особенности высокого стиля лирики поэтов. Использование лексики высокого стиля в поэзии И. Бродского будет показано на примере стихов разных циклов семитомного собрания сочинений 2001–2003 гг., в том числе его ранней поэмы «Шествие». Особенности лексики высокого стиля в поэзии А.А. Тарковского рассматриваются на примере стихов трехтомного собрания сочинений 1991 г.

Актуальность исследования продиктована возросшим интересом лингвистов к стилистическим возможностям словообразования и их реализации в разных сферах, в частности в рамках поэтического высказывания.

Ресурсы высокого стиля в поэзии И.А. Бродского и А.А. Тарковского

Понятие о высоком стиле

Высокое назначение классической русской поэзии, состоящее в гармонизации духовной жизни человека, всегда отвечало идеалам христианства. Преемственно от первого славянского поэтического слова «Азбучной молитвы» святого Кирилла, от древнерусского «Слова о полку Игореве» до поэтического наследия XVIII, XIX и XX веков русская поэзия в своих основных произведениях – это словесность высоких смыслов, требующих средств высокого стиля. На протяжении всего исторического пути русского литературного языка (XI–XX вв.) основным ресурсом высокого стиля (высокого регистра) служила и продолжает сегодня служить лексика славянская, восходящая к евангельской традиции, которая воспринималась восточными славянами как наследие традиции [Лихачев 2000, с. 729–730]. Отвлеченная лексика

старославянского происхождения или образованная по моделям старославянского словообразования составляет основу христианской книжности и в связи с этим имеет определяющее значение для формирования современного русского литературного языка [Карпенко 2016].

М.В. Ломоносов в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» показал, что высокий стиль русской литературной речи находится в прямой связи со славянизмами (Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке [Ломоносов 1959, т. 1, с. 5–6]. В закреплении славянизмов в русском литературном языке сыграли свою роль классики русской литературы. Как выразительное средство высокого стиля славянизмы используются в одах самого М.В. Ломоносова (*В пещеру скрыл свирепство зверь / Небесная отверзлась дверь, / Над войском облак вдруг развился, / Блеснул горящим вдруг лицем...* – Ода на память Анны Иоанновны на взятие Хотина 1739 г. [Ломоносов 1959, с. 21–22]).

М.В. Ломоносов и другие предшественники А.С. Пушкина – Г.К. Державин, В.Г. Тепляков, В.А. Жуковский – использовали славянизмы целенаправленно в текстах торжественного слога. Задача гармоничного соединения лексики высокого стиля с общенародной лексикой была решена в творчестве А.С. Пушкина. Ему, глубоко чувствовавшему связь русского языка с церковнославянским, принадлежит ведущая роль в насыщении литературного языка славянизмами, поэтому академик В.В. Виноградов и показал его роль как родоначальника современного русского литературного языка. А.С. Пушкин заботился о единстве славяно-русского языка, в 1825 году он писал: «Как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива» (Пушкин 1998, т. 7). А.С. Пушкин использует славянизмы как средства выражения высоких эмоций, для него церковнославянская лексика обладает высоким значением. Не только стихи, насыщенные библейской символикой, такие как «Пророк», но и светский роман «Евгений Онегин», начиная от предисловия, наполняется славянизмами разных грамматических разрядов, передающих духовную заряженность и высокую экспрессивность. В языке А.С. Пушкина славянизмы нередко образуют цельные по смыслу словосочетания и выражения: *благословить судьбу, внимлите мой печальный глас, во дни веселий и желаний, день грядущий, златые дни, жертва заблуждений, младое вдохновенье, младые дни, на жизненных браздах, предупредить восход, судьба хранила, судьбы закон, таить надежду* и т. д. А.С. Пушкиным, а затем и его последователями – М.Ю. Лермонтовым, Е.А. Баратынским, Ф.И. Тютчевым, И.Ф. Анненским – славянизмы были закреплены за высоким стилем для выражения ценностных смыслов.

Особенности использования деривационных моделей в поэзии И. Бродского

Заметной особенностью поэтического языка И.А. Бродского является очевидное доминирование субстантивов. Имена существительные в целом явно преобладают над глагольной лексикой в его поэтических произведениях, в среднем имена существительные используются И.А. Бродским в 37 % от всех словоупотреблений в тексте, а в отдельных фрагментах поэтического текста этот показатель приближается к 60 %, как, например, в начальных строфах стихотворения «24 декабря 1971 года»:

В Рождество все немного волхвы.
 В продовольственных слякоть и давка.
 Из-за банки кофейной халвы
 Производит осаду прилавка
 грудой свертков навьюченный люд:
 каждый сам себе царь и верблюд.
 Сетки, сумки, авоськи, кульки.
 шапки, галстуки, сбитые набок.
 Запах водки, хвои и трески.
 мандаринов, корицы и яблок.
 Хаос лиц, и не видно тропы
 В Вифлеем из-за снежной крупы.
 (Бродский 2020, с. 208)

Здесь на 55 слов текста употреблено 31 имя существительное, что составляет 56,36 % от всех словоупотреблений, и лишь один глагол и два причастия. Подчеркнутое активное использование субстантивов как имен предметов окружающего мира характерно для всего творчества И.А. Бродского. Субстантивная лексика позволяет поэту очертить, рассмотреть и критически оценить мир, показать ничтожность вещного мира и привязанность к нему людей, как в романсе Дон Кихота из поэмы «Шествие»:

Копье мое, копье мое, копье,
 оружие, имущество мое,
 могущество мое таится в нем,
 я странствую по-прежнему с копьем,
 как хорошо сегодня нам вдвоем.
 (Бродский 2001, с. 87)

Другой лексико-словообразовательной особенностью лирики И.А. Бродского считаем насыщение ее славянизмами. В этом отношении его стиль сближается с языком А.С. Пушкина. И.А. Бродский, особенно в молодые годы, всемерно демонстрировал свою связь с Пушкиным. Литературоведами отмечено, что подчеркнуто «пушкинский текст» он создает в одном из своих ранних произведений – поэме «Шествие» (Гордин 1993, с. 6).

Читатель мой, сентябрь миновал,
 И я все больше чувствую провал
 Меж временем, что движется бегом,
 Меж временем – и собственным стихом...
 (Бродский 2001, с. 101)

В осенние недели в октябре –...
 Люблю тебя, рассветная пора,

И облаков стремительную рваность
 Над непокрытой влажной головой,
 И молчаливость окон над Невой,
 Где все вода вдоль набережных мчится
 И вновь не происходит ничего,
 И далеко, мне кажется, вершится
 Мой Страшный суд, суд сердца моего.
 (Бродский 2001, с. 119)

Здесь есть много общего и в переданном настроении (доверительная интонация в разговоре с читателем, напряженное осмысление нравственного пути, переживание быстротечности времени и любование осенью), и в языке тоже. К часто употребительным словам в лирике И.А. Бродского относятся и первообразные непроемные славянизмы типа *время, душа, истина, крест, любовь, мрак*, но в словообразовательном плане интерес представляет производная лексика. В этом отношении отмечаем широкое использование производных лексем самых разных старославянских способов словообразования и моделей. Если иметь в виду поэму «Шествие», весьма показательное использование в ней древнего славянизма *шествие* с суффиксом *-ствиј-* в названии поэмы. Уже в языке старославянских памятников лексема гнезда *-шьствие* связаны с семантикой божественного или нравственного пути перехода в область божественного духа. Мотив осмысления нравственного начала жизненного пути разными персонажами поэмы связан с лексемой *шествие* и в поэме И.А. Бродского.

Продуктивны отглагольные существительные книжно-поэтического характера с суффиксом *-ниј-*: *дыхание, забывание, пение, повествование, прощание, расставание, страдание, сострадание*; с суффиксом *-ениј-* *возвращение, волнение, искушение, озарение*; с суффиксом *-тиј-*: *занятие, зачатие*.

Широко употребительны в лирике И.А. Бродского отыменные и отглагольные производные существительные с суффиксами *-ств/-еств-*: *бегство, богатство, воровство, детство, довольство, имущество, могущество, мужество, отечество, пространство, рабство, равенство, родство, рождество, соседство, средство, убийство, чувство* и др.

В корпусе имен существительных И.А. Бродского также прослеживается тенденция продуктивности книжного словообразовательного типа с мотивирующей основой именем прилагательным со значением отвлеченного признака: *бренность, вечность, выпуклость, гладкость, искренность, медлительность, молчаливость, новость, одиночество, радость, рваность, старость, торопливость, усталость, честность* и др.

И.А. Бродский активно использует и т. н. апофатизмы, также являющиеся наследием славянской книжной традиции, среди них отадъективные производные с суффиксом *-ость*, образованные от приставочных имен прилагательных с префик-

сами не- и без-: *небрежность, недоверчивость, нежданность, неподвижность, непорочность, неспешность, безнадежность*. Другую модель апофатических имен представляют отсубстантивные производные, образованные способом конфикации – добавлением к производящей именной основе конфика без- ...-иј-: *безмолвие, бессмертие*. В содержательном отношении они характеризуются общим семантическим признаком «отсутствия того, что названо производящей основой». Названные языковые единицы способствуют передаче метафизических размышлений автора. Например: «*Бессмертия у смерти не прошу. // Испуганный, возлюбленный и нищий, – // но с каждым днем я прожитым дышу // уверенней и сладостней и чище...*» (Бродский 2020, с. 60). Частотность подобных дериватов обусловлена философской направленностью лирики И.А. Бродского. Названные лексемы оттеняют глубину философских размышлений поэта, создают нужный в контексте контраст, придают тексту торжественность.

Менее характерны для поэтического языка И.А. Бродского, чем рассмотренные выше, именные образования иных моделей: существительные с суффиксом *-от-*: *дурнота, пестрота, правота, пустота, темнота*; существительные с суффиксом *-тель-*: *завоеватель, любитель, приятель, читатель* (по данной модели образованы и некоторые окказионализмы: *завыватель, забыватель*); прилагательные с суффиксом *-тельный*: *желательный, нежелательный* и др.

В стихотворениях И.А. Бродского наблюдается высокая активность и таких книжных форм славянского происхождения, как причастия. Распространены действительные причастия настоящего времени – *нарастающий, настагающих, уходящий* и т. д. Действительные причастия прошедшего времени – *возникавший, изучавший, поредевший, промелькнувший, смешавшийся, схвативший, упавший*. Активно употребляются страдательные причастия прошедшего времени – *заржавленный, затерянный, испуганный, неузнанный, оставленный, разединенный* и др., менее употребительны страдательные причастия настоящего времени.

Однако одними славянизмами, естественно, не исчерпывается лексика И.А. Бродского. Во многом, очевидно, благодаря следованию ахматовскому эстетическому принципу, особенностью его поэтического стиля является творческая раскрепощенность, свобода живущего в стихах мира и свобода языка. У И.А. Бродского эстетически сочетаются: *окно, разрезанное море, в кустах аэро-стат, тупфли, устрицы, о камень порванный чулок и... кто-то бродит в темноте по пляжу*. Яркий стилистический ресурс в его стихах – разговорные и просторечные оценочные лексемы: «*Говоришь, что все наместники – ворюги?*» (Бродский 2020, с. 213). Или: «*Поодаль // два скованных между собой раба, // собравшиеся, видно, искупаться, // смеясь друг другу помогают снять // своетряпье*» (Бродский 2020, с. 190). Отглагольные агентивы

встречаются со стилистически нейтральными суффиксами -ец/-лец/-снец-: *пловец, певец, мертвец, иностранец*. Употребительны и сниженные агентивы, которые в контексте сочетаются с нейтральными лексемами и выполняют оценочную функцию. Например: «*Ты и сам сирота, // отщепенец, стержец, вне закона*» (Бродский 2020, с. 40).

Так, следуя ахматовскому принципу, поэт активно использует словообразовательные средства разговорной речи для усиления оценочности текста. Но стиль его неоднозначен и неприземлен. Оттененная лексикой сниженного стиля, которую поэт черпает из народной речи, сленга, жаргона, в его стихах мощно звучит слово высокого регистра. О стиле И.А. Бродского очень точно литературовед Я. Гордин написал: «...в очередной раз в русской культуре, в русском языке поэт очень многое соединил. Просто он осуществил тот же принцип, которым пользовались и Пушкин, и Пастернак, – введение новых пластов на новом уровне» [Гордин 1990, с. 215; Гордин 1993].

Свободная и открытая ресурсным возможностям русского языка лирика И.А. Бродского ориентирована на создание живых, достоверных образов, а потому на поиск новых возможностей. В его стихах высокая лексика используется как средство создания философской глубины текста, стилистических эффектов эстетизации, торжественности, символичности.

Особенности использования деривационных моделей в поэзии А.А. Тарковского

При определенном сходстве стилей, общей устремленности к лирике философского склада, в поэтических мирах рассматриваемых авторов есть и определенные черты своеобразия, которые непосредственно отражаются в языке каждого поэта, в частности на лексико-словообразовательном уровне. Если лирический герой И.А. Бродского живет в сотворенном мире, наделенном именами, то герой А.А. Тарковского еще творит свой мир, он еще «плетет корзину» и говорит в стихотворении «Когда вступают в спор природа и словарь...»: «Но миру своему я не дарил имен...» (Тарковский, 1991, т. 1, с. 286). Отсюда пространство стихов А.А. Тарковского менее предметно, оно более процессуально, наполнено снами, тенями, реминисценциями, символическими фигурами; мир в его стихах не имеет окончательной завершенности, оформленности. Показательно в этом смысле начало стихотворения «И это снилось мне, и это снится мне...»:

И это снилось мне, и это снится мне,
 И это мне еще когда-нибудь приснится,
 И повторится все, и все довыплотится.
 И вам приснится все, что видел я во сне...
 (Тарковский, 1991, т. 1, с. 324)

Здесь в первой строфе не употреблено ни одно имя существительное, а в целом существительные в этом стихе составляют 28,97 % от всех словоупотреблений. В стихах А.А. Тарковского преоб-

ладает не субстантивная лексика, а глагольная. В его поэмах «Чудо со щеглом» (Тарковский 1991, т. 2, с. 12–24) и «Слепой» (Тарковский 1991, т. 2, с. 7–11) среди 1948 слов существительных употреблено 614, т. е. 31,52 %, а глаголов – 725, т. е. 37,22 %.

В корпусе имен существительных А.А. Тарковского так же, как у И.А. Бродского, наблюдается продуктивность отглагольных дериватов книжного характера, отражающих модели славянизмов (*воздаяние, воспоминание, дыхание, изгнание, объяснение, озарение, оцепенение, предсказание, прощание, пылание, сияние, трепетание, уединение, упование*); использование абстрактных существительных с суффиксом -ость (*близость, верность, возможность, милость, старость* и под.), которые характеризуются принадлежностью к высокому стилю, реже они стилистически нейтральны или разговорного характера (*грубость, малость*). Продуктивностью характеризуются славянизмы с суффиксом -ств/-еств: *блаженство, божество, государство, детство, младенчество, наследство, одиночество, пиршество, постоянство, пространство, родство, торжество, убранство, упрощение, юношество* и под.

Отмечены также производные существительные и глаголы, образованные сложением основ (*боготворить, благословить, самосожжение, небосвод, мироздание*).

У А.А.Тарковского есть свои излюбленные модели, так, весьма часто он использует менее характерные для поэзии И.А. Бродского отадъективные отвлеченные существительные, образованные с суффиксом -ота: *высота, глухота, нагота, немота, правота, пустота, слепота, темнота, теснота, чернота*:

Дано и вам, мою цикуту пьющим,
 Пригубить **немоту** и **глухоту**...
 Я плоть от вашей плоти, **высота**...

(Тарковский, 1991, т. 1, с. 82)

В составе глагольной лексики в лирике А.А.Тарковского заметно использование производных, образованных по древнеславянским моделям с использованием префиксов воз-, из-, пре-, пред-: *возвести, воздать, воззвать, воскликнуть, возлагать, восходить, восстановить; изречь; превозмочь, перевозносить, превращать, прельщать, пренебречь, преобразить; предвещать, предпочесть, предсказать, предстать* и под.

Подобно корпусу дериватов лирики И.А. Бродского у А.А. Тарковского наблюдаем продуктивность книжных глагольных форм – причастий действительного и страдательного залога настоящего времени, страдательных причастий прошедшего времени (*ниспадающий, гонимый, заплаканный, возвращенный, окрыленная, отнятая*).

В палитре выразительных средств А. Тарковского так же, как у И.А. Бродского, наряду с пастьельными славянизмами *благословение, благословенный свет, желанья, млечный пар, надежда,*

спасенье и под., играют пестрыми красками просторечные и разговорные слова: *бельма, буркалы, зенки, житьишко, неряха, подземка*. Элементы разных стилей могут сочетаться в пределах одного контекста с целью обозначить своеобразие восприятия лирического субъекта: «*Когда б на роду мне написано было // Лежать в колыбели богов, // Меня бы небесная мамка вспоила // Святым молоком облаков*» (Тарковский, 1991, т. 1, с. 70). Или с целью подчеркнуть особенности номинации образа, который строится на антонимии земного и небесного: «*Привкус меди, смерти, тлена // У него на языке, // Будто царь царей из плена // К небесам воззвал в тоске. // На полу лежит в теплушке // Без подушки, без пальто // Побирюшка без полушки, // Странник, беженец, никто*» (Тарковский, 1991, т. 1, с. 123).

Доминирование элементов высокого стиля в лирике А.А. Тарковского объясняется философской направленностью его поэзии, поиском своего места, желанием обрести точку опоры. Преобладание глагольной лексики подтверждает мысль о незавершенности мира лирического субъекта, его стремлением расти в духовном плане и обрести истину.

Заключение

В статье в обобщенной форме прослежены словообразовательные ресурсы лирики И.А. Бродского и А.А. Тарковского. Установлено, что регулярные дериваты демонстрируют общность в репрезентации стилевого синтеза. Вместе с этим наблюдаются и заметные различия в использовании лексико-словообразовательных средств. Заметной особенностью поэтического языка И.А. Бродского является очевидное доминирование субстантивов. Имена существительные в целом явно преобладают над глагольной лексикой в его поэтических произведениях. Широко представлены в его лирике производные имена существительные, восходящие к старославянским образцам или образованные по старославянским моделям. Такими древними образованиями являются отглагольные существительные с суффиксом *-ниј-*: *дыхание, пение, страдание*; с суффиксом *-ениј-*: *возвращение, волнение, искушение*; с суффиксом *-тиј-*: *зачатие*; отыменные и отглагольные производные существительные с

суффиксами *-ств/-еств-*: *мужество, отечество, пространство, родство, рождество, убийство, чувство* и др.; отадъективных производных с суффиксом *-ость* со значением отвлеченного признака: *радость, старость* и др. И.А. Бродский активно использует и т. н. апофатизмы, также являющиеся наследием славянской книжной традиции, среди них отадъективные производные с суффиксом *-ость*, образованные от приставочных имен прилагательных с префиксами *не-* и *без-*: *небрежность, недоверчивость, нежданность, неподвижность, непорочность, неспешность, безнадежность*.

В стихах А.А. Тарковского преобладает не субстантивная лексика, а глагольная. В составе глагольной лексики в лирике А.А. Тарковского заметно использование производных, образованных по древнеславянским моделям с использованием префиксов *воз-, из-, пре-, пред-*: *возвести, воздать, воззвать, воскликнуть, возлагать, восходить, восстановить; изречь; превозмочь, превозносить, превращать, прельщать, пренебречь, преобразить; предвещать, предпочесть, предсказать, предстать* и под.

Высокая продуктивность причастий в поэтических текстах А.А. Тарковского также объясняется тяготением к использованию книжной лексики высокого регистра.

В корпусе имен существительных у А.А. Тарковского так же, как у И.А. Бродского, наблюдается продуктивность отглагольных дериватов книжного характера, отражающих модели славянизмов с суффиксом *-ниј/-ениј*, с суффиксом *-ость*. Продуктивностью характеризуются славянизмы с суффиксом *-ство/-еств-*: *блаженство, божество, государство, детство, младенчество, пространство, родство, торжество, юношество* и под. Для лирики А.А. Тарковского характерно использование отадъективных отвлеченных существительных с суффиксом *-ота*: *высота, глухота, нагота, немота, правота, пустота, слепота, темнота, теснота, чернота*. Характеризующаяся спецификой отбора языковых средств, поэзия И.А. Бродского и А.А. Тарковского имеет много общего, главное – это синкретичный стиль языка, для которого характерно активное использование лексики высокого регистра.

Материалы исследования

Бродский 2001 – *Бродский И.А.* Собрание сочинений Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001. 304 с. URL: <https://www.rulit.me/series/sochineniya-iosifa-brodskogo-v-7-tomah/1-sochineniya-iosifa-brodskogo-v-7-tomah-t-1-download-350421.html>.

Бродский 2003 – *Бродский И.А.* Собрание сочинений Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 7. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2003. 342 с. URL: https://vk.com/wall-29094228_51129?ysclid=llnahd9m66921151085.

Бродский 2020 – *Бродский И.А.* Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2020. 880 с. URL: https://vk.com/wall-74939051_74?ysclid=lloowu9gpb972682972.

Пушкин 1998 – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Москва, 1998.

Тарковский 1991 – *Тарковский А.А.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения / сост. Т. Озерская-Тарковская. Москва: Худож. лит., 1991. 462 с. URL: http://imwerden.de/pdf/tarkovsky_sobranie_sochineny_tom1_1991_text.pdf?ysclid=llor6w8ebz270642479.

Тарковский 1991 – *Тарковский А.А.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Стихотворения / сост. Т. Озерская-Тарковская. Москва: Худож. лит., 1991. 272 с. URL: http://imwerden.de/pdf/tarkovsky_sobranie_sochineny_tom2_1991_text.pdf?ysclid=llorbarwdu122183555.

Библиографический список

Гордин 1993 – *Гордин Я.* Странник // Иосиф Бродский. Избранное. Москва; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1993. С. 5–18. URL: http://rulibs.com/ru_zar/sci_linguistic/gordin/0/j23.html?ysclid=llor5t6g5f942293136.

Гордин 1990 – *Гордин Я.* Другой Бродский // Иосиф Бродский. Размером подлинника / сост. Г.Ф. Комаров. Ленинград; Таллинн, 1990. С. 215–222.

Карпенко 2016 – *Карпенко Л.Б.* Славянизмы в русском языке как отражение книжной традиции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 224–229. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanizmy-v-russkom-yazyke-kak-otrazhenie-knizhnoy-traditsii/viewer>.

Лихачев 2000 – *Лихачев Д.С.* Обращение к «своей античности» // Из истории русской культуры. Москва: Изд-во Языки русской культуры, 2000. Т. I. С. 725–731. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/obrash_k_svoey_ant.pdf.

Ломоносов 1959 – *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг. Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1959. 1288 с. URL: <https://djvu.online/file/coMRBK5nz32jG?ysclid=llorqzil2u53550066>.

References

Gordin 1993 – *Gordin Ya.* (1993) Wanderer. In: *Iosif Brodsky. Selected writings*. Moscow; Paris; New York: Tret'ya volna, pp. 5–18. Available at: http://rulibs.com/ru_zar/sci_linguistic/gordin/0/j23.html?ysclid=llor5t6g5f942293136. (In Russ.)

Gordin 1990 – *Gordin Ya.* (1990) Another Brodsky. In: *Iosif Brodsky. The size of the original*. Compiler Komarov G.F. Leningrad; Tallinn, pp. 215–222. (In Russ.)

Karpenko 2016 – *Karpenko L.B.* (2016) Church slavonicisms in the Russian language as a reflection of book tradition. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, no. 1, pp. 224–229. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanizmy-v-russkom-yazyke-kak-otrazhenie-knizhnoy-traditsii/viewer>. (In Russ.)

Likhachev 2000 – *Likhachev D.S.* (2000) Appeal to «its antiquity». In: From the history of Russian culture. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, vol. 1, pp. 725–731. Available at: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/obrash_k_svoey_ant.pdf. (In Russ.)

Lomonosov 1959 – *Lomonosov M.V.* (1959) Complete works. Vol. 8. Poetry, oratorical prose, inscriptions of 1732–1764. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1288 p. Available at: <https://djvu.online/file/coMRBK5nz32jG?ysclid=llorqzil2u53550066>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.134.2

Дата поступления: 08.04.2023

рецензирования: 10.05.2023

принятия: 25.08.2023

**Языковые средства создания образа антигероя в произведении
В. Айгуалса де Иско «Тигр Маэстразго»****А.А. Терещук**Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская ФедерацияE-mail: san_petersburgo@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8838-9302>

Аннотация: Внимание автора статьи сосредоточено на анализе языковых особенностей произведения В. Айгуалса де Иско «Тигр Маэстразго», опубликованного в 1846–1848 гг. и посвященного фигуре Р. Кабреры, одного из лидеров карлистского движения в Испании в 1830-е гг. Актуальность обращения к данному произведению обусловлена как отсутствием научных публикаций о В. Айгуалсе де Иско в отечественной испанистике, так и релевантностью «Тигра Маэстразго» в антикарлистском политическом дискурсе в Испании середины XIX в. Предлагается краткий обзор последних публикаций на тему творчества писателя. Показывается история создания произведения. Делается вывод, что публикация «Тигра Маэстразго» стала реакцией на апологетическую биографию Р. Кабреры, написанную Б. де Кордовой, а также на восстание карлистов в Каталонии, начавшееся в 1846 г. Антигероем произведения является Р. Кабрера, который в романе олицетворяет собой карлизм. В статье рассматривается лексика, использованная для создания его образа. В «Тигре Маэстразго» фиксируется 66 имен прилагательных и 116 имен существительных и субстантивных сочетаний, относящихся к Кабрере и имеющих отрицательные коннотации. Выделяется 4 категории лексем, которые употребляются автором для описания антигероя произведения: обозначения социальной принадлежности; этнонимы; названия животных; слова, относящиеся к лексико-семантическому полю «религия». Автор произведения акцентирует внимание читателей на непрофессионализме Р. Кабреры, не имеющего военного образования. Антигерой сравнивается с «дикарями» из Африки и Нового Света и с хищными животными. В. Айгуалс де Иско подчеркивает, что Р. Кабрера имеет «сатанинскую» природу. Рассказывая о рождении полководца, писатель пародирует евангельский сюжет о рождении Христа. В. Айгуалс де Иско не только создает негативный образ Р. Кабреры, но и критикует все карлистское движение.

Ключевые слова: Испания; карлизм; испанская литература; язык карлизма; Кабрера; Айгуалс де Иско.

Цитирование. Терещук А.А. Языковые средства создания образа антигероя в произведении В. Айгуалса де Иско «Тигр Маэстразго» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 121–128. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-121-128>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Терещук А.А., 2023

Андрей Андреевич Терещук – PhD, доцент кафедры романской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (РГПУ им. А.И. Герцена), 191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 08.04.2023

Revised: 10.05.2023

Accepted: 25.08.2023

**Linguistic means of creating the image of the anti-hero
in W. Ayguals de Izco's novel «El Tigre del Maestrazgo»****A.A. Tereshchuk**

Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: san_petersburgo@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8838-9302>

Abstract: The article is focused on the analysis of linguistic features of the «history-novel» by W. Ayguals de Izco «The Tiger of Maestrazgo», published in 1846–1848 and dedicated to R. Cabrera, one of the leaders of the Carlist movement in Spain in the 1830-ies. The relevance of this article is due to both the lack of scientific publications about W. Ayguals de Izco in Russian, and the relevance of «The Tiger of Maestrazgo» in the anti-Carlist political discourse in Spain in the middle of the XIX century. A brief review of recent publications on the writer's work is offered as well as the history of the book creation. It is concluded that the publication of «The Tiger of Maestrazgo» was a reaction to the apologetic biography of R. Cabrera, written by B. de Cordoba, as well as to the uprising of the Carlists in Catalonia, which began in 1846. The anti-hero of the work is R. Cabrera, who in the novel personifies Carlism. The article analyzes the vocabulary used to create his image. 66 adjectives and 116 nouns and substantive combinations related to Cabrera and having negative connotations are registered in «The Tiger of Maestrazgo». There are 4 categories of lexemes that are used by the author to

describe the anti-hero of the work: designations of social belonging; ethnonyms; names of animals; words related to the religion. W. Ayguals de Izco focuses the attention of readers on the unprofessionalism of R. Cabrera, who does not have a military education. The anti-hero is compared to «savages» from Africa and the New World and to predatory animals. W. Ayguals de Izco emphasizes that R. Cabrera has a «satanic» nature. Describing the birth of R. Cabrera, the writer parodies the gospel story about the birth of Christ. W. Ayguals de Izco not only creates a negative image of the leader R. Cabrera, but also criticizes the entire Carlist movement.

Key words: Spain; Carlism; Spanish literature; language of Carlism; Cabrera; Ayguals de Izco.

Citation. Tereshchuk A.A. Linguistic means of creating the image of the anti-hero in W. Ayguals de Izco's novel «El Tigre del Maestrazgo». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 121–128. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-121-128>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: the author declares no conflict of interest.

© Tereshchuk A.A., 2023

Andrei A. Tereshchuk – PhD, associate professor, Department of Romance Philology, Herzen University, 48, Moika Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation.

Введение

Венсеслао Айгуалс¹ де Иско (далее – Айгуалс) (1801–1873) – испанский писатель и журналист, ставший автором ряда романов, драматических произведений и исторических сочинений. Он был одним из учредителей Мадридского литературного общества и первым переводчиком на испанский язык произведения Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (Uncle Tom's Cabin). Именно Айгуалс стал основоположником романа-фельетона в Испании: он сам создал несколько произведений, относящихся к данной жанровой разновидности, а также регулярно печатал романы-фельетоны других авторов в своей типографии. Впоследствии его фигура оказалась «в тени» ряда других выдающихся испанских литераторов XIX в., например, Г.А. Беккера (1836–1870) и Б. Переса Гальдоса (1843–1920), который опубликовал свой первый роман за три года до смерти Айгуалса².

Хотя Айгуалса нельзя отнести к «первому ряду» писателей XIX в., он вызывает интерес у современных исследователей испанской литературы. Из последних публикаций, посвященных автору из Винароса, можно отметить работы таких исследователей, как Б. Мулет Трубат, К. Сундт, С. Йованович, Х. Миральес и К. Делано [Mulet Trobat 2010; Sundt 2013; Jovanovic 2017, 2018, 2019; Miralles 2017; Delano 2021]; кроме того, несколько лет назад по его творчеству была защищена докторская диссертация (Jovanovic 2016). В то же время в отечественной испанистике произведения Айгуалса остаются практически не изученными. Писатель вскользь упоминается в некоторых общих работах по истории литературы [Тертерян 1989, с. 237], но ни его биография, ни языковые и литературные особенности творчества пока не привлекли серьезного интереса российских исследователей. При этом анализ литературного и публицистического наследия Айгуалса важен не только для создания полноценной картины истории испанской литературы, но и для изучения политического дискурса в Испании XIX в.

В настоящей статье мы обратились к рассмотрению произведения Айгуалса «Тигр Маэстразго, или От новобранца до генерала» (El Tigre del Maestrazgo, o sea De grumete a general), выпущен-

ного в Мадриде в двух томах в 1846 и 1848 гг. (Ayguals, 1846; 1848). Сам автор определил жанр своего труда как «историю-роман» (historia-novela). «Тигр Маэстразго» посвящен фигуре Рамона Кабреры (1806–1877) (далее – Кабрера) – руководителя карлистского движения в регионе Маэстразго³ (область на границе современных Арагона, Валенсии и Каталонии). В 1833–1840 гг. Испания оказалась охваченной крупным внутригосударственным конфликтом, вошедшим в историю как Первая Карлистская война. Карлисты, сторонники претендента на испанский престол дона Карлоса, представляли собой наиболее консервативную часть общества и выступали против конституционных преобразований в Испании. Их противники обычно именуется «крестинос» (cristinos), по имени вдовствующей королевы Марии-Кристины; в политическом языке той эпохи их часто называли «либералами» (см. на данную тему: [Василенко 2016; Айусо Торрес 2019]). Айгуалс придерживался либеральных взглядов и, естественно, занимал антикарлистскую позицию.

«Тигра Маэстразго» нельзя назвать историческим сочинением; точнее было бы определить его жанр как беллетризованную биографию. В тексте присутствуют диалоги, художественные описания природы, автор показывает мысли и чувства персонажей. Отдельные фрагменты произведения представляют собой рассуждения Айгуалса на различные темы и стилистически напоминают газетную статью; свои мысли автор подкрепляет текстами документов, относящихся к излагаемым событиям. Айгуалс не просто дает описание городов и селений, в которых происходит действие, но и включает в текст большое количество дополнительной информации об их климате, истории, достопримечательностях, населении и т. д. По словам И.А. Тертерян, Айгуалс сочетает «костюмбристское описание быта с романтической фабулой и элементами романтического психологизма» [Тертерян 1989, с. 237]; как пишет С. Йованович, он не просто часто прибегает к данным экскурсам, но злоупотребляет ими [Jovanovic 2019, р. 242]. При этом все главные герои произведения являются реальными историческими фигурами; более того, последние события в истории-романе отсто-

ят всего на 8 лет от момента выхода II тома⁴. Антигероем «Тигра Маэстразго» (в настоящей работе под «антигероем» будет пониматься «персонаж, стремящийся к деструктивности и осознанно преступающий нормы морали» [Гомес 2018, с. 121]) является Кабрера, образ которого символизирует карлистское движение. В одной из последних работ, посвященных произведению, был проведен анализ первых глав «Тигра Маэстразго» и показаны приемы создания негативного образа антигероя в детстве [Delano 2021]. Целью настоящей статьи является рассмотрение языковых особенностей изображения антигероя (Кабреры) во всем произведении.

Основная часть

Создание «Тигра Маэстразго» стало реакцией на публикацию в 1844 г. четырехтомного труда консервативного историка Б. де Кордовы «Политическая и военная жизнь Кабреры» [Córdoba 1844]. На страницах своей книги Б. де Кордова создал идеализированный образ лидера карлистов, а Кабрера написал послесловие к собственной биографии (см. анализ данного труда в [Caridad 2013]). Айгуалс пытался ответить Б. де Кордове «историей-романом». Кроме того, нам представляется, что решение писателя создать произведение о Кабрере имело и другую причину: в 1846 г. в Каталонии началось восстание карлистов. Публикуя «историю-роман», на страницах которой давалась негативная оценка одному из лидеров карлистского движения, Айгуалс вносил вклад в политическую борьбу в Испании второй половины 1840-х гг. Дискредитируя своих оппонентов, он создавал положительный образ либералов, «ведь понижая своего противника, политик стремится показать, что он другой, не такой, как его *vis-à-vis*» [Алексеев 2022, с. 123].

В начале I тома Айгуалс помещает «предварительное предупреждение» (*advertencia preliminar*), в котором обрушивает на Кабреру поток оскорблений (Ayguals 1846, р. 7–9). Автор с самого начала показывает свое отношение к антигерою произведения, который на страницах «Тигра Маэстразго» предстает как воплощение всех отрицательных качеств, которые могут быть в человеке. Изображая Кабреру как «идеального» антигероя, Айгуалс критикует не только его личность, но и все карлистское движение в целом. В одном из эпизодов Кабрера пьет за здоровье холеры и даже говорит, что хотел бы быть одной из ее разновидностей (говоря современным языком, «бациллой») (Ayguals 1846, р. 46–48). С точки зрения Айгуалса, такой же «заразой», как холера, для испанского «организма» стал карлизм. Кабрера со всеми своими пороками символизирует в произведении карлистское движение. Стоит заметить, что данное сравнение не является «находкой» Айгуалса: сопоставление своих идеологических противников с холерой, эпидемии которой регулярно вспыхивали в Европе того времени, было распро-

страненным приемом в языке испанской политики первой половины XIX в.

Заслуживает внимания эпизод, повествующий о рождении Кабреры. «Тигр Маэстразго» появился на свет 27 декабря, то есть вскоре после Рождества, а его родителей звали Хосе (Иосиф) и Мария. Айгуалс пишет, что отец Кабреры был «бедным рыбаком» (Ayguals 1846, р. 14); на самом деле, Хосе Кабрера владел небольшим судном и занимался торговлей. Мать Кабреры, Мария Гриньо, изображается Айгуалсом как «святая» женщина, скромная и благочестивая. Автор проводит параллель между семьей «Тигра Маэстразго» и Святым Семейством. Однако вместо младенца Иисуса Мария в тяжелых мучениях, во время страшного урагана, обрушившегося на Тортосу, производит на свет «монстра» (Ayguals 1846, р. 13–14). В произведении Айгуалса Кабрера является не «Христом», а «антихристом». К. Делано называет сцену появления на свет Кабреры «гротескной пародией на рождественский нарратив» [Delano 2021, р. 332].

В ходе проведенного исследования в тексте «Тигра Маэстразго» нами было выделено 66 имен прилагательных и 116 имен существительных и субстантивных сочетаний, относящихся к Кабрере и имеющих отрицательные коннотации, т. е. элементы прагматики, «которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы» [Апресян 1974, с. 67]. Лексем с положительными коннотациями, которые употреблялись бы применительно к антигерою произведения, зафиксировано не было. Некоторые из выделенных лексических единиц представляют собой однокоренные слова, например: *indómito* (Ayguals 1846, р. 35) – *indomable* (Ayguals 1846, р. 71), первое из которых можно перевести как «дикий, неприрученный», а второе – «неприручаемый» (значения испанских лексем уточнялись по Словарю Королевской академии испанского языка). Отдельные зафиксированные лексемы в другом контексте могут иметь положительные коннотации, но в тексте Айгуалса используются для пейоративной оценки. Например, сущ. *alumno*, «ученик», само по себе не содержит ни положительных, ни отрицательных коннотаций. Как писал еще М.М. Бахтин, «система языка обладает необходимыми формами (то есть языковыми средствами) для выражения экспрессии, но сам язык и его значащие единицы – слова и предложения – по самой природе своей лишены экспрессии, нейтральны» [Бахтин 1986, с. 285]. Айгуалс называет Кабреру *digno alumno de Torquemada*, «достойным учеником Торквемады» (Ayguals 1846, р. 170). В дискурсе испанских либералов первый великий инквизитор Испании Томас де Торквемада (1420–1498) – однозначно отрицательный исторический персонаж. Так, во время Первой Карлистской войны либералы часто обвиняли своих противни-

ков в желании восстановить инквизицию. Генерал армии кристинос Л. Фернандес де Кордоба в одном из своих обращений к войскам назвал их «солдатами испанской свободы», которые противостоят «защитникам Инквизиции» [Lafuente 1890, p. 350]. Соответственно, слова Айгуалса о Кабрере являются пейоративным оценочным высказыванием.

Значительную часть зафиксированных лексем можно отнести к эмоционально-оценочной лексике, т. е. лексике, «которая обладает позитивным или негативным оценочным значением по отношению к предметам, индивидам и связанным с ними событиям, а также представленную в содержании языковых и речевых единиц особым семантическим эмоционально-оценочным компонентом» [Зайнульдинов, Керо-Хервилья 2019, с. 98]. Подобные лексемы употребляются для выражения пейоративных суждений, например: *cruel*, «жестокий» (Ayguals 1846, p. 8), *feroz*, «яростный» (Ayguals 1846, p. 138), *asesino*, «убийца» (Ayguals 1848, p. 184), *verdugo de la humanidad*, «палач человечества» (Ayguals 1848, p. 118) и др.

Для анализа образа Кабреры в произведении как символа карлизма представляется обоснованным отдельно отметить несколько категорий лексем с негативными коннотациями: (1) обозначения социальной принадлежности; (2) этнонимы; (3) названия животных; (4) слова, относящиеся к лексико-семантическому полю «религия».

Жизнь Кабреры – это история удивительного по скорости «взлета» по карьерной лестнице в армейской иерархии. Он возглавил войска карлистов в Маэстразго в 1835 г., в возрасте 29 лет. На тот момент его военный опыт составлял всего около полутора лет (см. биографию Кабреры в [Caridad 2014, p. 41–142]). До начала Первой Карлистской войны будущий «Тигр Маэстразго» собирался сделать духовную карьеру и учился в семинарии. Когда в 1834 г. Кабрера возглавил карлистский партизанский отряд, он получил прозвища «Семинарист» и «Священник». Айгуалс в своем произведении неоднократно напоминает читателю о том, что антигерой «истории-романа» – это не профессиональный военный, а всего лишь недоучившийся священник. Автор называет Кабреру *estudiantillo* (Ayguals 1846, p. 72) и *estudiantuelo* (Ayguals 1846, p. 74), «студентишка»; *sacristanillo* (Ayguals 1846, p. 73) (во всех трех примерах следует обратить внимание на суффиксацию) и *monaguillo* (Ayguals 1846, p. 174), «служка». Лексема *monaguillo* сопровождается прилагательным *andrajoso*, «оборванный». Называя Кабреру «студентишкой», Айгуалс обращает внимание читателя на то, что антигерой не получил законченного образования; используя лексемы *sacristanillo* и *monaguillo*, автор показывает, что Кабрера занимал низшее место в церковной иерархии. Другие лексемы, относящиеся к данной категории, только подкрепляют данные мысли автора: *subalterno discolor*, «отбившийся от рук младший офицер» (Ayguals 1846, p. 172), *feroz estudiante*, «свирепый студент» (Ayguals 1846, p. 176), *tonsurado*, «постриженный

в монахи» (Ayguals 1848, p. 55), *grumete*, «новобранец» (Ayguals 1848, p. 105). Присвоенный Кабрере доном Карлосом титул графа Морельи Айгуалс пишет курсивом, намекая на незаконность любых претензий антигероя на аристократизм (Ayguals 1848, p. 105).

Напоминая о том, что Кабрера – священник-недоучка, Айгуалс реализует один из штампов антикарлистской пропаганды XIX в. Либералы часто рисовали карлистское движение как восстание «невежественных» крестьян под руководством «фанатичного» духовенства (см. на данную тему: [Tereshchuk 2022, p. 148–150]). Данная пропаганда приводила к стихийным антицерковным погромам, когда толпа в крупных городах расправлялась со священниками, подозревая их в прокарлистских симпатиях [Lawtence 2014, p. 61–62]. В изображении Айгуалса Кабрера (олицетворяющий все карлистское движение) является ненастоящим священником и не имеет никакого отношения к Церкви. Следовательно, с точки зрения автора, кристинос сражаются не против религии и не против духовенства вообще, но противостоят «псевдосвященникам», похожим на Кабреру.

Вторую категорию лексем мы с некоторой долей условности называли этнонимами. Уже в «предварительном предупреждении» Айгуалс называет Кабреру *español espurio*, «фальшивый, ненастоящий испанец» (Ayguals 1846, p. 7). Далее антигерой сравнивается с представителями других этнических групп: *cafre*, «кафр, презрительное наименование чернокожего в Южной Африке» (Ayguals 1846, p. 38), *caribe*, «индеец с островов Карибского моря, каннибал» (Ayguals 1848, p. 49), *pigmeo*, «пигмей»; также может относиться к росту человека (Ayguals 1848, p. 212). Важно отметить, что лексемы *caribe* и *cafre* могут употребляться в значении «жестокий, кровавый человек». Используя данную группу лексем, Айгуалс показывает, что карлизм, олицетворяемый Кабрерой, является чуждым для Испании явлением. Автор называет антигероя *oprobio de la patria*, «позор Родины» (Ayguals 1846, p. 14). Тортоса, родной город Кабреры, рисуется в произведении как прекрасное место, населенное порядочными и законопослушными жителями. Среди них Кабрера представляет собой исключение. Айгуалс называет его *tigre tortosino*, «тигр из Тортосы» (Ayguals 1846, p. 189).

Употребление лексемы *tigre*, «тигр», применительно к Кабрере не является случайным. В испанском языке *tigre* может обозначать не только животное, но и использоваться в значении «жестокий человек». Подобное употребление было широко распространено в XIX в. Прусский автор О. фон Ваерст, составивший обзор социально-экономического положения Испании в 1830-е гг., писал об офицерах испанской армии, которые участвовали в войне против латиноамериканских патриотов (1808–1826) и «которых за жестокость называли “тиграми”» [Vaerst 1847, S. 79]. Прозвище Кабреры «Тигр Маэстразго» было придумано не Айгуалсом – так лидера карлистов в регионе начали

называть еще во время войны. Вынеся лексему *tigre* в заголовок своего произведения и регулярно повторяя ее на страницах «истории-романа», автор подчеркивал бесчеловечность антигероя произведения.

Айгуалс сравнивает Кабреру не только с тигром; применительно к лидеру карлистов употребляются следующие названия животных: *serpiente*, «змея» (Ayguals 1846, p. 27); *gavilán*, «ястреб» (Ayguals 1846, p. 28); *reptil*, «рептилия» (Ayguals 1846, p. 61); *hiena*, «гиена» (Ayguals 1846, p. 177). Кроме того, автор называет его «зверем», *fiera* (Ayguals 1846, p. 14)]. Некоторые из данных лексем, помимо обозначения соответствующих животных, имеют в испанском языке и дополнительные значения: *reptil* может означать «подлец», *hiena* – «жестокый или злонамеренный человек». Можно обратить внимание и на то, что Кабрера не сравнивается с домашними или травоядными животными: Айгуалс уподобляет его либо хищникам либо рептилиям, которые не могут сосуществовать с человеком. Таким образом, в глазах автора карлизм является не только чужеродным, неиспанским явлением, но и идеологией, совершенно несовместимой с испанским обществом.

Последняя выделенная нами группа лексем относится к лексико-семантическому полю «религия». Применительно к Кабрере в «истории-романе» регулярно употребляются эпитеты *infernal*, «адский» (Ayguals 1846, p. 9), *satánico*, «сатанинский» (Ayguals 1846, p. 27) и *sacrilego*, «богохульный» (Ayguals 1846, p. 71). С антигероем связаны такие понятия, как *impiedad*, «нечестивость, безбожие» (Ayguals 1846, p. 44) и *blasfemia*, «богохульство» (Ayguals 1846, p. 66). Лидер карлистов сравнивается с римским императором Нероном, при котором начались гонения на христиан (Ayguals 1846, p. 211). «Трон и Религия» («Trono y Religión») – один из главных слоганов карлизма – в устах Кабреры становится «богохульным» (Ayguals 1848, p. 149). Любовница Кабреры именуется у Айгуалса «дьявольской женщиной», *diabólica muger* (sic!) (Ayguals 1846, p. 189). Таким образом, антигерой предстает в произведении своего рода «порождением ада».

Обращение Айгуалса к религиозной тематике является ответом на карлистскую пропаганду.

Карлисты позиционировали себя как защитники Церкви от «либералов» и «масонов». В 1835 г. символическим «Верховным главнокомандующим» (Generalísima) карлистской армии была избрана Дева Мария, что должно было подчеркнуть «святость» дела дона Карлоса (Lawrence 2014, p. 158). Представляя Кабреру как «порождение адских сил», Айгуалс критиковал и все карлистское движение в целом, показывал фальшь религиозных идей сторонников дона Карлоса.

Заключение

Опубликованная в 1846–1848 гг. «история-роман» Айгуалса «Тигр Маэстразго» представляет собой яркий пример политической пропаганды в Испании 1840-х гг. Повествуя о событиях уже закончившейся гражданской войны, автор затрагивает актуальные для своего времени политические вопросы. «История-роман» рассказывает о жизни и деятельности Кабреры, который на момент написания произведения являлся крупнейшей фигурой в карлистском движении. Как показал проведенный анализ, Айгуалс употребляет применительно к Кабрере 66 имен прилагательных и 116 имен существительных и субстантивных сочетаний с негативными коннотациями и ни одной лексемы с положительными.

Для создания образа антигероя автор использует несколько групп лексем с негативными коннотациями. Айгуалс акцентирует внимание на том, что Кабрера является недоучившимся священником и непрофессиональным военным; сравнивает карлистского военачальника с «дикарями» из Африки и Нового Света; сопоставляет Кабреру с хищными животными, в первую очередь с тигром; рассказывая о появлении «Тигра Маэстразго» на свет, Айгуалс пародирует евангельский сюжет о рождении Христа и подчеркивает, что антигерой произведения имеет «сатанинскую» природу. Кабрера в произведении является олицетворением карлизма, и Айгуалс не просто рисует «черной краской» образ лидера карлистов, но и подвергает критике все движение. Автор подводит читателя к мысли о том, что карлизм является чужеродным для Испании политическим движением, не имеющим ничего общего с испанскими традициями и католической верой.

Примечания

¹ Писатель был уроженцем Винароса (Валенсия), поэтому представляется оправданным передавать его фамилию на русском в варианте, приближенном к нормам валенсийского произношения, а не кастильского («Айгуальс»).

² По выражению одного из самых известных испанских филологов начала XX в. М. Менендеса-и-Пелайо, до выхода в 1870 г. «Золотого фонтана» (Fontana de oro) Б. Переса Гальдоса испанская литература «дремала» [Menéndez y Pelayo 1908, p. 100], а этот роман положил начало реализму в Испании. Уже в XXI в. американский испанист Р. П. Сиболд попытался показать, что «корни» испанского реализма в литературе нужно искать как раз в творчестве Айгуалса [Sebold 2007].

³ В научной литературе на русском языке устоялась практика написания данного топонима через букву «з» («Маэстразго»), хотя ряд туристических интернет-сайтов предлагают передавать данное название через «с» («Маэстрасто»).

⁴ «Тигр Маэстразго» может рассматриваться как предшественник знаменитых «Национальных эпизодов» Б. Переса Гальдоса.

Материалы исследования

Ayguals de Izco 1846 – *Ayguals de Izco W.* El tigre del maestrazgo, o sea, De grumete a general. Tomo I. Madrid: Imprenta de D. Wenceslao Ayguals de Izco, 1846. 224 p.

Ayguals de Izco 1848 – *Ayguals de Izco W.* El tigre del maestrazgo, o sea, De grumete a general. Tomo II. Madrid: Imprenta de D. Wenceslao Ayguals de Izco, 1848. 225 p.

Jovanovic 2016 – *Jovanovic S.* El costumbrismo en la narrativa de Wenceslao Ayguals de Izco. La realidad urbana madrileña. Tesis para optar al grado de doctor. Madrid: Universidad Complutense, 2016. 399 p.

Библиографический список

Caridad 2013 – *Caridad A.* Buenaventura de Córdoba: político liberal y admirador de Cabrera // Historia contemporánea. 2013. № 46. P. 49–84.

Caridad 2014 – *Caridad A.* Cabrera y compañía. Los jefes del carlismo en el frente del Maestrazgo (1833-1840). Zaragoza: Institución «Fernando el Católico», 2014. 623 p. URL: https://ifc.dpz.es/recursos/publicaciones/33/90/_ebook.pdf.

Córdoba 1844 – *Córdoba B.* Vida política y militar de Cabrera, redactada por D. Buenaventura de Córdoba, auditor honorario de guerra y abogado del I colegio de Madrid. Tomos I-IV. Madrid: Imprenta y fundición de don Eusebio Aguado, 1844. URL: https://books.google.ru/books?id=RIOrwjjnst4C&hl=id&source=gbs_similarbooks; <https://books.google.es/books?id=KvTfAAAAMAAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>.

Delano 2021 – *Delano C.* The Gothic Child and the Signs of Hate in Wenceslao Ayguals de Izco's El tigre del Maestrazgo (1846–1848) // Romance Notes. 2021. Vol. 61, № 2. P. 331–340. DOI: <https://doi.org/10.1353/rmc.2021.0020>.

Jovanovic 2017 – *Jovanovic S.* Mujeres, vestidos y modas en el universo de Wenceslao Ayguals de Izco // Beoiberística – Revista de Estudios Ibericos, Latinoamericanos y Comparativos. 2017. Vol. 1. № 1. P. 81–92. DOI: <https://doi.org/10.18485/beoiber.2017.1.1.5>.

Jovanovic 2018 – *Jovanovic S.* Madrid callejero y callejero de Madrid. Espacio urbano en el universo narrativo de Wenceslao Ayguals de Izco // Colindancias – Revista de la Red de Hispanistas de Europa Central. 2018. № 9. P. 173–186. URL: https://www.researchgate.net/publication/341940480_Madrid_callejero_y_callejero_de_Madrid_espacio_urbano_en_el_universo_narrativo_de_Wenceslao_Ayguals_de_Izco.

Jovanovic 2019 – *Jovanovic S.* La ficción literaria y el material extraliterario de la novela popular: el caso de Ayguals de Izco // Estudios hispánicos serbios y retos de la contemporaneidad. 2019. Vol. 2. P. 241–256. DOI: <https://doi.org/10.18485/hispserb.2019.2.ch13>.

Lafuente 1890 – *Lafuente M., Valera J., Borrego A., Pirala A.* Historia general de España desde los tiempos primitivos hasta la muerte de Fernando VII por Don Modesto Lafuente, continuada desde dicha época hasta nuestros días por Don Juan Valera con la colaboración de D. Andrés Borrego y D. Antonio Pirala. Tomo XX. Barcelona, 1890. 455 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=9L4LAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Lawrence 2014 – *Lawrence M.* Spain's First Carlist War, 1833-40. Basingstoke: Palgrave, 2014. 283 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137401755>.

Menéndez y Pelayo 1908 – *Menéndez y Pelayo M.* Estudios de crítica literaria. Madrid: Tipografía de la «Revista de archivos», 1908. 479 p. Available at: <https://archive.org/details/estudiosdecrtic04pelagooq>.

Miralles 2017 – *Miralles A.X.* Articular la nación. La María de Ayguals de Izco y la nacionalización española (1845–1850) // Rúbrica Contemporánea. 2017. Vol. 6, № 11. P. 25–43. DOI: <http://doi.org/10.5565/rev/rubrica.135>.

Mulet Trobat 2010 – *Mulet Trobat B.* Wenceslao Ayguals de Izco. Educació i la dona com a liberal radical del segle XIX // Annals del Patronat d'Estudis Històrics d'Olot i Comarca. 2010. № 21. P. 77–100. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=3416077>.

Sebold 2007 – *Sebold R.P.* En el principio del movimiento realista. Credo y novelística de Ayguals de Izco. Madrid: Cátedra, 2007. 142 p. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/libro?codigo=301532>.

Sundt 2013 – *Sundt C.* Resisting and Reimagining: Flores, Ayguals, and 19th-Century Technological Innovation // Hipertexto. 2013. Vol. 18. P. 66–76. URL: <https://scholarworks.utrgv.edu/hipertexto/225>.

Tereshchuk 2022 – *Tereshchuk A.A.* To the Question of the Reasons of the First Carlist War (1833–1840) // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series «Pedagogy and Psychology». 2022. № 4 (48). P. 145–157. DOI: <http://dx.doi.org/10.25688/20-76-9105.2022.48.4.12>.

Vaerst 1847 – *Vaerst E. von* Die Pyrenäen. Zweiter Theil. Breslau: Verlag und Druck von Grass, Barth und Comp., 1847. 364 S. URL: https://books.google.ru/books?id=_RQMAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.

Айусо Торрес 2019 – *Айусо Торрес М.* Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 59–83. DOI: <http://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-10014>.

Алексеев 2022 – *Алексеев А.Б.* О функциях невежливости в политическом дискурсе // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 3 (47). С. 118–129. DOI: <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.10>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kyodjw>.

Апресян 1974 – *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. Москва: Наука, 1974. 368 с. URL: http://rusgram.ru/sites/default/files/liter/ssfp/apresjan_lexsem.pdf.

Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 445 с. URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Bahtin/esthetic/?ysclid=lmhgjq8pra440564655>.

Василенко 2016 – *Василенко Ю.В.* Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 92–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.17506/ryipl.2016.1.92111>.

Гомес 2018 – *Гомес К.-Д.* Антигерой как когнитивная концепция искусства // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 3 (32). С. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.24411/2079-1100-2018-00053>.

Зайнульдинов, Керо Хервилья 2019 – *Зайнульдинов А.А., Керо Хервилья Э.Ф.* Лексикографическое описание эмоционально-оценочной лексики в русском и испанском языках // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 96–110. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0004304-3>. EDN: <https://elibrary.ru/qxwgdg>.

Тертерян 1989 – *Тертерян И.А.* Костюмбризм. Лапра // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 6. Москва: Наука, 1989. С. 237–240. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl6/vl6-2372.htm>.

References

Caridad 2013 – *Caridad A.* (2013). Buenaventura de Córdoba: político liberal y admirador de Cabrera. *Historia contemporánea*, no. 46, pp. 49–84.

Caridad 2014 – *Caridad A.* (2014). Cabrera y compañía. Los jefes del carlismo en el frente del Maestrazgo (1833–1840). Zaragoza: Institución «Fernando el Católico», 623 p. Available at: https://ifc.dpz.es/recursos/publicaciones/33/90/_ebook.pdf.

Córdoba 1844 – *Córdoba B.* (1844) Vida política y militar de Cabrera, redactada por D. Buenaventura de Córdoba, auditor honorario de guerra y abogado del I colegio de Madrid. Tomos I-IV. Madrid: Imprenta y fundición de don Eusebio Aguado. Available at: https://books.google.ru/books?id=RIOrwjinst4C&hl=id&source=gbs_similarbooks; <https://books.google.es/books?id=KvTfAAAAMAAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>.

Delano 2021 – *Delano C.* (2021). The Gothic Child and the Signs of Hate in Wenceslao Ayguals de Izco's El tigre del Maestrazgo (1846–1848). *Romance Notes*, vol. 61, no. 2, pp. 331–340. DOI: <https://doi.org/10.1353/rmc.2021.0020>.

Jovanovic 2017 – *Jovanovic S.* (2017). Mujeres vestidos y modas en el universo de Wenceslao Ayguals de Izco. *Beoiberística – Revista de Estudios Ibericos, Latinoamericanos y Comparativos*, vol. 1, no. 1, pp. 81–92. DOI: <https://doi.org/10.18485/beoiber.2017.1.1.5>.

Jovanovic 2018 – *Jovanovic S.* (2018). Madrid callejero y callejero de Madrid. Espacio urbano en el universo narrativo de Wenceslao Ayguals de Izco. *Colindancias – Revista de la Red de Hispanistas de Europa Central*, no. 9, pp. 173–186. Available at: https://www.researchgate.net/publication/341940480_Madrid_callejero_y_callejero_de_Madrid_espacio_urbano_en_el_universo_narrativo_de_Wenceslao_Ayguals_de_Izco.

Jovanovic 2019 – *Jovanovic S.* (2019). La ficción literaria y el material extraliterario de la novela popular: el caso de Ayguals de Izco. *Estudios hispánicos serbios y retos de la contemporaneidad*, vol. 2, pp. 241–257. DOI: <https://doi.org/10.18485/hispserb.2019.2.ch13>.

Lafuente 1890 – *Lafuente M., Valera J., Borrego A., Pirala A.* (1890). Historia general de España desde los tiempos primitivos hasta la muerte de Fernando VII por Don Modesto Lafuente, continuada desde dicha época hasta nuestros días por Don Juan Valera con la colaboración de D. Andrés Borrego y D. Antonio Pirala. Tomo XX. Barcelona, 455 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=9L4LAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Lawrence 2014 – *Lawrence M.* (2014). Spain's First Carlist War, 1833-40. Basingstoke: Palgrave, 283 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137401755>.

Menéndez y Pelayo 1908 – *Menéndez y Pelayo M.* (1908). Estudios de crítica literaria. Madrid: Tipografía de la «Revista de archivos», 479 p. Available at: <https://archive.org/details/estudiosdecrtic04pelagoog>.

Miralles 2017 – *Miralles A.X.* (2017) Articular la nación. *La María* de Ayguals de Izco y la nacionalización española (1845–1850). *Rúbrica Contemporánea*, vol. 6, no. 11, p. 25–43. DOI: <http://doi.org/10.5565/rev/rubrica.135>.

Mulet Trobat 2010 – *Mulet Trobat B.* (2010) Wenceslao Ayguals de Izco. Educació i la dona com a liberal radical del segle XIX. *Annals del Patronat d'Estudis Històrics d'Olot i Comarca*, no. 21, pp. 77–100. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=3416077>.

Sebold 2007 – *Sebold R.P.* (2007) En el principio del movimiento realista. Credo y novelística de Ayguals de Izco. Madrid: Cátedra, 142 p. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/libro?codigo=301532>.

Sundt 2013 – *Sundt C.* (2013) Resisting and Reimagining: Flores, Ayguals, and 19th-Century Technological Innovation. *Hipertexto*, vol. 18, pp. 66–76. Available at: <https://scholarworks.utrgv.edu/hipertexto/225>.

Tereshchuk – *Tereshchuk A. A.* (2022). To the Question of the Reasons of the First Carlist War (1833–1840). *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series «Pedagogy and Psychology»*, no. 4 (48), pp. 145–157. DOI: <http://dx.doi.org/10.25688/20-76-9105.2022.48.4.12>.

Vaerst 1847 – *Vaerst E. von* (1847) *Die Pyrenäen. Zweiter Theil.* Breslau: Verlag und Druck von Grass, Barth und Comp. 364 s. Available at: https://books.google.ru/books?id=_RQMAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.

Ayuso Torres 2019 – *Ayuso Torres M.* (2019) Carlism and Spanish political tradition: yesterday and today. *Antinomii = Antinomies*, vol. 19, iss. 3, pp. 59–83. DOI: <http://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-10014>. (In Russ.)

Alexeyev – *Alexeyev A. B.* (2022) On the functions of impoliteness in political discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 3 (47), pp. 118–129. DOI: <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.10>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kyodjw>. (In Russ.)

Apresian 1974 – *Apresian Y. D.* (1974) Lexical semantics: synonymical resources of language. Moscow: Nauka, 368 p. Available at: http://rusgram.ru/sites/default/files/liter/ssfp/apresjan_lexsem.pdf. (In Russ.)

Bakhtin 1986 – *Bakhtin M. M.* (1986) Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo, 445 p. Available at: <http://teatr-lib.ru/Library/Bakhtin/esthetic/?ysclid=lmhgjq8pra440564655>. (In Russ.)

Vasilenko 2016 – *Vasilenko Yu. V.* (2016). Genesis of Carlism and problems of typology of Spanish conservatism. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, vol. 16, issue 1, pp. 92–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.17506/ryip.2016.1.92111>. (In Russ.)

Gomes 2018 – *Gomes K.-Dzh.* (2018) Anti-Hero as the Cognitive Concept of Art. *International Journal of Cultural Research*, no. 3 (32), pp. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.24411/2079-1100-2018-00053>. (In Russ.)

Zaynuldinov, Gervilla 2019 – *Zaynuldinov A., Gervilla E. F. Q.* (2019) Lexicographic description of emotional and evaluative vocabulary in Russian and Spanish. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 2, pp. 96–110. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0004304-3>. EDN: <https://elibrary.ru/qxwgdg>. (In Russ.)

Terterian 1989 – *Terterian I. A.* (1989) Costumbrismo. Larra. In: *The History of World Literature: in 8 vols. Vol. 6.* Moscow: Nauka, pp. 237–240. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ivl/v16/v16-2372.htm>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1'42:811.111'42

Дата поступления: 17.04.2023

рецензирования: 18.06.2023

принятия: 25.08.2023

**Фрустрационная vs провокационная стратегии:
эффективность использования в период пандемии****О.И. Исмаилова**

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: olgais2303@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4668-5503>

Аннотация: В данной работе рассматриваются особенности новостных заголовков в период массовой заболеваемости коронавирусом, лихорадкой Эбола и оспой обезьян. Цель исследования состоит в выявлении наиболее распространенных речевых стратегий и тактик, языковых средств, применяемых для воздействия на адресата. Автор уделяет особое внимание таким экспрессивным речевым стратегиям, как фрустрационная и провокационная. Фрустрационная стратегия предполагает воздействие на психологическое состояние адресата, касаясь его биологического, социального или экзистенциального страха. Данная речевая стратегия реализуется посредством тактики нагнетания отрицательных эмоций и шокирования «фактами», тактики запугивания, тактики апелляции к статистическим данным и т. д. Провокационная стратегия исследуется как преднамеренное поведение адресанта по отношению к реципиенту, дестабилизирующее его эмоциональное состояние и подстрекающее его к желаемым для автора действиям. Описываемая стратегия зачастую реализуется с помощью тактики выведывания информации или эмоционально дестабилизирующих тактик. В статье анализируются примеры новостных заголовков, демонстрирующие применение фрустрационной и провокационной речевых стратегий, а также тактик и языковых средств, посредством которых реализуются данные стратегии. В ходе исследования автор приходит к выводу, что авторы новостных выпусков/статей используют такие языковые средства, воздействующие на аудиторию, как омонимы, паронимы, окказионализмы, эпифора, метафора, олицетворение, антитеза, многозначность, прецедентные феномены, идиомы, пословицы, парцелляция.

Ключевые слова: медиадискурс; речевое воздействие; речевая стратегия; фрустрационная стратегия; провокационная стратегия; речевая тактика; языковая игра; языковые средства.

Цитирование. Исмаилова О.И. Фрустрационная vs провокационная стратегии: эффективность использования в период пандемии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 129–136. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-129-136>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Исмаилова О.И., 2023

Ольга Исмаиловна Исмаилова – старший преподаватель кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., 410003, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Радищева, 89.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.04.2023

Revised: 18.06.2023

Accepted: 25.08.2023

Frustration vs provocative strategies: the efficiency of use during a pandemic**O.I. Ismailova**

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation

E-mail: olgais2303@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4668-5503>

Abstract: The article deals with the features of news headlines during the period of high prevalence of coronavirus, Ebola fever and monkey pox. The purpose of the study is to identify the most common speech strategies and tactics, linguistic means which are used to influence the addressee. The author pays special attention to such expressive speech strategies as frustrating and provocative ones. The frustration strategy involves influencing the psychological condition of the addressee, affecting his biological, social or existential fear. This speech strategy is implemented through the tactics of mongering negative emotions and shocking with «facts», the intimidation tactics, the tactics of appealing to statistical data, etc. The provocative strategy is investigated as the intentional conduct of the addresser towards the recipient, destabilizing his emotional state and inciting him to the actions desired by the author. The described strategy is often implemented with the investigating information tactics or the emotionally destabilizing tactics. The article analyzes examples of news headlines demonstrating the use of frustrating and provocative speech strategies, as well as tactics and linguistic means that are used to implement these strategies. In the research the author comes to the conclusion that the authors of newscasts or news articles use such linguistic means that affect the audience as homonyms, paronyms, occasional words, epiphora, metaphor, personification, antithesis, polysemy, precedent phenomena, idioms, proverbs, parcellation.

Key words: media discourse; linguistic manipulation; speech strategy; frustration strategy; provocative strategy; speech tactics; language game; expressive means of language.

Citation. Ismailova O.I. Frustration vs provocative strategies: the efficiency of use during a pandemic. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 129–136. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-129-136>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: the author declares no conflict of interest.

© Ismailova O.I., 2023

Olga I. Ismailova – senior lecturer of the Department of Translation Studies and Intercultural Communication, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 89, Radishchev Street, Saratov, 410003, Russian Federation.

Введение

В медиадискурсе находят отражение все актуальные мировые проблемы, в том числе темы эпидемии и пандемии. В период пандемии или эпидемии человечество сталкивается с необходимостью различать истинную и ложную информацию о заболеваемости, рисках, возможностях медицины и т. п. Масс-медиа, в свою очередь, стараются привлечь большее количество читателей, слушателей, зрителей, раскрывая «тайну» появления заболевания, стремясь первыми сообщить новость о создании лекарства или вакцины.

Реципиенты обычно не способны отличить ложную новость от истинной, т. к. авторы новостного текста зачастую смешивают эти виды информации, чтобы заинтересовать, «сбить с толку», вызвать желание поделиться этой новостью (так новость становится ‘вирусной’). Кроме того, адресаты сами становятся источником ложных новостей, когда начинают интерпретировать их согласно своим убеждениям, ценностям, т. н. «склонностью к подтверждению своей точки зрения или предвзятостью утверждения» (англ. confirmation bias) [Moravec, Minas, Dennis 2018]. В период пандемии желание обсудить и распространить полученную информацию возрастает из-за появления одной из первичных эмоций – страха (страх неопределенности, страх за свою жизнь и жизнь близких, страх перемен и т. п.). Адресат делает это, надеясь, что собеседник разделит его эмоции или опровергнет его опасения.

С целью вовлечь в обсуждение новости большее количество читателей/зрителей автор новостного текста зачастую использует экспрессивные речевые стратегии. Актуальность исследования обусловлена важностью изучения речевых стратегий, речевых тактик и языковых средств передачи информации с применением экспрессивной составляющей в рамках эмоционально ориентированного воздействия. О.С. Иссерс полагает, что стратегия основывается на интерпретации, которая является первичным компонентом речевого воздействия. Речевые стратегии предполагают наличие мотива, связанного с желанием, волей субъекта, его знаниями, ценностными категориями или эмоциями [Иссерс 2003, с. 122]. Адресант стимулирует определенный интерес к событию, затем у адресата формируется эмоциональное отношение к познанному. Такой тип речевых стратегий содер-

жит психолингвистический компонент, к которому относятся чувства, эмоции, языковые модели, личностные черты, стиль общения и «привлекательность» новости или удобочитаемость (англ. readability). Целью данного исследования является определение языковых особенностей новостных заголовков в период глобального распространения заболеваний и раскрытие субъективного отношения авторов к описываемой проблеме в рамках реализации речевых стратегий.

Авторы новостных выпусков или статей, посвященных пандемии коронавируса, эпидемии Эбола, а также оспе обезьян, чаще всего используют следующие экспрессивные речевые стратегии: фрустрационную и провокационную.

Реализация фрустрационной и провокационной стратегий в медиадискурсе

Фрустрационная стратегия направлена на создание психологического напряжения, искусственно вызванного состоянием тревоги, страха, подозрений относительно правдивости информации. Авторы, использующие данную речевую стратегию, стараются воздействовать на инстинкт самосохранения адресата, затрагивая биологический, социальный или экзистенциальный виды страха, связанные с угрозой жизни человека, изменением его социального статуса (например, в связи с потерей работы по причине болезни) или с самой сущностью человека (страх смерти) [Щербатых 2007, с. 31–33].

Фрустрационная стратегия обычно реализуется посредством тактики нагнетания отрицательных эмоций и шокирования «фактами», тактики запугивания, тактики апелляции к статистическим данным, тактики демонстрации последствий, тактики негативного прогнозирования, тактики сравнения, тактики отрицания очевидного.

Тактика «нагнетание отрицательных эмоций» заключается в увеличении давления на реципиента посредством эмотивно окрашенных единиц пейзажной семантики для привлечения внимания к деталям (способным вызвать эмоциональный отклик (сопереживание, возмущение, негодование и т. п.), например, disease, infection, disorder, death и т. п. (Катенева 2010).

Тактика шокирования фактами помогает автору сформировать у адресата негативное отношение к какому-либо лицу, событию, явлению при помощи

демонстрации ярких наблюдений, визуализации, фактов, которые могут взволновать, возмутить, шокировать.

Что касается тактики негативного прогнозирования, то она осуществляется с помощью создания оппозиции «прошлое – настоящее/будущее», т. е. параллелей между трагичными периодами в истории народа и событиями настоящего или пугающего будущего, апеллируя к чувствам неуверенности и неопределенности перед угрозой [Кабанова 2020]. Кроме того, автор может не только изображать мрачное настоящее, сравнивая его с явлениями прошлого, но и показывать, к какому будущему могут привести те или иные события, действия или бездействие реципиента, тогда применяется тактика демонстрации последствий.

Тактика запугивания осуществляется посредством внушения адресату постоянного страха, вызывающего в нем робость, боязнь кого-либо или чего-либо из-за надвигающейся угрозы.

Тактика апелляции к статистическим данным строится на перенасыщении статьи или новостного выпуска информацией статистического характера (опросы, проценты, числовые значения), призванной убедить адресата в правдивости текста.

В свою очередь, тактика сравнения реализуется вследствие сопоставления двух явлений, событий или лиц, одно из которых предстает в невыгодном для него свете, а второе на фоне негативно окрашенного выглядит более выигрышно.

Тактика отрицания очевидного осуществляется посредством отрицания на первый взгляд прозрачного, понятного и очевидного факта. Данная тактика ставит под сомнение правдивость или возможность существования описываемого факта, заставляя реципиента задуматься или даже пересмотреть свое мнение.

Говоря о провокационной стратегии, некоторые исследователи используют нейтральную коннотацию данного понятия и определяют провокацию как искусственное возбуждение, усиление каких-либо явлений или признаков [Норман 1994, с. 50–51] или как тип иллюкативного вынуждения, когда говорящий демонстрирует в речи свое психологическое состояние с целью передать его собеседнику и вызвать у него аналогичное внутреннее состояние [Степанов 2003, с. 173–175]. В данной работе мы будем придерживаться более узкой трактовки: провокационная стратегия подразумевает преднамеренное контролируемое поведение автора по отношению к читателю/зрителю, дестабилизирующее его эмоциональное состояние и подстрекающее его к действиям, которые могут привести к желаемым для адресанта последствиям. В рамках данной стратегии автор стремится показать описываемое событие как нечто необычное, удивительное или шокирующее, что также побуждает адресата распространять информацию в виде слухов [Иссерс 2009].

Для реализации провокационной стратегии авторы применяют тактики выведывания информа-

ции или эмоционально дестабилизирующие тактики. В контексте создания новостных заголовков наибольший интерес представляют следующие типы эмоционально дестабилизирующих тактик: прямое и косвенное обвинение, выражение недоверия, насмешка, угроза и т. п.

Тактика «прямое и косвенное обвинение» строится на отрицательной оценке действий личности, вовлеченной в описываемые события, не умаляя интеллектуальные или нравственные качества данной личности; при этом прямое обвинение реализуется посредством деэвфемизации и персонификации, а косвенное обвинение – иносказательно [Романовская 2020].

Речевая тактика «выражение недоверия» ставит под сомнение достоверность явления, что может быть выражено через прямое уличение действующих лиц в дезинформации адресата или опосредованно.

По мнению О.С. Ахмановой, тактика насмешки предполагает тонкое, ироничное внесение критически-оценочной характеристики объекта коммуникации (Ахманова 1966, с. 177).

Тактика угрозы представляет собой незаслуженное подавление интеллектуальной составляющей сознания адресата посредством применения психического давления, но Дж.М. Сейдок считает, что данная тактика также может являться формой предупреждения о неочевидных для адресата предстоящих событиях [Sadock 1974, p. 49].

Для выявления использования данных речевых стратегий были проанализированы материалы 2020–2022 гг., посвященные пандемии коронавирусной инфекции, эпидемии геморрагической лихорадки Эбола и вспышке оспы обезьян.

Рассмотрим примеры использования фрустрационной стратегии в англо- и русскоязычных масс-медиа.

Fresh pandemic

Monkeypox declared global emergency by World Health Organisation after cases spread to more than 70 countries (The Sun, 2022).

В данном примере автор обращается к **тактике негативного прогнозирования**, применяя эпитет *fresh* (рус. «новый») в сочетании с лексемой *pandemic* по отношению к вспышке оспы обезьян, намекая на развитие событий, схожее с пандемией коронавируса. Дополнительное воздействие оказывает статистика распространения заболевания в более чем 70 странах, упоминаемая автором в подзаголовке статьи, что говорит об употреблении добавочной тактики апелляции к статистическим данным.

В следующем примере автор статьи также использовал тактику негативного прогнозирования, применяя языковую игру на основе паронимии и разделив прецедентное имя персонажа *Batman*, чтобы акцентировать внимание на передаче вируса от летучих мышей (англ. *bat*) человеку (англ. *man*). Здесь данная тактика строится на оппозиции «прошлое – будущее», т. к. автор употребляет сло-

восочетание next pandemic (рус. «следующая пандемия») в новостном подзаголовке.

Bat man

BAT flu can spread to humans and could spark next pandemic, experts warn (The Sun, 2019).

В русскоязычных масс-медиа также были обнаружены примеры тактики негативного прогнозирования. В первом примере предполагается рост числа заболевших штаммом коронавируса омикроном. Автор использует олицетворение как стилистическое средство и дополнительно воздействует на читателя посредством парцеллята, сообщая о необходимости защититься от нового штамма.

Во втором примере автор заменяет часть прецедентного текста «Новый год шагает по планете» на то же название штамма омикрон, что и в первом заголовке. Посредством такого приема автор показывает, что заболевание коснется населения всех стран, но в парцелляте демонстрируется неопределенность будущего только для нашей страны.

1) *Омикрон готовится к прыжку в России: что нужно знать, чтобы защитить себя* (Комсомольская правда, 2022);

2) *Омикрон шагает по планете: какой будет новая волна коронавируса в России* (Комсомольская правда, 2022).

Dead spread

Coronavirus scientists confirm first spread of the disease from a dead body (The Sun, 2020).

В рамках фрустрационной стратегии в данном заголовке автор реализует тактику нагнетания отрицательных эмоций посредством эпитифоры [ded sprɛd], повторяя конечные звуки. Так, автор стремится показать подтвержденный факт передачи коронавируса от умершего.

Bank of England: UK resilient but Covid fears remain

UK households have remained «resilient» despite the end of the furlough scheme and other Covid support measures, the Bank of England has said (The New York Times, 2021).

В анализируемом заголовке автор также задействует тактику нагнетания отрицательных эмоций. Посредством антитезы *resilient but ... fears remain* автор сначала дает надежду адресанту на стабилизацию экономики (*resilient* – рус. «устойчивый»), а затем добавляет негативно окрашенную лексику *fears remain* (рус. «опасения остаются»), которая не способствует появлению уверенности читателя в завтрашнем дне.

В русскоязычных СМИ также встречаются примеры тактики нагнетания отрицательных эмоций. В следующем заголовке данная тактика реализуется посредством языковой игры на основе трансформации прецедентного феномена «остров невезения», показывая возможность неблагоприятного стечения обстоятельств и появления нового вируса на территории страны.

Осна невезения: придет ли в Россию «обезьяний» вирус (Известия, 2022).

Deep in a Covid wave, Europe counts cases and carries on

Even in countries that once took strict measures, the authorities are relying on vaccination and past infections to take the sting out of omicron subvariants (The New York Times, 2022).

В рассматриваемом примере адресант применяет тактику запугивания, используя метафору *deep in a Covid wave* (рус. «погрузившая в очередную волну ковида»). Автор показывает таким образом ухудшение ситуации, связанной с заболеваемостью коронавирусной инфекцией в европейских странах, усиливая воздействие на читателя посредством таких словосочетаний, как *counts cases, Even... took strict measures*.

Автор следующей статьи также прибегает к тактике запугивания при помощи метафоры в заголовке *New Threat*, называя оспу обезьян «новой угрозой». Кроме того, необходимый адресанту эффект достигается благодаря словосочетанию *children... at high risk*, т. к. у адресата возникает страх за своих детей.

New Threat

First cases of monkeypox in kids as experts warn children under 8 at «high risk» (The Sun, 2022).

В следующем заголовке автор также применяет тактику запугивания посредством метафоры *silent killer* (рус. «безмолвный убийца»), говоря о вирусе Эбола. Так автор образно передал бессимптомное течение заболевания у человека на протяжении семи лет.

Silent killer

The world's latest Ebola virus outbreak may have been caused by a person who was infected over seven years ago, scientists have said (The Sun, 2021).

Dance with death

China's gung ho biolabs have «REPEATEDLY released deadly viruses onto the world» – so Covid lab leak is no shock (The Sun, 2021).

В рассматриваемом примере автор использует тактику запугивания при помощи идиомы *dance with death* (рус. «танцевать со смертью») в значении «делать что-то опасное/рискованное». Воздействие на читателя усиливается за счет выделения прописными буквами слова *REPEATEDLY*, что говорит о повторяющихся действиях, а также благодаря употреблению наречия *deadly*, однокоренного со словом *death*.

В следующем заголовке также применяется тактика запугивания посредством идиомы *gates of hell* (рус. «врата ада»). Языковая игра строится на основе омонимии *gates* – врата и *Gates* – фамилия Билла Гейтса, соучредителя корпорации Microsoft, который ранее «предсказал» появление пандемии, а теперь предрекает человечеству серьезные изменения климата и биотерроризм, что, по мнению автора, сравнимо с адом на Земле.

Gates of hell

Bill Gates warns of next two global disasters after predicting Covid-style virus pandemic. ... In a recent interview, the Microsoft co-founder said that he be-

lieves the greatest future threats to humanity are climate change and bioterrorism (The Sun, 2021).

В российских масс-медиа фрустрационная стратегия реализуется также посредством **тактики шокирования «фактами»**. Так, в следующем примере автор поражает читателя языковой игрой на основе пословицы «путь к сердцу мужчины лежит через желудок», заменяя часть пословицы на название вируса и давая понять, что способ заражения коронавирусом может отличаться от изученного ранее.

Путь коронавируса лежит ... через желудок? (Комсомольская правда, 2021).

Вот зараза: ученые показали, чем вирус-мутант Омикрон-штамма прикрепляется к клеткам человека (Комсомольская правда, 2022).

В данном примере автор также использует тактику шокирования «фактами», но языковая игра строится на основе парцелляции и многозначности лексемы «зараза», т. е. разговорного обозначения заболевания и междометия, выражающего раздражение происходящим. Так автор хотел показать, что новый штамм коронавируса из-за особенностей своего строения более опасен, чем предыдущие.

В отличие от англоязычных, русскоязычные масс-медиа используют **тактику демонстрации последствий** с целью реализации фрустрационной стратегии. В следующем примере автор воздействует на читателя, используя устойчивое словосочетание «шлейф остался» в переносном значении, желая показать, что коронавирус не проходит бесследно и вызывает осложнения у заболевших.

Болезнь прошла, а шлейф остался

Врач назвал людей, которым не грозят постковидные осложнения при «омикроне» (Комсомольская правда, 2022).

Анализ примеров показал, что англоязычные масс-медиа чаще используют фрустрационную стратегию, чем русскоязычные (табл. 1), при этом в большинстве случаев осуществляемую посредством тактики запугивания. Что касается языковых средств реализации данной речевой стратегии, авторы применяют языковую игру на

различных языковых уровнях от фонологического до синтаксического на основе омонимии, паронимии, эпитеты, метафоры, олицетворения, антитезы, многозначности, трансформации прецедентного феномена, идиомы, пословицы, парцелляции.

Далее необходимо рассмотреть примеры использования провокационной стратегии в англо- и русскоязычных масс-медиа.

Blame Shame

Coronavirus – China warns officials «will be nailed on a pillar of shame for eternity» if they cover up bug crisis (The Sun, 2020).

В данном заголовке провокационная речевая стратегия реализуется посредством **тактики обвинения**. Автор усиливает воздействие на читателя с помощью идиомы в заголовке статьи blame shame, чтобы показать противозаконность действий властей при попытке сокрытия реального положения дел относительно заболеваемости коронавирусом.

От завышенных цен на тесты до «очищения» в могиле: Как нас разводят на страхе перед коронавирусом (Комсомольская правда, 2022).

Российские масс-медиа также используют тактику обвинения в рамках реализации провокационной стратегии, но при помощи других языковых средств. Автор рассматриваемого примера для привлечения внимания среднестатистического читателя применяет метафоричное словосочетание «очищение в могиле» и добавляет эмоциональную окраску за счет жаргонной лексики «разводить на чем-либо». При этом автор объединяет себя с адресатом через использование местоимения «нас», что положительно сказывается на отклике реципиентов.

В следующем примере автор реализует провокационную стратегию посредством **тактики насмешки**, показывая несостоятельность властей и несвоевременно принятые меры по предотвращению распространения коронавируса. Для достижения необходимого психологического эффекта автор использует оксюморон **a little too late** (рус. «немного слишком поздно») в заголовке сюжета, смягчив его при помощи a little и показав, что была возможность уменьшить количество заболевших и умерших.

Таблица 1

Реализация фрустрационной стратегии в масс-медиа

Table 1

Implementation of a frustration strategy in the media

СМИ	Фрустрационная стратегия				
	Т. негативного прогнозирования	Т. нагнетания отрицательных эмоций	Т. запугивания	Т. шокирования «фактами»	Т. демонстрации последствий
Англоязычные СМИ	2 (13,3 %)	2 (13,3 %)	5 (33,3 %)	–	–
Русскоязычные СМИ	2 (13,3 %)	1 (6,7 %)	–	2 (13,3 %)	1 (6,7 %)

A little too late

Coronavirus – Chinese revolt over government’s slow response as ‘Wuhan is sealed off’ trends on Weibo (The Sun, 2020).

Следующий пример также демонстрирует применение тактики насмешки в рамках провокационной стратегии. В данном заголовке автор иронично высказывается о нетрадиционных блюдах китайской кухни, употребление которых, по версии ученых, способствовало передаче коронавируса от летучих мышей человеку. Воздействие достигается посредством использования оксюморона *deadly delicacy*, в котором объединяются лексема *deadly* (рус. «смертельный»), показывающая последствия заражения вирусом после поедания «сомнительной пищи», и контрастирующая лексема *delicacy* (рус. деликатес).

Deadly delicacy

CHINESE scientists have claimed that the new coronavirus shared a strain of virus found in bats. But what is bat soup and is it safe to eat? (The Sun, 2020).

Zombieland

Coronavirus will infect 350,000 in Wuhan alone experts say as vid ‘shows corpses blocking hospital corridors’ (The Sun, 2020).

В рассматриваемом примере автор также использует тактику насмешки, с сарказмом описывая большое количество тел умерших от коронавируса, скопившихся в больницах г. Уханя. В заголовке статьи автор привлекает внимание адресата метафорой на основе прецедентного одноименного названия фильма ужасов *Zombieland*, сравнивая увеличение числа заболевших и умерших с нашествием зомби.

Однако такой же прием и заголовок использует и автор другой статьи, показывая нелепость жителей одной из китайских деревень, перекапывающих дороги в попытке остановить «нашествие» заболевших, не желающих соблюдать карантин.

ZOMBIELAND

Coronavirus – Desperate villagers in China arm themselves with spears and dig up roads to stop sick escaping quarantine (The Sun, 2020).

В следующем заголовке автор образует окказионализм *jabulous* из лексем *jab* (рус. «прививка») и *fabulous* (рус. «сказочный, невероятный»), насме-

хаясь и обесценивания таким образом исследования ученых, утверждающих, что новая прививка может защитить человека от коронавируса на всю жизнь, при этом сообщая о растущем числе заболевших.

Jabulous

Two Pfizer and Moderna jabs could give lifetime protection against Covid, study finds (The Sun, 2021).

Помимо описанных выше тактик, авторы также используют тактику выражения недоверия для реализации провокационной стратегии в следующих примерах:

1) **Playing with fire**

World’s most dangerous biolabs studying diseases with NO CURE as Covid leak feared to have infected dozens in Taiwan (The Sun, 2020).

В данном примере автор привлекает читателя идиомой *to play with fire* (рус. «играть с огнем») в заголовке статьи, показывая опасность изучения новых заболеваний (в том числе ковида) при отсутствии необходимого лекарства;

2) **Omicron: India aims to avoid «pandemic roulette».**

As the country tries to contain the spread of the Omicron variant, laboratories like the NIV are working round the clock to identify people who might be infected by it. (The Sun, 2021).

В рассматриваемом примере автор производит замену в идиоме «русская рулетка», на «пандемийная» (*pandemic roulette*), сохраняя значение опасности и непредсказуемости. Автор показывает, что невозможно предугадать дальнейшее распространение заболеваемости, несмотря на меры, принимаемые правительством и лабораториями.

В следующем примере русскоязычных масс-медиа тактика недоверия также выражается заменой в идиоме, связанной с игрой. Автор демонстрирует несерьезность ситуации, используя словосочетание «игра в коронавирус», а в парцелляте уверяет, что найдена причина такого отношения многих граждан к информации о данном заболевании.

«**Игра в коронавирус**»: ученые поняли, что заставляет людей не верить в реальность пандемии
 Психолог объяснила феномен конспирологического ковидного «заговора» (Комсомольская правда, 2021).

Таблица 2

Реализация провокационной стратегии в масс-медиа

Table 2

Implementation of a provocative strategy in the media

СМИ	Провокационная стратегия		
	Т. обвинения	Т. насмешки	Т. выражения недоверия
Англоязычные СМИ	1 (10 %)	5 (50 %)	2 (20 %)
Русскоязычные СМИ	1 (10 %)	–	1 (10 %)

Проанализировав примеры новостных заголовков, реализующих провокационную стратегию, мы пришли к выводу, что англоязычные масс-медиа чаще всего используют тактику насмешки, говоря о заболеваемости коронавирусом, лихорадкой Эбола или оспой обезьян (табл. 2). При этом авторы употребляют такие языковые средства, как оксюморон, метафора и окказионализм. В свою очередь русскоязычные СМИ не применяют тактику насмешки в заголовках указанной тематики. Что касается тактики обвинения и тактики выражения недоверия, и англо-, и русскоязычные масс-медиа реализуют их посредством употребления устойчивых выражений, идиом и трансформированных идиом.

Полученные результаты и выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что англоязычные масс-медиа значительно превосходят русскоязычные в употреблении экспрессивных речевых стратегий

(фрустрационной и провокационной) в рамках новостных статей/выпусков, касающихся пандемии коронавируса, эпидемии Эбола и оспы обезьян. Проанализированные примеры говорят о намерении авторов воздействовать на первичные эмоции и желания адресата: чувство страха и тревоги, желание жить. Доказательством служат лексемы, используемые при создании языковой игры в заголовках: в англоязычных СМИ – *death* «dead, threat, fear, killer», в русскоязычных – «могила», «страх», «зараза» и т. д. При этом фрустрационная стратегия, применяемая авторами чаще провокационной в данном контексте, реализуется посредством более разнообразных языковых средств. Исходя из вышесказанного, мы можем прийти к следующему выводу: авторы чаще используют фрустрационную стратегию при передаче новостей о массовых заболеваниях, т. к. ее реализация возможна на всех языковых уровнях (от фонологического до синтаксического), что позволяет увеличить охват воздействия на адресата.

Материалы исследования

The New York Times 2021 – *The New York Times* Bank of England: UK resilient but Covid fears remain 2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/13/world/europe/covid-anxiety-depression-omicron.html?searchResultPosition=223> (дата обращения: 11.01.2023).

The New York Times 2022 – *The New York Times* Deep in a Covid Wave, Europe Counts Cases and Carries On 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/07/21/world/europe/covid-ba5-wave.html?searchResultPosition=7> (дата обращения: 11.01.2023).

The Sun – *The Sun* 2019–2022. URL: <https://www.thesun.co.uk> (дата обращения: 12.01.2023).

Ахманова 1966 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 608 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002421989>.

Известия 2022 – *Известия*. Оспа неvezения: придет ли в Россию «обезьяний» вирус 2022. URL: <https://iz.ru/1337595/anastasiia-platonova-olga-kolentcova-roman-soldatov-veronika-kulakova/ospa-nevezeniia-pridet-li-v-rossiiu-obezianii-virus> (дата обращения: 14.01.2023).

Катенева 2010 – *Катенева И.Г.* Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ (на примере общественно-политических оппозиционных изданий): специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Катенева Ирина Геннадьевна. Новосибирск, 2010. 24 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003493665?page=1&rotate=0&theme=white>.

Комсомольская правда – *Комсомольская правда* 2019–2022. URL: <https://www.kp.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

Библиографический список

Moravec, Minas, Dennis 2018 – *Moravec P., Minas R., Dennis A.R.* Fake News on Social Media: People Believe What They Want to Believe When it Makes No Sense at All // Kelley School of Business Research Paper. 2018. No. 18–87. 36 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3269541>.

Sadock 1974 – *Sadock J.M.* Toward a Linguistic Theory of Speech Acts. New York: Academic Press, 1974. 168 p. URL: <https://archive.org/details/towardlinguistic0000sado>.

Исмаилова 2017 – *Исмаилова О.И.* Речевые стратегии и тактики манипулятивного воздействия в масс-медиа на основе языковой игры (на примере английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–1 (78). С. 95–98. URL: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/25.html.

Иссерс 2003 – *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд., стереотип. Москва: УРСС, 2003. 284 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19770663>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qqqrld>.

Иссерс 2009 – *Иссерс О.С.* Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/issers-09.htm?ysclid=lmhmib3nip81197635>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15127752>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mtbbid>.

Кабанова 2020 – *Кабанова И.Н.* Стратегии и тактики представления террористической угрозы в англоязычном медийном дискурсе // Стратегии и тактики в различных регистрах общения (на материале современных индоевропейских языков): сборник материалов по результатам научной конференции. Нижний Новгород,

12 ноября 2019 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2020. С. 47–55. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47177959>. EDN: <https://www.elibrary.ru/fuvrnd>.

Норман 1994 – *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. 227 с. URL: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=233208&ysclid=lmhn42yrz5671870761>.

Романовская 2020 – *Романовская Л.В.* Провокационные тактики в дискурсе англоязычных политических интервью // Стратегии и тактики в различных регистрах общения (на материале современных индоевропейских языков): сборник материалов по результатам научной конференции. Нижний Новгород, 12 ноября 2019 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2020. С. 113–118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47177953&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/aeckyp>.

Степанов 2003 – *Степанов В.Н.* Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 6, № 2. С. 157–180. URL: http://mj.l.rsu.ru/issues/_num_6-2-2003.pdf.

Щербатых 2007 – *Щербатых Ю.В.* Психология страха: популярная энциклопедия. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Эксмо, 2007. 504 с. URL: <https://djvu.online/file/dG9wsxOv63hEW>.

References

Moravec, Minas, Dennis 2018 – *Moravec P., Minas R., Dennis A.R.* (2018) Fake News on Social Media: People Believe What They Want to Believe When it Makes No Sense at All. *Kelley School of Business Research Paper*, no. 18–87, 36 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3269541>.

Sadock 1974 – *Sadock J.M.* (1974) Toward a Linguistic Theory of Speech Acts. New York: Academic Press, 168 p. Available at: <https://archive.org/details/towardlinguistic0000sado>.

Ismailova 2017 – *Ismailova O.I.* (2017) Speech strategies and tactics of manipulative influence in mass media based on language game (by the example of the English and Russian languages). *Philology. Theory & Practice*, no. 12–1 (78), pp. 95–98. Available at: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/25.html. (In Russ.)

Issers 2003 – *Issers O.S.* (2003) Communicative strategies and tactics of Russian speech. 3rd edition, stereotyped. Moscow: URSS, 284 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19770663>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qqrlid>. (In Russ.)

Issers 2009 – *Issers O.S.* (2009) Strategy of speech provocation in public dialogue. *Russian Language and Linguistic Theory*, no. 2 (18), pp. 92–104. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/issers-09.htm?ysclid=lmhmib3nip81197635>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15127752>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mtbbid>. (In Russ.)

Kabanova 2020 – *Kabanova I.N.* (2020) Strategies and tactics of terrorist threat presentation in English mass media discourse. In: *Strategies and tactics in various registers of communication (based on the material of modern Indo-European languages): collection of materials on the results of scientific conference, Nizhny Novgorod, November 12, 2019*. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet im. N.A. Dobrolyubova, pp. 47–55 Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47177959>. EDN: <https://www.elibrary.ru/fuvrnd>. (In Russ.)

Norman 1994 – *Norman B.Yu.* (1994) Grammar of the speaker. 227 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001689125>. (In Russ.)

Норман 1994 – *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. 227 с. URL: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=233208&ysclid=lmhn42yrz5671870761>.

Romanovskaya 2020 – *Romanovskaya L.V.* (2020) Provocation tactics in the discourse of English political interviews. In: *Strategies and tactics in various registers of communication (based on the material of modern Indo-European languages): collection of materials on the results of scientific conference, Nizhny Novgorod, November 12, 2019*. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet im. N.A. Dobrolyubova, pp. 113–118. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47177953&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/aeckyp>. (In Russ.)

Stepanov 2003 – *Stepanov V.N.* (2003) Provocative question in pragmalinguistics. *Moscow Journal of Linguistics*, vol. 6, no. 2, pp. 157–180. Available at: http://mj.l.rsu.ru/issues/_num_6-2-2003.pdf. (In Russ.)

Shcherbatykh 2007 – *Shcherbatykh Yu.V.* (2007) Psychology of fear: popular encyclopedia. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Eksmo, 504 p. Available at: <https://djvu.online/file/dG9wsxOv63hEW>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

Дата поступления: 18.05.2023
рецензирования: 20.06.2023
принятия: 25.08.2023

Утрата звательного падежа и ее отражение в древнерусских и старорусских деловых памятниках письменности

Т.В. Хадыева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: tanya.hadyeva@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0009-0006-6411-7410>

Аннотация: Цель статьи – описать процесс разрушения граммы звательного падежа в истории русского языка на материале памятников деловой письменности древне- и старорусского периодов. Исследование четырех корпусов деловых текстов и количественный анализ встретившихся в них форм вокатива, прежде не проводившийся, позволили заключить следующее. В позднерусский период звательный падеж массово утрачивался с сохранением форм отдельных нарицательных существительных (*господине*, *брате*, *княже*, *господо*), которые, предположительно из-за частого употребления в документах определенных жанров, становились клишированными выражениями. Кроме того, с опорой на материал памятников был сделан вывод, что на выбор формы звательного или именительного падежа перечисленных лексем могло влиять синтаксическое окружение, а именно наличие зависимых членов предложения. Так, форму звательного падежа чаще удерживают одиночные обращения, а в конструкциях с согласованным определением или с приложением отмечаются формы именительного падежа. Это наблюдение позволило предположить, что появление зависимого слова конкретизировало обращение и возвращало его из разряда формульных, застывших выражений в обращение в прямом смысле. Поскольку граммма звательного падежа уже находилась в стадии разрушения, такое обращение принимало форму именительного падежа. Исследованный материал свидетельствует об утрате звательного падежа к концу старорусского периода.

Ключевые слова: древнерусский язык; старорусский язык; историческая морфология; деловая письменность; склонение существительных; звательный падеж; обращение.

Цитирование. Хадыева Т.В. Утрата звательного падежа и ее отражение в древнерусских и старорусских деловых памятниках письменности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 137–143. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-137-143>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Хадыева Т.В., 2023

Татьяна Валерьевна Хадыева – аспирант, кафедра русского языка, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.05.2023
Revised: 20.06.2023
Accepted: 25.08.2023

Loss of the vocative case and its reflection in Old and Middle Russian monuments of business writing

T.V. Khadyeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: tanya.hadyeva@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0009-0006-6411-7410>

Abstract: The purpose of this article is to describe the loss of the vocative case in Russian language on the material of Old and Middle Russian monuments of business writing. A study of four text corpora and quantitative analysis of the vocative forms, which has not previously been proposed, allowed us to conclude the following. The vocative case was lost in the late Old Russian period with the preservation of the forms of individual common nouns (*господине* 'lord', *брате* 'brother', *княже* 'prince', *господо* 'lords'). Presumably due to the frequent use in documents of certain genres, these forms became cliched expressions. In addition, it was concluded that, for the listed lexemes, the choice of the vocative or nominative case could depend on the syntactic environment, specifically the presence of subordinate word or words. Thus, the vocative case is more often preserved for single appeals, whilst the nominative case is chosen for appeals that have an agreed attribute or an apposition. This observation has led to the assumption that a dependent part of the sentence specified the appeal and turned a formulaic expression into an appeal in the literal sense. Since the grammeme of the vocative case was already in the process of destruction, such an appeal took the form of the nominative case. Based on the studied material, it was concluded that the vocative case was lost by the end of the Middle Russian period.

Key words: Old Russian; Middle Russian; historical morphology; business writing; noun declension; vocative case; appeal.

Citation. Khadyeva T.V. Loss of the vocative case and its reflection in Old and Middle Russian monuments of business writing. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 137–143. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-137-143>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Khadyeva T.V., 2023

Tatyana V. Khadyeva – postgraduate student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1/51, Leninskiye gory, Moscow, 199991, Russian Federation.

Введение

В древнерусском языке большинство существительных мужского и женского рода склонений с основой на *-ā, *-ō, *-ī, *-i в единственном числе имели особую звательную форму, которой выражалось обращение [Черных 1952, с. 147]. Хотя обращение не вступает в синтаксические связи внутри предложения, традиционно эту форму называют звательным падежом (далее – Зв. п.) [Горшкова, Хабургаев 1981, с. 142]. В двойственном и множественном числе Зв. п. исконно совпадал с формами именительного падежа (далее – И. п.) [Борковский, Кузнецов 2006, с. 211].

О том, что Зв. п. действительно был в живом древнерусском языке, свидетельствует обширный материал берестяных грамот (тексты и переводы приводятся по данным Национального корпуса русского языка (Национальный корпус...)):

(1) *и покланяю ти са брѣтьче мои...* Новгородская берестяная грамота (далее – НБГ) № 605, 1100–1120 гг.;

(2) *се илько пок[л](епали т)и ма...* («Вот, Илька, обвинили меня...») НБГ № 834, 1120–1140 гг.;

(3) *да молю ти са госьпоже ка моа...* НБГ № 682, 1160–1180 гг.;

(4) *а ты емоу мълви ты княже вгдаешь цѣт(ъ) моужь мь[r]е зимоуси възале...* («Ты, князь, знаешь, сколько мужей мор прошлой зимой унес...») НБГ № 794, 1160–1180 гг.;

(5) *brate господине попецалоуи о моем орудье коснаминоу...* НБГ № 531, 1200–1220 гг.;

(6) *а что боуде надобе жене можи и ты брате смене даи жене можи...* («А если что будет надобно жене моей, то ты, брат Семен, дай жене моей...») НБГ № 414, 1340–1360 гг. и т. д.

Отдельно отметим, что в берестяных грамотах отмечаются звательные формы имен собственных: см. примеры 2, 6, есть и другие.

Зв. п., или вокатив, постепенно разрушился, оставив после себя реликтовые формы типа *господи*, *боже* и т. д. [Борковский, Кузнецов 2006, с. 211–212].

Традиционно считается, что Зв. п. проявил тенденцию к утрате и замене формами И. п. рано – уже в древнейших памятниках русской письменности [Соболевский 1907, с. 190–191; Черных 1952, с. 148; Борковский, Кузнецов 2006, с. 211–212], однако эта точка зрения оспаривается некоторыми исследователями [Мирочник 1970, с. 123–130;

Иванова 2004, с. 163–166]. По предположению Е.А. Плясковой, Зв. п. сохранялся в живом языке еще в XIV в. [Пляскова 2002, с. 71].

В том числе и в корпусе берестяных грамот отмечен один поздний случай использования в качестве обращения формы И. п. имени собственного:

(7) *а ты репехо слушаешь домни и ты фовро* («А ты, Репех, слушайся Домны и ты, Фовр (или Фовра)») НБГ № 259/265, 1360–1380 гг.

«Фовро» здесь может быть как формой Зв. п. женского имени Фовра (*ā-склонение), так и аналогичной «Репехо» формой И. п. мужского имени Фоврь (*ō-склонение) с меной ѣ на о, характерной для бытовой графической системы [Зализняк 2004, с. 23].

Для форм И. п. ед. ч. существительных мужского рода *ō-склонения в древнеовгородском диалекте было характерно специфическое окончание -е [Зализняк 2004, с. 99]. Как следствие, в твердом варианте склонения на *-ō совпадали формы И. и Зв. пп.: *Иване, холопе*.

Однако в грамоте № 259/265 в качестве окончания И. п. ед. ч. мужского рода выступает -ъ (с меной на -о), а не -е. По мнению А.А. Зализняка, использование формы И. п. в приведенном примере могло быть следствием экстраполяции совпадения И. и Зв. пп. и на систему с флексией -ъ [Зализняк 2004, с. 105], результатом которой и становились вокативные формы типа *Иванъ, холопъ*.

В то же время в ряде западных и юго-западных говоров Зв. п. сохранялся, а развившиеся на их основе современные украинский и белорусский языки имеют форму вокатива как в литературных вариантах, так и в говорах [Борковский, Кузнецов 2006, с. 211–212]. Кроме того, в некоторых северовосточных русских говорах отмечаются реликты Зв. п.: главным образом это формы с флексией -о от существительных склонения на *-ā [Голубева 1998, с. 199].

Как любой морфологический процесс, утрата Зв. п. не была одномоментной и могла проходить с неодинаковой скоростью для разных лексем.

По наблюдениям, которые сделал П.Я. Черных, в грамотах XIV–XV вв. разной локализации используются формы Зв. п. только ограниченного ряда лексем: *господине* (от *господинъ*), *brate* (от *братъ*), *княже* (от *князь*), *госпоже* (от *госпожа*). П.Я. Черных называет эти словоформы «особенностью условной фразеологии» [Черных 1952,

с. 148]. По всей видимости, подразумевается, что перед нами застывшие одиночные обращения, которые часто употреблялись в определенных контекстах и стали чем-то вроде клише.

Однако подробный количественный анализ того, как утрату вокатива отражали деловые тексты, до сих пор предложен не был.

Основная часть

Нами было проанализировано 4 корпуса деловых текстов.

1. 57 грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. (далее – ДДГ) по изданию (ДДГ 1950).

2. 181 новгородская и псковская грамота XII–XV вв. (далее – ГВНП) по изданию (ГВНП 1949).

3. 50 рязанских текстов второй половины XV–XVI вв. (далее – ПРяз) по изданию (ПРяз 1978).

4. 283 смоленских текста, которые были созданы в период с 1607 по 1611 г. и связаны с осадой Смоленска (далее – ПОС), по изданию (ПОС 1912).

Анализируются тексты только оригинальных документов, списки к изучению не привлекались.

Исследование перечисленных документов пошло следующим образом.

1. ДДГ.

В ДДГ встретилось более 800 этимологически верных форм вокатива. Такая частотность связана с жанровой спецификой памятников: для договорных грамот характерна двухчастная структура, при этом каждая из частей является обращением одной стороны договора к другой. Поэтому неудивительно, что в текстах часто повторяются однотипные формы Зв. п.

Все отмеченные примеры представляют собой формы слов **ѡ*-склонения *господи* и *братъ* и распределяются по векам следующим образом:

XIV в. – 20 примеров: *господине* (11 раз), *брате* (9 раз);

XV в. – 791 пример: *господине* (576 раз), *брате* (215 раз).

Приведем несколько примеров:

(8) *держати тобѣ нас, г(осподи)не, собѣ брат(ь)ею молодиею...* № 31;

(9) *моему, г(о)с(поди)не, писцю быти с твоимъ писцем...* № 44;

(10) *не даси, г(о)с(поди)не, Суходола... кн(а)зю Дмитрею...* № 45 (1б);

(11) *по грехом, брате, отъимет б(о)гъ мене* № 42;

(12) *чего, брате, достанешъ... казны...* № 45 (1а);

(13) *на семь, г(о)с(поди)не, брате старъишии, княз(ь) великии Василии... целуйте ко мнѣ кр(е)сть...* № 45 (1б) и т. д.

Помимо упомянутых лексем, было отмечено несколько предложений, в которых обращениями выступают существительные *братия* **а*-склонения и *сынъ* искомого **й*-склонения, которое рано начало взаимодействовать со склонением на **-ѡ*, из-за чего ко времени создания исследованных текстов выделение его как отдельного типа неактуально

[Хабургаев 1990, с. 59]. Эти лексемы в функции обращений всегда стоят в И. п.:

(14) *вы, братья моя, не восчините...* № 3 (XIV в.);

(15) *на се^и, братья молошца, кн^аз(ь) Дмитрии... и кн^аз(ь) Дмитрии, целуйте...* № 34 (2 раза) (XV в.);

(16) *ты, с(ы)нъ мои, кн^гз(ь) Иван, держи мат(е)рь свою во чти...* № 20 (XV в.);

(17) *ты, сынъ мои, князь Василеи, чти матерь...* № 22 (XV в.).

Отдельно заметим, что в ДДГ не встречаются формы Зв. п. имен собственных. В контекстах, где их можно было бы ожидать, всегда видим формы И. п. (см. примеры 13, 15–17, есть и другие). То же со словом *князь*, при котором, что интересно, во всех отмеченных контекстах есть зависимые слова: согласованные определения либо приложения (см. те же примеры).

Поскольку в текстах отсутствуют формы вокатива собственных существительных и встречаются формы вокатива всего двух лексем, можно сделать вывод о том, что к XIV–XV вв. Зв. п. на территории Центра уже находился на продвинутой стадии разрушения.

Обратившись к приведенному выше списку, который составил П.Я. Черных, можем отметить следующее. Существительное *госпожа* в исследованных ДДГ не встретилось, формы *господине* и *брате* сохраняются, а лексема *князь* в функции обращения всегда выступает в И. п. Последнее, вероятно, можно объяснить так: во всех этих случаях слово *князь* имеет зависимые слова, которые переводят его из разряда стандартизированных формул («этикетных знаков» [Пляскова 2002, с. 64]) в обычное обращение. Зв. п. к этому времени уже разрушался, поэтому обращения выражены И. п.

2. ГВНП.

В ГВНП XII–XV веков отмечено 186 этимологически верных форм вокатива. Соответствующие контексты встречаются преимущественно в договорных грамотах (например, устанавливающих отношения Великого Новгорода с князьями), в то время как в грамотах внутреннего управления и частных документах (данных, купчих, духовных грамотах и т. п.) они редки.

Встретившиеся примеры распределяются по векам следующим образом.

XII в. – 3 примера: *игумене, Исаие, брати* (по 1 разу, все – из грамоты № 81). В издании (ГВНП 1949) имя игумена дано в квадратных скобках как восстанавливаемая форма, однако представляется возможным в данном случае опираться на мнение А.А. Гиппиуса, который приводит словоформу как достаточно надежно читаемую в более позднем издании этого документа – Мстиславовой грамоты [Гиппиус 2008, с. 126].

XIII в. – 62 примера: *княже* (57 раз), *господине* (3 раза), *отче, Варламе* (по 1 разу).

XIV в. – 110 примеров: *княже* (104 раза), *господине* (6 раз).

XV в. – 11 примеров: *господине* (9 раз), *господо* (2 раза).

Подавляющее большинство примеров – форма Зв. п. существительного **ѡ*-склонения *князь*. Всего был отмечен 161 пример, и все – в текстах XIII и XIV вв. Некоторые из контекстов приведены ниже:

(18) *на семь, княже, цгьлуи хрьсть...* № 6;

(19) *а нелюбие, княже, тобѣ отложити...* № 7;

(20) *а гнѣва ти, княже, до Новагорода не държати...* № 9;

(21) *а в Ладогу слати ти, княже, осетреника... и медовара...* № 15 и т. д.

Уступает ей по частоте форма Зв. п. лексемы *господинъ*, тоже **ѡ*-склонения. Она встретилась 18 раз в текстах XIII–XV в. Несколько примеров:

(22) *на томъ, господине, на семь крьсть цгьлуи...* № 3;

(23) *на семь, господине, Новгородъ всѣ крьсть цгьлуеть...* № 15,

(24) *а во се, господине, продавецъ Никон предъ тобою...* № 220 и т. д.

При этом в единственной грамоте XV века, где существительное *князь* выступает в функции обращения, вместо словоформы Зв. п. *княже* используется форма И. п., хотя рядом с ней стоит вокатив *господине*:

(25) *на семь на всемъ, господине князь великии Борисъ Александровичъ, челуи крьсть...*;

(26) *старьи, господине князь великии, рубежь земли и воде даи...*;

(27) *на томъ на всемъ, князь великии Борисъ Александровичъ, челуи, господине, крьсть...* № 20.

Однако материал лишь одного документа не является показательным и не позволяет делать на его основании уверенные выводы.

Помимо упомянутых примеров, в текстах XII и XIII вв. встретилось по одной вокативной форме слов **ѡ*-склонения *отць*, *игуменъ*, *Варламъ* и **ѧ*-склонения *Исаия*, *братия*:

(28) *ты, игумене Исаие, и вы, братиѣ, ...моли те бога за мя...* № 81 (XII в.);

(29) *ты, Варламе, исправи...* № 105 (XIII в.);

(30) *то ти, отцье, повѣдаю...* № 4 (XIII в.).

Кроме того, в грамоте начала XV в. отмечено несколько примеров использования в качестве обращения формы номинатива существительного **ѡ*-склонения *местерь* ('магистр, высшее должностное лицо в средневековых духовно-рыцарских орденах' (Словарь XI–XIV, с. 510, 523)):

(31) *ты, честныи добрыи местерь, чтобы еси повельтъ...*;

(32) *ты, честныи местерь, ими вѣру...*;

(33) *и ты, добрыи местерь, ... чобы если имъ вельтъ...* № 53.

Требует комментария следующий контекст из грамоты конца XIII века:

(34) *на семь, князь Михаило, цгьлуи крьсть...* № 5.

Судя по всему, в качестве обращения здесь использованы две формы И. п. Из других грамот об отношениях Великого Новгорода с тверским кня-

зем Михаилом Ярославичем выясняется, что начальная форма его имени – *Михаило* (*князь великьи Михаило крьсть цгьловаль* № 11, *се язъ князь великии Михаило dokonчалъ есми...* № 12 и т. д.) и это слово **ѡ*-склонения (Р. п. *от Михаила* № 4, Д. п. *князю Михаилу* № 6–10). Поэтому гипотеза о том, что перед нами существительное склонения на **-ѧ* (И. п. *Михаила*, Зв. п. *Михаило*), представляется несостоятельной.

Помимо примера (28), было зафиксировано еще три контекста, где в функции обращения выступают существительные **ѧ*-парадигмы. Все – в грамотах XV века.

В двух из них, происходящих из одной грамоты, видим использование исконной формы Зв. п. собирательного существительного *господа*:

(35) *обитель, господо, святого Спаса и святого Николы... от миру удалъла...*;

(36) *чтобы есте, господо, жаловаль обитель... и насъ убогыхъ...* № 96.

В третьем контексте в качестве обращения выступает И. п. слова *братия*:

(37) *отдайте, братья моя, отчину мою...* № 167.

Стоит отметить, что в подавляющем большинстве случаев в ГВНП формы Зв. п. используются при условии, что при существительном нет зависимых слов (определений или приложений): ср. примеры (18)–(24), (29), (30), (35), (36) и примеры (25)–(27), (31)–(34), (37). Эту закономерность наглядно иллюстрирует существительное *князь*: в исследованных текстах часто встречается одиночная словоформа *княже* (примеры 18–21 и др.), но распространенное обращение всегда выглядит как *князь великий*, *князь Михаило* или *князь Борис* и т. п. (примеры (25)–(27), (34) и др.).

Не подчиняется закономерности словоформа *игумене*, при которой стоит Зв. п. имени собственного *Исаие* (пример (28)). Но этот контекст происходит из грамоты № 81, датированной первой половиной XII века и, судя по всему, отражающей языковую систему, в которой Зв. п. еще используется достаточно последовательно.

Кроме того, в еще одном контексте было отмечено использование сразу двух форм вокатива:

(38) *мы ти ся, господине княже, кланяемъ* № 2.

Впрочем, и это не очень поздний текст: грамота датируется 1266 г.

Можно заключить, что новгородские и псковские тексты XII–XIII вв. демонстрируют языковую систему с более устойчивым Зв. п., чем в более поздних грамотах этого же корпуса, поскольку в ранних документах отмечены даже примеры вокативных форм имен собственных.

В ГВНП XIV–XV вв. сохраняются формы Зв. п. всего трех лексем: *княже* и *господине*, входящие в список, который составил П.Я. Черных, а также *господо* (в одном тексте, поэтому малопоказательна). Лексема *госпожа* в ГВНП не встретилась, а существительное *братъ* не было отмечено в функции обращения.

Итак, можно заключить, что на Северо-Западе, как и в Центре, к XIV–XV вв. граммема Зв. п. уже находилась в процессе разрушения.

3. ПРЯЗ.

В ПРЯЗ встретилось 186 контекстов с использованием Зв. п., которые распределяются по векам следующим образом.

XV в. – 40 примеров: *брате* (2 раза), *господине* (38 раз).

XVI в. – 146 примеров: *господине* (146 раз).

Приведем несколько примеров:

(39) *на се^н на все^н г(осподи)не брате старіиши... Иван Васи^неви^н целоуи... кр^сть... № 7;*

(40) *дръжати ти г(осподи)не мена собъ брато^н молодши^н... № 7;*

(41) *жалоба на^н г(о)с(поди)не на то^с игоумена на Ка^сана... № 17;*

(42) *село есми г(о)с(поди)не Дубовичи... прода^н... № 23 и т. д.*

Один контекст требует комментария:

(43) *пог^оте г(о)с(поди)не соу^ои за нами... № 17.*

Судя по всему, здесь форма И. п. мн. ч. *судьи* выступает в качестве приложения к форме Зв. п. (отличалась от И. п. только в единственном числе) *г(о)с(поди)не*. Как отмечал П.Я. Черных, к середине XVI века формы Зв. п. перестали восприниматься как формы исключительно единственного числа, в деловых памятниках стали появляться подобные примеры сочетания старой формы Зв. п. с существительным в И. п. мн. ч. [Черных 1952, с. 148].

Кроме того, в текстах встретилось несколько примеров, где использованию Зв. п., по всей видимости, препятствует наличие у существительного зависимых слов. Преимущественно это контексты со словосочетанием *великий князь*:

(44) *да и ты кн^а велики Иван Васи^неви^н с н(а) шею м(а)т(е)рю великою кн(я)г(и)нею Анною отделили есте мн^г...;*

(45) *а на ко^н что оурче^ш ты кн^а велики продажи своему нам^гстникоу... № 7 и т. д.*

Отдельно заметим, что в грамоте № 7 есть 5 конструкций, в которых номинатив *князь* находится в непосредственном соседстве с вокативом *господине*. Например:

(46) *а с кем г(осподи)не кн^а великии боуде^ш ты в доко^нча^ни...;*

(47) *а тебъ г(осподи)не кн^а великии мена жал[овати] и печаловати...;*

(48) *то^с ти г(осподи)не кн^а великии все^с по^о мною блюсти...;*

(49) *а ч^гм г(осподи)не кн^а великии бл(аго)с(ло)ви^н [тебе отецъ нашъ]...;*

(50) *и мн^г г(осподи)не кн^а великии по^о тобою велико^с кн(я)же^н(ь)а не хот^гти... № 7.*

В еще одном фрагменте слово *князь* стоит в форме И. п. даже после двух форм Зв. п. (*господине* и *брате*), равно как и стоящее при нем имя собственное *Иван*:

(51) *на се^н на все^н г(осподи)не брате старіиши^н кн^я велики Иван Васи^неви^н ц^глоуи ко мн^г кр^сть... № 7.*

Этот контекст стоит отличать от примера (39): тот находится в начале грамоты и часть текста в нем не сохранилась, а контекст (51), более полный, отмечен в заключении грамоты.

Во всех приведенных примерах существительное *князь* имеет при себе зависимый член предложения – согласованное определение (*великий* – см. примеры (44)–(50)), иногда с приложением (*Иван* – см. примеры (44), (51)).

Впрочем, словоформа *брате* дважды отмечена в сочетании с определением *старейший* (примеры (39), (51)), однако контексты происходят из одного и того же текста и слишком малочисленны, чтобы утверждать, что наличие определения не препятствует использованию формы Зв. п.

Итак, рязанские деловые тексты XV–XVI вв. сохраняют всего две формы вокатива: *господине* и *брате*, причем первая превалирует. В то же время существительное *князь* в функции обращения всегда стоит в номинативе, равно как и имена собственные. Лексема *госпожа* в грамотах не встретилась.

Можно заключить, что в XV–XVI вв. Зв. п. продолжает утрачиваться, но еще не разрушен полностью.

4. ПОС.

ПОС разнообразны по жанрам и включают в том числе частные письма и челобитные, тексты которых зачастую содержат обращения. Такие контексты действительно встречаются, причем обращение всегда выражено формой И. п.

В подавляющем большинстве случаев перед нами форма исконно разносклоняемого существительного *государь*, однако в функции обращения также встречаются лексемы *царь*, *князь* и имена собственные:

(52) *...какъ ты Михайло Борисовичъ... отписал еси № 25;*

(53) *да пожалуй, Ан^гтина Ивановичъ, ... отпиши ко мн^г № 55 (2 раза);*

(54) *государь царь, смилуйся, вели мн^г дат пристава... № 67;*

(55) *милосердый государь царь и великий князь Васильи Иванович... пожалуй холопа своего... № 114;*

(56) *смилуйся надо мною, Л^гв Иванович, государь, не дай с кручины умерет... № 279 и т. д.*

Поскольку в многочисленных деловых текстах Смоленска начала XVII века исконные формы Зв. п. не встречаются, можно заключить, что к этому времени граммема была разрушена.

5. Лексемное и хронологическое распределение форм Зв. п.

Все отмеченные в текстах формы Зв. п. можно представить в виде таблицы. В скобках указано количество встретившихся примеров.

Распределение форм звательного падежа по лексемам и по векам

Distribution of the vocative forms by lexeme and by century

Период	ДДГ XIV–XVI вв.	ГВНП XII–XV вв.	ПРяз XV–XVI вв.
XII в.	–	<i>игумене, Исаие, братиѣ</i> (по 1)	–
XIII в.		<i>княже</i> (57), <i>господине</i> (3), <i>Варламе, отче</i> (по 1)	
XIV в.	<i>господине</i> (11), <i>брате</i> (9)	<i>княже</i> (104), <i>господине</i> (6)	<i>брате</i> (2), <i>господине</i> (38)
XV в.	<i>господине</i> (576), <i>брате</i> (215)	<i>господине</i> (9), <i>господо</i> (2)	
XVI в.	–	–	<i>господине</i> (146)

Данные таблицы свидетельствуют о массовой утрате Зв. п. в позднерусский и старорусский периоды. При этом сохранялись формы вокатива отдельных лексем, но не имен собственных.

Формы Зв. п. собственных существительных отмечены только в двух текстах, датированных XII в. (1130 г.) и серединой XIII в. (не позднее 1270 г.).

Материал XVII в. в таблице не приведен, поскольку в исследованных смоленских памятниках этой эпохи исконные формы Зв. п. не отмечены.

Заключение

Таким образом, анализ форм Зв. п., представленных в материале исследования, позволил прийти к следующим выводам.

Формы вокатива имен собственных выходили из употребления раньше, чем у нарицательных

существительных. В исследованных памятниках деловой письменности формы Зв. п. собственных существительных не встречаются с XIV в.

В позднерусскую эпоху процесс утраты Зв. п. активно развивался. Несмотря на это, сохранялись звательные формы отдельных нарицательных существительных (см. таблицу).

Выдвинута гипотеза о том, что у ряда существительных (*господинъ, братъ, князь*) на выбор формы Зв. или И. пп. в функции обращения могло влиять синтаксическое окружение словоформы, а именно наличие у нее зависимых слов: чаще форму вокатива удерживают одиночные обращения, а конструкции, включающие согласованное определение или приложение, стоят в И. п.

К концу старорусского периода граммема Зв. п., судя по всему, была разрушена.

Материалы исследования

ГВНП 1949 – *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* / под ред. С.Н. Валка. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1949. 408 с.

ДДГ 1950 – *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* / подгот. к печати Л.В. Черепнин, под. ред. С.В. Бахрушина. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1950. 587 с.

Национальный корпус... – *Национальный корпус русского языка*. 2003–2023. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 04.05.2023).

ПОС 1912 – *Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 6: Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг.* / под ред. и с предисл. Ю.В. Готье. Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1912. 282 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4818-vyp-6-pamyatniki-oborony-smolenska-1609-1611-gg-1912>.

Пляскова 2002 – *Пляскова Е.А. История обращения в русском языке: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01* / Пляскова Елена Аркадьевна. Воронеж, 2002. 174 с.

ПРяз 1978 – *Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край* / под ред. С.И. Коткова. Москва: Наука, 1978. 190 с.

Словарь XI–XIV – *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 4. Москва: Русский язык, 1991. 559 с.

Библиографический список

Борковский, Кузнецов 2006 – *Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка*. Москва: КомКнига, 2006. 512 с. URL: <https://klex.ru/1aag>.

Гиппиус 2008 – *Гиппиус А.А. Загадки Мстиславовой грамоты // Miscellanea Slavica: сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского / сост. Ф.Б. Успенский*. Москва: Индрик, 2008. С. 109–129. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/s53g69terd/77431578.pdf>.

Голубева 1998 – *Голубева Н.Л.* Флексии звательного падежа // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1998. С. 196–228.

Горшкова, Хабургаев 1981 – *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. Москва: Высшая школа, 1981. 359 с. URL: https://www.philol.msu.ru/K-yubileyu-Klavdii-Vasilievny-Gorshkovoy/docs/Горшкова_Хабургаев_Историческая_грамматика.pdf.

Зализняк 2004 – *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 872 с. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2004_Zalizniak_Drevnenovgorodskij_dialekt.pdf.

Иванова 2004 – *Иванова Т.А.* Избранные труды / под ред. С.А. Авериной. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 344 с. URL: <https://studizba.com/files/show/djvu/1581-1-t-a-ivanova-izbrannye-trudy.html>.

Мирочник 1970 – *Мирочник Е.Ш.* Звательная форма в Остромировом евангелии // Научные труды Ташкентского университета. Ташкент: АН Узбекской ССР, 1970. Вып. 390. С. 123–130.

Соболевский 1907 – *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. Москва: Университетская типография, 1907. 309 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/62814>.

Хабургаев 1990 – *Хабургаев Г.А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. Москва: Издательство Московского университета, 1990. 296 с. URL: <https://knigi.studio/yazyika-russkogo-istoriya/ocherki-istoricheskoy-morfologii-russkogo.html>.

Черных 1952 – *Черных П.Я.* Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Москва: Учпедгиз, 1952. 312 с. URL: <https://archive.org/details/B-001-001-349>.

References

Borkovskii, Kuznetsov 2006 – *Borkovskii V.I., Kuznetsov P.S.* (2006) Historical grammar of the Russian language. Moscow: KomKniga, 512 p. Available at: <https://klex.ru/1aag>. (In Russ.)

Gippius 2008 – *Gippius A.A.* (2008) Riddles of Mstislav's letter. In: *Uspensky F.B. (Ed.) Miscellanea Slavica. Collection of articles dedicated to the 70th birthday of B.A. Uspensky.* Moscow: Indrik, pp. 109–129. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/s53g69terd/77431578.pdf>. (In Russ.)

Golubeva 1998 – *Golubeva N.L.* (1998) Inflections of the vocative case. In: *Eastern Slavic isoglosses.* Issue 2. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, pp. 196–228. (In Russ.)

Gorshkova, Khaburgaev 1981 – *Gorshkova K.V., Khaburgaev G.A.* (1981) Historical grammar of the Russian language. Moscow: Vysshaya shkola, 359 p. Available at: https://www.philol.msu.ru/K-yubileyu-Klavdii-Vasilievny-Gorshkovoy/docs/Горшкова_Хабургаев_Историческая_грамматика.pdf. (In Russ.)

Zaliznyak 2004 – *Zaliznyak A.A.* (2004) Old Novgorod dialect. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 872 p. Available at: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2004_Zalizniak_Drevnenovgorodskij_dialekt.pdf. (In Russ.)

Ivanova 2004 – *Ivanova T.A.* (2004) Selected works; *Averina S.A. (Ed.)*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 344 p. Available at: <https://studizba.com/files/show/djvu/1581-1-t-a-ivanova-izbrannye-trudy.html>. (In Russ.)

Mirochnik 1970 – *Mirochnik E.Sh.* (1970) A vocative form in the Ostromir Gospel. In: *Scientific works of Tashkent University.* Tashkent: AN Uzbekskoi SSR, issue 390, pp. 123–130. (In Russ.)

Sobolevskii 1907 – *Sobolevskii A.I.* (1907) Lectures on the history of the Russian language. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 309 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/62814>. (In Russ.)

Khaburgaev 1990 – *Khaburgaev G.A.* (1990) Essays on historical morphology of the Russian language. Nominals. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 296 p. Available at: <https://knigi.studio/yazyika-russkogo-istoriya/ocherki-istoricheskoy-morfologii-russkogo.html>. (In Russ.)

Chernykh 1952 – *Chernykh P.Ya.* (1952) Historical grammar of the Russian language. Short essay. Moscow: Uchpedgiz, 312 p. Available at: <https://archive.org/details/B-001-001-349>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111

Дата поступления: 14.04.2023
рецензирования: 18.05.2023
принятия: 25.08.2023

Дискурсивная реализация глагола *would* как маркера эпистемической модальности в англоязычном публицистическом тексте

А.Н. Морозова

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: morozova@pgsga.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2741-0926>

Ю.В. Караульщикова

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: karaulshchikova@sgspu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1222-0660>

Аннотация: В настоящей статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на раскрытие особенностей реализации эпистемической модальности в высказываниях с глаголом *would* в составе публицистических текстов англоязычных статей ситуативно-аналитического жанра по политической тематике. Актуальность исследования определяется тем, что вопрос о дискурсивных признаках модальных синтагм, реализующих эпистемическое содержание в составе речевого произведения, остается одним из наименее разработанных аспектов в изучении модальности текста. В основу исследования положена идея о том, что в отличие от так называемой «корневой» модальности, связанной с реализацией модальным глаголом своего «вещественного» значения, эпистемическая модальность находит выражение в лексико-синтаксическом способе, что предполагает ее рассмотрение в контексте синтагматики высказывания. Показано, что в анализируемом материале практически не содержится случаев реализации глагола *would* как лексического средства, тогда как его использование в составе глагольных синтагм, служащих лексико-синтаксическим средством выражения модальности, отличается высокой частотностью. Дискурсивная реализация глагола *would* характеризуется категорией полярности, которая находит отражение в противопоставлении ожидаемого и реального. Иллокутивными маркерами противопоставления являются синтагмы, которые включают полнозначные лексические единицы с эпистемической семантикой или модальные глаголы, контрастирующие по своей функциональной нагрузке с глаголом *would*. Основной риторической схемой организации речевых актов при этом является симметрия, обеспечиваемая за счет синтаксически, лексически и фонологически однородных составляющих текста. Наиболее ярко данный принцип текстовой организации проявляется в параллелизме модальных сочетаний с глаголами *would*, *could*, *should* и в паронимической аттракции.

Ключевые слова: эпистемическая модальность; глагол *would*; публицистический текст; дискурсивная реализация; модальная синтагма; речевое произведение; лексический способ; лексико-синтаксический способ.

Цитирование. Морозова А.Н., Караульщикова Ю.В. Дискурсивная реализация глагола *would* как маркера эпистемической модальности в англоязычном публицистическом тексте // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 144–152. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-144-152>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Морозова А.Н., Караульщикова Ю.В., 2023

Алевтина Николаевна Морозова – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков факультета иностранных языков, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Блюхера, 25.

Юлия Владимировна Караульщикова – старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков факультета иностранных языков, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Блюхера, 25.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.04.2023
Revised: 18.05.2023
Accepted: 25.08.2023

Discursive realization of the verb «*would*» as a marker of epistemic modality in English publicistic text

A.N. Morozova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation
E-mail: morozova@pgsga.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2741-0926>

Yu.V. Karaulshchikova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation
E-mail: karaulshchikova@sgspu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1222-0660>

Abstract: The article presents the results of the empirical study aimed at revealing epistemic modality realization in utterances with the verb would in English publicistic texts of analytical political articles. The relevance of the research is determined by the fact that discursive characteristics of modal syntagms with epistemic meaning in speech act are one of the least studied aspects of text modality. The basis of the research is the idea of epistemic modality being different from «root» modality expressed by the «material» meaning of the verb. Epistemic modality is expressed in lexico-syntactic mode which implies its study in terms of speech act syntagmatics. The results of the analysis demonstrate low frequency of the verb would as a lexical means. At the same time instances of its functioning in syntagms as a lexico-syntactic means of expressing modality are numerous. Discursive realization of the verb would is characterized by the category of polarity which is reflected in the opposition of the expected and the real. Illocutionary markers of the opposition are syntagms which contain lexical units with epistemic meaning or modal verbs with functions contrastive to those of the verb would. The main rhetorical model of speech acts organization is symmetry backed up by syntactically, lexically and phonologically similar text units. This principle of text organization is most clearly manifested in parallel word-combinations with the verbs would, «could», «should», and paronymic attraction.

Key words: epistemic modality; verb would; publicistic text; discursive realization; modal syntagm; speech act; lexical mode; lexico-syntactic mode.

Citation. Morozova A.N., Karaulshchikova Yu.V. Discursive realization of the verb «would» as a marker of epistemic modality in English publicistic text. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 144–152. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-144-152>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Morozova A.N., Karaulshchikova Yu.V., 2023

Alevtina N. Morozova – Doctor of Philology, professor of the Department of English Language and Foreign Language Teaching Methodology, Faculty of Foreign Languages, Samara State University of Social Sciences and Education, 25, Blukhera Street, Samara, 443090, Russian Federation.

Yuliya V. Karaulshchikova – senior teacher of the Department of English Language and Foreign Language Teaching Methodology, Faculty of Foreign Languages, Samara State University of Social Sciences and Education, 25, Blukhera Street, Samara, 443090, Russian Federation.

Введение

В качестве объекта исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, избран модальный глагол would, который до сих пор не получил последовательного и системного освещения ни в плане его семантики, ни в отношении особенностей дискурсивной реализации. Сведения, которые содержатся в лексикографической и учебной литературе, оказываются достаточно противоречивыми. Расхождения обнаруживаются прежде всего в вопросе о том, является ли этот глагол отдельной, самостоятельной лексической единицей, или же он представляет собой форму глагола will. Еще более противоречивыми оказываются сведения, касающиеся семантико-функциональных свойств данного глагола, а именно, его способности реализовать наряду с функцией социального взаимодействия (social interaction) [Jacobs 1995, p. 3; Celce-Murcia 2016, p. 141] логическую вероятность (logical probability), обычно трактуемую в терминах вторичного употребления [Alexander 1998, p. 156–157]. В этой связи нельзя не согласиться с Р.Я. Аббасовым, который на основе анализа обширной учебной литературы приходит к выводу о том, что представленные в ней сведения не способствуют формированию у их читателей полного представления об этом глаголе как полифункциональном. Обнаруживаются непоследовательность при изложении языкового материала, неразграничение служебной и модальной функций глагола, исключение модальной функции из перечня употреблений, подмена функции коммуникативной целью высказывания [Аббасов 2019]. Это заключение можно считать справедливым и в отношении лексикографических источников.

Научная литература также содержит указания на отсутствие четкого разграничения функций

данного глагола [Бышук 2017]. В качестве способа идентификации выражаемых глаголом смыслов предлагается использование трансформаций и синонимических замен, подбираемых на основании более или менее широкого контекста [Ломаев 2015].

Вторичное, т. е. связанное с выражением вероятности, употребление глагола обычно трактуется в терминах эпистемической модальности. Отмечается, что реализация глагола would свидетельствует о желании говорящего дистанцироваться от категоричности высказывания, не придавать высказыванию актуальный смысл [Celle 2012], а заключение, лежащее в основе высказываний с этим глаголом, базируется на знании актуального положения вещей и предшествующего хода событий, а не на логическом анализе наблюдаемых данных [Ахунзянова 2015, с. 157].

Традиционно раскрытие специфики употребления данного глагола осуществляется путем его сопоставления с глаголом will. В качестве примера можно привести исследование, раскрывающее характер взаимодействия морфологических категорий модальности, времени и вида при передаче глаголами will / would корневой и эпистемической модальности в условиях косвенной речи и в независимых контекстах [Вдовина 2010]. Описаны особенности реализации временных форм этих глаголов в ранненовоанглийском языке на материале текстов Евангелия [Дреева, Отрошенко 2020]. Современные тенденции в использовании этих глаголов лингвисты связывают с так называемой двойной модальностью, отмечая социолингвистическую обусловленность этого феномена [Салькова, Мачина 2018; Barsukova 2020].

В описании вариативных признаков данных глаголов выводы исследователей могут существен-

но расходиться. Так, заключение о том, что степень уверенности повышается от *should/ought to* к *will/would* до *must* (Кондаков 1975, с. 150), не находит подтверждения в работе А.Р. Сафиной, которая считает, что если *will* выражает высокую степень уверенности говорящего в том, что какое-либо событие актуализируется и будет достоверным в будущем, то употребление *would* связано с низкой степенью уверенности, гипотезой, предположением (Сафина 2019, с. 42–43). Утверждение, что в английской художественной литературе *would* выступает в значении вероятности гораздо реже, чем другие модальные глаголы (Горбунова 2003, с. 121), не согласуется с мнением исследователей, отмечающих высокую частотность его употребления в художественных текстах [Евласьев, Сазоненко 2020].

Обращение к лингвистической литературе свидетельствует о том, что в целом в качестве предмета исследования избираются семантика и формы модального глагола, в то время как особенности речевой реализации языковых форм с присутствием им модальным содержанием фактически не рассматриваются даже в работах тех авторов, которые исходят из тезиса о необходимости учета функционально-стилевой принадлежности текста. Так, решение вопроса об особенностях функционирования глагола *would* в составе юридических текстов ограничивается заключением о его функционировании в качестве средства выражения ирреальности или неуверенности в сообщаемом, и данный вывод подтверждается лишь двумя текстовыми фрагментами, включающими формы сослагательного наклонения [Vigaru 2015]. В исследовании, проведенном на материале санкционного дискурса, отмечается возможность использования глагола *would* для выражения уверенности в совершении действия или предположения о его протекании, однако анализу подвергается употребление этого глагола как вспомогательного и модального (в значении нежелания совершить действие в прошлом) [Бойко 2020].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день вопрос о дискурсивной реализации глагола *would* как маркера эпистемической семантики в составе речевого произведения остается одним из наименее разработанных аспектов в изучении модальности текста. Рассмотрение этого вопроса представляется значимым прежде всего потому, что в качестве средства выражения эпистемической модальности выступают не модальные глаголы как таковые, а синтагмы, словосочетания, в которых лексическое значение модальных глаголов «нейтрализуется» и которые представляют собой лексико-синтаксический способ выражения модальности. Обращение к синтагматике позволяет не только охарактеризовать семантико-функциональные особенности речевых единиц, выступающих средством выражения эпистемической семантики, но и раскрыть закономерности функционально-

прагматического характера, которые отличают определенный тип дискурса.

Избрав в качестве **предмета** исследования синтагмы с глаголом *would*, план содержания которых связан с передачей субъективной уверенности говорящего в предоставляемых им фактах, т. е. с эвиденциальностью, авторы ставят своей задачей раскрытие особенностей реализации синтагм в составе англоязычных публицистических текстов.

Материалом исследования послужили интернет-статьи ситуативно-аналитического жанра, связанные с деятельностью американского президента Барака Обамы и размещенные на таких порталах, как www.standard.co.uk, www.theguardian.com, www.nytimes.com, www.wsj.com, общим объемом 240 000 знаков.

Ход исследования

В текстах рассматриваемого жанра модальный глагол *would* отличается высокой частотностью: число синтагм, включающих данную единицу, в 1,5 раза больше, чем количество синтагм с такими высокочастотными глаголами, как *can* и *could*, при этом в 65% выборки реализуется эпистемическая модальность. Способ выражения этого модального содержания определяется нами как лексико-синтаксический: эпистемическая семантика характеризует не отдельную лексическую единицу, а модальное словосочетание, в составе которого собственно лексическое содержание слова нивелируется [Глушко, Карулин 1978, с. 64].

Прежде всего отметим, что в содержательном плане четкое разграничение синтагм, передающих эпистемическое содержание, от тех, которые представляют собой формы грамматических категорий, не всегда представляется возможным. Приведем в качестве примера фрагмент статьи Barack Obama on brink of deal for Middle East peace talks (www.theguardian.com. 25.08.2009):

(1) As well as a tougher US approach to Iran, which the Israelis see as their top priority, **the deal would see Israel offering** a temporary and partial moratorium on the expansion of settlements on the West Bank in return for moves by Arab states towards normalization ... **This would allow** Obama to announce talks on the bigger Israeli-Palestinian issues ...

After the meeting at No 10 today, **Netanyahu** said he was **hopeful** that a compromise **would be reached** to allow the peace process to restart while Israeli settlers **could** «continue living normal lives». **Brown** said he emerged from the talks more optimistic about Middle East peace. He also **pledged** that if there were no immediate progress on the Iranian nuclear impasse, further sanctions **would be** «a matter of priority».

Although Netanyahu told his cabinet before leaving Israel that **the deal would not be sealed** in London tomorrow, he and Mitchell are now down to the fine detail.

В двух предложениях первого абзаца (параллелизм которых обеспечивается структурным и семантическим сходством глагольных синтагм

и тождеством субъектов, обозначаемых подлежащими) модальные средства направлены на выражение эпистемического содержания. Во втором абзаце реализация *would*, казалось бы, определяется морфолого-синтаксическими факторами: в первом предложении *would* используется в придаточном вместо *will* для выражения футуральности; во втором предложении – как форма условного наклонения. Однако наличие слов с эпистемической семантикой (*hopeful, pledged*) и синтагмы *could continue living normal lives*, в которой созвучный с *would* модальный глагол служит средством выражения вероятности, создает контекст, обеспечивающий высказыванию эпистемическое содержание. Это, на наш взгляд, релевантно и в отношении третьего абзаца: уже отнесенность действия, факта, события к будущему (*the deal would not be sealed in London tomorrow*) предполагает его восприятие как прогнозируемого, а значит, недоверенного. Присущее формам Future-in-the-Past и сослагательному наклонению уже на эмическом уровне содержание усиливается благодаря включаемым в высказывание лексическим единицам с эпистемической семантикой и параллелизму глагольных сочетаний.

Использование параллельных структур, включающих *would*, в составе одного абзаца или ряда абзацев вообще можно считать наиболее типичной особенностью дискурсивной реализации данного глагола:

(2) The New START treaty would limit each country's strategic nuclear warheads to 1,550, down from the current ceiling of 2,200. It also would re-establish a system for verification, which had lapsed last year with the expiration of a previous arms control deal (Medvedev Hails Obama After Treaty's Ratification, www.wsj.com. 25.12.2010).

Число параллельных сочетаний варьируется от двух до семи. В нижеследующем примере синтагмы с *would* включены в каждый из абзацев текста, обеспечивая так называемую цепную связь [Солганик 2007, с. 75] за счет идентичности структуры сочетаний, включающих модальные глаголы и модальные слова (*probably, still, only*), а также контекстуальной равнозначности словосочетаний, выступающих в функции подлежащего (*the next round of penalties, such measures, such a move, governmental reforms*):

(3) The next round of penalties would probably take aim at the so-called oligarchs... Officials believe inflicting pain on this relatively small class of influential Russians is the best way to pressure Putin to change course.

Such measures would still fall well short of what the U.S. has laid out as the economic move of last resort: sector-wide sanctions...

But the U.S. is rejecting pressure to provide arms, officials said. Such a move would only escalate the conflict, signal to Putin that the U.S. was accepting a military solution to the standoff and risk turning the conflict into a proxy war, they said.

The administration instead is pushing a political resolution and has discussed a series of governmental reforms that would decentralize power away from Kiev (Obama accuses Putin of destabilizing Ukraine, www.latimes.com. 16.04.2014).

Другой характерной дискурсивной особенностью синтагм с *would* является их параллелизм с глагольными сочетаниями, включающими *could* и *should*. Первый из названных глаголов уже получил в этом плане детальное описание [Морозова, Караульщикова 2020]. Приведем пример, иллюстрирующий реализацию синтагм с *Would* и *Should* (The failed presidency of Barack Obama, www.theguardian.com. 13.03.2009):

(4) Some presidents have first-rate minds, others have first-rate temperaments. Barack Obama had both. In the first months of Obama's presidency, every appearance he made reinforced the public's admiration. ...Obama oversaw ambitious and well-received spending on everything from school teachers to solar-powered windmills. **And yet** 2013 would see the inauguration, once again, of a Republican president.

...**But** Obama preferred stern talk to stern action. **Instead of** forcing banks to open their books properly, Obama tried to buy them time by getting more money to them, hoping they would patch things up. Instead of allowing house prices to fall to a level that would allow more people to afford homes, Obama sought to aid banks to keep prices as high as possible. Instead of confronting the biggest malefactors, he **wound up** indulging them. Obama forgot that he would effectively run as a warrior priest, not a technocrat. **But** Americans were far more **willing** to forgive mistaken policies based on firm principles than mediocre policies based on expedience.

...Republicans captured the new mood of populism in the nation. Candidates like Mitt Romney, who now spoke with a southern twang and carried a pitchfork, asked why savers should bail out lenders and borrowers, why taxpayers should prop up bank directors and why houses should be expensive instead of affordable...

Синтагма *would see the inauguration* реализуется в составе топикального предложения первого абзаца и несет значительную функциональную нагрузку. Абзац, в котором автор аргументирует негативное отношение к действующему президенту, содержит три синтагмы с *would*: *would allow more people to afford homes, would effectively run as a warrior priest, would patch things up*, – которые отличаются ритмической упорядоченностью (слоговая длительность, сходство сегментной структуры слов) и реализуются в предложениях с синтаксическим и лексическим параллелизмом. Эти же характеристики обнаруживаются в последнем абзаце, где трижды воспроизводится структура *should + Inf*. Основной риторической схемой текста при этом является противопоставление, иллюкутивными маркерами которого становятся адвербиальные единицы, выступающие в качестве начальных элементов предложений: *and yet, but, instead of*. Отме-

тим также прием паронимической аттракции, который во втором, центральном абзаце связывает модальный глагол с используемыми здесь словами *wound up, a warrior; willing*.

Стереотипность такой организации текста подтверждается материалом других статей, в которых симметрия глагольных синтагм, включающих *could* и *would*, реализуется на фоне противопоставления, маркируемого модальными словами. В статье Barack Obama's Russian gamble pays off (www.standard.co.uk. 24.09.2009) синтагма с *would* входит в состав рематической части абзаца, выступающего в качестве вступительной части текста:

(5) When President Obama unilaterally abandoned plans for an anti-missile... his initiative went down badly among US conservatives... It would seem, **however**, that the Russians are willing to reciprocate his gesture.

В последующем изложении синтагмы с *would* содержатся в тематической и рематической частях абзаца, граница между которыми отмечена использованием слова *however*:

(6) The concession is legitimately limited in that Russia insists that any sanctions would have to be squarely based on recommendations from the International Atomic Energy Agency. It does, **however**, mean that when Iran holds talks with six international powers next week... the atmosphere will be significantly different than if it considered that sanctions would not be a realistic option.

Синтагмы с *Would* использованы в двух последующих абзацах в предложениях For his part, the Iranian president... has shown his own emollient side by saying he would shake all hands that «are honestly extended to us» и **But undeniably** the world would be a rather safer place if neither Iran nor North Korea were to have those weapons.

И наконец, в двух последующих абзацах симметрия обеспечивается параллелизмом словосочетаний, включающих *should*, при этом анафорическое использование союза *but* усиливает контраст в содержании текста.

(7) Plainly, it is desirable that people with spent criminal convictions and indeed mental illness should be rehabilitated into society. **But** a cab driver is in a particular relationship of trust with the public; women need to be confident that they can feel safe in taxis.

But the police might also point out that the public, too, should say please and thank you. Politeness cuts both ways.

Что касается глагола *might* в последнем предложении, то его использование в составе синтагмы, выражающей эпистемический смысл, передает ироничное отношение автора к описываемым событиям.

Продемонстрированные на материале этого текста особенности (параллелизм модальных синтагм, включение в текст лексических единиц с эпистемической семантикой и контрастирующего

по значению и функциональной нагрузке модального глагола в купе с общей установкой текста на выражение противопоставления) показательны в отношении текстов рассматриваемого жанра в целом. Подтверждением тому может служить статья Obama's sins of omission (www.globalresearch.ca. 25.04.2009), в которой также ярко проявляется тенденция к построению текста по принципу паронимической аттракции:

(8) ...After the hectoring and posturing that figured so prominently in his predecessor's style, the president's preference for dialogue rather than preaching is refreshing.

But however much Obama may differ from Bush on particulars, he **appears intent** on sustaining the essentials on which the Bush policies were grounded. Put simply, Obama's pragmatism poses no threat to the reigning national security consensus. Consistent with the tradition of American liberalism, he **appears intent** on salvaging that consensus.

For decades now, that consensus has centered on **what we might call** the Sacred Trinity of global power projection, global military presence, and global activism – the concrete expression of what politicians commonly refer to as «American global leadership» ...

Bush did not **invent** the Sacred Trinity. He merely **inherited** it and then abused it, thereby reviving the conviction entertained by critics of American globalism, progressives and conservatives alike, that the principles underlying this trinity are pernicious and should be scrapped. Most of these progressives and **at least** some conservatives voted for Obama with expectations that, if elected, he would do just that.

What the president is doing and saying matters less than what he has not done. The sins of omission are telling: There is no indication that Obama will pose basic questions about the purpose of the US military; on the contrary, he has implicitly endorsed the proposition that keeping America safe is best accomplished by maintaining in instant readiness forces geared up to punish distant adversaries or invade distant countries. Nor is there any indication that Obama intends to shrink the military's global footprint or curb the appetite for intervention that has become a signature of US policy. **Despite** lip service to the wonders of soft power, Pentagon spending, which exploded during the Bush era, continues to increase.

There are differences, **to be sure**. Bush counted on high-tech manned aircraft above and mechanized ground forces below to make quick work of any foe, with Iraq the point of main effort. **Ostensibly** learning from Bush's failures, Obama is taking a modified approach, centering his attention on «Af-Pak». His preference is for high-tech unmanned aircraft, the weapon of choice for an expanded Israeli-style program of targeted assassination in Pakistan. **Meanwhile**, when it comes to ground forces, Obama's inclination is to park the tanks and get troops out among the people, as his intensified effort to pacify Afghanistan suggests.

Obama's revised approach to the so-called Long War, formerly known as the Global War on Terror, should hearten neoconservative and neoliberal exponents of American globalism: Now in its eighth year, this war continues with no end in sight. Those who actually expected Obama to «change the way Washington works» just might feel disappointed. Far than abrogating the Sacred Trinity, the president appears intent on investing it with new life.

Основная идея статьи, озаглавленной Obama's sins of omission, состоит в следующем: надежды на то, что политический курс Барака Обамы будет существенно отличаться от политики, проводимой его предшественником в отношении американского глобализма, не оправдались. Противоречие между ожидаемым и реальностью находит отражение в лексических средствах выражения эпистемической модальности. В первой части статьи (абзацы 1–4) дважды используется фраза *he appears intent*; во второй же мы видим сходные по структуре и лексическому составу фразы *There is no indication* и *Nor is there any indication*, которые включают отрицательные слова. Слоговый параллелизм *intent* и *indication* подкрепляется использованием целого ряда слов со слогом *in*: *intent, inherited, entertained, investing, endorsed, intervention, invade, instant, intensify* (и рифмующиеся с ними *distant u pacify*).

Паронимическая аттракция, обеспечиваемая слоговым параллелизмом, поддерживается воспроизведением сходных по фонемному составу слов. В первом абзаце это такие лексические единицы, как *posturing* (в сочетании с рифмующейся *hectoring*), *prominently*, *predecessor's*, *president's preference*, *preaching*, *refreshing*. В двух последующих абзацах паронимическая аттракция обеспечивается контрастным (по отношению к названным словам) созвучием: *sustaining, essentials, simply, security, consensus, consistent*.

Основная нагрузка в выражении противопоставления ожидаемого и реального возложена на лексико-синтаксические средства выражения модальности, а именно, синтагмы с глаголами *would* и *should*, которые реализуются в предложениях, завершающих две части текста (абзацы 4 и 7):

Most of these progressives and at least some conservatives voted for Obama with expectations that, if elected, he would do just that;

Obama's revised approach to the so-called Long War, formerly known as the Global War on Terror, should hearten neoconservative and neoliberal exponents of American globalism.

Симметрия двух предложений проявляется в созвучии модальных глаголов, параллелизме слов со сходной эпистемической семантикой (*expectations* и *so-called*), но прежде всего в организации функциональной перспективы предложений. Обе глагольные синтагмы входят в состав лексических подлежащих, которые акцентируются благодаря предшествующим им парентетическим внесениям.

Несомненный интерес представляют текстовые фрагменты, включающие синтагмы с глаголами *MAY* и *MIGHT*:

But however much Obama may differ from Bush on particulars, he appears intent on sustaining the essentials on which the Bush policies were grounded;

For decades now, that consensus has centered on what we might call the Sacred Trinity of global power projection, global military presence, and global activism – the concrete expression of what politicians commonly refer to as «American global leadership»;

Those who actually expected Obama to «change the way Washington works» just might feel disappointed. Far than abrogating the Sacred Trinity, the president appears intent on investing it with new life.

Эти синтагмы вступают в диссонанс со словосочетаниями, включающими глаголы *would* и *should*. Риторические отношения, связывающие части первого из предложений, могут быть охарактеризованы как асимметричные, поскольку основаны на уступке (*But however*). Что же касается синтагм с *might*, то они явно служат средством выражения иронии, создавая асимметрию с основной частью повествования.

Дискурсивные признаки, описанные выше, прослеживаются и в другом тексте, *A Liberal Translation* (www.nytimes.com. 25.01.2009). Автор статьи размышляет над политической подоплекой термина-понятия «либерализм», и функциональная нагрузка этого термина подчеркивается за счет повтора слов, сходных по семантике и форме (*liberalism, liberals liberty*), созвучных и многим другим словам, включающим: *plausible list, include, tolerance, individualism, universalism* и др. В абзаце, который содержит противопоставление, это созвучие контрастирует с паронимической аттракцией слов, основанной на слоговом параллелизме (*conceptual conference, component, cacophony*):

(9) Faced with this worldwide conceptual cacophony, some at the conference argued that we should abandon the term, or at least dismantle it into component parts with plainer meanings. But combinations and balances belong to liberalism's defining essence, and the whole is greater than the sum of its parts.

В двух последующих абзацах употреблены три словосочетания, включающие глагол *would* (*would include liberty, some would say, I would insist*), которые семантически и прагматически связаны со словосочетанием *should abandon the term*, используемом в предыдущем абзаце:

(10) A plausible minimum list of ingredients for 21st century liberalism would include liberty under law, limited and accountable government, markets, tolerance, some version of individualism and universalism, and some notion of human equality, reason and progress.

This has been an American argument, some would say the American argument, for more than 200 years. In fact, the United States is still full of liberals, both progressive or left liberals and, I would insist, conser-

vative or right liberals. Most of them just don't use the word. Liberalism is the American love that dare not speak its name.

И наконец, в завершающем этот текст предложении синтагма с глаголом *might* явно несет иронический смысл:

(11) Then, perhaps in his second term, he might even dare to rescue the word.

Заключение

Подводя итоги анализа, можно заключить, что дискурсивная реализация глагола *would* характеризуется категорией полярности, которая находит отражение в противопоставлении ожидаемого и

реального. Иллокутивными маркерами противопоставления являются синтагмы, которые включают полнозначные лексические единицы с эпистемической семантикой или модальные глаголы, контрастирующие по своей функциональной нагрузке с глаголом *would*. Основной риторической схемой организации речевых актов при этом является симметрия, обеспечиваемая за счет синтаксически, лексически и фонологически однородных составляющих текста. Наиболее ярко данный принцип текстовой организации проявляется в параллелизме модальных сочетаний с глаголами *would*, *could*, *should* и в паронимической аттракции.

Материалы исследования

Bacevich 2009 – *Bacevich A.J.* Obama's sins of omission // www.globalresearch.ca. April 25, 2009. URL: <http://www.globalresearch.ca/obama-s-sins-of-omission/13373>(accessed 11.02.2023).

Borger, MacAskill 2009 – *Borger J., MacAskill E.* Barack Obama on brink of deal for Middle East peace talks // www.theguardian.com. August 25, 2009. URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/aug/25/barack-obama-middle-east-peace> (accessed 11.02.2023).

Francesca 2009 – *Francesca G.* Barack Obama's Russian gamble pays off // www.standard.co.uk. September 24, 2009. URL: <http://www.standard.co.uk/news/barack-obama-s-russian-gamble-pays-off-6775402.html> (accessed 11.02.2023).

Frank 2009 – *Frank T.* The failed presidency of Barack Obama // www.theguardian.com. March 13, 2009. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2009/mar/13/barack-obama-economy> (accessed 11.02.2023).

Garton 2009 – *Garton T. A.* A liberal translation // <http://www.nytimes.com>. January 25, 2009. URL: <http://www.nytimes.com/2009/01/25/opinion/25gartonash-1.html> (accessed 11.02.2023).

Hennessey 2014 – *Hennessey K.* Obama accuses Putin of destabilizing Ukraine // <http://articles.latimes.com>. April 16, 2014. URL: <http://articles.latimes.com/2014/apr/16/world/la-fg-wn-obama-russia-ukraine-20140416> (accessed 11.02.2023).

White 2010 – *White G.* Medvedev hails Obama after treaty's ratification // www.wsj.com. December 25, 2010. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052970203418804576038971848170728> (accessed 11.02.2023).

Горбунова 2003 – *Горбунова Е.В.* Лексико-грамматические средства выражения вероятности в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2003. 153с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16016698>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nmmvkl>.

Кондаков 1975 – *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. 2-е изд. Москва: Наука, 1975. 720 с.

Сафина 2019 – *Сафина А.Р.* Коммуникативно-прагматические особенности выражения эпистемической модальности в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Мытищи, 2019. 199 с.

Библиографический список

Alexander ... 1998 – *Alexander L.G.* Longman English Grammar Practice for intermediate students. Longman, 1998, 302 p. URL: https://kenanaonline.com/files/0063/63138/Longman%20English%20Grammar%20Practice%20intermediate%20Self%20Study%20Edition_fr10.pdf.

Barsukova 2020 – *Barsukova E.K.* Grammatical double modality in English: sociolinguistic aspect // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 11 (840). С. 11–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44452876>. EDN: <https://elibrary.ru/pfscwn>.

Celce-Murcia, Larsen-Freeman 2016 – *Celce-Murcia M., Larsen-Freeman D.* The Grammar Book: Form, Meaning and Use for English Language Teachers. Third edition. Boston: National Geographic Learning, 2016. 911 p. URL: https://vk.com/wall-159666848_22735?ysclid=Imeta9jjrc430973718.

Celle 2012 – *Celle A.* Epistemic «would» – a marker of modal remoteness // *Faites de Langues*. 2012. Vol. 40, issue 1. P. 149–156. DOI: <http://dx.doi.org/10.1163/19589514-040-01-900000020>.

Jacobs 1995 – *Jacobs R.A.* English Syntax: A Grammar for English Language Professionals. Oxford: Oxford University Press, 1995. 378 p. Available at: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fbooksz.net%2F2022%2F11%2F12%2Fenglish-syntax-a-grammar-for-english-language-professionals%2F&post=286877206_3263&cc_key=

Vigaru 2015 – *Vigaru R.* Modality expressed by «will» and «would» in legal tests and their equivalents in Romanian // International conference «Knowledge-based organization». 2015. Vol. 21, № 2. P. 587–591. DOI: <https://doi.org/10.1515/kbo-2015-0100>.

Аббасов 2019 – *Аббасов Р.Я.* Определение функций английского глагола «would» в современных учебных пособиях // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 10 (143). С. 162–167. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41369688>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ojbxhw>.

Ахунзянова 2015 – *Ахунзянова Р.Р.* О параллелизме эпистемического функционирования английского модального глагола «will» и татарского вспомогательного глагола «булыр» // В мире научных открытий. 2015. № 3 (63). С. 154–161. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23196458>. EDN: <https://elibrary.ru/tnpuwp>.

Бойко 2020 – *Бойко А.В.* Особенности функционирования английских глаголов в санкционном дискурсе (на примере глагола «would») // Современный дискурс-анализ. 2020. № 2 (26). Ч. 2. С. 67–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44151906>. EDN: <https://elibrary.ru/guzajn>.

Бышук 2017 – *Бышук Г.В.* Модальные глаголы: неоднозначность толкования их функций и способы преодоления этой неоднозначности // Университетский научный журнал. 2017. № 26. С. 20–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28969366>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yjyixv>.

Вдовина 2010 – *Вдовина М.В.* Темпоральные характеристики английских модальных глаголов: проблемы и решения // Вестник Омского университета. 2010. № 3 (57). С. 125–131. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15506763>. EDN: <https://elibrary.ru/nbirzp>.

Дреева, Отрошенко 2020 – *Дреева Дж.М., Отрошенко А.И.* Особенности реализации грамматических категорий времени и модальности в ранненовоанглийском и ранненововерхненемецком языках (на примере текстов Евангелия от Матфея библий Дж. Уиклифа, У. Тиндейла и М. Лютера) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 6. С. 46–55. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-6-46-55>. EDN: <https://elibrary.ru/amacpi>.

Евласьев, Сазоненко 2020 – *Евласьев А.П., Сазоненко Н.В.* Средства выражения модальности в художественном тексте (на материале английского языка) // Общество. 2020. № 4 (19). С. 49–54. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44649116>. EDN: <https://elibrary.ru/atapjs>.

Ломаев 2015 – *Ломаев Б.Ф.* «Can», «may», «will» как система средств выражения модальности возможности в английском языке // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 5–1. С. 100–102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23494295>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tudgth>.

Морозова, Караульщикова 2020 – *Морозова А.Н., Караульщикова Ю.В.* Модальные синтагмы с глаголом «could» как средство выражения эпистемической семантики в публицистическом тексте // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 149–160. DOI: <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-81-4-149-160>. EDN: <https://elibrary.ru/hrzpdn>.

Салькова, Мачина 2018 – *Салькова М.А., Мачина О.А.* Двойная модальность и корпусный анализ: актуализация обучения грамматическому аспекту современного английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 15 (810). С. 19–33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38503546>. EDN: <https://elibrary.ru/vtrfmp>.

Солганик 2007 – *Солганик Г.Я.* Синтаксическая стилистика. 4-е изд. Москва: Изд-во ЛКИ, 2007. 232 с.

Текстология... – *Текстология английской научной речи* / под ред. М.М. Глушко, Ю.А. Карулина. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 194 с.

References

Alexander ... 1998 – *Alexander L.G.* Longman English Grammar Practice for intermediate students. Longman, 302 p. Available at: https://kenanaonline.com/files/0063/63138/Longman%20English%20Grammar%20Practice%20intermediate%20Self%20Study%20Edition_fr10.pdf.

Barsukova 2020 – *Barsukova E.K.* (2020) Grammatical double modality in English: sociolinguistic aspect. *Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities*, no. 11 (840), pp. 11–20. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44452876>. EDN: <https://elibrary.ru/pfscwn>.

Celce-Murcia, Larsen-Freeman 2016 – *Celce-Murcia M., Larsen-Freeman D.* (2016) *The Grammar Book: Form, Meaning and Use for English Language Teachers*. Boston: National Geographic Learning, 3rd edition, 911 p. Available at: https://vk.com/wall-159666848_22735?ysclid=lmata9jjrc430973718.

Celle 2012 – *Celle A.* (2012) Epistemic «would» – a marker of modal remoteness. *Faites de Langues*, vol. 40, issue 1, pp. 149–156. DOI: <http://dx.doi.org/10.1163/19589514-040-01-900000020>.

Jacobs 1995 – *Jacobs R.A.* (1995) *English Syntax: A Grammar for English Language Professionals*. Oxford: Oxford University Press, 378 p. Available at: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fbooksz.net%2F2022%2F11%2F12%2Fenglish-syntax-a-grammar-for-english-language-professionals%2F&post=286877206_3263&cc_key=

- Vigaru 2015 – *Vigaru R.* (2015) Modality Expressed by «Will» and «Would» In Legal Texts And Their Equivalents In Romanian. In: *International conference «Knowledge-based organization»*, vol. 21, issue 2, pp. 587–591. DOI: <https://doi.org/10.1515/kbo-2015-0100>.
- Abbasov 2019 – *Abbasov R. Ya.* (2019) Definition of the functions of English verb «would» in modern teaching manuals. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 10 (143), pp. 162–167. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41369688>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ojbxw>. (In Russ.)
- Akhunzyanova 2015 – *Akhunzyanova R.R.* (2015) On parallelism between the English modal will and the tatar auxiliary verb bulyr in their epistemic function. *Syberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, no. 3 (63), pp. 154–161. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23196458>. EDN: <https://elibrary.ru/tnpuwp>. (In Russ.)
- Boiko 2020 – *Boiko A.V.* (2020) Features of the functioning of English verbs in the sanctions discourse (in the example of the verb would). *Sovremennyyi diskurs analiz*, vol. 2, no. 2 (26), pp. 67–74. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44151906>. EDN: <https://elibrary.ru/guzajn>. (In Russ.)
- Byshuk 2017 – *Byshuk G.V.* (2017) Modal verbs: interpretation of functional ambiguity and disambiguation methods. *Humanities and Science University Journal*, no. 26, pp. 20–29. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28969366>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yjyixv>. (In Russ.)
- Vdovina 2010 – *Vdovina M.V.* (2010) Temporal characteristics of English modal verbs: difficulties and solutions. *Herald of Omsk University*, no. 3 (57), pp. 125–131. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15506763>. EDN: <https://elibrary.ru/nbirzp>. (In Russ.)
- Dreeva, Otroshenko 2020 – *Dreeva D.M., Otroshenko A.I.* (2020) Grammatical categories of time and modality in Early Modern English and Early High German (exemplified by the texts of the Gospel of Matthew in Wycliffe, Tyndale and Luther Bibles). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, no. 6, pp. 46–55. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-6-46-55>. EDN: <https://elibrary.ru/amacpi>. (In Russ.)
- Evlasiyev, Sazonenko 2020 – *Evlasiyev A.P., Sazonenko N.V.* (2020) Means of expressing modality in literary text (based on English language). *Society*, no. 4 (19), pp. 49–54. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44649116>. EDN: <https://elibrary.ru/atapjs>. (In Russ.)
- Lomayev 2015 – *Lomayev B.F.* (2015) «Can», «may», «will» as a system of means expressing modality of possibility in the English language. *International Journal of Experimental Education*, no. 5–1, pp. 100–102. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23494295>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tudgth>. (In Russ.)
- Morozova, Karaulshchikova 2020 – *Morozova A.N., Karaulshchikova Yu.V.* (2020) Modal syntagms with the verb «could» as a means of expressing epistemic semantics in publicistic text. *The Humanities and social sciences*, no. 4, pp. 149–160. DOI: <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-81-4-149-160>. EDN: <https://elibrary.ru/hrzpdn>. (In Russ.)
- Salkova, Machina 2018 – *Salkova M.A., Machina O.A.* (2018) Double modality and corpus-based analysis: actualization of teaching modern English grammar. *Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities*, no. 15 (810), pp. 19–33. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38503546>. EDN: <https://elibrary.ru/vtrfmp>. (In Russ.)
- Solganik 2007 – *Solganik G.Ya.* (2007) Syntactic stylistics. 4th edition. Moscow: Izd-vo LKI, 232 p. (In Russ.)
- Textology... 1978 – *Glushko M.M., Karulin Yu.A. (Eds.)* (1978) Textology of English scientific speech. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 194 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111

Дата поступления: 07.05.2023
рецензирования: 09.06.2023
принятия: 25.08.2023

Лингвокреативные словообразовательные приемы в политических антропонимах на материале англоязычных интернет-мемов

С.В. Канашина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: svetlanakanashina@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0712-8213>

Аннотация: Статья посвящена анализу лингвокреативных словообразовательных приемов в политических антропонимах в дискурсивном пространстве англоязычных интернет-мемов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью детального рассмотрения лингвокреатива на словообразовательном уровне в контексте англоязычной интернет-коммуникации. Методология включала сбор и анализ эмпирического материала, словообразовательный анализ, дефиниционный анализ, лингвокреативный анализ, дискурс-анализ, лингвокультурный анализ, семантический анализ. Согласно полученным результатам, в англоязычных интернет-мемах востребованными являются такие лингвокреативные словообразовательные приемы, как генерирование лингвокреативных окказиональных телескопических единиц на базе двух деривационных основ, лингвокреативные трансформации антропонимов по принципу паронимической аттракции и игровая деаббревиация. Телескопия представляет собой словообразовательный процесс, в результате которого генерируется окказиональная лингвокреативная лексема на основе двух антропонимов, которые выступают как деривационные основы. Лингвокреативные трансформации антропонимов по принципу паронимической аттракции реализуются как искажение антропонима в целях продемонстрировать сходство с созвучной лексемой для создания прагматического эффекта. Игровая деаббревиация функционирует как лингвокреативная «расшифровка» политического антропонима, в результате чего автор предлагает реципиенту оригинальную, как правило, комическую трактовку прецедентного имени. Как показал анализ, дериваты, образованные с помощью вышеперечисленных приемов, отличаются расширенной семантикой, коннотативностью, прагматической нагруженностью. Опираясь на полученные данные, можно сделать вывод, что англоязычные интернет-мемы становятся полем для активной лингвокреативной словообразовательной игры, при этом наблюдается установка на повышенный лингвокреативный потенциал политических антропонимов. Полученные результаты могут быть успешно применены в образовательном процессе на теоретическом уровне и в практике преподавания английского языка.

Ключевые слова: интернет-мем; лингвокреатив; лингвокреатема; антропоним; словообразование; телескопия; паронимическая аттракция; деаббревиация; прецедентность.

Цитирование. Канашина С.В. Лингвокреативные словообразовательные приемы в политических антропонимах на материале англоязычных интернет-мемов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 153–159. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-153-159>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Канашина С.В., 2023

Светлана Валериевна Канашина – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 07.05.2023
Revised: 09.06.2023
Accepted: 25.08.2023

Linguocreative word-formation devices in political anthroponyms (the case of English internet memes)

S.V. Kanashina

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: svetlanakanashina@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0712-8213>

Abstract: The article looks at the linguocreative word-formation devices in political anthroponyms within the context of English internet memes. The research is relevant due to the existing necessity to thoroughly research linguistic creativity at the level of word formation in English internet communication. The methods used in the research include collecting and analysing empirical material, word formation analysis, definitional analysis, linguocreative analysis, discourse analysis,

linguocultural analysis, semantic analysis. The results of the research show that such linguocreative word formation devices as the generation of linguocreative occasional telescopic lexemes derived from two derivational bases, linguocreative transformations of anthroponyms based on paronymic attraction and language game with abbreviations are widely spread in English memes. Telescopy is a word formation process which involves generating a linguocreative occasional lexeme derived from two anthroponyms. Linguocreative transformations of anthroponyms based on paronymic attraction entail the deformation of an anthroponym in order to show resemblance to a similar word for creating a pragmatic effect. Language game with abbreviations functions as a linguocreative ‘decoding’ of a political anthroponym, as a result of which the author provides the recipient with an original and usually humorous interpretation of the precedent name. According to the research, the derivatives, generated with the help of the above mentioned devices, have broad semantics, connotations and pragmatic underpinning. To conclude, English internet memes act as a platform for linguocreative word formation processes, furthermore, political anthroponyms have a strong linguocreative potential. The results obtained in the research can be successfully applied in the educational process on the theoretical level and in English language teaching.

Key words: internet meme; linguistic creativity; linguocreative unit; anthroponym; word formation; telescopy; paronymic attraction; language game with abbreviations; precedence.

Citation. Kanashina S.V. Linguocreative word-formation devices in political anthroponyms (the case of English internet memes). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 153–159. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-153-159>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Kanashina S.V., 2023

Svetlana V. Kanashina – Candidate of Philological Sciences, associate professor of English Language Department № 3, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Введение

Интернет-мем представляет собой единицу интернет-коммуникации, которая выступает носителем культурной информации и передает знаки культурного кода от одного интернет-пользователя другому [Кронгауз 2014; Kostadinovska-Stojchevska, Shalevska 2018; Shifman 2013].

Интернет-мем как жанр компьютерно-опосредованного дискурса характеризуется лингвокреативной направленностью, которая проявляется на разных языковых уровнях [Волгогонова, Калугина, Красса 2013; Мелькаева 2022]. Лингвокреативность в интернет-мемах прослеживается на графическом, фонетическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом уровнях. Примерами лингвокреатива в мемах могут служить намеренные аграмматизмы, отступление от графического канона и сближение графической формы слова с фонетическим вариантом произношения (так называемая устно-письменная речь), лексические окказионализмы, нарушение порядка слов и т. д. [Попов 2015]. Лингвокреативность в данных единицах многообразна и выразительна.

Если рассматривать англоязычный сегмент Интернета, можно заметить, что лингвокреативные процессы в англоязычных интернет-мемах охватывают также область словообразования. Интернет-мем является благоприятной средой для словообразовательных инноваций, поскольку в данном жанре наблюдается предрасположенность к словообразовательным экспериментам. Особый интерес вызывают лингвокреативные словообразовательные приемы, в которых деривационной основой становятся антропонимы. В этом случае лингвокреативы отличаются особой выразительностью, нетривиальностью, прагматической нагруженностью и усложненной семантикой. Нередко именно политические антропонимы выступают материалом для порождения словообразовательной языковой игры, поскольку политические ан-

тропонимы являются прецедентными именами для представителей лингвокультуры и носителями коннотаций, смыслов и импликаций.

Учитывая значимость и востребованность словообразовательной языковой игры в англоязычных интернет-мемах, представляется важным рассмотреть вопрос о словообразовательных лингвокреативных процессах в англоязычных интернет-мемах, поскольку, во-первых, данный вопрос малоизучен в научной литературе, что обуславливает **новизну** исследования. Во-вторых, отмечается необходимость анализа словообразовательной языковой игры в данных единицах в целях полного и глубокого понимания лингвокреатива в контексте компьютерно-опосредованного дискурса на современном этапе развития английского языка, что обеспечивает **актуальность** данной работы.

Цель данного исследования – проанализировать словообразовательные лингвокреативные процессы на основе политических антропонимов в контексте оригинального дискурсивного пространства англоязычных интернет-мемов. Задачи исследования – выявление и описание главных словообразовательных лингвокреативных приемов в рассматриваемом эмпирическом материале.

Методологической основой данного исследования послужили работы в области теории языковой игры [Вешнякова 2016; Гридина, Талашманов 2020], а также в сфере лингвокреатива в интернет-коммуникации и в интернет-мемах, в частности [Vásquez, Aslan 2021; Самыличева 2021]. В последние годы отмечается интерес исследователей к лингвокреативу в интернет-мемах [Wagener 2021; Willmore, Hocking 2017; Никитина 2020]. Как указано в научных работах, для жанра интернет-мема свойственна установка на языковую игру, при этом подчеркивается широкий диапазон средств, используемых для создания языковой игры [Ganadhi, Sianturi, Rachmaputri 2019; Sobarna, Hannan 2022].

Работа проведена в русле современной теории лингвокреатива, согласно которой интернет-коммуникация представляет собой поле, в котором активизируются лингвокреативные ресурсы языка. В англоязычной интернет-коммуникации прослеживаются языковые инновации и эксперименты, нарушение языковой нормы в целях создать особый прагматический и стилистический эффект, лингвосемиотичность (использование как вербальных средств для передачи смысла, так и невербальных средств (знаки препинания, математические символы и т. д.) в функции вербальных знаков) и т. д. Вышеперечисленные характеристики выступают как факторы, способствующие развитию языковой игры в англоязычных интернет-мемах.

Методология, которая применялась в работе, включает такие методы, как сбор и анализ эмпирического материала, словообразовательный, дефиниционный, лингвокреативный, дискурс-анализ, лингвокультурный, семантический анализ. Кроме того, использовались методы, необходимые для рассмотрения полимодального контента в интернет-мемах с учетом семиотически-гибридной формы данных знаков. К данным методам относятся метод полимодального анализа и метод концептуальной интеграции.

В качестве материала исследования были изучены 100 англоязычных интернет-мемов, полученных из разнообразных виртуальных источников (imgflip.com, memes.com, pininterest.com, memegenerator.net и т. д.) и содержащих словообразовательную игру на основе антропонимов.

В работе представлены 12 интернет-мемов, в которых иллюстративно прослеживаются словообразовательные лингвокреативные процессы.

Ход исследования

Собранный эмпирический материал свидетельствует о том, что в дискурсивном пространстве англоязычных интернет-мемов политические антропонимы зачастую выступают деривационными основами для лингвокреативных словообразовательных процессов. Были выявлены три распространенных словообразовательных приема: образование лингвокреативных окказиональных телескопических единиц на базе двух деривационных основ, лингвокреативные трансформации антропонимов по принципу паронимической аттракции и игровая дезаббревиация.

Рисунок 1 –

Интернет-мем 1,

<https://imgflip.com/i/2ny1ww> https://www.doug-giles.art/warehouse/art_print_products/trumpenstein

Рисунок 2 –

Интернет-мем 2,

https://www.doug-giles.art/warehouse/art_print_products/trumpenstein

Один из распространенных лингвокреативных приемов на материале политических антропонимов – образование лингвокреативных окказиональных телескопических единиц. Данный прием является достаточно частотным в интернет-мемах и был зафиксирован в 17 единицах. Морфологическими основами могут служить имена собственные, которые обладают прецедентностью и выступают носителями легко декодируемых коннотаций. Образование такого рода лингвокреативных окказиональных телескопических единиц можно рассматривать как когнитивный механизм блендинга двух исходных ментальных пространств, поскольку наблюдается не только словообразовательный процесс порождения новой лексемы, но и ментальная проекция характеристик одного субъекта на другой.

Рассмотрим пример на рис. 1. В данном меме изображена американский политик, кандидат в президенты США от Демократической партии Хиллари Клинтон. Примечательным является погружение персонажа в фашистский контекст: Х. Клинтон использует характерный для фашизма жест, она также одета в форму со свастикой. Сопроводительная надпись переводится так: «Практически Гитлер». Лексема *Hitler* представляет собой лингвокреативную окказиональную телескопическую единицу, образованную от производных основ *Hitler* (англ. Гитлер) + *Hillary* (англ. Хиллари). Лингвокреатив мема усилен рифмой лексем *literally* и *Hitler*. Благодаря взаимодействию вербального и невербального компонентов генерируется сложный гротескный и метафорический образ Хиллари Клинтон как адепта фашистской идеологии. Необходимо отметить, что американский политик наделяется дерогативной коннотацией, а также подвергается негативной репрезентации под воздействием вербальной и невербальной составляющих. Экстралингвистическим контекстом данного мема, возможно, стал скандал из-за слежки предвыборного штаба Клинтон за Д. Трампом, что свидетельствует об отступлении от демократических идеалов.

Еще один пример с лингвокреативной телескопической единицей представлен на рис. 2. Лексема *Trumpenstein* представляет собой телескопическую единицу, образованную от антропонимов *Trump* (англ. Трамп) + *Frankenstein* (англ. Франкенштейн). В данном случае наблюдается проецирование характеристик литературного персонажа на бывшего президента США: Дональд Трамп изображен как злоеущий, неуправляемый и опасный монстр. В стилистическом пространстве мема наблюдаются гротеск, абсурд, установка на когнитивный диссонанс. Функциональное значение лингвокреативного словообразовательного приема очень важно, поскольку именно телескопическая единица *Trumpenstein*, подкрепленная визуальным образом, запускает прецедентность и цепочку импликаций. Реципиенту предлагается распознать прецедентный феномен и декодировать импликации автора, чтобы расшифровать сложный полимодальный образ политика.

Рисунок 3 – Интернет-мем 3, <https://faceswaponline.com/obama-bin-laden-2>

Рисунок 4 – Интернет-мем 4,

распространенной является игра слов, основанная на паронимической аттракции. Данный прием был обнаружен в 12 интернет-мемах из рассматриваемой выборки.

Рисунок 5 – Интернет-мем 5, <https://imgflip.com/m/politics/tag/joe+hidden+biden>

Рисунок 6 – Интернет-мем 6, <https://imgflip.com/tag/donald+trump+plays+trumpet>

В интернет-меме на рис. 3 также используется лингвокреативная телескопическая единица Obama Bin Laden, которая генерируется от словообразовательных основ-антропонимов Obama (англ. Обама) + Usama Bin Laden (англ. Усама бин Ладен). Данная лексема выступает носителем негативных коннотаций, поскольку бывший президент США Барак Обама уподобляется террористу. Очевидно, автор мема указывает на антидемократическую политику, применение военной силы, нарушение прав граждан со стороны Обамы. Экстралингвистическим основанием, возможно, является ироничная отсылка к присуждению Обаме Нобелевской премии мира, несмотря на то что в период его президентских сроков США бомбили Ливию, Ирак, Афганистан и Сирию. Кроме того, сложный полимодальный образ политика прагматически нагружен, поскольку данные субъекты репрезентируются в политическом дискурсе как антагонисты, однако автор мема комически их сближает.

На рис. 4 изображен интернет-мем, в котором используется лингвокреативная единица JoeObama, образованная путем телескопии от двух политических антропонимов Joe (англ. Джо Байден) и Obama (англ. Обама). Сопроводительная надпись переводится так: «Ребята, это я, Джобама». В невербальном компоненте наблюдается гротескный гибридный образ, в котором прослеживаются черты бывшего и нынешнего президентов США. В результате когнитивной операции блендинга, которая прослеживается и на словообразовательном уровне, и на структурно-семантическом, формируется комический и фантастический образ, в котором обе политические фигуры уподобляются. Таким образом, имплицитно и эксплицитно автор мема подчеркивает идентичность двух политических фигур.

Далее перейдем к игре слов как еще одному лингвокреативному словообразовательному приему, который реализуется на базе политических антропонимов. Игра слов реализуется как лингвокреативная трансформация антропонимов, включающая в себя искажения и деформации графической и звуковой формы. Игра слов представляет собой отступление от канонического варианта антропонима с целью лингвокреативного экспериментирования и нарушения языковых конвенций. Как показал эмпирический материал,

На рис. 5 продемонстрирован интернет-мем, в котором сопроводительная надпись переводится так: «Спрятавшийся Джо Байден – это человек-невидимка». Игра слов строится на основе паронимической аттракции лексем Hiden (англ. от глагола hide – прятаться) и Biden (англ. Байден). В данном случае обыгрывается графическое и звуковое сходство лексем и генерируется лингвокреативный деривационный комплекс JOE HIDDEN BIDEN. Благодаря игре слов и визуальному наполнению мема формируется сложный полимодальный метафорический образ президента США, который репрезентируется как скрытый, дистанцированный человек. Кроме того, наблюдается высмеивание антиковидных мер безопасности с помощью стилистических средств сравнения, игры слов, концептуальной оппозиции и т. д.

На рис. 6 представлен интернет-мем, в котором лингвокреативной трансформации подвергается фамилия бывшего президента США Дональда Трампа. Игра слов подкреплена визуальным компонентом. От деривационной основы TRUMP образован дериват TRUMPET, совпадающий с нарицательным существительным trumpet (англ. муз. инструмент труба). Игра слов в данном примере также строится на паронимической аттракции антропонима Trump и нарицательного сущ. trumpet. Важно отметить, что семантический анализ лексемы trumpet позволяет расширить смысловое пространство лингвокреативной единицы Donald Trumpet, поскольку кроме прямого значения имеется также переносное значение лексемы trumpet (англ. декларировать, громко заявлять, провозглашать, трубить о чем-то). Очевидно, данный компонент значения проецируется на политика. В результате генерируется комическая репрезентация Трампа, склонного к громким заявлениям, пафосу, декларированию лозунгов и т. д.

Следующий пример с игрой слов изображен на рис. 7. Сопроводительная надпись буквально переводится так: «Наполеон Бонапарт? Вы имели в виду “Наполеон, рожденный для вечеринок”?» Словообразовательный процесс мотивирован па-

ронимической аттракцией (звуковым сближением) антропонима Bonaparte и словосочетания born to party. В результате лингвокреативной деривации генерируется искаженный, комически нагруженный, неконгруэнтный вариант антропонима. Интенцией автора мема являются создание комической тональности мема и установка на когнитивный диссонанс у реципиента.

Рисунок 7 –
Интернет-мем 7,

<https://memegenerator.net/instance/78034455/joseph-duc-reux-napoleon-bonaparte-did-thou-mean-napoleon-born-to-party>

Рисунок 8 –
Интернет-мем 8,

<https://imgflip.com/i/2lxyp1>

На рис. 8 можно увидеть интернет-мем с использованием лингвокреативного окказионализма Xi Jinpooh, в котором наблюдается паронимическая аттракция с лексемой Winnie-the-Pooh (англ. Винни-Пух). Лингвокреатема образована путем телескопии от антропонимов Xi Jinping и Winnie-the-Pooh. Китайский лидер Си Цзиньпин также изображен в образе персонажа детской литературы. Благодаря концептуальной интеграции на политика проецируются такие характеристики Винни-Пуха, как капризность, склонность к необдуманным поступкам, скромные интеллектуальные возможности, эгоцентризм. В результате формируется карикатурная и ироничная репрезентация китайского политика.

Следующий лингвокреативный словообразовательный прием, который активно используется в англоязычных интернет-мемах, – это игровая дезаббревиация. Данный прием реализуется как лингвокреативная «расшифровка» политического антропонима с помощью лексем, начальные буквы которых совпадают с графемами в исходном слове. Таким образом, создается иллюзия, что политический антропоним – это аббревиатура, за которой скрывается комическое, неполиткорректное, оригинальное содержание. Как правило, этот словообразовательный процесс предполагает нетривиальную трактовку фамилии, в которой графическая форма служит ресурсом для языкового эксперимента. Авторы мемов предлагают реципиенту «раскодирование» прецедентного антропонима с целью создать комическую тональность, породить эффект обманутого ожидания или когнитивный диссонанс. Нередко игровая дезаббревиация несет в себе дискредитирующую или дерогативную коннотацию. Прием игровой дезаб-

бревиации на основе политических антропонимов обладает большим лингвокреативным потенциалом, поскольку имя собственное становится платформой для языкового творчества и инноваций. Данный прием был отмечен в 9 интернет-мемах из анализируемого материала.

**Twisted
Racist
Unqualified
Malicious
Prick**

Рисунок 9 –
Интернет-мем 9,
<https://www.redbubble.com/i/poster/Funny-Anti-Trump-Acronym-by-artvia/26901561.LVTDI>

Рисунок 10 –
Интернет-мем 10,
<https://www.teepublic.com/pin/5858917-trump-acronym-anti-trump-shirt-for-liberal-democ>

На рис. 9 и рис. 10 можно увидеть мемы, в которых игровой дезаббревиации подвергается антропоним TRUMP. На рис. 9 фамилия расшифровывается как «безумный, расистский, некачественный, злобный тупица». Начальные графемы выделены таким образом, что наблюдается акцентирование антропонима TRUMP. На рис. 10 фамилия бывшего президента США расшифровывается так: «предательский республиканец во власти Москвы». В этом примере наблюдается референция к сообщениям СМИ о связи Д. Трампа с Правительством России. В обоих примерах можно отметить установку на выраженный визуальный дизайн для декодирования антропонима, позволяющий оказывать прагматическое воздействие на реципиента. На рис. 10 применяется также прием цветовыделения красным шрифтом, повышающий экспрессивность мема. Оба примера демонстрируют комическую и отрицательную репрезентацию политика.

Рисунок 11 –
Интернет-мем 9,
<https://imgflip.com/i/46x9jk>

Рисунок 12 –
Интернет-мем 12,
<https://www.teepublic.com/sticker/23827712-biden-brain-dead-idiot-destroying-entire-nation>

На рис. 11 и рис. 12 отмечается игровая дезаббревиация антропонима Biden. В первом случае фамилия расшифровывается как «Самый большой идиот, которого демократы когда-либо избирали». Дезаббревиация усилена членением фамилии

с помощью пунктуации, что создает особый визуальный эффект. Во втором случае сопроводительная надпись переводится следующим образом: «безмозглый идиот, разрушающий всю нацию». В обоих примерах используется цветовыделение начальных графем, чтобы фокусировать внимание реципиента на антропониме. Интенцией авторов мемов на рис. 11 и рис. 12 является транслирование дерогативной и ироничной коннотации, создание отрицательного образа президента США.

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что англоязычные интернет-мемы становятся платформой для активного развития словообразовательной языковой игры. Исследование показало, что в рассматриваемых знаках востребованными являются такие словообразовательные приемы, как генерирование лингвокреативных окказиональных телескопических единиц на базе двух деривационных основ, лингвокреативные деформации антропонимов по принципу паронимической аттракции и игровая деаббревиация. Телескопия выступает достаточно продуктивным способом словообразования в интернет-мемах и реализуется как порождение окказиональной лингвокреативной телескопической единицы на основе двух антропонимов, которые выступают как де-

ривационные основы. Лингвокреативные трансформации антропонимов, построенные на паронимической аттракции, представляют собой искажение антропонима с целью показать сходство с созвучной лексемой для создания выразительного эффекта. Наконец, игровая деаббревиация воплощается в лингвокреативной «расшифровке» политического антропонима, в результате чего реципиенту предлагается нестандартное и, как правило, комическое истолкование прецедентного имени. Все вышеперечисленные словообразовательные приемы приводят к генерированию новых дериватов, в которых заложено усложненное семантическое поле, поскольку данные дериваты становятся носителями новых смыслов, коннотаций и импликаций. Помимо этого, образованные дериваты можно рассматривать как лингвокреативы, поскольку они несут в себе повышенный лингвокреативный потенциал, способствуют созданию особого стилистического и прагматического эффекта.

Рассмотренные словообразовательные приемы в англоязычных интернет-мемах не исчерпывают широкую область лингвокреативной словообразовательной игры, поэтому представляется перспективным продолжить анализ как словообразования, так и лингвокреатива в целом в дискурсивном пространстве мемов.

Библиографический список

- Ganadhi, Sianturi, Rachmaputri 2019 – *Ganadhi G. S., Sianturi M., Rachmaputri K. A.* Doing me an educate: word formation processes in doggolino // *Proceedings of the 3rd English Letters Undergraduate Conference 2019 «English Language and Literature: Their Contemporary Roles»*. 2019. P. 108–125. URL: <https://repository.usd.ac.id/36248/1/ELUC3%202019%20PROCEEDINGS.pdf>.
- Kostadinovska-Stojchevska, Shalevska 2018 – *Kostadinovska-Stojchevska B., Shalevska E.* Internet memes and their socio-linguistic features // *European Journal of Literature, Language and Linguistics Studies*. 2018. Vol. 2, № 4. P. 158–169. DOI: <http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.1492894>.
- Shifman 2013 – *Shifman L.* Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2013. Vol. 18, issue 3. P. 362–377. DOI: <http://doi.org/10.1111/jcc4.12013>.
- Sobarna, Hannan 2022 – *Sobarna K.A., Hannan A.* Word formation of «Stonks Memes» on the internet // *CALL*. 2022. Vol. 4, no. 1. P. 11–21. DOI: <http://doi.org/10.15575/call.v4i1.14445>.
- Vásquez, Aslan 2021 – *Vásquez C., Aslan E.* «Cats be outside, how about meow»: Multimodal humor and creativity in an internet meme // *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 171. P. 101–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.10.006>.
- Wagener 2021 – *Wagener A.* The Postdigital Emergence of Memes and GIFs: Meaning, Discourse, and Hypernarrative Creativity // *Postdigital Science and Education*. 2021. Vol. 3, no. 3. P. 831–850. DOI: <http://doi.org/10.1007/s42438-020-00160-1>.
- Willmore, Hocking 2017 – *Willmore J., Hocking D.* Internet meme creativity as everyday conversation // *Journal of Asia-Pacific Pop Culture*. 2017. Vol. 2, issue 2. P. 140–166. URL: <https://scholarlypublishingcollective.org/psup/jappc/article-abstract/2/2/140/314026/Internet-Meme-Creativity-as-Everyday-Conversation>. DOI: <http://doi.org/10.5325/jasiapacipopcult.2.2.0140>.
- Вешнякова 2016 – *Вешнякова А.В.* Лингвокреативный аспект интернет-мемов // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 6–4. С. 34–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-aspekt-internet-memov>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=26273343>. EDN: <https://elibrary.ru/wcykxx>.
- Волгогонова, Калугина, Красса 2013 – *Волгогонова А.В., Калугина Е.Н., Красса С.И.* Карнавализация как телеология языкового субстандарта // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 7–2. С. 61–64. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/13.html>.
- Гридина, Талашманов 2020 – *Гридина Т.А., Талашманов С.С.* Метаязыковой мем: лингвокреативные механизмы порождения и восприятия // *Политическая лингвистика*. 2020. № 2 (80). С. 134–143. DOI: <http://doi.org/10.26170/pl20-02-14>.

Кронгауз 2014 – *Кронгауз М.А.* Мем в русскоязычном Интернете: опыт деконструкции // *Русский язык и новые технологии*. 2014. С. 87–95. URL: <https://prochтение.org/passage/27806>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23158542>. EDN: <https://elibrary.ru/tmufzn>.

Мелькаева 2022 – *Мелькаева Р.В.* Лингвокреативный аспект меметических поликодовых единиц в сети интернет // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2022. Т. 26, №. 4. С. 25–34. DOI: <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2022-4-25-36>. EDN: <https://elibrary.ru/xmncer>.

Никитина 2020 – *Никитина Ю.М.* Визуализация как прием популяризации языковой игры в социальных сетях // *Пятый этаж: международный сборник научных статей молодых ученых*. 2020. № 6. С. 8–12. URL: <https://journals-altspu.ru/5-floor/article/view/1481>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44198250>. EDN: <https://elibrary.ru/jmqsgq>.

Попов 2015 – *Попов Д.В.* Мем атакует! // *Тезисы докладов и сообщений Седьмой международной научной конференции «Онтология и аксиология права»*. Омск, 2015. С. 133–137. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27561037>. EDN: <https://elibrary.ru/xfdbqv>.

Самыlicheva 2021 – *Самыlicheva Н.А.* Оценочный потенциал новообразований в языке Интернета в аспекте языковой игры // *Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография*. Москва: ООО «ФЛИНТА», 2021. С. 237–283. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44784521>. EDN: <https://elibrary.ru/lurcoc>.

References

Ganadhi, Sianturi, Rachmaputri 2019 – *Ganadhi G.S., Sianturi M., Rachmaputri K.A.* (2019) Doing me an educate: word formation processes in doggolino. In: *Proceedings of the 3rd English Letters Undergraduate Conference «English Language and Literature: Their Contemporary Roles»*, pp. 108–125. Available at: <https://repository.usd.ac.id/36248/1/ELUC3%202019%20PROCEEDINGS.pdf>.

Kostadinovska-Stojchevska, Shalevska 2018 – *Kostadinovska-Stojchevska B., Shalevska E.* (2018) Internet memes and their socio-linguistic features. *European journal of Literature, Language and Linguistics Studies*, vol. 2, no. 4, pp. 158–169. DOI: <http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.1492894>.

Shifman 2013 – *Shifman L.* (2013) Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker. *Journal of Computer-Mediated Communication*, vol. 18, no. 3, pp. 362–377. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcc4.12013>.

Sobarna, Hannan 2022 – *Sobarna K.A., Hannan A.* (2022) Word formation of «Stonks Memes» on the internet. *CALL*, vol. 4, no. 1, pp. 11–21. DOI: <https://doi.org/10.15575/call.v4i1.14445>.

Vásquez, Aslan 2021 – *Vásquez C., Aslan E.* (2021) «Cats be outside, how about meow»: multimodal humor and creativity in an internet meme. *Journal of Pragmatics*, vol. 171, pp. 101–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.10.006>.

Wagener 2021 – *Wagener A.* (2021) The Postdigital Emergence of Memes and GIFs: Meaning, Discourse, and Hypernarrative Creativity. *Postdigital Science and Education*, vol. 3, no. 3, pp. 831–850. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42438-020-00160-1>.

Willmore, Hocking 2017 – *Willmore J., Hocking D.* (2017) Internet Meme Creativity as Everyday Conversation. *Journal of Asia-Pacific Pop Culture*, vol. 2, issue 2, pp. 140–166. DOI: <https://doi.org/10.5325/jasiapacipopcult.2.2.0140>.

Veshnyakova 2016 – *Veshnyakova A.V.* (2016) Linguistic and creative aspect of Internet memes. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 6-4, pp. 34–40. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-aspekt-internet-memov>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=26273343>. EDN: <https://elibrary.ru/wcykxx>. (In Russ.)

Volkogonova, Kalugina, Krassa 2013 – *Volkogonova A.V., Kalugina E.N., Krassa S.I.* (2013) Carnivalization as teleology of language substandard. *Philology. Theory & Practice*, no. 7–2, pp. 61–64. Available at: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/13.html>. (In Russ.)

Gridina, Talashmanov 2020 – *Gridina T.A., Talashmanov S.S.* (2020) The metalinguistic meme: linguo-creative mechanisms of generation and perception. *Political linguistics*, no. 2 (80), pp. 134–143. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl20-02-14>. (In Russ.)

Krongauz 2014 – *Krongauz M.A.* (2014) Meme on the Russian-speaking Internet: experience of deconstruction. *Russian language and new technologies*, pp. 87–95. Available at: <https://prochтение.org/passage/27806>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23158542>. EDN: <https://elibrary.ru/tmufzn>. (In Russ.)

Melkaeva 2022 – *Melkaeva R.V.* (2022) Linguo-creative aspect of memetic polycode units on the Internet. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 26, no. 4, pp. 25–34. DOI: <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2022-4-25-36>. EDN: <https://elibrary.ru/xmncer>. (In Russ.)

Nikitina 2020 – *Nikitina Y.M.* (2020) Visualization as a method for popularizing a language game in social networks. In: *Fifth floor: international collection of scientific articles of young scientists*, no. 6, pp. 8–12. Available at: <https://journals-altspu.ru/5-floor/article/view/1481>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44198250>. EDN: <https://elibrary.ru/jmqsgq>. (In Russ.)

Popov 2015 – *Popov D.V.* (2015) The meme is attacking! In: *Proceedings of the Seventh international scientific conference «Ontology and Axiology of Law»*. Омск, pp. 133–137. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27561037>. EDN: <https://elibrary.ru/xfdbqv>. (In Russ.)

Samylicheva 2021 – *Samylicheva N.A.* (2021) Estimated potential of neologisms in the language of the Internet in the aspect of the language game. In: *Russian language in Internet communication: linguo-cognitive and pragmatic aspects: multi-authored monograph*. Moscow: ООО «ФЛИНТА», pp. 237–283. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44784521>. EDN: <https://elibrary.ru/lurcoc>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 1751

Дата поступления: 18.02.2023
рецензирования: 25.04.2023
принятия: 25.08.2023

Реализация когнитивных моделей ситуаций посредством ФЕ в англоязычных статьях, посвященных культуре

А.А. Асабина

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: asabina.anneta@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4543-1691>

Аннотация: В настоящее время в медиадискурсе авторы статей активно реализуют свои прагматические интенции посредством прагматического потенциала фразеологических единиц. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем фактом, что на текущий момент отсутствуют сведения о том, какие составляющие когнитивных моделей ситуаций могут с наибольшей эффективностью применяться авторами статей для реализации их прагматических интенций посредством прагматического потенциала фразеологических единиц в статьях определенных тематических групп. Целью статьи является определение составляющих когнитивных моделей ситуаций, которые актуализируются и выдвигаются на первый план посредством прагматики фразеологизмов в текстах англоязычного медиадискурса на тему «культура», причин актуализации фразеологизмами именно этих составляющих когнитивных моделей ситуаций, а также установление того, какими прагматическими целями авторов это обусловлено. Исследование проведено на материале медиатекстов – текстов статей, размещенных на сайте газеты The Guardian. В ходе исследования использовались методы дискурс-анализа, семиотического анализа, приемы наблюдения и описания. В результате анализа в статьях на тему «культура» были выявлены составляющие «обстановка» и «обстоятельства» когнитивных моделей, в большинстве примеров выдвигаемых на первый план посредством прагматики ФЕ в статьях на тему, а также определена причина данного явления.

Ключевые слова: англоязычный медиадискурс; когнитивная модель ситуации; составляющая когнитивной модели; фразеологическая единица; прагматический потенциал ФЕ; когнитивно-прагматическая парадигма, фразеологическая картина мира.

Цитирование. Асабина А.А. Реализация когнитивных моделей ситуаций посредством ФЕ в англоязычных статьях, посвященных культуре // Вестник Самарского университета Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology История, педагогика, филология . 2023. Т. 29, № 3. С. 160–169. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-160-169>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Асабина А.А., 2023

Анна Александровна Асабина – аспирант кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.02.2023
Revised: 25.04.2023
Accepted: 25.08.2023

Realization of cognitive models of situations through phraseological units in English-language articles on culture

A.A. Asabina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: asabina.anneta@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4543-1691>

Abstract: Currently, in the media discourse, the authors of articles actively realize their pragmatic intentions through the pragmatic potential of phraseological units. The relevance of the study can be proved due to the fact that at the moment there is no information about the components of cognitive models of situations which can be most effectively used by the authors of articles to realize their pragmatic intentions through the pragmatic potential of phraseological units in articles of certain thematic groups. The purpose of the article is to determine the components of cognitive models of situations that are actualized and brought to the fore through the pragmatics of phraseological units in the texts of the English-language media discourse on the topic «culture», the reasons for the actualization of these components of cognitive models of situations by phraseological units, as well as to establish what pragmatic goals of the authors this is due. The study was conducted on the material of media texts – the texts of articles posted on the website of The Guardian newspaper. The research used methods of discourse analysis, semiotic analysis, observation and description techniques. As a result of the analysis of the articles on the topic «culture», it was identified that in the most of the examples the components «situation» and «circumstances» of cognitive models were brought to the fore through the pragmatics of phraseological units, also there was determined the cause of this phenomenon.

Key words: English-language media discourse; cognitive model of a situation; component of a cognitive model; phraseological unit; pragmatic potential of a phraseological unit; cognitive-pragmatic paradigm, phraseological picture of the world.

Citation. Asabina A.A. Realization of cognitive models of situations through phraseological units in English-language articles on culture. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 160–169. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-160-169>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Asabina A.A., 2023

Anna A. Asabina – postgraduate student of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Моделирование является одним из наиболее востребованных способов познания мира. Этот метод применяется и активно развивается в лингвистике. Процесс моделирования является сложным и многоаспектным. С одной стороны, автору публикации необходимо создать образы, опираясь на определенные стандартизированные представления, адаптируясь к социальной действительности. С другой стороны, он оказывает влияние на воспроизводство этих представлений, транслируя их через языковые средства читателю и закрепляя в массовом сознании [Пронина 2015, с. 26].

Совокупность образов и представлений формируют когнитивные модели ситуаций. Стоит подчеркнуть, что в образах особую важность имеет эмоционально-оценочная составляющая. Именно поэтому для реализации когнитивных моделей ситуаций в медиадискурсе журналисты зачастую используют ресурсы фразеологии, обладающие такими качествами, как метафоричность, экспрессивность, эмоциональность.

Настоящее исследование направлено на расширение уже имеющихся данных об использовании стратегий применения фразеологических единиц в медиадискурсе, а также на получение сведений о нюансах актуализации фразеологизмами когнитивных моделей ситуаций, реализуемых в медиатекстах, принадлежащих к определенным тематическим группам. В частности, целью статьи является определение составляющих когнитивных моделей ситуаций, которые актуализируются и выдвигаются на первый план посредством прагматики фразеологизмов в текстах англоязычного медиадискурса на тему «культура», причин актуализации фразеологизмами именно этих составляющих когнитивных моделей ситуаций, а также установление того, какими прагматическими целями авторов это обусловлено.

Роль когнитивных моделей ситуаций в обработке и понимании текстов становится предметом исследования в трудах Т.А. ван Дейка [3]. Когнитивные модели ситуаций в ходе обработки дискурса используются стратегически. Стратегии применяются в целях эффективного применения имеющихся знаний реципиента. Мы анализируем различные ситуации в основном одним и тем же способом: схематический каркас ситуации, как

правило, инвариативен. Для восприятия информации в тексте от читателя в большинстве случаев не требуется привлечения абсолютно всех имеющихся знаний, связанных с той или иной ситуацией, зачастую нам необходимо использовать лишь частичные фрагменты имеющихся знаний. Мы можем представить какую-то ситуацию в виде простого предложения, в то время как в действительности данная ситуация представляет собой сложное переплетение нескольких событий и включает в себя множество действий, объектов и людей, которые играют важную роль в таких действиях, как умозаключение, создание образа, припоминание и узнавание [ван Дейк 1989, 82–83].

Таким образом, когнитивная модель ситуации является своего рода обобщением информации и требует широкого применения большего количества средств речевой выразительности для осуществления процесса припоминания и узнавания похожих ситуаций в сознании реципиента.

В книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» приводится цитата: «Область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире. Знания в области источника организованы в виде «схем образов» (image schemas) – относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью» [Лакофф, Джонсон 2004, 16]. Концептуальные метафоры могут образовывать согласованные концептуальные структуры более глобального уровня – когнитивные модели. Поскольку основу процессов метафоризации образуют процедуры обработки структур знаний, то метафора в первую очередь оказывается когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека.

Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что «метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 17]. Следовательно, по мнению Дж. Лакоффа, именно метафоры участвуют в образном обобщении знаний и комплектовании когнитивных структур, а значит, что ту же функцию имеют и фразеологизмы, поскольку большая часть ФЕ метафорична.

В качестве материала исследования послужили пять медиатекстов – статьи, размещенные на

сайте британской газеты The Guardian. Критериями включения данного материала в выборку послужили факты наличия в данных медиатекстах фразеологических единиц, актуализирующих когнитивные модели ситуаций и способствующих реализации прагматических интенций автора.

В ходе исследования использовались методы дискурс-анализа, семиотического анализа, приемы наблюдения и описания. Приемы наблюдения и описания применялись для определения составляющих когнитивных моделей ситуаций, в большинстве случаев реализованных посредством ФЕ. Метод дискурс-анализа использовался для анализа коммуникативных и предметно-референтных ситуаций, репрезентированных при помощи фразеологических единиц в медиатекстах на тему «культура», а также для анализа причин актуализации фразеологизмами определенных составляющих когнитивных моделей ситуации в зависимости от тематики статьи. Метод семиотического анализа применялся для определения типа фразеологизмов, участвующих в актуализации когнитивных моделей ситуаций, особенно-стей их значения и т. д.

Ход исследования

Нами было установлено, что фразеологические единицы, являясь одними из основных средств обобщения знаний, широко применяются авторами статей для актуализации когнитивных моделей ситуаций, описываемых в статьях. Также была выявлена зависимость актуализации определенных составляющих когнитивных моделей ситуаций от тематической направленности статьи. Таким образом, фразеологические единицы способны наиболее эффективно реализовать прагматическую интенцию автора статьи в том случае, если применяются для реализации определенной составляющей когнитивной модели. Так, в прошлых исследованиях нами было установлено, что в статьях по теме «экономика» фразеологические единицы в большинстве случаев применялись для актуализации составляющих «Действие» когнитивных моделей ситуаций, поскольку большинство рассмотренных экономических ситуаций можно отнести к конфликтным и проблемным, а в рамках подобных ситуаций участники склонны совершать необдуманные поступки и действия. Следовательно, главная задача автора статьи по теме «экономика» – описать действие, ответить на вопрос «что случилось». Авторы применяют фразеологизмы для выдвижения на первый план составляющей «действие», поскольку именно данная составляющая представляет в данной тематике наибольший интерес и требует привлечения внимания реципиента посредством ФЕ.

Таким образом, ФЕ помогают реализовать прагматическую цель журналиста, участвуя в выделении определенных составляющих когнитивной модели ситуации. Следовательно, прагматическая

цель автора влияет на выделение тех или иных составляющих когнитивной модели передаваемой ситуации, а выделение осуществляется посредством фразеологизмов.

В данной статье будут рассмотрены англоязычные медиатексты на тему «культура». Нами будут составлены и рассмотрены когнитивные модели ситуаций, одна из составляющих которых актуализирована фразеологической единицей. Также будет установлено, какая составляющая или составляющие когнитивной модели ситуации выдвигаются на первый план посредством фразеологической единицы.

На основании следующих примеров нами будет установлена причина актуализации фразеологическими единицами в статьях на тему «культура» конкретных составляющих когнитивной модели ситуации.

Рассмотрим отрывок из статьи The Queen in culture: how art puts a public face to a private life:

(1) *The writer admits tiptoeing with unease through the mind of his Elizabeth. He first essayed her in his 2006 screenplay for Stephen Frears' film The Queen and then brought her to the stage in the guise of Helen Mirren, and later Kristin Scott Thomas, in his royal play The Audience. Morgan recently told the Observer that he knows he cannot access the monarch's «internal journey». «What we can see, though, is an emotional reticence, and then wonder if that has come about programmatically, or whether she was born with something missing», he said. «Perhaps the process of separating out Elizabeth Windsor from Elizabeth Regina has damaged her? I have always thought the danger of being queen is losing sight of who you are because you have to do certain things automatically, as the crown. So how much is her; and how much is the crown? That is the question. And how much is the cost?» (Thorpe 2023).*

Рассмотрим когнитивную модель ситуации:

Модель: Личность (внутренний мир) королевы Елизаветы II.

Обстановка:

Время: –

Место: –

Участники: сценарист Питер Морган, актриса Хелен Миррен, королева Елизавета II.

Обстоятельства: рассуждая, сценарист приходит к мысли, что быть королевой «это забыть, кто ты есть на самом деле».

Действие: сценарист Питер Морган пытается заглянуть во внутренний мир королевы.

Фразеологическая единица to lose sight of (someone or something) имеет значение «долго не видеть, потерять из виду» (Кунин 1984, с. 876).

В данной части статьи сценарист Питер Морган (Peter Morgan) рассуждает о том, можно ли действительно заглянуть внутрь мыслей королевы и понять, какая она есть на самом деле. Цель автора состоит в том, чтобы показать большой разрыв между истинной личностью королевы и тем, как

она пытается выглядеть перед людьми: фразеологическая единица акцентирует внимание на проблеме большого различия между воображаемыми и полученными фактами, тем самым вызывая у реципиента чувство неожиданности и удивления. Прагматический потенциал реализуется посредством резюмирующей функции ФЕ (метафора): автор задает риторические вопросы, а затем делает вывод с помощью ФЕ: «быть королевой – значит забыть (потерять из виду), кем вы являетесь на самом деле». Соотношение между формой, значением ФЕ и референтным действием предстает в виде схемы «действие → действие». Фразеологизм реализует составляющую «ОБСТОЯТЕЛЬСТВА» когнитивной модели ситуации: фразеологизм помогает обрисовать мысли, которые посещали автора статьи при попытке разгадать внутренний мир королевы, актуализирует обстоятельства того, как сценарист Питер Морган пытается заглянуть во внутренний мир королевы.

Рассмотрим отрывки из статьи Punk painter Christopher Wool: I make lots of mistakes – and keep them in:

(2) *Anne Pontégnie, Wool's curator, believes there's a sense of self-deprecation built into his work. She is right – along with anxiety, self-erasure, self-sampling and a cheery disregard for making complete masterpieces. In fact, his works are never finished: they remain open texts that he can, should he choose, deface even more* (Jeffries 2022).

Рассмотрим когнитивную модель ситуации данной статьи:

Модель: стиль художника Кристофера Вула.

Обстоятельства: Энн Понтень, куратор художника, считает, что в его работах прослеживается беспокойство и веселое пренебрежение к созданию законченных шедевров.

Время: –

Место: –

Участники: художник Кристофер Вул (Christopher Wool).

Действие: художник не доводит свои работы до конца, они остаются «открытым текстом».

Фразеологическая единица *to remain an open text* имеет значение «оставаться незаконченным/нераскрытым».

В статье описываются неоднозначность и логическая незавершенность в работах художника Кристофера Вула. Его картины сравниваются с «открытым текстом». Прагматическая цель автора заключается в убеждении читателей в особой свободе стиля художника, именно поэтому он выбирает фразеологизм *to remain an open text*. Прагматический потенциал использованных ФЕ реализован через ее стилистическую функцию: посредством метафоры (оставаться открытым текстом), которая известна широкому кругу читателей, благодаря данной ФЕ сознанию реципиента легче сформировать схему когнитивной модели ситуации и воспроизводить такую модель в бу-

дущем. Фразеологизм реализует составляющую «ДЕЙСТВИЕ» когнитивной модели ситуации, поскольку актуализирует информацию и детали того, что случается/происходит с работами художника.

(3) *While others in the Pictures Generation, such as Cindy Sherman and Richard Prince, were plundering adverts for raw material, Wool breathed new life into painting with his poetry of errors and mishaps. He cleaved towards abstract painting rendered through artificial means, building up layers to create aesthetic distance. The critic Walter Benjamin feared that the age of mechanical reproduction – photographs, records, films – would destroy the artwork's aura. Wool seems to subvert this, using just such mechanical techniques to bring the aura back to art, something long thought to have been dead and buried* (Jeffries 2022).

Фразеологизм *to breathe new life into smth* имеет значение «вдохнуть новую жизнь во что-либо» (Кунин 1984, с. 429).

Модель: вклад Кристофера Вула в живопись.

Обстановка: –

Время: –

Место: –

Участники: художник Кристофер Вул (Christopher Wool), художники Синди Шерман и Ричард Принс.

Обстоятельства: есть опасения, что появление фотографий и фильмов отнимет у живописи прежнюю ауру.

Действие: художник Кристофер Вул «вдохнул новую жизнь» в живопись.

Проанализировав составляющие когнитивной модели, можно проследить, что фразеологическая единица *to breathe new life into* участвует в актуализации составляющей «ДЕЙСТВИЕ» когнитивной модели: фразеологизм актуализирует информацию, которая является ключевым действием в когнитивной модели. Репрезентируемое действие «обновить» сравнивается с новой жизнью. Согласно структурной классификации, данный фразеологизм относится к категории глагольных ФЕ, поскольку главным компонентом в нем является глагол. Соотношение между формой, первичным значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «физиологическое действие (дышать) → действие». Интенция автора реализуется посредством резюмирующей функции ФЕ: фразеологизм со значением «оживить» используется для утверждения, которое затем обосновывается с помощью дополнительных деталей.

Рассмотрим первый абзац статьи *The nation had lost its mind: the extraordinary new documentary about the death of Princess Diana*:

(4) *Only a genius of longform plotting could have planned the sting in the tail of the royal 2022. In the rolling melodrama of the British monarchy, the platinum jubilee was always slated for this year, gratitude splashed across the Daily Express. But now the mood will darken. So it is that 70 years of the Queen segues directly into 25 since the death of Diana, Princess of*

Wales. In Macbeth, the ghost haunted the feast. Here she returns with the pink gin hangovers barely faded (Leigh 2022).

Фразеологическая единица *a sting in the tail* имеет значение «скрытое жало; самое неприятное в конце» (Кунин 1984, с. 969).

Модель: сплетение праздника и скорби (юбилей королевы Елизаветы и поминки принцессы Дианы).

Обстановка: –

Время: 2022 год.

Место: Великобритания.

Участники: королева Елизавета, принцесса Диана.

Обстоятельства: 70 лет царствования Елизаветы II плавно перешли в 25-летие со дня гибели принцессы Диана.

Действие: у празднования юбилея получилась неприятная концовка.

Известно, что метафоры обладают следствиями, посредством которых они могут раскрыть некоторые стороны нашего опыта и обеспечить их связность. «Метафоры могут творить для нас реалии, в особенности социальные реалии. Следовательно, метафора может стать ориентиром для будущих действий. Такие действия будут, конечно, соответствовать метафоре. Это, в свою очередь, будет усиливать способность метафоры обеспечивать связность опыта. В этом смысле метафоры могут быть самоисполняющимися пророчествами» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 184].

В данном примере фразеологизм *a sting in the tail*, основанный на метафоре, является надежным способом выявления и организации нашего опыта, поскольку образ «жала» в сознании человека всегда сопоставляется с чем-то враждебным и негативным. Фразеологизм, основанный на метафоре, придает высказыванию негативный оттенок, автор по своему опыту сравнивает жало с предательством, с плохим концом. Следовательно, автор применяет стилистическую функцию ФЕ (добавляет высказыванию определенную эмотивную составляющую посредством метафоры). Аналогом данного фразеологизма в русском языке является ФЕ «удар в спину». Фразеологизм реализует составляющую «ДЕЙСТВИЕ» когнитивной модели ситуации: актуализирует информацию и детали того, что случилось с празднованием юбилея королевы. ФЕ относятся к категории «субстантивные ФЕ». Действие предстает в виде материального объекта: *a sting in the tail* (жало в хвосте). Соотношение между формой, значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «часть насекомого → действие».

Рассмотрим следующий пример:

(5) *...Diana was not the first British royal who worked the camera. She was just the most gifted. It partly explains the meltdown after her death. When Michell reaches those tinderbox days outside the palace, he cuts in a snatch of Lenin from the great*

*dramatisation of the Russian revolution, October. The moment lands as a joke. Yet something ineffably strange did briefly **hang in the air**. What now? The answer turned out to be the Queen, the one Windsor who could soothe the crowd. Let Mummy kiss it better. But what now? Because, while The Princess obviously closes with a funeral, the sense of an ending is here in 2022. After the rictus gaiety of the jubilee, **a change of hands** is surely coming* (Leigh 2022).

Рассмотрим когнитивную модель ситуации:

Модель: грядущие изменения после празднования юбилея Елизаветы.

Обстановка: после смерти принцессы Дианы наступил кризис, режиссер Роджер Мичелл сравнивал ту ситуацию с революцией в России и даже вставил в свой фильм отрывок видео на эту тему. Чувство неопределенности «повисло в воздухе». Но «толпу» успокоила королева.

Время: 2022 год.

Место: Великобритания.

Участники: королева Елизавета, принцесса Диана, режиссер Роджер Мичелл.

Действие: в 2022 году появляется чувство, что период правления королевы близится к завершению. После веселого юбилея грядет смена власти.

Фразеологическая единица *to hang (leave) in the air* имеет значение «ощущаться, чувствоваться, висеть в воздухе» (Кунин 1984, с. 142).

Фразеологизм *to hang in the air* реализует составляющую «ОБСТАНОВКА» когнитивной модели ситуации: фразеологизм актуализирует информацию и детали того, как смерть принцессы Дианы вызвала чувство неопределенности и в воздухе повис вопрос «Что будет дальше?». Согласно структурной классификации, данный фразеологизм относится к категории «глагольные ФЕ», поскольку главным компонентом является глагол. Соотношение между формой, первичным значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «действие → действие». Интенция автора реализуется посредством стилистической функции ФЕ. Фразеологизм основан на метафоре, которая, выражая субъективное отношение говорящего к предмету высказывания, добавляет к основному содержанию сообщения (информации первого рода) эмотивную составляющую (информацию второго рода). Автор посредством ФЕ сравнивает неопределенность с состоянием временного нахождения в воздухе с целью подчеркнуть особую опущенность/неопределенность британского народа после ухода принцессы.

Фразеологическая единица *change of hands* имеет значение «переход от одного владельца к другому». Метафоры могут творить для нас реалии, в особенности социальные реалии. Следовательно, метафора может стать ориентиром для будущих действий. Фразеологизм *change of hands*, основанный на метафоре, предсказывает будущие события – смену власти, является ориентиром для грядущих событий. Фразеологизм *change of hands*

реализует составляющую «ДЕЙСТВИЕ» когнитивной модели ситуации. Согласно структурной классификации, данный фразеологизм относится к категории субстантивных ФЕ, поскольку главным компонентом является глагол. Соотношение между формой, первичным значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «часть тела → действие».

Рассмотрим следующий пример:

(6) *Pearl Prescod's star soared high in her day. Born in Trinidad and Tobago, she became the first Black actor to play with the National Theatre company, under Laurence Olivier, in London in 1965. She appeared in the West End and on television, recorded radio plays, worked on the cabaret circuit and was also a prominent activist alongside Claudia Jones and Amy Ashwood Garvey. So why isn't Prescod better known today? Partly because her career was cut short by an untimely death – she had a brain haemorrhage at the age of 46, just a year after her breakthrough National Theatre role. But those excavating her forgotten legacy today think there is more to it than that. Coming to Britain in 1954, aged 34, on a music scholarship to the Guildhall School of Music and Drama, she was part of a larger group of well-educated, highly politicised Caribbean figures who arrived in the postwar era **to make similarly impressive strides** in culture and in consciousness-raising around race but whose names have since been forgotten* (Akbar 2022).

Фразеологическая единица «to make strides» имеет значение «делать большие успехи» (Кунин 1984, с. 641).

Модель: популярность актрисы Перл Прескод.

Обстановка: Перл Прескод стала первой темнокожей актрисой, сыгравшей в Национальной театральной труппе.

Время: 1954–1965 гг.

Место: Великобритания.

Участники: актриса Перл Прескод, Лоуренс Оливье, Клаудия Джонс, Эми Эшвуд Гарви.

Обстоятельства: имя Перл Прескод не очень популярно ввиду того, что она затерялась в толпе хорошо образованных личностей, которые также приехали с Карибов, чтобы «добиться больших успехов» в культуре.

Действие: в свое время актриса добилась большой популярности

Фразеологизм реализует составляющую «ОБСТОЯТЕЛЬСТВА» когнитивной модели ситуации: фразеологизм актуализирует информацию о том, с какой целью приезжали в Великобританию современники Перл Прескод. Согласно структурной классификации, данный фразеологизм относится к категории «субстантивные ФЕ», поскольку главным компонентом является существительное. Соотношение между формой, первичным значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «физическое действие (делать шаги) → действие». Для реализации своей прагматической интенции автор прибегает к использованию

стилистической функции ФЕ: фразеологическая единица основана на метафоре. Автор передает значение «успеха» словом *stride* (движение), а не с помощью его нейтрального синонима *success*. Дело в том, что в число значений слова *stride* входит значение «улучшение», «развитие». Таким образом, автор прием отраженного значения. Явление отраженного значения состоит в том, что когда многозначное слово употреблено в одном из своих вариантов, то другие его значения могут оказаться не полностью элиминированными, особенно если эти другие варианты имеют ярко выраженные коннотации [Арнольд 2002, с.12]. В данном случае, хотя *stride* употреблено в значении «успех» (метафоричное значение), читатель знает о существовании у данного слова значения «шаг; движение». Следовательно, получается некоторое семантическое согласование со словом «шаг», что усиливает эмотивность высказывания.

Рассмотрим отрывок из статьи *More than a song: the enduring power of Leonard Cohen's Halleluja*:

(7) *Why Hallelujah reached the heights it did is due to a unique mix of inventive cover versions, cultural happenstance and a magic-in-a-bottle quality the song no doubt possesses. Search the track on Spotify today and it's Jeff Buckley's version, not Cohen's, which is the top result; the pairing of the song's seemingly haunting subject matter and Buckley's raw 1994 recording, coupled with the singer-songwriter's drowning death aged just 30, **adds another layer of weight**. Buckley's version was inducted into the Library of Congress's national registry in 2013. Then there's John Cale's popular take on the tune, the first artist to cover the track in 1991* (LeDonne 2022).

Модель: причины популярности песни Hallelujah.

Обстановка: –

Время: –

Место: –

Участники: канадский певец Леонард Коэн, американский музыкант Джефф Бакли, валлийский музыкант Джон Кейл.

Обстоятельства: если искать трек на Spotify, то в первую очередь появляется кавер версия Джеффа Бакли, поскольку гибель тридцатилетнего певца усилила эффект, производимый песней.

Действие: песни достигла огромной популярной благодаря многочисленным кавер версиям.

Фразеологическая единица *to add another layer of weight* является трансформированным вариантом ФЕ *to give weight to smth.* (придавать вес чему-л.; усиливать; подкреплять что-л.).

Согласно структурной классификации, данный фразеологизм относится к категории «глагольные ФЕ». Соотношение между формой, первичным значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «физическое действие → абстрактное действие». Прагматическая цель автора заключается в объяснении чрезвычайной популярности композиции Hallelujah, и для реализации своей прагматической интенции автор применяет резю-

мирующую функцию фразеологизма: перечисляет события, происходившие после выхода композиции, и посредством ФЕ делает вывод, что именно данные события «усилили/придали вес» популярности песни. Фразеологизм реализует составляющую «ОБСТОЯТЕЛЬСТВА» когнитивной модели ситуации: фразеологизм актуализирует информацию о том, как именно кавер версия песни приобрела популярность.

Рассмотрим отрывки из статьи *Actors pay tribute to ‘warrior woman’ Kay Mellor*:

(8) *The actors Samantha Morton and Cathy Tyson have paid tribute to the late Kay Mellor, calling her a «fighter; a warrior woman and an insanely talented» writer and director ... «I found Kay to be so inspirational», Morton said. «She was a fighter, a warrior woman and insanely talented. For me, as a young teenager and then young woman in the industry, I was just surrounded by white, middle-aged men who told me how it was meant to be. I had a few issues growing up in regards to male directors and Kay was always unbelievably supportive of me. She would have my back and protect me whilst we were shooting. She would also really listen to us and how we felt». ... Morton said she was lost for words over the loss of Mellor. «Kay’s body of work and commitment to making incredible work about working-class people was incredible. We say working-class people; I say normal people», she added (Khomani 2022).*

Рассмотрим когнитивную модель ситуации:

Модель: воспоминания о добродетели ушедшей актрисы Кей Меллор.

Обстановка: актриса Саманта Мортон вспоминает о том, как Кей Меллор постоянно приходила ей на помощь во время съемок, Саманта пребывает в шоке о произошедшем, у нее «не получается сформулировать мысли».

Время: май 2022.

Место: –

Участники: Samantha Morton (актриса Саманта Мортон); Kay Mellor (актриса Кей Меллор); Cathy Tyson (актриса Кэти Тайсон).

Обстоятельства: Кей Меллор всегда приходила на помощь Саманте в различных ситуациях во время съемок.

Действие: актрисы Саманта Мортон и Кэти Тайсон почтили память актрисы Кей Меллор.

Фразеологическая единица *to pay tribute to* имеет значение воздавать должное; отдавать дань (восхищения, уважения) (Кунин 1984, с. 761).

Проанализировав составляющие когнитивной модели, можно проследить, что фразеологическая единица *to pay tribute to* участвует в актуализации составляющей «ДЕЙСТВИЕ» когнитивной модели. Репрезентируемое действие «отдавать дань уважения» сравнивается с оплатой дани. Согласно структурной классификации, данный фразеологизм относится к категории «глагольные ФЕ». Соотношение между формой, первичным значе-

нием ФЕ и референтом предстает в виде схемы «действие с деньгами → моральное действие». Интенция автора реализуется посредством стилистической функции ФЕ: фразеологизм, который в буквальном смысле переводится как «заплатить дань», используется для наименования действия, которое убеждает реципиента в почтительном отношении коллег к ушедшей из жизни актрисы.

Фразеологическая единица *to be lost for words* имеет значение «невозможность выразить мысль, обычно из-за удивления или сюрприза» (Кунин 1984, с. 483).

Прагматическая цель автора состоит в том, чтобы показать читателю высокую степень переживания коллег ушедшей актрисы. Автор достигает ее за счет стилистической функции ФЕ, метафорически сравнивает шок с «потерей/пропажей слов». Соотношение между формой, значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «физическое действие → действие». Фразеологизм относится к категории «глагольные ФЕ» и реализует составляющую «обстановка» в составе когнитивной модели ситуации, поскольку ФЕ актуализирует информацию и детали того, каким образом Саманта Мортон вспоминает (отдает дань уважения) об ушедшей из жизни актрисы Кей Меллор.

Рассмотрим отрывок из статьи *Frankly it blew my mind: how Tron changed cinema – and predicted the future of tech*:

(9) *Ahead of its release in July 1982, Tron had been hyped to the rafters but it was not a huge hit. It finished as the 26th highest-grossing film of a year that was topped by ET and Raiders of the Lost Ark. The spin-off Tron video game actually made more money than the movie. The film was even disqualified from the best special effects Oscar, since using computers was considered cheating (Rose 2022).*

Модель: провал фильма «Трон».

Обстановка: перед выходом фильм рекламировался «до небес».

Время: июль 1982.

Место: США.

Участники: –

Действие: «Трон» вышел на экраны и занял лишь 26-е место в рейтинге.

Обстоятельства: компьютерная игра, созданная по мотивам фильма, принесла больше прибыли, чем сам фильм.

Фразеологическая единица *to the rafters* имеет значение «в высшей степени».

Фразеологизм реализует составляющую «ОБСТАНОВКА» когнитивной модели ситуации: актуализирует информацию и детали того, при каких именно условиях (при невероятно высокой рекламной кампании) фильм «Трон» выходил в прокат. Для осуществления прагматической интенции автор применяет стилистическую функцию ФЕ, поскольку применяет метафоричность

фразеологизма, сравнивая высоту крыши с чрезвычайно высокой популярностью фильма.

Рассмотрим следующий пример:

(10) *Adele's first line, «Hello, it's me, I was wondering if after all these years you'd like to meet», carries extra weight tonight. It's five years to the day since the singer cancelled two Wembley Stadium shows due to damaged vocal cords and retreated from the public eye. This is her first full public concert anywhere in the world since then, so she takes nothing for granted. When 65,000 people sing the chorus to Someone Like You, there is a distinct possibility that she will melt down to a puddle of tears.*

Модель: возвращение певицы Адель после пятилетнего перерыва в карьере.

Обстановка: сообщение Адель о возвращении имеет важное значение, поскольку она долго отсутствовала. Это ее первый полноценный концерт, и она не принимает его как должное.

Время: –

Место: –

Участники: британская певица Адель.

Обстоятельства: пять лет назад у певицы появились проблемы с голосовыми связками, вследствие чего она отменила выступления и скрылась от внимания общества.

Действие: певица Адель вернулась на сцену после пятилетнего перерыва.

Фразеологическая единица *the public eye* имеет значение «внимание; интерес общества» (Кунин 1984, с. 223).

Фразеологизм реализует составляющую «ОБСТОЯТЕЛЬСТВА» когнитивной модели ситуации: фразеологизм актуализирует информацию и причины, по которой певица Адель скрылась от общества. Репрезентируемое явление «внимание общества» сравнивается счастием тела (глазом). Согласно структурной классификации, данный фразеологизм относится к категории «субстантивные ФЕ». Соотношение между формой, первичным значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «часть тела → отношение». Благодаря стилистической функции фразеологизм, который в буквальном смысле переводится как «глаз общества», используется для наименования явления «пристальный интерес» и убеждает читателя в том, что чрезмерное внимание к певице было сложно вынести.

Та же когнитивная модель ситуации.

Фразеологическая единица *to carry (an amount of) weight* имеет значение «иметь вес, значение, влияние» (Кунин 1984, с. 845). Фразеологизм выполняет резюмирующую функцию: подводит читателя к тому, что слова Адель добавляют дополнительный вес, подчеркивают важность ее возвращения на сцену. Соотношение между формой, первичным значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «физическое действие → ментальное действие».

Фразеологизм реализует составляющую «ОБСТАНОВКА» когнитивной модели ситуации:

фразеологизм актуализирует информацию и детали того, как певица вернулась на сцену.

Заключение

В заключение, проведя анализ представленных выше примеров, представляется возможным сделать выводы.

Восприятие информации реципиентом в определенной степени можно запрограммировать. Помимо использования специального лексического оформления, автор ставит целью структурировать данные таким образом, чтобы подчеркнуть и усилить ключевую информацию, а нежелательную – по возможности отодвинуть на периферию смысловой системы текста или замаскировать. В этом случае даже передача неискаженных (в основе своей) фактов может сформировать определенный эффект воздействия на реципиента.

В статьях по теме «культура» авторы структурируют данные таким образом, что представленные фразеологизмы в большинстве случаев актуализируют составляющие «ОБСТАНОВКА» и «ОБСТОЯТЕЛЬСТВА» когнитивных моделей ситуаций. Фразеологизмы в данном случае играют ключевую роль в структуризации фоновых знаний, относящихся к категории «ОБСТОЯТЕЛЬСТВА».

Данное явление можно обосновать следующим фактом: в статьях по культуре для читателя не в той мере важно само действие, как, например, в рассмотренных нами ранее статьях по экономике. Читатель хочет знать не только, что именно случилось, а, напротив, более заинтересован в деталях события: как это произошло и при каких обстоятельствах, какие эмоции испытывали действующие лица. Такое явление следует обосновать особенностью жанра статей на тему «культура». Читатель обращается к данному жанру с целью получения информации дополнительного, развлекательного характера, и, следовательно, авторы статей берут данный факт во внимание.

В отличие от статей по теме «экономика», основной коммуникативной целью и прагматической интенцией авторов которых выступают информирование реципиента и поиск решения проблем, в статьях по теме «культура» прагматической интенцией автора выступают такие цели, как переубеждение, примирение, поиск компромисса, навязывание нужной позиции, уменьшение психологической дистанции, создание психологического комфорта. Поскольку в данных статьях информирование не выступает в качестве главной прагматической интенции, то авторы статьи не применяют образные средства, в том числе фразеологизмы, для реализации составляющих «действие» когнитивных моделей ситуаций, и, таким образом, создатели статей применяют фразеологизмы в качестве средств речевой выразительности и инструментов обобщения знаний именно в составляющих «ОБСТОЯТЕЛЬСТВА» и «ОБСТАНОВКА» когнитивных моделей ситуаций.

Материалы исследования

Akbar 2022 – *Akbar A.* ‘I wish she could have seen the change happening right now’: trailblazing theatre star Pearl Prescod // *The Guardian*. 2022. Friday June 17. Available at: <https://www.theguardian.com/stage/2022/jun/23/theatre-star-pearl-prescod>.

Jeffries 2022 – *Jeffries S.* Punk painter Christopher Wool: ‘I make lots of mistakes – and keep them in’ // *The Guardian*. Thursday, June 2. 2022. Available at: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2022/jun/02/punk-painter-christopher-wool-mistakes-text-millions>.

Khomani 2022 – *Khomani N.* Actors pay tribute to ‘warrior woman’ Kay Mellor // *The Guardian*. 2022. Friday, May 20. Available at: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2022/may/20/actors-samantha-morton-cathy-tyson-pay-tribute-to-warrior-woman-kay-mellor>.

LeDonne 2022 – *LeDonne R.* ‘More than a song’: the enduring power of Leonard Cohen’s Hallelujah // *The Guardian*. 2022. Wednesday, June 29. Available at: <https://www.theguardian.com/film/2022/jun/29/hallelujah-leonard-cohen-documentary>.

Leigh 2022 – *Leigh D.* ‘The nation had lost its mind’: the extraordinary new documentary about the death of Princess Diana // *The Guardian*. 2022. Friday, June 17. Available at: <https://www.theguardian.com/film/2022/jun/17/the-nation-had-lost-its-mind-the-extraordinary-new-documentary-about-the-death-of-princess-diana>.

Rose 2022 – *Rose S.* ‘Frankly it blew my mind’: how Tron changed cinema – and predicted the future of tech // *The Guardian*. 2022. Tuesday, July 5. Available at: <https://www.theguardian.com/film/2022/jul/05/tron-steven-lisberger-interview> (accessed May 1, 2023).

Thorpe 2022 – *Thorpe V.* The Queen in culture: how art puts a public face to a private life // *The Guardian*. 2022. Sunday, June 5. Available at: <https://www.theguardian.com/uk-news/2022/jun/05/the-queen-in-culture-how-art-puts-a-public-face-to-a-private-life>.

Кунин 1984 – *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. Москва: Русский язык, 1984. 942 с. URL: <https://obuchalka.org/2017091696476/anglo-russkii-frazeologicheskii-slovar-kunin-a-v-1984.html>.

Пронина 2015 – *Пронина Е.С.* Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Пронина Елена Станиславовна; [место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. Москва, 2015. 29 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007922279.pdf?ysclid=lmdialwgccq504233464.

Библиографический список

Lakoff 1987 – *Lakoff G.* Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987. 585 p. URL: <https://emilkirkegaard.dk/en/wp-content/uploads/George-Lakoff-Women-Fire-and-Dangerous-Things.pdf>.

Арнольд 2002 – *Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Флинта, 2002. 383 с. URL: http://lib.jizpi.uz/pluginfile.php/10750/mod_resource/content/0/22_A_B_Арнольд_Стилистика_современный_английский_языка.pdf.

Беляевская 2010 – *Беляевская Е.Г.* Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1 (22). С. 22–29. URL: http://www.vcl.ralk.info/issues/2010/issue_1_2010/kognitivnye_parametry_stilya.html; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15222913>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mvdfan>.

Дейк 1989 – *Дейк Т.А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. Москва: Прогресс, 1989. 310 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kognitivnye_nauki/jazyk_poznanie_kommunikacija/17-1-0-1547.

Заботкина 1999 – *Заботкина В.И.* Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Калининград: Калининградский университет, 1999. С. 3–9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22643186>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbnajr>.

Карасик 1999 – *Карасик В.И.* Прагматические функции фразеологизмов // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии: тезисы докладов международной конференции., Волгоград, 28–29 сент. 1999 г. / [редкол.: Н.Ф. Алефиренко (отв. ред.) и др.]. Волгоград: Перемена, 1999. 203 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25966344>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vwftnj>.

Лакофф, Джонсон 2004 – *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 252 с. URL: <https://djvu.online/file/E5O5sIYnh0Ben?ysclid=lmdi08mvow428306609>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19787071>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qraadx>.

Формановская 1998 – *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. Москва: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. 291 с.

References

Lakoff 1987 – *Lakoff G.* (1987) *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind.* Chicago, 585 p. Available at: <https://emilkirkegaard.dk/en/wp-content/uploads/George-Lakoff-Women-Fire-and-Dangerous-Things.pdf>.

Arnold 2002 – *Arnold I.V.* (2002) *Stylistics. Modern English language.* 4th edition, revised and enlarged. Moscow: Flinta, 383 p. Available at: http://lib.jizpi.uz/pluginfile.php/10750/mod_resource/content/0/22_A_B_Арнольд_Стилистика_современный_английский_языка.pdf. (In Russ.)

Beliaevskaya 2010 – *Beliaevskaya E.G.* (2010) Cognitive structures underlying style. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1 (22), pp. 22–29. Available at: http://www.vcl.ralk.info/issues/2010/issue_1_2010/kognitivnye_parametry_stilya.html; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15222913>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mvdfan>. (In Russ.)

Van Dijk 1989 – *Dijk T.A., van* (1989) *Language. Cognition. Communication: translated from English.* Compiler Petrov V.V.; Gerasimov V.I. (Ed.); Introductory article by Karaulov Yu.N. and Petrov V.V. Moscow: Progress, 310 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kognitivnye_nauki/jazyk_poznanie_kommunikacija/17-1-0-1547. (In Russ.)

Zabotkina 1999 – *Zabotkina V.I.* (1999) Cognitive-pragmatic approach to neology. In: *Cognitive-pragmatic aspects of linguistic research: collection of scientific works.* Kaliningrad: Kaliningradskii universitet, 94 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22643186>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbnajr>. (In Russ.)

Karasik 1999 – *Karasik V.I.* (1999) Pragmatic functions of phraseological units. In: *Communicative and pragmatic aspects of phraseology: abstracts of the international conference, Volgograd, September 28–29, 1999.* [Alefirenko N.F. (Ed.) et al.]. Volgograd: Peremena, 203 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25966344>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vwftnj>. (In Russ.)

Lakoff, Johnson 2004 – *Lakoff J., Johnson M.* (2004) *Metaphors We Live By.* Translated from English under the editorship and with a preface by Baranov A.N. Moscow: Editorial URSS, 252 p. Available at: <https://djvu.online/file/E5O5sIYnh0Ben?ysclid=lmdi08mvow428306609>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19787071>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qraadx>. (In Russ.)

Formanovskaya 1998 – *Formanovskaya N.I.* (1998) *Communicative and pragmatic aspects of communication units.* Moscow: In-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, 291 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11-112

Дата поступления: 17.05.2023
рецензирования: 24.06.2023
принятия: 25.08.2023

Ритмико-синтаксическая организация средств создания образа вещного мира в оригинале и переводе романа В. Набокова «Машенька»

Е.Б. Борисова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: borissovaelena@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5974-7032>

М.В. Дайнеко

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация

E-mail: dainekomarina22111991@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2379-1928>

Аннотация: В настоящей статье предпринята попытка анализа ритмико-синтаксической структуры параллельных фрагментов текста подлинника и английского перевода, участвующих в создании образа пансиона как части вещного мира в романе В. Набокова «Машенька» и обладающих безусловной антропоцентричностью. Актуальность исследования заключается в том, что, несмотря на обилие работ, посвященных изучению художественного образа и идиостиля писателей, они не исчерпывают всех возможных аспектов их освещения. В частности, практически отсутствуют исследования, специальным предметом которых являются средства создания вещного мира на ритмико-синтаксическом уровне на материале разноязычных произведений одного и того же автора. Кроме того, в отечественной и зарубежной филологии отсутствуют работы, посвященные рассмотрению особенностей ритмико-синтаксической организации работ В. Набокова в сравнительно-сопоставительном плане. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить ритмико-синтаксическую структуру отрывков оригинала и перевода, создающих образ пансиона. Задачи исследования предполагают выделение характеристик ритмико-синтаксической структуры отрывков романа «Машенька», в которых создается образ эмигрантского пансиона, а также понимание того, насколько переводчику удается передать особенности первичного текста. В ходе исследования применялись следующие методы: метод тематического расслоения текста, метод научного описания, метод сравнительно-сопоставительного анализа. В результате исследования удалось установить, что ритмико-синтаксическая организации фрагментов романа В. Набокова «Машенька» характеризуется наличием простых распространенных и нераспространенных предложений, сложных предложений с сочинительной, подчинительной и бессоюзной связью, парентетических вставлений, однородных членов предложения и деепричастных оборотов. Ритм отрывков оригинала, выбранных для анализа, варьируется от монотонного к постепенному и переменному. Ритмико-синтаксические особенности подлинника не всегда были приняты во внимание переводчиком, что обусловлено расхождениями в синтаксическом строе русского и английского языков.

Ключевые слова: тема-рема-тематические отношения; актуальное членение; парентетические вставки; аллитерация; антитеза; лексический повтор; монотонный ритм; постепенный ритм; переменный ритм.

Цитирование. Борисова Е.Б., Дайнеко М.В. Ритмико-синтаксическая организация средств создания образа вещного мира в оригинале и переводе романа В. Набокова «Машенька» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 170–176. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-170-176>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Борисова Е.Б., Дайнеко М.В., 2023

Елена Борисовна Борисова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, улица Блюхера, 25.

Марина Вадимовна Дайнеко – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Тольяттинский государственный университет, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.05.2023
Revised: 24.06.2023
Accepted: 25.08.2023

Rhythmic and syntactic structure of means to create material world image in V. Nabokov's novel «Машенька» and its English translation «Mary»

E.B. Borisova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation
E-mail: borissovaelena@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5974-7032>

M.V. Daineko

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation
E-mail: dainekomarina22111991@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2379-1928>

Abstract: The present article attempts to analyze the rhythmic and syntactic structure of the original fragments involved in creating the image of the pension in V. Nabokov's novel «Машенька» and its English version «Mary». The relevance of the research stems from the fact that despite the abundance of works devoted to the study of artistic image and individual writers' style, they do not cover all possible aspects of analysis. In particular, there exist practically no contrastive studies revealing specific means to create material world image on the rhythmic and syntactic level based on the works written by bilingual authors. In addition, Russian and foreign philology lack studies devoted to considering the peculiarities of rhythmic and syntactic analysis of V. Nabokov's literary works. The aim of the present article is to analyze the rhythmic as well as syntactic structure of the original fragments, creating the image of the pension as part of the material world in V. Nabokov's novel «Машенька» and its English version «Mary». The objectives of the study include identifying the characteristics of the rhythmic as well as syntactic structure of the fragments in question to define the extent to which the translator manages to convey the features of the original structure. The following research methods are used: the method of slicing and splicing, structural-functional method, descriptive method and comparative method. In conclusion it should be emphasized that rhythmic and syntactic structure of the analyzed fragments is characterized by both extended and non-extended sentences, compound sentences with conjunctive, subordinate and non-conjunctive links, parenthetical insertions, homogeneous sentence members and adverbial participial phrases. The rhythm of the fragments in question varies from monotonous to gradual and alternating. To conclude, the results suggest that rhythmic and syntactic features of the original are not always taken into account by the translator, which is explained by the differences in the syntactic structure of the Russian and English languages.

Key words: theme-rheme relations; functional sentence perspective; parenthesis; alliteration; antithesis; lexical repetition; monotonous rhythm; gradual rhythm; alternating rhythm.

Citation. Borisova E.B., Daineko M.V. Rhythmic and syntactic structure of means to create material world image in V. Nabokov's novel «Машенька» and its English translation «Mary». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 170–176. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-170-176>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Borisova E.B., Daineko M.V., 2023

Elena B. Borisova – Doctor of Philological Sciences, professor, professor at the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education, 25, Blyukhera Street, Samara, 443090, Russian Federation. Marina V. Daineko – senior lecturer of the Department of Theory and Practice of Translation, Togliatti State University, 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation.

Введение

Настоящая статья посвящена анализу ритмико-синтаксической организации фрагментов романа «Машенька», участвующих в создании образа пансиона. Под ритмом принято понимать закономерное и последовательное повторение похожих друг на друга и сопоставимых, пропорциональных речевых единиц, воплощающих структурирующую, текстообразующую и эстетическую функции [Патолятов 2020, с. 3–4]. Синтаксис считается каркасом или инструментом «конструирования» речевых единиц. Взаимодействие ритма и синтаксиса позволяет понять интенцию автора того или иного художественного произведения [Патолятов 2020, с. 3–4]. Кроме того, ритм может основываться на сбое указанного чередования различных элементов текста, появлении на фоне монотонных ритмически заряженных отрывков, на чередовании мелодичных и напряженных в контексте интонационного конура фрагментов. Ритм может проявляться в смене сюжета и в гармонии построения текста, на композиционном, лексическом и фонетическом уровнях, через систему пауз, обеспечивать целостность и связность художественного произведения. [Канищева 2018, с. 155; Канищева 2016, с. 16–17; Габова, Хван 2013, с. 1]. Благодаря приемам и средствам синтаксиса создается установка на равномерное, плавное прочтение, сдерживание или ускорение темпа художественного действия, энергичный стиль и стремительное развитие событий, специфический характер интонирования [Федорова 2013, с. 97].

Следует также упомянуть, в чем заключается ключевое отличие ритма стиха от ритма прозы. В стихе ритмический рисунок является перманентным и единообразным, в то время как в прозе ритмический фон может широко варьироваться в зависимости от конкретного фрагмента текста. Прозаическая речь подразделяется на абзацы, периоды, предложения или колонны, а стихотворная речь «разбивается» на сопоставимые части [Целовальникова 2005, с. 5].

Исследование литературных работ с точки зрения данного аспекта позволяет понять не только как «построено» то или иное художественное произведение, но и определить степень эмоционально-эстетического воздействия на адресата. При этом известно, что переводчики нередко видят главной целью полноценную передачу содержания подлинника и интенции автора, пытаясь подобрать наиболее удачные эквиваленты тропам и стилистическим фигурам оригинала, однако при этом они зачастую пренебрегают вопросами перекодирования синтаксических конструкций и ритмической организации художественного произведения [Микоян 1985, с. 170; Микоян, Тер-Минасова 1981, с. 155].

Наш сравнительно-сопоставительный анализ базируется на теории четырех уровней синтаксического членения речи (уровня членов предложения, актуального членения, уровня парентетических внесений и уровня фразировки), разработанный О.В. Александровой и Т.Н. Шишкиной [Долгова (Александрова) 1978, с. 143; Алек-

сандрова 1981, с. 80, Александрова 1984, с. 96; Александрова, Шишкина 1982, с. 25]. Результатом корреляции первых трех уровней является четвертый уровень – уровень фразировки [Александрова, Шишкина 1982, с. 22; Александрова, Куницына 1982, с. 47]. Под фразировкой подразумевается способ членения речи, определяемая говорящим расстановка пауз посредством учета средств просодии для синтактико-смысловой интерпретации определенного произведения речи [Александрова 1984, с. 54; Александрова, Комова 1998, с. 67–68]. Ключевой единицей фразировки выступает синтагма – смысловая группа, выделяемая паузой. Фразировка играет главную роль в установлении ритма художественной прозы [Шишкина 1985, с. 145–153]. Под ритмом предполагается периодическое повторение каких-либо элементов текста через определенные промежутки [Николаева 1986, с. 6; Александрова, Шишкина 1988, с. 102–103].

При осуществлении фразировки отрывков текста, выбранных для исследования мы опирались прежде всего на пунктуацию. Все анализируемые тексты в достаточной мере выделены знаками препинания; отсюда следует, что их членение не представляло особой сложности. Если в исследуемых фрагментах романа знаки препинания отсутствовали, мы ориентировались на лексико-стилистическую организацию текста.

Применяемые в художественной литературе ритмико-синтаксические средства можно подразделить на пять категорий: 1) перифрастические фигуры; 2) фигуры, связанные с изменением порядка следования членов предложения (инверсия, и др.); 3) фигуры, связанные с нестандартным композиционно-синтаксическим контуром высказывания (восходящая и нисходящая градация и др.); 4) фигуры, связанные с синтаксическим повтором (синтаксический параллелизм, антитеза, анафора, эпифора, анадиплосис); 5) диалогические фигуры (эллипсис, умолчание, риторический вопрос и др.) Более того, стилистическую функцию могут реализовывать ритмико-стилистические средства, основанные на различных способах соединения частей фразы или предложения (асиндетон, полисиндетон и др.) [Полторацкий 1974, с. 14–15].

Анализ ритмико-синтаксической организации текста неразрывно связан с таким понятием, как «актуальное членение предложения», то есть разграничение информационной составляющей предложения на данное и новое, известное и сообщаемое – тему и рему [Натитник 2006, с. 162].

Общеизвестным фактом является то, что в английском языке принят строго фиксированный порядок слов: подлежащее + сказуемое + второстепенные члены предложения. Чаще всего подлежащее представляет собой тему, а члены предложения, следующие за ним, выступают в качестве ремы; так они подводят читателя к новому сообщению. Необходимо подчеркнуть, что ритмико-синтаксические средства принимают непосредственное участие в оказании эмоцио-

нально-эстетического воздействия того или иного художественного произведения на адресата и помогают раскрыть авторскую интенцию [Борисова 2018, с. 172].

Ход исследования

Начнем наш анализ с рассмотрения следующего отрывка романа «Машенька»:

// Но вот кровати пришлось прикупить, / и это госпожа Дорн сделала скрепя сердце, / не потому что была скупа, / а потому что находила какой-то сладкий азарт, / какую-то хозяйственную гордость в том, / как распределяется вся ее прежняя обстановка, / и в данном случае ей досадно было, / что нельзя распилить на нужное количество частей двухспальную кровать, / на которой ей, / вдове, / слишком просторно было спать. // Комнаты она убирала сама, / да притом кое-как, / стряпать же вовсе не умела / и держала кухарку, / грозу базара, / огромную рыжую бабищу...// (Набоков 2002, с. 27).

Указанный выше текст обладает четкой упорядоченной ритмической организацией. Он состоит из одного сложного «разветвленного» предложения с сочинительной и подчинительной связью, в котором приводится описание части интерьера пансиона. Текст легко членится, что продиктовано четким пунктуационным оформлением данного фрагмента.

В. Набоков показывает через неряшливость госпожи Дорн явное отсутствие порядка и уюта в помещении, которое стало темницей для героев-эмигрантов. Нетрудно заметить использование автором, во-первых, придаточного причины, придаточного изъяснительного и определительного, которые приводят к нарастанию эмоционального напряжения, а во-вторых, нанизывание однородных дополнений (*сладкий азарт, хозяйственную гордость*), создающих эффект градации. Включение в художественную ткань произведения парентезы (*вдове*) способствует ритмической кульминации всего отрывка и выделению ключевой предикативной конструкции. Совершенно очевидно, что в первом предложении наблюдается чередование длинных и коротких синтагм, исходя из чего мы можем заключить, что ритм данного предложения тяготеет к переменному. «Плавающая» ритмическая структура первого предложения транслирует хаотичность и бессистемность, присутствующие в жизни хозяйки эмигрантского пансиона, госпожи Дорн, недостаток у данной героини самоорганизации и самодисциплины и, как следствие, неумение создать и поддерживать атмосферу уюта в доме.

Несобранность и безалаберность упомянутого персонажа продемонстрирована и во втором предложении, которое отличается от первого меньшей разветвленностью и несколько меньшим разнообразием ритмического рисунка. Отметим, что второе предложение является простым, однако в нем обращает на себя внимание перечисление

однородных сказуемых, создающих синонимическую конденсацию и придающих динамизм авторскому повествованию. Наряду с однородными предикатами фигурируют парентетические внесения (*да притом кое-как; грозу базара, огромную рыжую бабушу*), которые подчеркивают безнадежность госпожи Дорн относительно умелого ведения хозяйства и грамотного, взвешенного решения бытовых вопросов. Кроме того, парентетические внесения «сжимают» описание пансиона, нарушая тем самым размерность ритма.

Выразительность как первого, так и второго предложений усиливает аллитерация (повтор согласных «р», «с», «в», «д»). Данный фоностилистический прием также способствует семантическому единству и звуковой фиксации строк, гарантирует правильное расставление смысловых акцентов в тексте романа и, следовательно, помогает лучше раскрыть замысел писателя – создать в воображении читателя картину безрадостного и неуютного жилища.

Рассмотрим теперь перевод приведенного выше отрывка на английский язык и сравним его с текстом подлинника в плане ритмико-синтаксической организации:

// She had been forced, / however, / to buy additional beds. // This caused Frau Dorn considered pain, / not because she was stingy, / but because she had derived a kind of delicious thrill, / a sense of pride in her own thrift, / from the way she had distributed all her previous furniture. // Now that she was a widow / and her double bed too spacious for her to sleep in, / she resented being unable to saw it up into the required number of parts. // In a haphazard way she cleaned the rooms herself, / but she had never been able to cope with food, / so she kept a cook – / the terror of the local market, / a vast red-haired virago... // (Nabokov 1989, p. 7).

Анализ вторичного текста показал, что синтаксическая структура и его актуальное членение, как правило, не были учтены переводчиком: перестановка «известного» и «сообщаемого» в тексте перевода привела к искажению синтаксической структуры и ритмического рисунка, а также к нарушению тема-рематических отношений оригинала. Можно заметить и членение первого предложения на более мелкие отрезки, появление новой синтагмы за счет введения в текст перевода оговорки в форме парентезы (*however*), что, в свою очередь, повлекло изменение ритмической организации первичного текста.

Приведем другой описательный отрывок, который эксплицирует атмосферу упадка и запущенности, воцарившиеся в пансионе не только по вине его хозяйки, госпожи Дорн, но и по причине неаккуратности и неопрятности самих обитателей:

// В комнате был бледноватый, / загробный свет, / оттого что затейливые танцоры обернули лампу лиловый лоскуток шелка. // Посередине, / на столе фиолетовым лоском отливали бутылки, / блестело масло в открытых сардинных коробоч-

ках, / был разложен шоколад в серебряных бумажках, / мозаика колбасных долек, / гладкие пирожки с мясом. // (Набоков 2002, с. 93).

В первом предложении мы можем проследить использование атрибутивов *бледноватый* и *загробный*, передающих обескураживающую и гнетущую обстановку пристанища эмигрантов. Данные лексемы обеспечивают накопление признака объекта (света лампы) и ритмическую симметрию всего предложения. Оно характеризуется нарастающим (или постепенным) ритмом и относится к разряду сложноподчиненных с придаточным причинно-следственной связи, которое придает всему предложению ритмическую законченность и сбалаansirованность.

Второе предложение можно классифицировать как сложное с бессоюзной связью. Ему также присущ нарастающий или постепенный ритм, но в отличие от первого предложения оно является более длинным и распространенным. Однородные дополнения обеспечивают ритмическую равномерность и законченность. Благодаря парентезе (*посередине*) автору удается достичь «рельефности» описания быта в пансионе. Повествование разворачивается гладко и последовательно, оно лишено «волнообразных скачков», при которых текст то «сжимается», то «распрямляется», как пружина. Особое внимание заслуживает аллитерация (повтор согласных «л», «т», «б») как в первом, так и во втором предложениях. Данное средство помогает выделить наиболее значимые слова, а также подчеркивает сумбур и диссонанс между желанием жильцов создать атмосферу праздника и фактическим результатом их безуспешных попыток.

Перевод данного фрагмента романа производит благоприятное впечатление относительно сохранения ритмико-синтаксической структуры подлинника. Актуальное членение текста на английском языке почти везде идентично членению первичного текста. Переводчику преимущественно удалось передать тема-рематическую структуру оригинала:

// The room was lit by a somewhat pale unearthly light, / because the ingenious dancers had shrouded the lamp in a scrap of mauve silk. // On the table, / in the middle of the room, / bottles gave off a violet-colored gleam, / oil glistened in open sardine tins, / there were chocolates in silver wrappings, / a mosaic of sausages slices, / glazed meat patties. // (Nabokov 1989, p. 96).

Переходя к анализу заключительного фрагмента романа «Машенька», сразу оговорим, что в нем нами было выявлено большее разнообразие в плане длины синтагм:

// Старушка тщательно заперла дверь / и, / кутаясь в черную вязаную шаль, / пошла вверх. // Свет на лестнице горел желтовато и холодно. // Тихо побренькивая ключами, / она дошла до площадки. // Свет на лестнице потух. // (Набоков 2002, с. 100).

Поочередное использование длинных и коротких синтагм в пределах всего отрывка повлекло за

собой формирование переменного, прерывистого ритма. В частности, обращает на себя внимание первое и третье предложения, которые являются простыми и имеют в своем составе деепричастные обороты, помогающие нивелировать впечатление размерности и однообразия повествования.

Второе и четвертое предложения (аналогично первому и третьему) принадлежат к категории простых, при этом они лишены каких-либо обособлений и оборотов. Вместе с тем нельзя не заметить употребление лексического повтора во втором и четвертом предложениях (*свет на лестнице*), что способствует симметрической организации всего текстового фрагмента. Эмоциональность и экспрессия данного отрывка также нарастают благодаря использованию антитезы. Данная фигура речи делает повествование прерывистым, вызывая ассоциацию с внезапной кончиной, уходом из жизни, навевая у читателя мысли о неизбежной и скорой метафизической гибели пансиона вместе со всеми его постояльцами.

Сопоставим оригинал анализируемого фрагмента романа с параллельным текстом в аспекте передачи ритмико-синтаксических нюансов первичного текста:

// *The old woman carefully locked the door, / wrapped herself tighter in her black knitted shawl / and went upstairs. // The steps were lit by a cold yellow light. // Her keys tinkling gently, / she reached the landing. The light on the staircase went out. //* ((Nabokov 1989, p. 106).

Как видно, текст перевода тяготеет к более монотонному и плавному ритму в отличие от текста оригинала за счет того, что автор русскоязычной версии романа трансформировал деепричастие в глагол-сказуемое. К явным недостаткам следует также отнести пренебрежение переводчиком такими стилистическими приемами, как лексический повтор и антитеза, из-за чего параллельный текст стал менее выразительной версией оригинала. Исключением является третье предложение, которое

в целом удачно передано на английский язык: переводчик смог не нарушить ритм, компенсировав элиминацию деепричастного оборота (*тихо побрякивая ключами*) введением в параллельный текст абсолютной причастной конструкции (*her keys tinkling gently*).

Заключение

Проанализировав ритмико-синтаксическую организацию фрагментов романа В. Набокова «Машенька», мы можем констатировать, что она отличается наличием разнообразных синтаксических конструкций и ритмических контуров. В ходе исследования были выявлены как простые распространенные и нераспространенные, так и сложные предложения с сочинительной, подчинительной и бессоюзной связью, парентезы, однородные члены предложения, а также деепричастные обороты. Среди стилистических фигур, усиливающих эмфатичность изучаемого художественного произведения, можно выделить аллитерацию, лексический повтор и антитезу. Ритм выбранных для исследования отрывков романа зафиксирован нами как монотонный, постепенный и переменный.

С точки зрения интерпретации исследованного перевода на английский язык будет справедливым отметить, что параллельный текст, безусловно, имеет свои достоинства, хотя в то же время нельзя отрицать того, что переводчик далеко не всегда принимал во внимание ритмико-синтаксические особенности подлинника, в частности, нарушая его актуальное членение. Данный факт обусловлен, во-первых, расхождениями в синтаксическом строе русского и английского языков, во-вторых, разницей в длине слов (как известно, английские слова короче русских в среднем на 1,7 слога).

Перспектива дальнейших изысканий в данном направлении видится в анализе ритмико-синтаксической организации фрагментов романа «Машенька», создающих ностальгический образ усадьбы, сопоставляя оригинал и перевод.

Материалы исследования

Nabokov 1989 – *Nabokov V. Mary*. New York: Vintage Books, a division of Random House, Inc., 1989. 114 p.

Набоков 2002 – *Набоков В.В.* Романы. Рассказы. Москва: Дрофа: Вече, 2002. 480 с.

Натитник 2006 – *Натитник А.В.* Творческое использование языка и его границы при переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 208 с. URL: <http://www.dslib.net/germanskije-jazyki/tvorcheskoe-ispolzovanie-jazyka-i-ego-granicy-v-perevode.html>.

Николаева 1986 – *Николаева Н.Е.* Ритмическая синтагматика как основа синтактико-стилистического анализа научного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1986. 21 с. URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/8567859/>.

Патолятов 2020 – *Патолятов Д.А.* Ритм и синтаксис верлиба Игоря Холина: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский педагогический государственный университет. Москва, 2020. 22 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/ritm-i-sintaksis-verlibra-igorya-kholina>.

Полторацкий 1974 – *Полторацкий А.И.* Английская терминология лингвистической стилистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1974. 26 с.

Целовальникова 2005 – *Целовальникова Н.В.* Ритм прозы А. Ремизова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Астраханский государственный университет. Астрахань, 2005. 16 с. URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/>

handle/net/153619/0-753959.pdf?sequence=-1&ved=2ahUKEwjZs-i4-KP-AhVJiYsKHfDyC74QFnoECCIQAQ&usg=AOvVaw3vdf8ZsnZ7vWEhi_WrvLVe.

Библиографический список

Александрова 1981 – *Александрова О.В.* Система диерем в большом синтаксисе английского языка // Основные направления в развитии научной работы на кафедре английского языка / под ред. О.С. Ахмановой, Н.Б. Гвишиани, В.Я. Задорновой. Москва: Изд-во МГУ, 1981. С. 76–90. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/4862956> (дата обращения: 03.04.2023).

Александрова, Куницына 1982 – *Александрова О.В., Куницына В.А.* Принципы сегментации речевого потока (текста). Симферополь: Изд-во Симферопольского госуниверситета, 1982. 135 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/4863190>.

Александрова 1984 – *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка). Москва: Высшая школа, 1984. 211 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/aleksandrova/index.htm>.

Александрова, Комова 1998 – *Александрова О.В., Комова Т.Н.* Современный английский язык: морфология и синтаксис. Москва: МГУ, 1998. 208 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/3332173>.

Александрова, Шишкина 1982 – *Александрова О.В., Шишкина Т.Н.* Фразировка как синтактико-стилистическая проблема // Вопросы языкознания. 1982. № 1. С. 22–27. URL: <https://vopjaz.jes.su/s0373-658x0000621-6-1-ru-422>; <https://istina.msu.ru/publications/article/4863184>.

Александрова, Комова 1998 – *Александрова О.В., Комова Т.Н.* Современный английский язык: морфология и синтаксис. Москва: МГУ, 1998. 208 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/3332173>.

Борисова 2018 – *Борисова Е.Б.* Художественный образ в параллельных текстах: Опыт общелингвистического анализа: монография. Самара: СГСПУ, 2018. 248 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36956326>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ywzgzf>.

Габова, Хван 2018 – *Габова Н.И., Хван С.Х.* Ритм и синтаксис художественной прозы (на материале романа М.А. Булгакова «Белая гвардия») // Гуманитарный вестник. 2013. № 2 (4). С. 154–163. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20404881>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rennjd>.

Долгова (Александрова) 1978 – *Долгова (Александрова) О.В.* Семиотика неплавной речи (на материале английского языка). Москва: Высшая школа, 1978. 264 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/4863028>.

Канищева 2016 – *Канищева Е.В.* Лингвостилистические особенности прозы Е. Гуро // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 13, № 1. С. 16–21. DOI: <http://doi.org/10.14529/ling160103>.

Канищева 2018 – *Канищева Е.В.* Специфика сюжетно-композиционного ритма прозы М. Цветаевой // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (47). С. 154–163. DOI: <http://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00073>.

Микоян 1985 – *Микоян А.С.* Лексико-синтаксические аспекты перевода художественной прозы // Теория и практика изучения современного английского языка. Москва: Изд-во МГУ, 1985. С. 167–178. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/5363381>.

Микоян, Тер-Минасова 1981 – *Микоян А.С., Тер-Минасова С.Г.* Малый синтаксис как средство разграничения стилей. Москва: Изд-во МГУ, 1981. 213 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/518355>.

Федорова 2013 – *Федорова Е.В.* Ритмико-синтаксические особенности прозы М. Цветаевой // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2013. Т. 10, № 2. С. 97–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritmiko-sintaksicheskie-osobennosti-prozy-m-tsvetaevoy/viewer>.

Шишкина 1985 – *Шишкина Т.Н.* О некоторых принципах построения эстетически организованной речи // Теория и практика изучения современного английского языка. Москва: Изд-во МГУ, 1985. С. 145–153.

References

Aleksandrova 1981 – *Aleksandrova O.V.* (1981) The dierheme system in major English syntax. In: *Akhmanova O.S., Gvishiani N.B. (Eds.) Key spheres of research at the English Department*. Moscow: Izd-vo MGU, pp. 76–90. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/4862956/>. (In Russ.)

Aleksandrova, Kunitsyna 1982 – *Aleksandrova O.V., Kunitsyna V.A.* (1982) Principles of speech flow segmentation (text). Simferopol: Izd-vo Simferopol'skogo gosuniversiteta, 135 p. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/book/4863190>. (In Russ.)

Aleksandrova 1984 – *Aleksandrova O.V.* (1984) Challenges of expressive syntax (on the material of English language). Moscow: Vysshaya shkola, 211 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/aleksandrova/index.htm>. (In Russ.)

- Aleksandrova, Komova, 1982 – *Aleksandrova O.V., Komova T.N.* (1982) Modern English Grammar: Morphology and Syntax. Moscow: MGU, 208 p. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/book/3332173>. (In Russ.)
- Aleksandrova, Shishkina 1982 – *Aleksandrova O.V., Shishkina T.N.* (1982) Phrasing as syntactic and stylistic problem. *Voprosy Jazykoznanija = Issues in Linguistics*, no. 1, pp. 22–27. Available at: <https://vopjaz.jes.su/s0373-658x0000621-6-1-ru-422/>; <https://istina.msu.ru/publications/article/4863184>. (In Russ.)
- Aleksandrova, Komova, 1982 – *Aleksandrova O.V., Komova T.N.* (1982) Modern English Grammar: Morphology and Syntax. Moscow: MGU, 208 p. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/book/3332173>. (In Russ.)
- Borisova 2018 – *Borisova E.B.* (2018) The artistic image in parallel texts: experience of overall philological analysis: monograph. Samara: SGSPU, 248 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36956326>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ywzgzf>. (In Russ.)
- Gabova, Khvan 2018 – *Gabova N.I., Khvan S.Kh.* (2018) Rhythm and syntax of prose (on the material of M.A. Bulgakov's novel «The White Guard»). *Humanities Bulletin of BMSTU*, no. 2 (4), pp. 154–163. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20404881>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rennjd>. (In Russ.)
- Dolgova (Aleksandrova) 1978 – *Dolgova (Aleksandrova) O.V.* (1978) Semiotics of halting speech (on the material of the English language). Moscow: Vysshaya shkola, 264 p. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/book/4863028>. (In Russ.)
- Kanishcheva 2016 – *Kanishcheva E.V.* (2016) Linguistic and Stylistic Features of E. Guro's Prose. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. «Linguistics»*, vol. 13, no. 1, pp. 16–21. DOI: <http://doi.org/10.14529/ling160103>. (In Russ.)
- Kanishcheva 2018 – *Kanishcheva E.V.* (2018) Specifics of Subject and Composite Rhythm in M. Tsvetaeva's Prose. *The New Philological Bulletin*, no. 4 (47), pp. 154–163. DOI: <http://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00073>.
- Mikoyan 1985 – *Mikoyan A.S.* (1985) Lexical and syntactic aspects of fictional prose translation. In: *Theory and Practice of Modern English*. Moscow: Izd-vo MGU, pp. 167–178. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/5363381>. (In Russ.)
- Mikoyan, Ter-Minasova 1981 – *Mikoyan A.S., Ter-Minasova S.G.* (1981) Minor syntax as a means of style discrimination. Moscow: Izd-vo MGU, 213 p. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/book/518355>. (In Russ.)
- Fedorova 2013 – *Fedorova E.V.* (2013) Features of rhythm and syntax of M. Tsvetaeva's prose. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. «Linguistics»*, vol. 10, no. 2, pp. 97–102. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritmiko-sintaksicheskie-osobennosti-prozy-m-tsvetaevoy/viewer>. (In Russ.)
- Shishkina 1985 – *Shishkina T.N.* (1985) On some principles of constructing aesthetically organized speech. In: *Theory and practice of studying modern English*. Moscow: Izd-vo MGU, pp. 145–153. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81

Дата поступления: 17.06.2023

рецензирования: 24.07.2023

принятия: 25.08.2023

**Фразеологическая номинация в терминосистеме международного права:
семантико-когнитивный подход****И.А. Пугачевская**Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
E-mail: ipugachevskaya@gmail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9974-7996>

Аннотация: В работе рассматриваются виды терминов-фразеологизмов терминосистемы международного права, а также определяется тип связи между компонентами в их структуре. Актуальность работы вытекает из необходимости развития профессионального языка международных отношений, являющихся одной из важнейших общественных областей правового регулирования. Изучение терминологических единиц в составе терминосистемы международного права в когнитивном аспекте позволяет установить предпосылки, ведущие к способу вербализации профессионального знания этой области. Связь формирования термина с жизненными реалиями помогает понять ход мыслей деятеля, повлекший за собой выбор номинации. Терминология международного права, разработанная с учетом стремительно меняющейся действительности, содействует эффективному решению задач, стоящих перед специалистами в области межгосударственных взаимодействий. Фразеологизмы являются особой формой терминологической номинации. Проблема интерпретации терминов-фразеологизмов вызвана спецификой лексических единиц, объединяющих в своей семантике, с одной стороны, признаки фразеологических единиц, а с другой – профессиональной лексики. Такое сочетание ведет к репрезентации профессионально значимой информации путем слияния обыденного (содержащегося во фразеологических единицах) и профессионального знания. С помощью методов дефиниционного анализа и компонентного анализа удалось раскрыть особенности формирования семантической структуры терминов-фразеологизмов международного права, а также выявить связи различных типов знаний в нем. Фразеологические термины международного права формируются посредством трех моделей, где компоненты в структуре фразеологизмов вступают в различные виды отношений: объединение, пересечение, наложение. При этом наиболее частотным является вид связи, представляющий объединение профессионального и обыденного знания в структуре терминов-фразеологизмов. Концептуальный анализ показал наличие в профессиональной лексике международного права единиц, сформированных посредством наглядно-образного восприятия объекта или явления, что говорит об отсутствии четкой границы между двумя типами знаний – обыденным и профессиональным.

Ключевые слова: термин; профессиональная лексика; фразеологическая номинация; тип знания; научное познание; обыденное познание; терминология; международное право.

Цитирование. Пугачевская И.А. Фразеологическая номинация в терминосистеме международного права: семантико-когнитивный подход // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 177–185. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-177-185>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Пугачевская И.А., 2023

Ирина Анатольевна Пугачевская – преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, 305003, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.06.2023

Revised: 24.07.2023

Accepted: 25.08.2023

**Phraseological nomination in the terminological system of international law:
semantic cognitive approach****I.A. Pugachevskaya**

Southwest State University, Kursk, Russian Federation

E-mail: ipugachevskaya@gmail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9974-7996>

Abstract: The article considers the types of phraseological nominations of the terminological system of international law, and also determines the type of connection between the components in their structure. The relevance of the work stems from the need to develop the professional language of international relations, which is one of the most important social areas of legal regulation. The study of terminological units as part of the terminological system of international law in the cognitive aspect allows to establish the prerequisites leading to the method of verbalization of professional knowledge in this area. Connecting the term with real-life realities helps to understand the thought process of the actor who

chose the nomination. The terminology of international law, developed taking into account the rapidly changing reality, contributes to the effective solution of the tasks faced by specialists in the field of interstate interactions. Phraseologisms are recognized as a special form of terminological nomination. The problem of interpretation of term-phraseological units is caused by the specificity of lexical units, which combine in their semantics, on the one hand, features of phraseological units, and on the other hand, professional lexicon. The combination leads to the representation of professionally relevant information by combining ordinary (contained in phraseological units) and professional knowledge. With the help of the methods of definitional analysis and component analysis, it was possible to reveal the peculiarities of the formation of the semantic structure of term-phraseological units of international law, as well as to reveal the connections of various types of knowledge in it. Phraseological terms of international law are formed by means of three models, where the components in the structure of phraseological units enter into various types of relations: association, intersection, imposition. At the same time, the most frequent type of communication is the combination of professional and common knowledge in the structure of terms-phraseology. The conceptual analysis showed the presence in the professional lexicon of international law units, formed by means of a visual-image perception of an object or phenomenon, which indicates the absence of a clear boundary between two types of knowledge – ordinary and professional.

Key words: term; professional vocabulary; phraseological nomination; type of knowledge; scientific knowledge; everyday knowledge; terminology; international law.

Citation. Pugachevskaya I.A. Phraseological nomination in the terminological system of international law: semantic cognitive approach. *Vestnik Samarского universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 177–185. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-177-185>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Pugachevskaya I.A., 2023

Irina A. Pugachevskaya – lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, 94, 50 let Oktyabrya Street, Kursk, 305003, Russian Federation.

Введение

Вопросам изучения терминосистем различных областей науки и деятельности посвящено много работ известных ученых-терминологов: В.М. Лейчика, Е.А. Никулиной, Л.А. Капанадзе, А.В. Суперанской, С.В. Гринев-Гриневича, Е.И. Головановой, С.П. Хижняка и др. Проблемами юридической терминологии интересуются как лингвисты, так и специалисты в области права.

Работы по терминологии международного права преимущественно направлены на изучение становления и развития составляющей ее лексики.

Ф.П. Сергеев внес неоспоримый вклад в изучение формирования и развития русской дипломатической лексики и фразеологии XI–XVII вв. [Сергеев 1971; 1972; 1978]. А.П. Миньяр-Белоручева и О.А. Вдовина рассматривают термины международного права в их соотношении со стадиями развития системы международных отношений [Миньяр-Белоручева, Вдовина 2008]. Е.С. Закирова, О.С. Виноградова, Е.П. Медведева проводят в своей работе историко-диахронный анализ терминосистемы международного воздушного права [Закирова, Виноградова, Медведева 2022].

Рассмотрению вопроса фразеологической номинации, ее видов, а также типов связей между структурными элементами терминов-фразеологизмов в терминосистеме международного права ранее внимание не уделялось.

В качестве материала исследования были использованы специализированные словари: большой юридический словарь (2001), дипломатический словарь в трех томах (1985–1986), толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода (2004); а также словарь русского языка (1999) и философский словарь (2001). Термины для анализа определялись мето-

дом сплошной выборки из картотеки дипломатических терминов в количестве 620 единиц.

Познавательная деятельность человека, какой бы сферы нашей жизни она ни касалась, находит отражение в языке. Каждый значимый объект подлжит номинации, и, чем обширнее набор характеристик этого объекта, тем сложнее будет вербализующая его языковая единица.

Сфера международных отношений развивается на протяжении всего времени существования государственности, зародившись еще в догосударственный период и являясь одной из важнейших для общества. В наши дни регулирование отношений между государствами носит сложный характер, что требует наличия детально разработанной терминологической системы, отражающей все разнообразие объектов и явлений действительности.

Семантика терминов, специальных единиц, представляющих профессиональное (научное) знание, формируется под воздействием множества экстралингвистических факторов. Так, непосредственное влияние на терминосистему международного права оказывают смена государственного строя, появление новых институтов власти, характер внешнеполитических взаимодействий государства и др. Профессионально значимые изменения объективной реальности воплощаются в терминах в результате когнитивной деятельности специалиста в соответствии с имеющимся у него опытом.

Терминосистему международного права можно рассматривать как частноотраслевую подсистему, имеющую неразрывную связь с другими подсистемами терминов права: гражданского, трудового, уголовного и др. Специфика деятельности, которую регулируют нормы международного права, обуславливает связь терминосистемы с целым рядом других терминосистем, прежде всего это сфе-

ры политики, экономики, военного дела и т. д. Помимо этого, на формирование структуры и состава терминосистемы большое влияние оказывает правовая терминология иностранных государств. Это влияние можно, в частности, проследить проанализировав лексический состав терминосистемы: 65 % терминов-фразеологизмов рассматриваемой области являются кальками из других языков, и 35 % составляют исконно русские наименования.

Существуют различные структурные классификации терминов. Так, С.В. Гринев-Гриневиц подразделяет термины на три типа: слова, словосочетания и термины-омонимы [Гринев-Гриневиц 2008, с. 121]. В.П. Даниленко предлагает классифицировать единицы профессионального языка следующим образом: термины-слова, термины-словосочетания и символы-слова. В числе терминов-словосочетаний ею выделяются термины-фразеологизмы, при этом к названным единицам ученый относит только неразложимые словосочетания [Даниленко 1977, с. 37].

Согласно такой классификации, состав терминосистемы международного права можно представить следующим образом: 64 % терминов являются словосочетаниями, однословные термины составляют всего 36 %. Применение символов для данной терминосистемы нехарактерно.

Основная часть

Под фразеологизмом понимается воспроизводимое идиоматическое образование, по форме сопоставимое со словосочетанием или предложением, а семантически соответствующее слову [Архангельский 1977, с. 57]. Таким образом, фразеологический способ номинации является промежуточным между однословной номинацией объектов и прямой неоднословной, репрезентируя целостную ментальную единицу.

Термины-фразеологизмы объединяют в себе характеристики фразеологии (такие как идиоматичность, воспроизводимость, неизменный состав) и профессионального языка (номинативность, принадлежность определенной профессиональной (научной) области). Сочетание этих свойств позволяет вербализовать существенную для той или иной сферы деятельности информацию путем слияния профессионального и обыденного знания. Отсутствие четкой границы между двумя типами знаний обусловлено способом использования накопленной человеком информационной базы, которая при концептуализации нового объекта задействуется целиком. Устойчивость терминов-фразеологизмов в профессиональной сфере объясняется их ориентирующим характером: в рамках терминосистемы он ведет мысль специалиста в нужном направлении, опираясь на обыденное знание.

В зависимости от степени лексико-семантической слитности их компонентов в лингвистике традиционно выделяют четыре вида фразеологиз-

мов: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения. Данная классификация распространяется и на термины-фразеологизмы.

Фразеологические сращения представляют собой семантически неделимую конструкцию, где компоненты только в своем единстве несут определенный смысл [Лейчик, Никулина 2005, с. 31]. Неделимую связь компонентов в структуре словосочетания демонстрируют общеупотребительные выражения *честь по чести* – должным образом (СРЯ 1999, т. 4, с. 673), *вместе с тем* – одновременно (СРЯ 1999, т. 1, с. 186), *хоть куда* – хороший, отличный (СРЯ 1999, т. 2, с. 145). В терминосистеме международного права данный вид фразеологизмов не встречается.

Большое распространение в терминологических системах имеют словосочетания, являющиеся фразеологическими единствами [Виноградов 1977, с. 155–156]: *баланс сил* – один из методов достижения внешнеполитических целей; *юридическое лицо* – зарегистрированная надлежащим образом организация; *государственный иммунитет* – принцип неподчинения властям другого государства; *театр войны* – территория, где разворачиваются военные действия; *вступить в силу* – начинать действовать как обязательная норма. Здесь смысл, заложенный в каждом из компонентов, помогает понять общее значение фразеологизма, хотя совокупность значений не равна единому смыслу термина.

Во фразеологических сочетаниях наблюдается объединение компонентов, представляющих различные типы лексического значения: один компонент имеет прямое номинативное значение, второй – переносное: *мягкое право*, *страны третьего мира*, *добрые услуги*. Как правило, фразеологическое сочетание выражает специальное знание в рамках определенной терминосистемы.

Наименьшую семантическую слитность имеют фразеологические выражения. Каждый компонент в составе таких фразеологизмов обладает полным номинативным значением, а их сочетание воспроизводится как готовая речевая единица [Шанский 1996, с. 79]. К фразеологическим выражениям относятся устойчивые термины, состоящие из двух и более слов. Компоненты в структуре таких фразеологизмов часто заменяются, образуя другие термины (как правило, для обозначения однородных понятий в определенной сфере деятельности): *демилитаризованная зона*, *безъядерная зона*, *зона конфликта*, но *территория со специальным режимом*, *территория со смешанным режимом*.

В основе формирования фразеологических единиц лежит чувственно-наглядное восприятие мира, следовательно, такие термины репрезентируют весь комплекс информации об объекте, охватываемый номинатором целиком, в нерасчлененном виде [Голованова 2009, с. 98].

Другим типом номинации, также обозначающим сложный объект, является аббревиатура (ООН, СНГ, СБСЕ). Простая форма способствует номинативной экономности, сохраняя все многообразные связи между разнородными элементами в составе системы. Но в отличие от номинации-фразеологизма, основанной на ассоциативном мышлении, структура аббревиатуры формируется исключительно логико-понятийным способом. Аббревиатура является результатом последовательного познания объекта, «мысленного прослеживания», тогда как фразеологизм формируется вследствие комплексного охвата одновременно всех сторон и характеристик объекта [Шемякин 1960, с. 7–8].

В профессиональной сфере потребность во фразеологической номинации возникает в случае значительной абстракции профессионального знания, нуждающегося в вербализации (презумпция невиновности, дипломатический иммунитет, гражданский долг) [Рут 1992, с. 31].

При исследовании фразеологизмов профессиональной сферы первостепенным становится вопрос о соотношении специального и обывденного знания при формировании фразеологических терминов.

Е.И. Голованова на примере музыкальной терминологии выделяет три фразеологические модели образования терминологических единиц, разнообразное сочетание компонентов внутри которых показывает весь комплекс взаимосвязей между обывденным и профессиональным знанием в когнитивной структуре [Голованова 2011, с. 163].

Рассмотрим указанные модели применительно к фразеологическим номинациям терминосистемы международного права.

Первая модель представляет собой сочетание специального слова и общеупотребительного слова (*верительная грамота, недружественный акт, право крови, право почвы, политическое убежище*).

Вторая фразеологическая модель объединяет в своей структуре общеупотребительные слова (*театр войны, вооруженный конфликт, опасный груз*).

Третья модель образована двумя специальными словами, репрезентирующими профессиональное знание (*право вето, суспензивное вето, международный деликт*).

Анализ терминологии международного права показал, что специальное и обывденное виды знания в структуре фразеологизмов этой области могут вступать во все указанные виды отношений: объединение, пересечение, наложение. Проанализируем каждый тип таких отношений.

1. Объединение. Термины-фразеологизмы *государственная тайна, международный спор, международная территория, международный обычай, национальный режим, законная сила, дипломатическое убежище и т. д.* (специальное

слово + общеупотребительное слово) демонстрируют объединение профессионального знания и обывденного. Такой тип связи между компонентами терминов-фразеологизмов в терминосистеме международного права является преобладающим (53,3 %).

В термине *государственная тайна* опорное слово в термине, взятое отдельно, не выражает никакого специального смысла с точки зрения сферы международного права. Данное слово семантически широко разработано в общеупотребительной практике.

В словаре юридических терминов рассматриваемому наименованию дается следующее определение: «*Государственная тайна* – защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности государства» (БЮС 2001, с. 111).

В отечественном праве термин впервые появляется в положениях Конституции 1993 года. В законодательствах более ранних периодов «тайными» назывались сведения, разглашение которых могло нанести вред государству. Перечень этих сведений менялся в ходе исторического развития в зависимости от потребностей государства в конкретный период. В юридической литературе дореволюционного времени слово «тайна» имеет значение неразглашения обстоятельства, обнародование которого может принести вред (имеется в виду не только материальный ущерб, но и подрыв морально-нравственных идеалов) [Владимиров 1910, с. 304].

Для выявления когнитивной единицы (концепта), стоящей за термином-фразеологизмом, значимым представляется выражаемое словом «тайна» значение «нечто скрываемое от других, известное не всем» (ФС 2001, с. 2927). Под концептом мы подразумеваем упорядоченную совокупность знаний и представлений об объекте номинации, наиболее важная часть которых выражена вербально. Узкоспециальный характер фразеологизму придает компонент *государственная*, восходящий к термину *государство*, который в рассматриваемой нами области имеет значение субъекта международного права.

Терминологический элемент *государственный* употребляется во многих терминах международного права: *государственная граница, государственная территория, государственный суверенитет, государственный флаг, государственный язык* и т. д. С другими терминологическими единицами, включающими данный компонент, он формирует единое терминологическое поле. Таким образом, во фразеологизме *государственная тайна* специальное и неспециальное знание дополняют друг друга.

Еще одним примером объединения двух типов знания в структуре термина-фразеологизма может служить термин *юридическая сила*.

В правовой литературе под *юридической силой* понимается обязательность исполнения положений любого нормативного акта независимо от объема его властных полномочий [Здунова 2016, с. 155].

Обыденные представления, связанные со словом *сила* и его производным *силовой*, ядром которых является информация о воздействующем факторе, а также могуществе, власти (перен.), определяют правильное понимание стоящего за фразеологизмом образа.

Компонент *юридическая* (юридический – относящийся к праву) объединяет данный термин с составными терминами свободного характера, такими как *юридическая ответственность*, *юридический документ*, *юридический факт* и др., указывая на концептуальную область функционирования термина и придавая фразеологизму узкоспециальный характер.

2. Пересечение. Второй вид отношений между специальным и неспециальным знанием в составе терминологического фразеологизма встречается в терминах *мягкое право*, *твердое право*, *мирный договор*, *вертикальное соглашение* и др. (33,3 % от всех фразеологизмов рассматриваемой терминосистемы).

На примере термина *мягкое право* покажем, что обыденное и специальное знания являются самостоятельными, но при этом пересекающимися системами.

В Большом юридическом словаре *мягкое право* определяется как термин международного права, означающий рекомендательные нормы (БЮС, с. 309). Появление термина обусловлено необходимостью поиска более гибких инструментов в регулировании международных отношений, поскольку международные конвенции оказались недостаточно эффективными в условиях динамично развивающейся сферы межгосударственных взаимодействий.

По мнению ученых-юристов, мягкое право выступает своего рода «предправом» – закрепленными международными нормами права, подлежащими затем закреплению в качестве обязательных. Отвечая потребностям общества в регулировании международных отношений, «мягкое право» является компромиссом при невозможности закрепить нормы в актах «жесткого права».

Рассмотрим языковые и когнитивные характеристики компонентов фразеологизма. Опорный компонент – «право» принадлежит к специальной сфере, и к сфере общего употребления (основание, причина). Однако наличие уточняющего слова в составе фразеологического наименования относит его к ряду обозначений узкоспециального характера (ср. *международное право*, *дипломатическое право*, *право вето* и т. д.).

Термин *мягкое право* имеет абсолютно другой вид. Уточняющий компонент в нем выражен качественным прилагательным, придающим данному сочетанию образность. Обыденное знание, репре-

зентируемое прилагательным *мягкий*, можно определить следующим образом: 1) легко поддающийся давлению, сжатию, малоупругий, эластичный; 2) приятный при ощущении, нераздражающий; 3) плавный, размеренный; 4) кроткий, лишенный резкости; 5) не очень строгий, снисходительный, несуровый (СРЯ 1999, с. 319). Именно последнее значение слова *мягкий* и представлено в термине «мягкое право». Такое понимание анализируемого сочетания основано прежде всего на знании обыденном.

Основная, наиболее важная информация, которая выражена компонентом *мягкое*, связана именно с отсутствием строгости, с необязательностью выполнения. В естественном языке подобное значение выражено сочетаниями *мягкое наказание*, *мягкий упрек*. В сфере права оно тоже оказывается релевантным. В отличие от других видов права (гражданское, уголовное, трудовое), представляющих систему общеобязательных правил поведения, мягкое право носит рекомендательный характер, т. е. предполагает возможность несоблюдения правил, установленных этим правом. Таким образом, знание, закрепленное за фразеологизмом *мягкое право*, находится на пересечении специального и обыденного знания. Обыденное знание вносит положительную оценочность в содержание данного термина, а узкоспециальное знание выражает понятие рассматриваемой области знания (один из регуляторов общественных отношений).

3. Наложение. Примером третьего вида отношений – наложение знаний – могут служить термины *добрые услуги*, *иностраннный элемент*, *вертикальное соглашение*, *голубой коридор* и др. Количество терминов-фразеологизмов, показывающих наложение знаний в качестве связи компонентов в своей структуре, является самым малочисленным, составляя 13,4 % от общего числа.

Фразеологическая единица *добрые услуги* состоит из общеупотребительных слов. Ее специальный характер возникает лишь при сочетании этих элементов и употреблении в определенном контексте. На обыденное знание, представленное каждым компонентом, накладывается знание профессиональное. Опорный компонент сам по себе не выражает специальной информации. Услуга – это «действие, приносящее пользу, помощь другому» (ср. *дружеская услуга*, *медвежья услуга*) (ФС 2001, с. 3124). Специальное содержание этого слова связано с его пониманием с точки зрения предпринимательского права, налогового права, гражданского права: *материальная услуга*, *социально-культурная услуга*, *юридические услуги*, *риелторские услуги* и т. д. Во всех приведенных примерах в качестве атрибутивного терминологического использованы относительные прилагательные.

Впервые термин «добрые услуги» был использован в текстах Гаагских конвенций о решении международных споров 1899 и 1907 годов. В Ди-

пломатическом словаре термин определяется как «одно из средств мирного разрешения международных споров и конфликтов» (ДС 1985, с. 338). Государство или международная организация, вступающая в международный конфликт для обеспечения контакта между сторонами спора, являлась субъектом оказания *добрых услуг*. Эта добровольная миссия может иметь как технический, так и политический характер. В первом случае государство-доброволец берет на себя вопросы организации встреч, конференций, их материальное и финансовое обеспечение, предоставляет транспорт и средства связи, т. е. восстанавливает и поддерживает контакт между сторонами спора в случае прекращения между ними дипломатических отношений. «Добрые услуги» политического характера заключаются в призыве спорящих сторон к перемирию, а также в контроле за исполнением достигнутых договоренностей, репатриации военнопленных и т. д.

В рассматриваемом сочетании атрибутивная составляющая выражена качественным прилагательным «добрый». В общем употреблении данное прилагательное имеет ряд значений: 1) делающий добро другим, отзывчивый, а также выражающий эти качества; 2) несущий благо, добро, благополучие; 3) хороший, нравственный; 4) дружеский, близкий, милый; 5) хороший, отличный; 6) безукоризненный, честный (ФС 2001, с. 589).

На основе одного из значений этого слова, репрезентирующего результаты обыденного познания (*добрый* – делающий добро другим), и сформировалось специальное значение этого слова. Вербализация специального знания в данном случае обусловлена появлением в международном праве одного из мирных средств разрешения международных споров, которое представляет собой действия со стороны не участвующего в споре государства (международной организации) по установлению прямого контакта между спорящими сторонами с целью мирного урегулирования спора или конфликта. Специальное знание «накладывается» на уже известное, сформировавшееся в результате обыденного познания и закрепляется в специальных единицах, характерных для той или иной среды.

Объективация обыденного знания и тип его отношения со знанием специальным в когнитивной структуре терминологических фразеологизмов зависят от способа формирования знаний об объектах и явлениях профессиональной деятельности, а также от ее специфики [Гринев-Гриневиц 2000, с. 172].

Следует отметить, что знания, репрезентируемые профессиональными фразеологизмами, актуализируются в них не только логическим, рациональным способом, но и посредством метафоры, т. е. путем создания яркого, основанного на чувственном восприятии, запоминающегося образа профессионального понятия. Таким образом, фра-

зеологический формат профессионального знания показывает, что данная мыслительная структура возникла в результате не теоретического, а стихийного обобщения. Рассмотрим это на примере термина международного права «джентльменское соглашение». Слово английского происхождения «джентльмен» означает «человека, относящегося к привилегированным слоям общества, строго следующего установленным в них правилам и нормам поведения; человека, принадлежащего к высшим кругам общества», «дворянина» (СРЯ 1999). В викторианскую эпоху считалось, что полагаться можно лишь на слово дворянина. В современной терминологии *джентльменское соглашение* – это особый вид неформального международного соглашения (договоренности). В отличие от обычных договоров несоблюдение джентльменского соглашения несет преимущественно последствия только морального плана. Данные соглашения могут заключаться как в устной, так и в письменной форме и действуют на основании принципа добросовестного выполнения международных обязательств.

В международном праве джентльменские соглашения стали заключаться в XX веке по аналогии с устными соглашениями в торговле и промышленности, направленных на распределение объектов торговли и клиентского рынка. В качестве гарантии выполнения взаимных обязательств выступает доверие между сторонами соглашения. В основе договоренности лежит убеждение, что условия будут выполнены в силу данного слова.

Примером применения джентльменского соглашения в дипломатической практике является заключение 27 ноября 1934 года между СССР и Монгольской Народной Республикой соглашения, предусматривавшего взаимную всемерную поддержку в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказания друг другу помощи и поддержки в случае нападения какого-либо третьего государства на СССР или МНР (ДС 1985, с. 305).

Данный термин сформирован на базе концепта *джентльмен*, образа честного и порядочного субъекта, заключение соглашения с которым не требует дополнительных гарантий его выполнения и может быть основано исключительно на доверии.

Концептуальные признаки «следует установленным правилам и нормам» и «принадлежит к высшим кругам общества» (что являлось синонимом порядочности в мышлении буржуазного общества) получают реализацию в следующих выводных знаниях носителей языка: *джентльменское соглашение*: 1) построено на доверии; 2) его нарушение несет моральную ответственность.

Концептуальная сущность метафоры как одного из основных способов познания, структурирования и объяснения фактов окружающего нас мира заключается в формировании нового знания

на основе имеющегося опыта. В языке это выражается в переносе значения, закрепленного за одним объектом, на другой.

Метафора способна не только номинировать объекты и явления, но еще и обнаруживать связи с окружающей действительностью. Незавершенность и открытость терминов-метафор позволяет исследователям увидеть новые сходства и аналогии, обращая их внимание на неизвестные до сих пор свойства реальности, которые представляют научный интерес [Гринев 1996, с. 8–9].

Одним из факторов, влияющих на образование профессиональной метафоры, является коллективное знание, обобщающее имеющийся опыт о предметах и явлениях окружающей действительности. Значимый для общества опыт определяет выбор той или иной лексемы, и, судя по всему, содержание такого рода метафор зависит от коллективного знания семантики этих слов [Зусман 2003, с. 12].

Заключение

Таким образом, фразеологические наименования, относящиеся к сфере профессионального языка, сочетают в себе обыденное и специальное знание в их единстве. Объективация обыденного знания и тип его соотношения со знанием специальным в когнитивной структуре терминологических фразеологизмов зависят от способа формирования знаний об объектах и явлениях профессиональной деятельности, а также от ее специфики.

В терминах международного права, образованных посредством фразеологической номинации,

соединяются результаты абстрактно-логического и наглядно-образного мышления. Фразеологизмы выступают переходным этапом при взаимодействии обыденного и научного сознания. Как правило, термины-фразеологизмы являются более эффективными с точки зрения передачи смысла по сравнению с терминами нефразеологического характера, поскольку задействуют чувственный опыт специалистов и направляют их в определенной профессиональной ситуации. Образ, который соответствует правильному пониманию фразеологической номинации, может способствовать развитию понимания профессиональной сферы в целом и являться основой для создания комплекса наименований в данной области знаний.

Тот факт, что профессиональное знание, выраженное фразеологизмом, содержит в себе результаты категориального, наглядно-образного, интуитивного мышления, определяет его большую доступность и легкость усвоения, в отличие от знания, выраженного посредством прямой, однозначной номинации.

Фразеологизмы являются важным компонентом терминологии международного права (64 % наименований), определяющим основные направления развития профессиональной области и помогающим выстраивать профессиональную коммуникацию.

В своей структуре терминологические фразеологизмы области международных отношений могут развивать различные типы связи, что, на наш взгляд, обусловлено характером процесса познания, а также свойствами объектов номинации и их интерпретацией специалистом.

Материалы исследования

БЮС – *Большой юридический словарь* / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова [и др.]. Москва: 2001. 790 с.

ДС – *Дипломатический словарь*. 4-е издание, переработанное и дополненное / под ред. А.А. Громыко, А.Г. Ковалева, П.П. Севостьянова, С.Л. Тихвинского. Москва: Наука, 1985. Т. 1. 430 с.

СРЯ – *Словарь русского языка*: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

ТСИиПТСП – *Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода* / М.А. Хевеши. Москва: Междунар. отношения, 2004. 192 с.

ФС – *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. Москва: Республика, 2001. 719 с.

Библиографический список

Архангельский 1964 – *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1964. 315 с.

Виноградов 1977 – *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Москва, 1977. 312 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm?ysclid=lmityu3psu997031954>.

Владимиров 1910 – *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Санкт-Петербург: Кн. маг. «Законоведение», 1910. 440 с. URL: <https://klex.ru/n7>.

Голованова 2009 – *Голованова Е.И.* Когнитивные аспекты фразеологической номинации в профессиональной среде // *Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP*: сб. науч. тр. Москва, 2009. С. 92–102.

- Голованова 2011 – *Голованова Е.И.* Введение в когнитивное терминоведение. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. 224 с. URL: <https://ae-books.online/znaniya-i-navyiki/uchebnaya-i-nauchnaya-literatura/uchebniki-i-posobiya-dlya-vuzov/417066-book>.
- Гринев 1996 – *Гринев С.В.* Семиотические аспекты терминоведения // Научно-техническая терминология. Москва, 1996. Вып. 2. С. 3–16.
- Гринев 2000 – *Гринев С.В.* Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения. Москва: МПУ, 2000. 144 с.
- Гринев-Гриневиц 2008 – *Гринев-Гриневиц С.В.* Терминоведение. Москва: Академия, 2008. 304 с. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GRINEV-GRINEVICH_Sergey_Viktorovich/Grinev-Grinevich_S.V._Terminovedenie.\(2008\).\[dqv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GRINEV-GRINEVICH_Sergey_Viktorovich/Grinev-Grinevich_S.V._Terminovedenie.(2008).[dqv-fax].zip).
- Даниленко 1977 – *Даниленко В.П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. Москва: Наука, 1977. 245 с. URL: <https://klex.ru/tc0>.
- Закирова, Виноградова, Медведева 2022 – *Закирова Е.С., Виноградова О.С., Медведева Е.П.* Историко-диахронный анализ развития терминосистемы международного воздушного права // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 12–3. С. 124–129. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.12-3.17>. EDN: <https://elibrary.ru/iocjjy>.
- Здунова 2016 – *Здунова Д.И.* К вопросу о сущности юридической силы нормативно-правовых актов // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 155–157. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28287301>. EDN: <https://elibrary.ru/xvahfd>.
- Зусман 2003 – *Зусман В.Г.* Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 3–17. URL: <https://voplit.ru/article/kontsept-v-sisteme-gumanitarnogo-znaniya/?ysclid=lmiv1qgpsp210823788>.
- Лейчик, Никулина 2005 – *Лейчик В.М., Никулина Е.А.* Исследования терминологизмов в парадигматике: явление антонимии // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 30–43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12000551>. EDN: <https://elibrary.ru/kcpuyy>.
- Миньяр-Белоручева, Вдовина 2008 – *Миньяр-Белоручева А.П., Вдовина О.А.* Становление терминологии международных отношений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2008. № 1 (101). С. 42–48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10607319>. EDN: <https://elibrary.ru/iyddab>.
- Рут 1992 – *Рут М.Э.* Образная номинация в русском языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 148 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23200633>. EDN: <https://elibrary.ru/tnseqj>.
- Сергеев 1971 – *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1971. 219 с. URL: <https://djvu.online/file/c2d5Kd1ZmP5Mz?ysclid=lmivqunle4767570590>.
- Сергеев 1972 – *Сергеев Ф.П.* Русская терминология международного права XI–XVII вв. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1972. 258 с.
- Сергеев 1978 – *Сергеев Ф.П.* Формирование русского дипломатического языка. Львов: Вища школа, 1978. 226 с.
- Шанский 1996 – *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. Санкт-Петербург: Специальная литература, 1996. 192 с. URL: <https://litmir.club/br/?b=251353&ysclid=lmiwktlm92662307695>.
- Шемякин 1960 – *Шемякин Ф.Н.* К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия) // Мышление и речь. Известия АПН РСФСР. 1960. Вып. 113. С. 5–48.

References

- Arkhangelsky 1964 – *Arkhangelsky V.L.* (1964) Set phrases in modern Russian. Fundamentals of the theory of set phrases and problems of general phraseology. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostov. un-ta, 315 p. (In Russ.)
- Vinogradov 1977 – *Vinogradov V.V.* (1977) On the main types of phraseological units in the Russian language. In: *Selectas. Lexicology and lexicography*. Moscow, 312 p. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm?ysclid=lmity3psu997031954>. (In Russ.)
- Vladimirov 1910 – *Vladimirov L.E.* (1910) The doctrine of criminal evidence. Saint Petersburg: Kn. mag. «Zakonovedenie», 440 p. Available at: <https://klex.ru/n7>. (In Russ.)
- Golovanova 2009 – *Golovanova E.I.* (2009) Cognitive aspects of phraseological nomination in a professional environment. In: *Modern trends in lexicology, terminology and theory of LSP: collection of scientific works*. Moscow, pp. 92–102. (In Russ.)
- Golovanova 2011 – *Golovanova E.I.* (2011) Introduction to cognitive terminology studies. Moscow: FLINTA: Nauka, 224 p. Available at: <https://ae-books.online/znaniya-i-navyiki/uchebnaya-i-nauchnaya-literatura/uchebniki-i-posobiya-dlya-vuzov/417066-book>. (In Russ.)

Grinev 1996 – *Grinev S.V.* (1996) Semiotic aspects of terminology studies. In: *Scientific and technical terminology*. Moscow, Issue 2, pp. 3–16. (In Russ.)

Grinev 2000 – *Grinev S.V.* (2000) Historical systematized dictionary of terms of terminology studies. Moscow: MPU, 144 p. (In Russ.)

Grinev-Grinevich 2008 – *Grinev-Grinevich S.V.* (2008) Terminology studies. Moscow: Akademiya, 304 p. Available at: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GRINEV-GRINEVICH_Sergey_Viktorovich/Grinev-Grinevich_S.V._Terminovedenie_\(2008\).\[djav-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GRINEV-GRINEVICH_Sergey_Viktorovich/Grinev-Grinevich_S.V._Terminovedenie_(2008).[djav-fax].zip). (In Russ.)

Danilenko 1977 – *Danilenko V.P.* (1977) Russian terminology. Experience of linguistic description. Moscow: Nauka, 245 p. Available at: <https://klex.ru/tc0>. (In Russ.)

Zakirova, Vinogradova, Medvedeva 2022 – *Zakirova E.S., Vinogradova O.S., Medvedeva E.P.* (2022) Historical and diachronic analysis of international air law terminological system development. *Modern Science: actual problems of theory and practice, a series of «Humanities»*, no. 12-3, pp. 124–129. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.12-3.17>. EDN: <https://elibrary.ru/iocjyy>. (In Russ.)

Zdunova 2016 – *Zdunova D.I.* (2016) The nature of legal force of regulatory legal acts. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 4, pp. 155–157. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28287301>. EDN: <https://elibrary.ru/xvahfd>. (In Russ.)

Zusman 2003 – *Zusman V.G.* (2003) Concept in the system of humanitarian knowledge. *Voprosy literatury*, no. 2, pp. 3–17. Available at: <https://voplit.ru/article/kontsept-v-sisteme-gumanitarnogo-znaniya/?ysclid=lmiv1qgp sp210823788>. (In Russ.)

Leichik, Nikulina 2005 – *Leichik V.M., Nikulina E.A.* (2005) Studies of terminology in paradigmatics: the phenomenon of antonymy. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 30–43. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12000551>. EDN: <https://elibrary.ru/kcpuyn>. (In Russ.)

Minyar-Beloruicheva, Vdovina 2008 – *Minyar-Beloruicheva A.P., Vdovina O.A.* (2008) Formation of terminology of international relations. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, no. 1 (101), pp. 42–48. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10607319>. EDN: <https://elibrary.ru/iyddab>. (In Russ.)

Ruth 1992 – *Ruth M.E.* (1992) Figurative nomination in Russian. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 148 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23200633>. EDN: <https://elibrary.ru/tnseqj>. (In Russ.)

Sergeev 1971 – *Sergeev F.P.* (1971) Russian diplomatic terminology of the XI–XVII centuries. Chişinău: Kartya Moldovenyaske, 219 p. Available at: <https://djvu.online/file/c2d5Kd1ZmP5Mz?ysclid=lmivqunle4767570590>. (In Russ.)

Sergeev 1972 – *Sergeev F.P.* (1972) Russian terminology of international law of the XI–XVII centuries. Chişinău: Kartya Moldovenyaske, 258 p. (In Russ.)

Sergeev 1978 – *Sergeev F.P.* (1978) Formation of the Russian diplomatic language. Lviv: Vishcha shkola, 226 p. (In Russ.)

Shanskii 1996 – *Shanskii N.M.* (1996) Phraseology of modern Russian language. Saint Petersburg: Spetsial'naya literatura, 192 p. Available at: <https://litmir.club/br/?b=251353&ysclid=lmiwkltm92662307695>. (In Russ.)

Shemyakin 1960 – *Shemyakin F.N.* (1960) On the question of the relationship between the word and the visual image (color and its names). In: *Myshlenie i rech'. Izvestiya APN RSFSR*, issue 113, pp. 5–48. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

Дата поступления: 11.04.2023
рецензирования: 17.06.2023
принятия: 25.08.2023

Полиmodalный перцептивный образ и языковые средства его манифестации в англоязычном художественном тексте

В.В. Кучер

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация
E-mail: kuchervv@bk.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-6257-7890>

Аннотация: Познание окружающего мира является результатом полиmodalного взаимодействия и интерпретации данных, поступающих от органов чувств. Языковая манифестация полиmodalности восприятия понимается как способ выразить языковыми средствами результаты восприятия мира несколькими органами чувств одновременно. Цель настоящей статьи – выявить языковые средства манифестации процессов полиmodalного восприятия в художественном тексте. Исследование проведено в рамках актуальной на сегодняшний день проблемы изучения перцепции с позиции когнитивной стилистики, т. е. анализа стилистических приемов, манифестирующих восприятие как особой структуры репрезентации знаний. Методами исследования выступили компонентный анализ, дефиниционный анализ лексики, контекстуальный анализ и лингвостилистический анализ. Источником эмпирического материала послужил роман А. Азимова *The Pebble in the Sky*, в котором наблюдается т. н. сенсорное напряжение – высокая плотность использования перцептивной лексики в тексте. Результатом проведенного исследования стала классификация перцептивной лексики, участвующей в репрезентации ситуаций полиmodalного восприятия; результаты проведенного лингвостилистического анализа позволяют судить о включении modalностей восприятия в процесс познания.

Ключевые слова: перцепция; перцептивная modalность; полиmodalное восприятие; полиmodalный перцептивный образ; художественный текст; синестезия; перцептивная лексика; художественный образ.

Цитирование. Кучер В.В. Полиmodalный перцептивный образ и языковые средства его манифестации в англоязычном художественном тексте // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 186–194. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-186-194>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кучер В.В., 2023

Василина Васильевна Кучер – аспирант, ассистент кафедры английского языка, лингвистический институт, Алтайский государственный педагогический университет, 656031, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.04.2023
Revised: 17.06.2023
Accepted: 25.08.2023

Multimodal perceptual image and linguistic means of its manifestation in an English-language literary text

V.V. Kucher

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation
E-mail: kuchervv@bk.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-6257-7890>

Abstract: The article discusses the problem of multimodal perceptual image in the literary text as a language means of conveying the interaction and reciprocity of perceptual sensations obtained through several senses and manifesting an integralmultimodal image. The language manifestation of the multimodality of perception is understood as a way to express in a language the results of the perception by several senses at the same time. The purpose of the article is to identify language means of manifestation of the processes of multimodal perception in a literary text. The study is carried out from the perspective of cognitive stylistics, i.e. considering stylistic devices that manifest multimodal perception as a means of knowledge representation. «The Pebble in the Sky» by A. Azimov served as an example of a literary text characterized by an abundance of perceptual vocabulary per text unit. The component analysis, lexical definition analysis, contextual analysis and linguo-stylistic analysis result in the classification of perceptual vocabulary and stylistic means manifesting multimodal perceptual image.

Key words: perception; perceptual modality; multimodal perception; multimodal perceptual image; literary text; synesthesia; perceptual vocabulary.

Citation. Kucher V.V. Multimodal perceptual image and linguistic means of its manifestation in an English-language literary text. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 186–194. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-186-194>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Kucher V.V., 2023

Vasilina V. Kucher – postgraduate student, assistant lecturer of the Department of English Language, Linguistic Institute, Altai State Pedagogical University, 55, Molodezhnaia Street, Barnaul, 656031, Russian Federation.

Введение

Познание окружающего мира основано на данных, поступающих от органов чувств – визуальной, аудиальной, кинестетической и других модальностей. Модальности ощущений – это системы репрезентаций, служащие для отражения окружающего мира. Они выступают каналом связи с реальностью и являются основой когнитивной активности в процессе адаптации субъекта к окружающей среде [Калашникова 2015]. Так, например, визуальные ментальные образы, сформированные как результат восприятия, являются составной частью когнитивных моделей репрезентации информации [Anderson 1976; Kosslyn 1975; Солсо 2006] и обеспечивают доступ к информации в памяти, понимание вербальных описаний, а также непосредственно задействуются в процессе приобретения новых навыков [Koenig, Reiss, Kosslyn 1990].

Познавательная деятельность не опирается лишь на одну изолированную модальность – напротив, любое предметное восприятие системно, полиmodalно и является результатом интерпретации данных нескольких органов чувств. Проблема психофизиологической основы полиmodalного восприятия является актуальной темой современных исследований [Bertelson 2004; Herholz 2012; Jonauskaitė 2020; Macpherson 2012; Nanay 2017; O’Callaghan 2012]. Что же касается языковой манифестации данного феномена, то среди лингвистических исследований [Casini 2017; Koenig 1990; Korsmeyer 2002; Kosslyn 1975; Voß 2009; Григорьева 2004] имеет место тенденция рассмотрения одного модуса перцепции либо интерmodalных сочетаний в рамках языковой синестезии: исследованию вербализации полиmodalного восприятия как системы уделено недостаточно внимания. В связи с вышесказанным актуальным представляется изучение языковых средств манифестации восприятия в комплексе, что соответствует онтологическому статусу чувственного восприятия как полиmodalной деятельности.

Вопрос языковой манифестации полиmodalности восприятия представляется актуальным и интересным в связи с тем, что интерпретация и вербализация перцептивных впечатлений всегда субъективна, индивидуальна и отражает ту или иную картину мира и интенции говорящего. В современных лингвистических исследованиях восприятие признается познавательным фактором, задающим ракурс осмысления и пути репрезентации в языке таких категорий бытия и сознания, как «пространство», «время», «реальность» [Classen 1993; Korsmeyer 2002; Semino 2013; Ав-

девнина 2013; Григорьева 2004; Князева 2009; Колесов 2008; Корячанкова, Крюкова, Хизниченко 2016; Лаврова 2017; Нагорная 2017; Рузин 1995]. Изучение полиmodalного восприятия вносит определенный вклад в рассмотрение роли языка в когнитивной системе человека, его функций в процессах формирования, хранения и передачи знания и принадлежит сфере когнитивно-дискурсивной лингвистики. В этой связи автором исследования ставится цель выявить языковые средства манифестации процессов полиmodalного восприятия в англоязычном художественном тексте и охарактеризовать стилистический эффект их использования.

Основная часть

Психофизиологические основы полиmodalности восприятия

Характерной чертой лингвистических исследований феномена восприятия является их междисциплинарность. Понимание особенностей языковой репрезентации восприятия не может обойтись без рассмотрения некоторых аспектов психофизиологии этого феномена, поскольку перцепция охватывает «все» [Харченко 2012, с. 12]. В психологии ощущения классифицируются исходя из рецептора, который подвергается воздействию физического раздражителя [Рубинштейн 1989]. Различают следующие виды модальностей восприятия: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание; болевые, кожные (прикосновение и давление), температурные ощущения, ощущения положения и движения (статические и кинестетические) и органические ощущения (голод, жажда, ощущения внутренних органов и т. д.). Данная классификация является условной: в действительности различные модальности ощущений не существуют изолированно.

Дифференцированные, специализированные модальности, направленные на отражение не общего состояния организма, а объективных свойств вещей, сложились в процессе биологической эволюции, о котором можно судить, исходя из переходных или интерmodalных видов чувствительности: «дифференциация и специализация рецепторов не исключает их единства, выражающегося в их взаимодействии» [Рубинштейн 1989, с. 217]. Так, например, между слуховыми ощущениями и осязанием, которые в обыденном представлении не имеют непосредственной связи, существует промежуточное звено, переходная форма – вибрационное чувство. Взаимодействие ощущений рецепторов происходит постоянно в познании любого предмета или явления. Даже при участии

в восприятии лишь одного рецептора полученные ощущения опосредуются данными другого рецептора. Например, при опознании предмета на ощупь, если зрительный канал по каким-то причинам не может быть задействован, осязательные ощущения выстраиваются и интерпретируются с опорой на существующие зрительные представления. Взаимодействие ощущений происходит и при восприятии ощущений при помощи одной модальности. Например, при осязании помимо кинестетических ощущений задействуются и температурные ощущения.

В исследованиях по психологии полимодальность восприятия определяется как комплекс ощущений разных модальностей в процессе чувственного восприятия объекта. Полимодальное восприятие – это целостная система представлений индивида об окружающей действительности, психологическое образование, отражающее структурность восприятия во всех модальностях сенсорно-перцептивного опыта [Ананьев 1961; Веккер 1998; Рубинштейн 1989].

Итак, полимодальность – это характерная черта человеческого восприятия. При полимодальном восприятии имеет место принцип «ассоциативного взаимодействия разномодальных компонентов» (Секачева 2007, с. 18), т. е. интенсификация ощущений одной модальности за счет ощущений другой модальности. Дифференцированные, специализированные модальности, направленные на отражение не общего состояния организма, а объективных свойств вещей являются закономерным этапом биологического развития центральной нервной системы, их взаимодействие в рамках полимодального восприятия служит механизмом адаптации к окружающей среде. Совмещением, опосредованием и взаимодополнением перцептивной информации, полученной при помощи нескольких модальностей обеспечиваются максимальные адаптивные возможности человека в условиях дефицита информации и времени на ее обработку [Калашникова 2015].

Художественная перцептивность как объект лингвистических исследований

Языковая репрезентация восприятия изучается в рамках перцептивной лингвистики, которая также известна в отечественной литературе как лингвосенсорика, сенсорная лингвистика, лингвистика восприятия, и освещается в исследованиях отечественных ученых [Авдеевнина 2013; Колесов 2008; Корячанкова, Крюкова, Хизниченко 2016; Лаврова 2017; Нагорная 2017; Хизниченко 2018]. В рамках перцептивной лингвистики восприятие предстает гносеологической, семантической и когнитивной категорией, имеющей инструментальный статус в познании и определяющей возможности языка в передаче смыслового содержания на основе перцептивного опыта [Колесов 2008; Крюкова 2019].

Основные понятия, используемые в перцептивной лингвистике для описания механизмов репрезентации чувственного восприятия, уже разработаны и устоялись в психологии (например, пер-

цептивный образ, перцептивная ситуация, и т. д.), однако их содержание дополняется, уточняется, дорабатывается с учетом специфики лингвистических исследований. Перцептивность в лингвистических работах понимается как языковое «отражение объективного мира в субъективном сознании с помощью языка на основе сенсорной системы анализаторов» [Лаврова 2017, с. 110]. В лингвистическом анализе текста рассмотрению подлежат языковые единицы с перцептивной семантикой: лексические и синтаксические средства выражения перцептивного (художественного) образа, классифицирующиеся на основании модуса перцепции [Хизниченко 2018].

Ключевым в анализе перцептивности в художественном тексте является понятие перцептивного образа. Согласно А.Н. Леонтьеву, перцептивный образ составляют три компонента: чувственная ткань, значение и личностный смысл. Полученные при помощи органов чувств впечатления подвергаются категоризации и выражаются в языке словом или понятием и затем могут быть наделены личностным смыслом [Леонтьев 1983, с. 251–261]. Понятие перцептивного образа как инструмента исследования феномена перцептивности в художественном тексте является одной из форм субъективного образа индивидуально-авторской картины мира, ментальным оценочным образом, физиологической основой которого выступает сенсорная составляющая [Лаврова 2017]. Перцептивный образ, получивший конкретное языковое лексико-грамматическое оформление, может служить исследовательским конструктом для изучения аксиологического знака художественного мира конкретного автора (субъекта восприятия) [Корячанкова, Крюкова, Хизниченко 2016; Крюкова 2019; Лаврова 2017].

Перцептивная лексика в художественном тексте, с одной стороны, репрезентирует перцептивный образ, с другой – является маркером позиции восприятия, т. е. участвует в реализации цельности и связности текста и, следовательно, подлежит рассмотрению в аспекте текстообразования. Перцептивный образ, как и словесный художественный образ, выступает средством выражения идейного содержания художественного произведения и рассматривается с позиции его значения в передаче автором индивидуальных смыслов структурно-семантической составляющей произведения.

Полимодальный перцептивный образ в художественном тексте – это взаимодополнение языковых средств и конвергенция стилистических приемов, которые репрезентируют перцептивные впечатления и создают целостный образ, полифоническое единство различных модальностей восприятия: визуальной, тактильной, аудиальной и других. Полимодальные перцептивные образы способствуют созданию яркого и в то же время экономичного с точки зрения языка описания, в котором выделяются наиболее существенные признаки объекта «путем наделения его сенсорной характеристикой из смежной модальности или за счет образного

сравнения характеристик, принадлежащих к несмежным модальностям» [Елисеева 2013, с. 62]. В рамках данного исследования языковая манифестация полиmodalного перцептивного образа понимается как способ выразить языковыми средствами результаты восприятия мира несколькими органами чувств одновременно. Разнообразие, динамика и системная организация перцептивных значений ярче всего проявляются в условиях функционирования языковых средств в художественном тексте.

Языковая репрезентация полиmodalной перцепции в художественном тексте

Для анализа языковых средств, составляющих полиmodalный перцептивный образ, нами был выбран фрагмент научно-фантастического романа А. Азимова *The Pebble in the Sky*, в котором наблюдается т. н. «сенсорное напряжение». Данным термином В.К. Харченко обозначила «обилие перцептивных проекций на единицу текста, нацеленное на пробуждение средствами языка перцептивных образов» [Харченко 2012, с. 71], создаваемое конвергенцией стилистических приемов (метафоры, сравнения, перечисление) и создающее т. н. одномоментный срез перцепций. В частности, лексика, репрезентирующая модальности восприятия в анализируемом тексте, распределяется следующим образом.

1. Аудиальное восприятие – 17 словоупотреблений лексических единиц с перцептивной семантикой: *hear* (3), *sound* (2), *voice* (4), *aloud* (2), *loud* (1), *cry* (2), *yell* (2), *quite* (1), что составляет 1,04 % от общего объема текста.

2. Визуальное восприятие – 16 словоупотреблений лексических единиц с перцептивной семантикой: *to see* (3), *to look* (5), *to glitter* (1), *to glimmer* (1), *to glisten* (1), *to glow* (3), *to sparkle* (1), *spark* (1) (0,98 % от общего объема текста).

3. Тактильное восприятие – 3 словоупотребления лексических единиц с перцептивной семантикой: *hardness* (1), *hard* (1), *smoothness* (1) (0,18 % от общего объема фрагмента).

4. Болевые ощущения – 3 словоупотребления лексических единиц с перцептивной семантикой: *to pinch* (1), *a pinch* (1), *a nip* (1) (0,18 % от общего объема текста).

5. Температурное восприятие – 2 словоупотребления лексических единиц с перцептивной семантикой: *coolness* (1), *chill* (1) (0,12 % от общего объема текста).

6. Ощущения положения и движения (статические и кинестетические) – 2 словоупотребления лексических единиц с перцептивной семантикой: *dizzy* (1), *dizziness* (1) (0,12 % от общего объема текста).

7. Органические ощущения (голод, жажда, ощущения внутренних органов и т. д.) – 1 словоупотребление лексических единиц с перцептивной семантикой: *hungry* (1) (0,06 % от общего объема текста).

Помимо вышеперечисленных лексических групп, репрезентирующих процесс и результат

восприятия различными модальностями, в результате лингвостилистического анализа также были выявлены следующие способы манифестации полиmodalного образа: синестетические сочетания и синкретические предикаты.

Синестезия является одним из наиболее продуктивных приемов создания полиmodalного перцептивного образа. Языковая синестезия проявляется в том, что слово, значение которого связано с одним органом чувств, употребляется в значении, относящемся к другому органу чувств, т. е. имеет место переход или сдвиг значения. Языковая синестезия в рамках перцептивного образа способствует раскрытию опосредованного восприятия несмежными модальностями, например звук и осязание: *her voice was liquid* – голос плавный, тягучий, переливающийся. Здесь имеет место синестетическая метафора: ЗВУК – это ЖИДКОСТЬ:

The woman spoke and her voice was liquid, but peremptory, and Schwartz reached for the door to keep himself upright... For the woman spoke in no language Schwartz had ever heard (Asimov 1964, p. 9).

Синестетическая метафора может охватывать различные сочетания несмежных модальностей, например:

1) визуальной и тактильной: ощущения, воспринятые визуально *gleamed* (блеск), определяются лексикой характерной для тактильного восприятия через сравнение с жидкостью *liquidly* (поверхность сияла влажным блеском), например: *The fresh surface gleamed almost liquidly in its unbelievable smoothness* (Asimov 1964, p. 6);

2) визуальной и температурной (синестетическое сочетание: цвет + температура): *Through the gaps in the trees there was a cold blue shine* (Asimov 1964, p. 7);

3) тактильной и температурной: *But along either direction was absolute emptiness, and for a moment he felt the cold clutch again* (Asimov 1964, p. 7).

С помощью синестетической метафоры может быть создан полиmodalный образ, совмещающий сразу несколько модальностей восприятия. Например, следующая синестетическая метафора (ЗВУК – это ЖИДКАЯ ХОЛОДНАЯ СУБСТАНЦИЯ) объединяет аудиальную, тактильную и температурную перцепцию: *The quiet desolation of the place flooded down upon him suddenly and freezingly* (Asimov 1964, p. 8).

Отдельно выделяется группа лексики, в семантике которой наряду с номинацией действия присутствует сема модальностей восприятия, т. е. в ней описывается феномен и дается его характеристика, воспринимаемая одной из модальностей – это группа так называемых синкретических предикатов [Сидорова 1997]. Например, глагол *gasp*, включающий номинацию действия и сопровождающую его аудиальную характеристику: *gasp* – *to catch the breath convulsively and audibly (as with shock)* (Macmillan Dictionary, URL): *When he placed his right foot down again, all the breath went out of him in a gasp* (Asimov 1964, p. 6). Другой пример: *pant* – *to breathe very loudly with your mouth open,*

for example when you have been running or exercising: *The voice he heard was low and tense and panting* (Asimov 1964, p. 7). В следующем примере синкретический предикат **thud** – to fall or hit something with a heavy sound (Cambridge Dictionary, URL), совмещающий номинацию действия и аудиальную характеристику, вместе с синестетическим сочетанием **blunt and uneven rhythm**, в котором имеет место сдвиг от тактильного к аудиальному восприятию, способствует созданию многослойного полимодального образа: *He found himself running wildly along the highway, his shoes **thudding in blunt and uneven rhythm** (**thud** – синкретический предикат, **blunt and uneven rhythm** – синестетическое сочетание: звук + осязание)* (Asimov 1964, p. 8).

Следует отдельно выделить группу перцептивной лексики, в семантике которой изначально заложена полимодальность, например лексема **clammy** – cold and wet in an unpleasant way (Macmillan Dictionary, URL), – указывает на восприятие одновременно двумя модальностями: температура и осязание: *His lips moved, uselessly, and, in a rush, all the **clammiest** fears he had known returned to choke his windpipe and stifle his heart* (Asimov 1964, p. 9).

Лингвостилистический анализ полимодальности в произведении А. Азимова *The Pebble in the Sky*

В романе А. Азимова главный герой из-за неизвестной аномалии в одно мгновение оказывается на другой планете в далеком будущем. Полимодальный перцептивный образ передает переживаемую персонажем фрустрацию от неспособности определить, что с ним произошло. Повествование представляет собой последовательную смену и включение в перцептивный образ все большего количества перцептивной информации, что соответствует естественному механизму ориентирования. В незнакомой обстановке восприятие органами чувств обостряется, что связано с первичным механизмом адаптации, инстинктивным ориентированием, направленным на компенсацию отсутствия знаний.

Первоосновой восприятия является визуальная модальность. Кроме формирования образов предметов в сознании визуальное восприятие играет ведущую роль в познавательном процессе и включает процедуры «классификации, узнавания, интерпретации, установления причинно-следственных связей» [Арутюнова 1993, с. 419]. В первом примере персонаж испытывает когнитивный диссонанс от увиденного: из центра города он переместился в лес, но что еще более необъяснимо – он видит признаки осени. Глагол **to know**, относящийся фразу к информативному регистру речи, свидетельствует о значении визуального канала восприятия в познавательной активности: *He was a city man, but he **knew autumn when he saw it**... *Autumn! Yet when he had lifted his right foot it had been a June day, with everything a fresh and glistening green* (Asimov 1964, p. 6).*

Если информация, полученная при помощи одной модальности восприятия, оказывается непол-

ной или неточной, то ее дополняют и компенсируют другие каналы. К визуальному формированию образов подключается еще одна модальность – осязание. Персонаж не верит своим глазам, но и на ощупь он чувствует сухую, хрупкую осеннюю листву (**dry brittleness**): *That was when the worst shock of all came, because **the leaves on those trees were ruddy**, some of them, and in the curve of his hand he felt the **dry brittleness of a dead leaf*** (Asimov 1964, p. 6).

Модальности восприятия не только помогают ориентироваться в пространстве, но и возвращают ощущение реальности. Звук собственного голоса в заброшенном месте успокаивает, и персонаж начинает говорить с собой вслух. В следующем фрагменте визуально-тактильный перцептивный образ дополняется аудиальной составляющей: *At last, because even **the sound of his own voice was a soothing element in a world otherwise completely mad, he spoke aloud. The voice he heard was low and tense and panting*** (Asimov 1964, p. 6).

Персонаж решает осознанно воздействовать на другие каналы восприятия, подтверждающие или опровергающие реальность происходящего (осязание и болевые ощущения), и если это сон, то щипок должен помочь ему проснуться: *He considered, «A dream, maybe? How can I tell if it's a dream or not?» He **pinched himself and felt the nip**, but shook his head. «I can always dream I feel a pinch. That's no proof»* (Asimov 1964, p. 6).

Следующий канал восприятия, к которому прибегает герой, чтобы понять, что с ним происходит, – вкусовые ощущения. Герой кусает яблоко, которое накануне достал из холодильника и положил в карман. Яблоко все еще холодное, а вот его вкуса герой не чувствует из-за паники: *He bethought himself, plunged a fist into his jacket pocket, and brought out an apple... He bit into it wildly. **It was fresh and still had a lingering coolness from the refrigerator which had held it two hours earlier – or what should have been two hours*** (Asimov 1964, p. 7).

Характерной чертой восприятия является его избирательность, которая напрямую связана со значимостью воспринимаемого: порог чувствительности сдвигается в зависимости от релевантности информации, получаемой при помощи органов чувств. Раздражитель одной и той же интенсивности может быть проигнорирован как не имеющий значимости, так и быть замеченным, если он существенно влияет на условия деятельности [Рубинштейн 1989]. Примером может служить следующий эпизод романа: живописный закат и звезды не производят на персонажа впечатления; он озирается в поисках людей: *He was walking along the highway, walking along the middle, watching in both directions. **The setting of the sun made no impression upon him, or the fact that the first stars were coming out*** (Asimov 1964, p. 8).

Реакция персонажа на первый признак цивилизации – дорожное полотно – еще один пример избирательности перцепции: он бросается к до-

роге со слезами благодарности, с любовью ощущая твердую поверхность под ногами: *He lunged toward it (macadam – B.K.) with sobbing gratitude and loved the feel of the hardness beneath his feet* (Asimov 1964, p. 8).

То, что герой *видит*, противоречит ожидаемому и провоцирует у него панику – вместо теплого света костра он замечает в лесу холодное голубое свечение. Дорожное покрытие под ногами тоже светится, поэтому персонаж опускается, чтобы потрогать его – на ощупь в нем нет ничего необычного: *He thought that first dizziness might be coming back, because the horizon at his left glimmered. Through the gaps in the trees there was a cold blue shine. It was not the leaping red he imagined a forest fire would be like, but a faint and creeping glow. And the macadam beneath his feet seemed to sparkle ever so faintly. He bent down to touch it, and it felt normal. But there was that tiny glimmer that caught the edges of his eyes* (Asimov 1964, p. 8).

Вместе с тем *осязание* мыслится как более надежный источник информации. Персонаж старается игнорировать то, что видит, и использует осязание, чтобы удостовериться в своей адекватности: *And then he stopped in a panic. Whatever it was, it was a proof of his sanity. And he needed it! So he felt about in the darkness, crawling on his knees till he found it, a dark patch on the ultra-faint glow* (Asimov 1964, p. 8).

В рассмотренных примерах герой оказывается в обстановке, кардинально отличающейся от привычной. Созданный перцептивный образ направлен на погружение читателя в обстановку повествования, передачу ощущений персонажа, создания реалистичного, достоверного описания. Таким образом, полиmodalный перцептивный образ выступает средством выражения идейного содержания произведения и используется автором при передаче индивидуальных смыслов структурно-семантической составляющей произведения.

Заключение

Полиmodalный перцептивный образ в рамках художественного текста служит моделью реальной перцепции, которая создается автором на основе совокупности перцептивных единиц разных уровней. Когнитивно-стилистический подход, примененный в исследовании, позволяет рассмотреть вербальное выражение перцептивных впечатлений персонажа как проявление поэтапного познания окружающей действительности при помощи modalностей восприятия. Для анализа языковых средств и моделей создания полиmodalного перцептивного образа нами был выбран фрагмент научно-фантастического романа А. Азимова *The Pebble in the Sky*, характеризующийся высокой плотностью использования перцептивной лексики на единицу текста. Проведенный анализ текста позволил выделить группы перцептивной лексики, участвующие в создании полиmodalного перцептивного образа. Были выделены группы перцептивной лексики, репрезентирующие различные

modalности восприятия: аудиальное восприятие (1,04 % от общего объема текста); визуальное восприятие (0,98 %); тактильное восприятие (0,18 %); болевые ощущения (0,18 %), температурное восприятие (0,12 %); ощущения положения и движения (0,12 %), органические ощущения (0,06 %). Таким образом, перцептивная лексика составила 2,7 % от общего объема текста (6025 словоупотреблений). Отдельно следует выделить группу лексики, совмещающую в семантической структуре номинацию действия и его характеристику, воспринимаемую одной из modalностей, т. н. синкретические предикаты (3 словоупотребления), а также собственно полиmodalную лексику, в семантике которой присутствуют компоненты значения сразу нескольких modalностей (1 словоупотребление). Метод лингвостилистического анализа позволил выявить и охарактеризовать стилистические приемы, участвующие в создании полиmodalного образа (ведущим из которых является синестетическая метафора), и результат использования языковых средств манифестации полиmodalности восприятия в художественном тексте – эффект присутствия. В анализируемом фрагменте ведущим приемом является синестетическая метафора: было выделено 7 синестетических сочетаний, из которых к манифестации визуальной modalности относится 1, аудиальной – 3, температурной – 2, осязанию – 1.

Изучение языковой репрезентации полиmodalного восприятия на материале художественного текста стало перспективным направлением исследований в сфере когнитивной стилистики. Анализ языковых средств и средств языковой выразительности, участвующих в создании полиmodalного перцептивного образа, является начальным этапом рассмотрения языковой манифестации восприятия как полиmodalной деятельности. Выявленная в ходе исследования лексика, участвующая в опосредованной номинации перцептивных впечатлений, лексика, совмещающая в своей семантике компоненты нескольких modalностей восприятия, а также лексика, указывающая на действие и его характеристику, воспринимаемую одной из modalностей, служит подтверждением компенсаторной функции полиmodalного характера восприятия. Вышеназванные лексические группы также свидетельствуют о системной организации сенсорно-перцептивного компонента восприятия, обеспечивающей адаптацию и ориентировку в окружающей среде, что свидетельствует о роли восприятия в процессе познания.

В ходе когнитивно-стилистического анализа выявлен ряд концептуальных метафор, синестетических по своей сущности. Данные концептуальные метафоры позволяют предположить о лежащем в основе вербализации полиmodalного восприятия процессе концептуальной интеграции, в чем видится перспектива дальнейшего исследования вопроса языковой манифестации полиmodalного восприятия.

Материалы исследования

Asimov 1964 – *Asimov A.* The Pebble in the Sky. Bantam: Bantam Books, 200 p.

Cambridge URL – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.

Macmillan URL – *Macmillan Dictionary*. URL: <https://www.macmillandictionary.com>.

Секачева 2007 – *Секачева С.Б.* Синестезия как средство поэтики в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.01.10 / Секачева Светлана Борисовна. Таганрог, 2007. 18 с.

Библиографический список

Anderson 1976 – *Anderson J.R.* Language, memory and thought. Hillsdale, New Jersey: Erlbaum, 1976. 560 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203780954>.

Bertelson 2004 – *Bertelson P., de Gelder B.* The psychology of multimodal perception // Crossmodal Space and Crossmodal Attention. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 151–177. Available at: https://pure.uvt.nl/ws/files/689686/Psychology_of_multimodal_perception.pdf.

Casini 2017 – *Casini S.* Synesthesia, transformation and synthesis: toward a multi-sensory pedagogy of the image // Senses and Society. 2017. Vol. 12, issue 1. P. 1–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/17458927.2017.1268811>.

Classen 1993 – *Classen C.* The deepest sense: Exploring the senses in history and across cultures. New York: Routledge, 1993. 192 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003369769>.

Herholz 2012 – *Herholz S.C., Halpern A.R., Zatorre R.J.* Neuronal correlates of perception, imagery, and memory for familiar tunes // Journal of Cognitive Neuroscience. 2012. Vol. 24, issue 6. P. 1382–1397. DOI: http://dx.doi.org/10.1162/jocn_a_00216.

Jonauskaitė 2020 – *Jonauskaitė D. et al.* Universal patterns in color-emotion associations are further shaped by linguistic and geographic proximity // Psychological Science. 2020. Vol. 31, issue 10. P. 1245–1260. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0956797620948810>.

Koenig 1990 – *Koenig O., Reiss L.P., Kosslyn S.M.* The development of special relation representations: Evidence from studies of cerebral lateralization // Journal of Experimental Child Psychology. 1990. № 50. P. 119–130. DOI: [http://doi.org/10.1016/0022-0965\(90\)90035-7](http://doi.org/10.1016/0022-0965(90)90035-7).

Korsmeyer 2002 – *Korsmeyer C.* Making sense of taste. New York: Cornell Univ. Press, 2002. 240 p. DOI: <http://doi.org/10.7591/9780801471339>.

Kosslyn 1975 – *Kosslyn S.M.* Information representation in visual images // Cognitive Psychology, 1975. Vol. 7, issue 3. P. 341–370. DOI: [http://doi.org/10.1016/0010-0285\(75\)90015-8](http://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90015-8).

Macpherson 2012 – *Macpherson F.* Cognitive Penetration of Colour Experience // Philosophy and Phenomenological Research. 2012. Vol. 84, issue 1. P. 24–62. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1933-1592.2010.00481.x>.

Nanay 2017 – *Nanay B.* Multimodal completion and naturalized epistemology // The rational roles of perceptual experience: Beyond vision. Oxford University Press: New York, 2017.

O'Callaghan 2012 – *O'Callaghan C.* Perception and Multimodality // The Oxford Handbook of Philosophy of Cognitive Science. Oxford: Oxford Handbooks, 2012. P. 92–117. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195309799.013.0005>.

Semino 2013 – *Semino E.* Figurative language, creativity, and multimodality in the communication of chronic pain in two different genres // Figurative language, Genre, Register. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 267–304. URL: https://www.academia.edu/553139/Deignan_A_Littlemore_J_and_Semino_E_2013_Figurative_Language_Genre_and_Register_Cambridge_Cambridge_University_Press.

Voß 2009 – *Voß V.* Denken, verstehen, wissen: Eine sprachvergleichende Untersuchung zu lexikalischen Bezeichnungen mentaler Tätigkeiten, Vorgänge und Zustände // Wissenschaftliche Schriften der WWU Münster, 2009. Reihe XII. Bd. 1. 530 S. URL: https://repositorium.uni-muenster.de/document/miami/baa0e63e-ba83-43de-b16a-4f29a5d62bbd/diss_voss_buchblock.pdf.

Авдевина 2013 – *Авдевина О.Ю.* Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 340 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44906364>. EDN: <https://www.elibrary.ru/aqoqij>.

Ананьев 1961 – *Ананьев Б.Г.* Теория ощущений. Ленинград: ЛГУ, 1961. 454 с. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/ananyev_teoriya-oschuscheniy_1961.

Арутюнова 1993 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. Москва, 1993. 896 с. URL: <https://djvu.online/file/4ZnU6400TVpu9?ysclid=lmj2p1r7m2824513715>.

Веккер 1998 – *Веккер Л.М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. Москва: Смысл, 1998. 685 с. URL: <https://pedlib.ru/Books/1/0183/index.shtml>.

Григорьева 2004 – *Григорьева О.Н.* Цвет и запах власти: Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах. Москва: Флинта: Наука, 2004. 248 с. URL: <https://pandia.ru/text/77/305/23567.php>.

Елисеева 2013 – *Елисеева О.А.* Метонимические и метафорические способы описания характера концептуализации чувственного восприятия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5. С. 62–65. URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20130612/pdf>.

Калашникова 2015 – *Калашникова Л.В.* Восприятие – основа когнитивной активности субъекта в процессе адаптации к окружающему миру // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 1 (17). С. 128–135. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25027066>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vbriwp>.

Князева 2009 – *Князева Е.Н.* Телесная природа сознания // Телесность как эпистемологический феномен. Москва: ИФРАН, 2009. С. 31–54. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2009/Telesnost.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35601590>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oznxjp>.

Колесов 2008 – *Колесов И.Ю.* Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия. Барнаул: БГПУ, 2008. 354 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20213253>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rainqf>.

Корычанкова, Крюкова, Хизниченко 2016 – *Корычанкова С., Крюкова Л., Хизниченко А.* Поэтическая картина мира, сквозь призму категории перцептивности. Врно: Muni Press: Masarykova univ., 2016. 236 с.

Крюкова 2019 – *Крюкова Л.Б.* Перцептивный строй поэтического текста: к вопросу о терминологическом аппарате исследования // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/447/6>.

Лаврова 2017 – *Лаврова С.Ю.* Говорящий как наблюдатель: лингвоаксиологический аспект. Череповец: ЧГУ, 2017. 240 с.

Леонтьев 1983 – *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. Москва: Педагогика, 1983. Т. 1. 392 с. URL: <https://djvu.online/file/QMyGCYiyGNUu0?ysclid=lmj4bjpf2o725560104>.

Нагорная 2017 – *Нагорная А.В.* Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: аналитический обзор. Москва: ИНИОН РАН, 2017. 86 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30756256>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zxbaff>.

Рубинштейн 1989 – *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Москва: Педагогика, 1989. 485 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/psycho/rubinshteyn%3Dosnovu_obzhey_psc.pdf.

Рузин 1995 – *Рузин И.Г.* Когнитивные стратегии именованя: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79–100. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1994-6/79-100>.

Сидорова 1997 – *Сидорова М.Ю.* О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 1997. Т. 6. С. 6–15. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/4948575/?ysclid=lmj4ualqsg935674808>.

Солсо 2006 – *Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 589 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/psycho/solso=cognitive_psychology-6.ru.pdf.

Харченко 2012 – *Харченко В.К.* Лингвосенсорика. Фундаментальные и прикладные аспекты. Москва: Книжный дом «Либроком», 2012. 216 с. URL: <https://piratebooks.ru/threads/lingvosensorika-fundamentalnie-i-prikladnie-aspekti.252465/?ysclid=lmj53w21w7940231378>.

Хизниченко, Крюкова 2018 – *Хизниченко А.В., Крюкова Л.Б.* Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б.Л. Пастернака // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 44–57. DOI: <http://doi.org/10.17223/22274200/13/3>.

References

Anderson 1976 – *Anderson J.R.* (1976) Language, memory and thought. Hillsdale, New Jersey: Erlbaum, 560 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203780954>.

Bertelson 2004 – *Bertelson P., de Gelder B.* (2004) The psychology of multimodal perception. In: *Crossmodal Space and Crossmodal Attention*. Oxford: Oxford University Press, pp. 141–177. Available at: <https://pure.uvt.nl/ws/files/689686/Psychologyofmultimodalperception.pdf>.

Casini 2017 – *Casini S.* (2017) Synesthesia, transformation and synthesis: toward a multi-sensory pedagogy of the image. *Senses and Society*, vol. 12, issue 1, pp. 1–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/17458927.2017.1268811>.

Classen 1993 – *Classen C.* (1993) The deepest sense: Exploring the senses in history and across cultures. New York: Routledge, 192 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003369769>.

Herholz 2012 – *Herholz S.C., Halpern A.R., Zatorre R.J.* (2012) Neuronal correlates of perception, imagery, and memory for familiar tunes. *Journal of Cognitive Neuroscience*, vol. 24, issue 6, pp. 1382–1397. DOI: http://dx.doi.org/10.1162/jocn_a_00216.

Jonauskaitė 2020 – *Jonauskaitė D. et al.* (2020) Universal Patterns in Color-Emotion Associations Are Further Shaped by Linguistic and Geographic Proximity. *Psychological Science*, vol. 31, issue 10, pp. 1245–1260. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0956797620948810>.

Koenig 1990 – *Koenig O., Reiss L.P., Kosslyn S.M.* (1990) The development of special relation representations: evidence from studies of cerebral lateralization. *Journal of Experimental Child Psychology*, no. 50, pp. 119–130. DOI: [http://doi.org/10.1016/0022-0965\(90\)90035-7](http://doi.org/10.1016/0022-0965(90)90035-7).

Korsmeyer 2002 – *Korsmeyer C.* (2002) Making sense of taste. New York: Cornell University Press, 240 p. DOI: <http://doi.org/10.7591/9780801471339>.

Kosslyn 1975 – *Kosslyn S.M.* (1975) Information representation in visual images. *Cognitive Psychology*, vol. 7, issue 3, pp. 341–370. DOI: [http://doi.org/10.1016/0010-0285\(75\)90015-8](http://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90015-8).

Macpherson 2012 – *Macpherson F.* (2012) Cognitive Penetration of Colour Experience. *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 84, issue 1, pp. 24–62. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1933-1592.2010.00481.x>.

Nanay 2017 – *Nanay B.* (2017) Multimodal completion and naturalized epistemology. In: *The rational roles of perceptual experience: Beyond vision*. Oxford: Oxford University Press, 2017.

- O'Callaghan 2012 – O'Callaghan C. (2012) Perception and Multimodality. In: *The Oxford Handbook of Philosophy of Cognitive Science*. Oxford: Oxford Handbooks, pp. 92–117. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195309799.013.0005>.
- Semino 2013 – Semino E. (2013) Figurative language, creativity, and multimodality in the communication of chronic pain in two different genres // *Figurative Language, Genre, Register*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 267–304. Available at: https://www.academia.edu/553139/Deignan_A_Littlemore_J_and_Semino_E_2013_Figurative_Language_Genre_and_Register_Cambridge_Cambridge_University_Press.
- Voß 2009 – Voß V. (2009) Denken, verstehen, wissen: Eine sprachvergleichende Untersuchung zu lexikalischen Bezeichnungen mentaler Tätigkeiten, Vorgänge und Zustände. In: *Wissenschaftliche Schriften der WWU Münster*, Reihe XII, Bd. 1, 530 S. Available at: https://repositorium.uni-muenster.de/document/miami/baa0e63e-ba83-43de-b16a-4f29a5d62bbd/diss_voss_buchblock.pdf.
- Avdevnina 2013 – Avdevnina O.Iu. (2013) Perceptual semantics: patterns of formation and the potential for artistic realization. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 340 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44906364>. EDN: <https://www.elibrary.ru/aqoqij>. (In Russ.)
- Ananiev 1961 – Ananiev B.G. (1961) Theory of senses. Leningrad: LGU, 454 p. Available at: http://elib.gnpbu.ru/text/ananyev_teoriya-oschuscheniy_1961. (In Russ.)
- Arutyunova 1993 – Arutyunova N.D. (1993) Language and the human world. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 896 p. Available at: <https://djvu.online/file/4ZnU64O0TVpu9?ysclid=lmj2p1r7m2824513715>. (In Russ.)
- Vekker 1998 – Vekker L.M. (1998) Psyche and reality: the unified theory of mental processes. Moscow: Smysl, 685 p. Available at: <https://pedlib.ru/Books/1/0183/index.shtml>. (In Russ.)
- Grigorieva 2004 – Grigorieva O.N. (2004) The color and smell of power: vocabulary of sensory perception in press and literary texts. Moscow: Flinta: Nauka, 248 p. Available at: <https://pandia.ru/text/77/305/23567.php>. (In Russ.)
- Eliseeva 2013 – Eliseeva O.A. (2013) Metonymic and metaphorical ways of describing sensory perception conceptualization nature. *Philology. Theory and Practice*, no. 5, pp. 62–65. Available at: <https://philology-journal.ru/article/phil20130612/pdf>. (In Russ.)
- Kalashnikova 2015 – Kalashnikova L.V. (2015) Perception is the ground of a subject's cognitive activity in the process of adaptation to the outer world. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 1 (17), pp. 128–135. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25027066>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vbriwp>. (In Russ.)
- Knyazeva 2009 – Knyazeva H.N. (2009) The Embodied Nature of Consciousness. In: *The Embodiment as an Epistemological Phenomenon*. Moscow: IFRAN, pp. 31–54. Available at: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2009/Telesnost.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35601590>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oznxjp>. (In Russ.)
- Kolesov 2008 – Kolesov I.Iu. (2008) Problems of conceptualization and linguistic representation of visual perception. Barnaul: BGPU, 354 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20213253>. EDN: <https://www.elibrary.ru/raimqb>. (In Russ.)
- Korychankova, Kriukova, Khiznichenko 2016 – Korychankova S., Kriukova L., Khiznichenko A. (2016) Poetic picture of the world from a perceptual perspective. Brno: Muni Press: Masarykova univ., 236 p. (In Russ.)
- Kryukova 2019 – Kryukova L.B. (2019) The Perceptual Structure of the Poetic Text: On the Terms of the Research. *Tomsk State University Journal*, no. 447, pp. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/447/6>. (In Russ.)
- Lavrova 2017 – Lavrova S.Iu. (2017) Speaker as an observer: a linguo-axiological aspect. Cherepovets: ChGU, 240 p. (In Russ.)
- Leontiev 1983 – Leontiev A.N. (1983) Selected psychological works. Moscow: Pedagogika, vol. 1, 392 p. Available at: <https://djvu.online/file/QMyGCYiyGNuU0?ysclid=lmj4bjpf2o725560104>. (In Russ.)
- Nagornaia 2017 – Nagornaia A.V. (2017) Linguo-sensorics as a promising area of modern linguistic research: analytical review. Moscow: INION RAN, 86 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30756256>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zxbaff>. (In Russ.)
- Rubinshtein 1989 – Rubinshtein S.L. (1989) Fundamentals of general psychology. Moscow: Pedagogika, 485 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/psycho/rubinshteyn%Dosnovu_obzhey_psc.pdf. (In Russ.)
- Ruzin 1995 – Ruzin I.G. (1995) Cognitive strategies of naming: Modalities of perception (sight, hearing, touch, smell, taste) and their expression in language. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 6, pp. 79–100. Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1994-6/79-100>. (In Russ.)
- Sidorova 1997 – Sidorova M.Yu. (1997) On the means of forming communicative types of speech (reproductive register). *Lomonosov Philology Journal*, vol. 6, pp. 6–15. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/4948575/?ysclid=mj4ualqsg935674808>. (In Russ.)
- Solso 2006 – Solso R.L. (2006) Cognitive psychology. Saint Petersburg: Piter, 589 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/psycho/solso=cognitive_psychology-6.ru.pdf. (In Russ.)
- Kharchenko 2012 – Kharchenko V.K. (2012) Linguo-sensorics. Fundamental and practical aspects. Moscow: Knizhnyi dom «Librokom», 216 p. Available at: <https://piratebooks.ru/threads/lingvosensorika-fundamentalnie-i-prikladnie-aspekti.252465/?ysclid=lmj53w21w7940231378>. (In Russ.)
- Khiznichenko, Kryukova 2018 – Khiznichenko A.V., Kryukova L.B. (2018) The project of dictionary of perceptual images used in B. Pasternak's poetic works. *Voprosy leksikografii = Russian Journal of Lexicography*, no. 13, pp. 44–57. DOI: <http://doi.org/10.17223/22274200/13/3>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'276.6

Дата поступления: 18.06.2023

рецензирования: 20.08.2023

принятия: 25.08.2023

**Демонстрация национальной идентичности политика
при помощи культурно-маркированной лексики****М.А. Елизарьева**Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: marycreek@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1340-8382>**В.А. Нагуманова**Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: hexagon6@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3226-2131>**М.А. Чигашева**Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: mchigasheva@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1423-5479>**Н.А. Гончарова**Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nag01kfb@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7135-1252>**Авторский вклад:****Елизарьева М.А.** – анализ теоретической литературы, подготовка рукописи к публикации.**Нагуманова В.А.** – проведение статистического анализа и описание его результатов.**Чигашева М.А.** – разработка концепции исследования, анализ теоретической литературы, подготовка рукописи к публикации.**Гончарова Н.А.** – сбор практического материала исследования, библиографическое оформление источников.

Аннотация: Статья посвящена анализу способов актуализации национальной идентичности политического индивидуального субъекта при помощи языковых средств (на материале правительственных заявлений канцлера ФРГ А. Меркель). Поскольку конструирование национальной идентичности происходит в языке, ее основным признаком могут выступать культурно-маркированные единицы. Цель исследования – выявить зависимость между демонстрацией национальной идентичности в речи индивидуального политического субъекта и употреблением языковых национально-специфичных средств. Выдвинута следующая гипотеза исследования: если политический актер употребляет в своей речи больше лексических единиц, отражающих национальную специфику, то существует прямая зависимость между лексическими единицами, употребляемыми политическим актором, и его национальной идентичностью. В процессе исследования применялись общенаучные (описание, метод сплошной выборки) и лингвистические (лингвокультурологический и дискурсивный анализ) методы. Для получения точных результатов и проверки выдвинутой гипотезы использовались статистические методы (тест хи-квадрат и коэффициент Крамера). Материалом исследования послужили тексты 34 правительственных заявлений канцлера ФРГ А. Меркель в период 2014–2021 гг. Хронологические рамки обусловлены экстралингвистическими факторами (начало т. н. украинского кризиса и окончание срока полномочий канцлера), учет которых необходим при анализе политического дискурса. Этот жанр политической коммуникации не рассматривался комплексно с точки зрения взаимосвязи языковых средств и демонстрации национальной идентичности политического индивидуального субъекта, поэтому данное исследование обладает новизной. Отобранные из текстов правительственных заявлений лексические единицы были классифицированы по ономастическому принципу (топонимы, антропонимы, политонимы, официонимы, геортонимы, этнонимы) и поделены на две категории: единицы, обозначающие немецкие и иные ономастические реалии. Было выявлено 1902 единицы и 5823 случая их употребления. Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу и свидетельствуют о наличии зависимости, но указывают на слабую степень корреляции между лексическими единицами в речи и национальной идентичностью актора. Предлагаемый подход к анализу языкового материала представляется инновационным, поскольку позволяет комплексно рассмотреть феномен идентичности и может помочь интерпретировать намерения политического индивидуального субъекта, определить усиление или смягчение акцента на демонстрации им национальной идентичности при подготовке текстов публичных выступлений.

Ключевые слова: национальная идентичность; немецкий язык; политический дискурс; культурно-маркированная лексика; правительственное заявление, аналитические реакции.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта КМУ 12/08 XII Конкурса молодых ученых МГИМО.

Цитирование. Елизарьева М.А., Нагуманова В.А., Чигашева М.А., Гончарова Н.А. Демонстрация национальной идентичности политика при помощи культурно-маркированной лексики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 195–204. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-195-204>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Елизарьева М.А., Нагуманова В.А., Чигашева М.А., Гончарова Н.А., 2023

Мария Алексеевна Елизарьева – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, МГИМО МИД России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

Вера Александровна Нагуманова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка, МГИМО МИД России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

Марина Анатольевна Чигашева – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка, МГИМО МИД России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

Наталья Анатольевна Гончарова – студентка факультета Международной журналистики, МГИМО МИД России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.06.2023

Revised: 20.08.2023

Accepted: 25.08.2023

Demonstration of the politician's national identity with the help of culture-bound elements

M.A. Yelizaryeva

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

E-mail: marycreek@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1340-8382>

V.A. Nagumanova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

E-mail: hexagon6@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3226-2131>

M.A. Chigasheva

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

E-mail: mchigasheva@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1423-5479>

N.A. Goncharova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

E-mail: nag01kfb@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7135-1252>

Author's contribution:

Yelizaryeva M.A. – analysis of theoretical literature, preparation of the manuscript for publication.

Nagumanova V.A. – carrying out statistical analysis and describing its results.

Chigasheva M.A. – development of the research concept, analysis of theoretical literature, preparation of the manuscript for publication.

Goncharova N.A. – collection of practical research material, bibliographic design of sources.

Abstract: The article is devoted to the actualization of national identity of a political individual subject with the help of linguistic means (based on the government statements of the former German Chancellor A. Merkel). Given that the construction of national identity takes place in the language, it is proposed to consider culture-bound elements as the main marker of national identity. The purpose of the study is to reveal the relationship between the demonstration of ethnic identity in the speech of an individual political subject and the use of language means that reflect national specifics. General scientific (description, continuous sampling method) and linguistic (linguoculturological and discursive analysis) methods were used in the research. Statistical methods (Chi-square, Cramer's coefficient) were used to obtain more accurate results and test the hypothesis about the presence or absence of a relationship between language markers and the demonstration of the politician's national identity. The material of the study was the texts of 34 government statements of the former chancellor of Germany A. Merkel in the period between 2014 and 2021. The chronological framework is determined by extralinguistic factors (the beginning of the Ukrainian crisis and the end of the chancellor's term), which must be taken into account when analyzing political discourse. This genre of political communication has not been subjected to thorough linguistic analysis, so this study has a certain novelty. The selected lexical units were classified according to the onomastic principle (toponyms, anthroponyms, polytonyms, official names, geortonyms, ethnonyms) and divided into two categories: units denoting German and other realities. A total of 1902 units and 5823 cases of use. The results obtained confirm the hypothesis and indicate the presence of a dependence, but indicate a weak degree of correlation. The proposed approach seems to be innovative, since it allows us to comprehensively consider the phenomenon of identity and can help to correctly interpret and demonstrate the intentions of a political individual subject in public speeches.

Key words: national identity; German; political discourse; culture-bound elements; government statement.

Acknowledgments: The study was supported by the MGIMO University, the grant no. KMU 12/08.

Citation. Yelizaryeva M.A., Nagumanova V.A., Chigasheva M.A., Goncharova N.A. Demonstration of the politician's national identity with the help of culture-bound elements. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 195–204. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-195-204>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Yelizaryeva M.A., Nagumanova V.A., Chigasheva M.A., Goncharova N.A., 2023

Maria A. Yelizaryeva – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the German Department, MGIMO University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Vera A. Nagumanova – Candidate of Philological Sciences, senior teacher of the German Department, MGIMO University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Marina A. Chigasheva – Candidate of Philological Sciences, associate professor, head of the German Department, MGIMO University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Natalia A. Goncharova – bachelor student, Faculty of International Journalism, MGIMO University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Введение

Национальная идентичность и представления о ней являются предметом научного анализа в разных отраслях знания. Особое внимание уделяется этому в политологии, поскольку данные понятия оказывают непосредственное влияние на процесс выработки решений во внутренней и внешней политике любого государства. Однако, учитывая, что этот феномен выражен языковыми средствами и отражается в руководящих и программных документах, публичных выступлениях первых лиц государства, международных договорах, он представляет значительный интерес для лингвистов и филологов.

В данной статье на материале немецкого языка анализируются способы репрезентации национальной идентичности в речи политиков ФРГ, в частности бывшего федерального канцлера Ангелы Меркель, и устанавливается, существует ли зависимость между демонстрацией национальной идентичности в речи индивидуального политического субъекта и употреблением языковых средств, отражающих национальную специфику.

В ходе исследования при помощи статистического анализа проверяется **гипотеза** о наличии связи между языковыми маркерами и демонстрацией национальной идентичности политика в текстах его публичных выступлений.

Цель данного исследования состоит в выявлении зависимости между демонстрацией национальной идентичности и употреблением культурно-маркированных языковых средств. Для достижения поставленной цели предполагается решить ряд **задач**:

1. Описать феномен национальной идентичности как объект исследования политологии и политической лингвистики.

2. Рассмотреть правительственное заявление как жанр политического дискурса Германии и основную тематику анализируемых в статье текстов выступлений А. Меркель.

3. Выделить в текстах правительственных заявлений А. Меркель за период 2014–2022 гг. культурно-маркированную лексику.

4. Провести при помощи теста хи-квадрат и коэффициента Крамера статистический анализ употребления отобранных лексических единиц и выявить наличие или отсутствие зависимости между исследуемыми параметрами (выражение политиком своей национальной идентичности и использование культурно-маркированной лексики).

Объектом исследования выступает феномен национальной идентичности политического индивидуального субъекта, а **предметом** – лексические единицы, имплицитно содержащие в своем значении культурные коннотации и используемые политиками в рамках публичного выступления для позиционирования себя как представителя той или иной нации.

Материалом служат тексты правительственных заявлений федерального канцлера А. Меркель

(Regierungserklärungen) в период 2014–2021 гг., размещенные в открытом доступе на сайте правительства ФРГ (www.bundesregierung.de). За указанный временной период А. Меркель выступала с правительственными заявлениями 34 раза. Было проанализировано 34 монологических выступления общим объемом 770 тыс. печатных знаков (19,25 а. л.). Выбор данного временного отрезка объясняется экстралингвистическими факторами: начало т. н. украинского кризиса после присоединения Крыма к России в марте 2014 г., потеря доверия избирателей к «народным» партиям (Volksparteien), выборы в бундестаг 2021 г., смена правительства, изменение риторики в отношении России. В этих условиях основные политические силы Германии вынуждены были переосмысливать собственное идейное наследие, что отражается в актуализации, корректировке и даже полном отказе от своих идейных установок. Яркими примерами являются «консервативный поворот» ХДС, глубокий пересмотр традиции «новой восточной политики» СДПГ, **ценностный активизм** «Зеленых», усиление акцента на национальные ценности в риторике АдГ и политическом дискурсе.

В рамках данного исследования применялись общенаучные (описание, метод сплошной выборки) и лингвистические (лингвокультурологический и дискурсивный анализ) и статистические (количественный анализ, Тест хи-квадрат, V-коэффициент Крамера) **методы**.

Исследование обладает определенной **практической значимостью**. Установление зависимости между демонстрацией национальной идентичности политического индивидуального субъекта и используемых в речи политических акторов языковых средств позволит правильно интерпретировать интенции коммуникантов и прогнозировать успех или неудачу публичных выступлений. Эти результаты могут быть полезны, с одной стороны, в процессе подготовки специалистов-международников при анализе выступлений зарубежных политиков, а с другой – представляют интерес для политтехнологов, советников первых лиц государства и аналитиков с целью верной интерпретации и демонстрации намерений и целей ораторов.

Основная часть

1. Национальная идентичность как объект научного анализа

В системе международных отношений вопрос политической и национальной идентичности представляется одним из самых актуальных. По мнению отечественных и зарубежных политологов, это понятие характеризует в том числе самосознание граждан как членов определенного государственного сообщества [Bloom 1990; Алексеева и др. 2019]. Неоднозначность данного социального феномена привлекает внимание исследователей не только в области политологии [Сафран 2011; Орлов 2012; Gaskarth, Oppermann 2021], но и других дисциплин, например социологии [Klein

2014; Mader 2016] или истории [Попцов 2015]. В работах некоторых политологов можно обнаружить попытки провести междисциплинарный анализ, в т. ч. с позиции лингвистики [Piwoni 2012; Хауер-Тюкаркина 2013].

Обобщая результаты различных исследований, посвященных ФРГ, можно прийти к выводу, что одним из ключевых вопросов идейного поиска политических сил ФРГ является определение и формирование национальной идентичности. По объективным историческим причинам осмысление немецкими политиками роли и места Германии в современном мире отличается своеобразием. Опыт национал-социализма, Второй мировой войны, разделения страны и ее последующего объединения сформировал у немецкого истеблишмента и широкой общественности специфическое представление о своей стране и о себе. После объединения Германии в 1990 г. национальная идентичность стала важной темой в политическом дискурсе страны, однако ее рассмотрение не отличается единством подходов. В качестве отдельной проблемы можно выделить также демонстрацию национальной идентичности. Так, О.М. Хауер-Тюкаркина, ссылаясь на скандально известного немецкого политика Т. Саррацина (Sarrazin 2010), отмечает, что немцы гордятся своей европейской идентичностью, в то время как «принадлежность к немецкой нации вызывает у них совсем иные чувства» [Хауер-Тюкаркина 2013, с. 68].

Феномен национальной идентичности также привлекает внимание филологов, поскольку его конструирование и актуализация происходит в первую очередь в языке [Coulmas 1985, Лаппо 2014]. Немецкие исследователи К. Тим-Мабрей и А. Бшляйпфер подчеркивают, что средством репрезентации идентичности является прежде всего язык [Thim-Mabrey 2003; Bschleipfer 2010]. В отечественной лингвистике национальная идентичность частично рассматривалась на материале выступлений британских [Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. 2018], американских, турецких, российских политиков [Кудрявцев 2010], французского языка (Ширяев 2017), а также читательских комментариев в немецких и российских СМИ (Асташкина 2019). Таких работ, однако, немного. Комплексный анализ взаимосвязи феномена идентичности и его речевой репрезентации в настоящий момент отсутствует, хотя на это указывали различные исследователи [Schröder 1995; Oppenrieder, Thurmaier 2003; Кузнецова 2011; Бушев 2012]. По этой причине представляется актуальным рассмотреть средства, при помощи которых языковая личность (как носитель конкретного, немецкого, языка, в нашем случае – политик высшего ранга) демонстрирует свою национальную идентичность, а также определить наличие взаимосвязи между ними.

Политический язык (отдавая предпочтение данному термину, мы разделяем точку зрения А.П. Чудинова и Т. Нира) отличается многообразием и обладает интердискурсивным характером.

По этой причине дискуссионным остается вопрос, что конкретно представляет собой политическая лексика, и не прекращаются попытки классификации языковых средств политического языка. Так, А.П. Чудинов предлагает разграничивать политическую лексику и политическую терминологию (Чудинов 2020, с. 90–94). Немецкие лингвисты выделяют четыре лексические группы политического вокабуляра: институциональная лексика (Institutionsvokabular), экспертная лексика (Resortvokabular), идеологическая лексика (Ideologievokabular), общая лексика (allgemeiner Interaktionsvokabular) [Niehr 2014, p. 64–66].

Считаем, что при анализе национальной идентичности наибольшей наглядностью будет обладать культурно-маркированная лексика. Ранее мы систематизировали единицы, обладающие национальной спецификой, по ономастическому принципу, выделив следующие разряды: *антропонимы, топонимы, политонимы, эргонимы, официонимы, документонимы, гемеронимы, гертонимы, этнонимы и деонимы* [Чигашева и др. 2021]. В данной статье мы ориентируемся на эту классификацию и добавляем группу этнонимических прилагательных в сочетании с существительными. Предлагаемый подход применяется и в других научных исследованиях. Так, анализируя актуализацию национальной идентичности на примере итальянского языка, немецкий лингвист А. Бшляйпфер выделяет наряду с морфологическими лексические средства, подразделяя их на *национимы, топонимы, обозначение группы, личное имя, название фирмы* [Bschleipfer 2010]. На роль онимов (*топонимов, антропонимов, этнонимов, лингвонимов, гемеронимов и политонимов*) и реалий как средств выражения национальной идентичности также указывает П.Г. Асташкина (Асташкина 2019).

В данном исследовании мы исходим из того, что употребление культурно-маркированной лексики напрямую связано с демонстрацией национальной идентичности. Если в количественном отношении политик использует в своем выступлении больше единиц, указывающих на свою страну и культуру, то он явно отдает предпочтение своей этнической идентичности. Если в речи политика употребляются преимущественно единицы иной (в нашем случае – не немецкой) идентичности, то можно считать, что он отказывается демонстрировать свою этническую идентичность. Полученные результаты количественного анализа проверяются при помощи статистического метода.

2. Лингвистические и тематические особенности жанра правительственных заявлений в политическом дискурсе ФРГ

В качестве материала для данного исследования мы выбрали правительственные заявления. Они представляют собой особый жанр политической коммуникации и направлены на аудиторию внутри страны. Правительственные заявления являются для немецкой политики традиционным актом пу-

бличного выступления канцлера перед депутатами бундестага (Bundestagsabgeordnete). В зависимости от экстралингвистических факторов (статуса актора дискурса) их разделяют на две группы: 1) заявления федерального канцлера после вступления в должность (Große Regierungserklärung, Amtsantrittserklärung) и 2) заявления правительства (канцлера или министров) по актуальным вопросам международной повестки дня (Regierungserklärung) [Korte 2002, p. 12–13]. В первом случае оратор излагает основные направления политики нового правительства, во втором – выражает свою позицию по актуальной политической тематике. Выполнение заявленных в выступлении целей и задач не является для канцлера и его правительства обязательным, однако, как правило, они стремятся их достичь.

Согласно классификации жанров политического дискурса Е.И. Шейгал [Шейгал 2000], правительственные заявления первого типа можно отнести к гибридному ориентационно-ритуальному жанру, поскольку они выполняют две функции. Во-первых, они призваны информировать парламент (в нашем случае – бундестаг), граждан и жителей Германии, а также зарубежную аудиторию о политической программе и намерениях нового правительства. Во-вторых, они представляют собой элемент политического ритуала. Второй тип правительственных заявлений относится к ориентационному жанру, поскольку в нем канцлер информирует депутатов бундестага о действиях и позиции правительства на международной арене. Эти выступления носят монологический характер, за ними обычно следуют дебаты. Тексты правительственных заявлений публикуются на официальном сайте правительства ФРГ (www.bundesregierung.de), федерального канцлера (www.bundeskanzler.de) и бундестага (www.bundestag.de).

Правительственные заявления, особенно текущие, не являющиеся программными выступлениями канцлера после вступления в должность, пока мало исследованы, даже лингвистами ФРГ. Немецкие авторы обычно рассматривают правительственные заявления в рамках политологических исследований, анализируя их программное содержание и политическое воздействие [Korte 2002].

Элементы лингвистического анализа присутствуют в работе Э. Херманн [Hermann 2021]. Автор сравнивает правительственные заявления А. Меркель при ее вступлении в должность канцлера и указывает на некоторые языковые особенности ее речей. Например, А. Меркель часто использует местоимение *ich*, когда хочет подчеркнуть свою точку зрения на тот или иной вопрос, часто прибегает к метафорам, а при перечислении проблем или задач, стоящих перед правительством, – к вводным словам *erstens*, *zweitens*, *drittens* и т. д.

Некоторые лингвопрагматические особенности правительственных заявлений канцлеров ФРГ выявлены Д.С. Слюсаревым [Слюсарев 2012]. Он отмечает, что для таких выступлений характерны:

1) инклюзивный вокабуляр, который должен вызывать у адресата чувство единения, солидарности и включенности в коллектив (*Bündnis, Enigkeits, Gemeinsamkeit, mitarbeiten, mitmachen, unser Volk, zusammen*); 2) ценностный вокабуляр, т. е. слова, отражающие ценности, характерные черты и добродетели немецкого народа (*Fleiß, Leistungsfähigkeit, Tüchtigkeit, Nächstenliebe, Gastfreundlichkeit*); 3) инклюзивное местоимение *wir* (мы); 4) волитивные глаголы, т. е. выражающие желание или намерение (*wollen, wünschen, beabsichtigen, werden, sich verpflichtet fühlen*); 5) идеологический вокабуляр, например слова-лозунги (*Freiheit, Sicherheit, Wohlstand, Menschenwürde*); 6) стилистические эмоционального воздействия: риторические вопросы, аллитерации, метафоры, антитезы, анафоры [Слюсарев 2012, с. 137–138].

В рамках данного исследования проанализированы 34 правительственных заявления А. Меркель, с которыми она выступала перед бундестагом с начала украинского кризиса в 2014 г. до окончания срока ее полномочий на посту канцлера (конец 2021 г.). Среди них одна программная речь после вступления в должность в 2018 г. В остальных озвучивается позиция правительства по различным международным вопросам, изредка – о ситуации в стране (в частности, во время пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг.). Преимущественно А. Меркель выступала с этими речами или за несколько дней до международных встреч, или несколько дней спустя. В число таких мероприятий входят встречи глав государств и правительств стран ЕС, заседания Европейского совета, саммиты НАТО, Группы семи (G 7), Группы двадцати (G 20), Восточного партнерства. В этих выступлениях затрагивалось, как правило, несколько вопросов актуальной европейской и мировой политики, например: бюджет ЕС, миграционный кризис, украинский кризис, Брекзит, заключение Парижского соглашения по климату, трансатлантическое партнерство, отношения ЕС и ФРГ с Китаем, Россией и другими странами, вопросы цифровизации и т. д. Несколько выступлений канцлера посвящены отдельным темам, таким как оказание гуманитарной помощи иракским беженцам, теракты 2015 г. во Франции, результаты референдума по выходу Великобритании из ЕС, ситуация в Афганистане. Четыре выступления затрагивали вопросы борьбы с пандемией коронавируса, в том числе введение в Германии ограничений.

Практически во всех речах А. Меркель подчеркивает важную роль ЕС в поддержании единства Европы, сохранении мира, призывает к сплоченности и сотрудничеству. Канцлер неоднократно напоминает аудитории, что после Второй мировой войны Европа прошла долгий путь к единству и что отсутствие войн в этой части света является большим достижением и заслугой стран-членов ЕС. Для А. Меркель благополучие своей страны неразрывно связано с процветанием Европейского союза, поэтому можно предположить, что в дан-

ном случае она позиционирует себя скорее как европейский политик.

3. Результаты исследования

При анализе текстов правительственных заявлений А. Меркель с применением метода сплошной выборки мы выявили следующие группы культурно-маркированной лексики, взяв за основу ономастическую таксономию Н.В. Подольской [Подольская 1988]:

1) антропонимы: *Frank-Walter Steinmeier, Sigmar Gabriel, François Hollande, Donald Tusk, Jean-Claude Juncker*;

2) топонимы: *Deutschland, die USA, Syrien, Großbritannien, China, Russland, Brüssel, Mittel- und Osteuropa, der Balkan, das Mittelmeer*;

3) политонимы (профессиональные и общественные объединения, специфические для политической сферы деятельности и системы государственного управления, например названия органов государственной власти, органов управления, партий, политических движений и т. д.): *der Bundestag, die Bundesregierung, die Bundeswehr, das Bundesverfassungsgericht, der Verteidigungsausschuss, der Petersburger Dialog, die Europäische Union, der NATO-Russland-Rat, die NATO, die OSZE, die G-7, die G-20, die EU-Kommission, der Europarat, das Europäische Parlament, der UN-Sicherheitsrat, die Afrikanische Union, die Solidarność-Bewegung, IS*;

4) официонимы (наименования государственных должностей): *der Bundesaußenminister, der Bundeswirtschaftsminister, der Bundespräsident, der Außenminister, der EU-Kommissar, der Präsident des Europäischen Rates, die Hohe Vertreterin der Europäischen Union für Außen- und Sicherheitspolitik, der Generalsekretär der Vereinten Nationen*;

5) этнонимы и сочетания типа «отэтнонимное прилагательное + существительное»: *die Deutschen, die Europäer, die Franzosen, die Juden, die Ukrainer, die Kurden, arabische Staaten, syrische Chemiewaffen, die afghanische Regierung*;

6) документонимы (названия документов, т. е. законов, международных договоров, соглашений и т. д.): *Römische Verträge, das Freihandelsabkommen, der Vertrag von Lissabon, der NATO-Vertrag, die NATO-Russland-Grundakte, die Minsker Vereinbarung, der Stabilitäts- und Wachstumspakt*;

7) эргонимы (наименование профессиональных объединений деловой сферы, названия организаций, компаний и т. д.): *der IWF, die OECD, der Euro-Raum, Deutsche Bahn AG, die Welthandelsorganisation*;

8) гемеронимы (названия СМИ): *Charlie Hebdo*;

9) геортонимы (название важных исторических событий и праздников): *Fall der Berliner Mauer, Tag der Deutschen Einheit, der Erste Weltkrieg, der Zweite Weltkrieg, Finanz- und Wirtschaftskrise (2008-2009), Flüchtlingskrise*.

Каждый ряд онимов, в свою очередь, был поделен на две категории: лексические единицы, обозначающие немецкие реалии (216 единиц) и лексические единицы, обозначающие реалии других стран или международной политики в целом

(1686 единиц). Для каждой лексемы было подсчитано количество употреблений в каждом из выступлений А. Меркель и во всех текстах в целом. При проведении исследования было проанализировано в общем 5823 случая употребления лексических единиц. Большая часть приходится на наименования, не отражающие немецкие реалии: 4909 словоупотребления (84,3 % от общего количества).

Рисунок – Распределение наименований в абсолютных значениях

Figure – Distribution of titles in absolute values

При распределении немецких и иных наименований в абсолютных значениях получены следующие результаты, основанные на рисунке:

1. Иные наименования употребляются почти в 5,5 раза чаще, чем немецкие наименования.

2. Среди иных наименований наибольшее количество употреблений приходится на топонимы (1907), политонимы (1245), отэтнонимные прилагательные и этнонимы (743), что составило 79 % от иных наименований и 66,9 % от общего количества наименований.

3. Среди немецких наименований наибольшее количество употреблений приходится на топонимы (343), политонимы (241), официонимы (117), что составило 76,7 % от немецких наименований и 12 % от общего количества наименований.

Для выявления наличия или отсутствия значимой связи между употреблением определенного наименования (антропоним, топоним и т. п.) и стоящей за ним реалией (немецкой – не немецкой) использовался тест хи-квадрат (CHI-SQUARE TEST). Статистическая обработка результатов анализа речей политиков с помощью социологического метода позволяет выявить наличие или отсутствие зависимости между исследуемыми параметрами (лексическая единица и стоящая за ней реалия (немецкая /ненемецкая)). Вычислительный процесс в рамках данного критерия представляет собой проверку нулевой гипотезы, свидетельствующей об отсутствии связи между переменными. Подтверждение или опровержение нулевой гипотезы говорит о наличии или отсутствии значительной связи между переменными. При выявлении корреляции между переменными необходимо провести дополнительные вычисления, чтобы установить степень взаимосвязи переменных. Вычисле-

ние производим с помощью онлайн-калькулятора «Анализ произвольных таблиц (хи-квадрат)»¹.

По результатам вычислений получены следующие результаты: 1) Число степеней свободы равно 8; 2) Значение критерия χ^2 составляет 246,706; 3) Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p=0.01$ составляет 20,09; 4) Связь между факторным и результативным признаками статистически значима при уровне значимости $p < 0.01$. Полученное значение критерия хи-квадрат больше критического: $246,706 > 20,09$. Если значение χ^2 попало в критическую область: $\chi^2 > \chi^2_{\text{крит}}$, нулевая гипотеза отвергается с вероятностью ошибки p , и признаки считаются зависимыми. Таким образом, связь определяется как статистически значимая.

Для определения силы связи между переменными вычисляем коэффициент сопряженности (**V-коэффициент Крамера (Cramer's V)**). В результате вычислений получено **0,206**. Значения V-коэффициента лежат в диапазоне от 0 до 1. Большее значение V-коэффициента указывает на более сильную связь. Полученный результат говорит о слабой степени корреляции.

Для выявления характерного и нехарактерного использования наименований немецких и не немецких реалий можно обратиться к методике вычисления стандартизированных остатков наблюдаемых и ожидаемых величин (SR) по следующей формуле:

$$SR = \frac{\text{наблюдаемое значение} - \text{ожидаемое значение}}{\sqrt{\text{ожидаемое значение}}}$$

Результаты данных вычислений представлены в таблице.

Значение более +1,64 свидетельствует о наличии связи между строкой и столбцом с вероятностью 90 %. Значение менее -1,64 свидетельствуют о наличии отрицательной связи. В отличие от простого анализа абсолютных значений или процентных распределений, стандартизированные остатки дают относительную картину, позволяя выявить характерные тенденции.

¹ <http://www.medstatistic.ru>

Согласно таблице, при употреблении немецких наименований характерно (т. е. существует связь между употреблением лексической единицы и ее происхождением) использование **официонимов** (*der Bundesaußenminister, der Präsident, die Bundesverteidigungsministerin, die Bundeswehr, der Opferbeauftragte, die Bundeskanzlerin*), **антропонимов** (*Helmut Kohl, Richard von Weizsäcker, Thomas de Maizière* и др.), **этнонимов** (*die Deutschen, Deutsche, Afghanen*). Нехарактерно (т. е. отсутствует связь между употреблением лексической единицы и ее происхождением) использование эргонимов, отэтнонимных прилагательных и существительных и геортонимов. При употреблении иных (не немецких) наименований характерно использование **эргонимов** (*Euro-Zone, Euro-Raum, der Europäische Fonds für Strategische Investitionen, Energieunion, die Wirtschafts- und Währungsunion*), **отэтнонимных прилагательных** (*die kurdische Regionalregierung, die irakische Zentralregierung, die europäische Zusammenarbeit, östliche Nachbarn, die afrikanischen Staaten*) и **геортонимов** (*der EU-Afrika-Gipfel, die Präsidentschaftswahlen* (на Украине), *der NATO-Gipfel in Warschau, der Austritt Großbritanniens* (имеется в виду Brexit)), нехарактерно употребление официонимов, этнонимов, антропонимов. Употребление документонимов, политонимов и топонимов не имеет значимой связи с происхождением реалии.

Заключение

Феномен национальной идентичности привлекает внимание исследователей разных гуманитарных наук: политологии, социологии, истории и политической лингвистики. Важное значение имеет при этом анализ в аспекте политического дискурса, поскольку выражение национальной идентичности, обусловленное внеязыковыми факторами, тесно связано с языком. Нами была предпринята попытка доказать гипотезу о том, что культурно-маркированная лексика может использоваться в политическом дискурсе как маркер национальной идентичности политического деятеля. При анализе текстов правительственных заявлений

Таблица

Стандартизированные остатки наблюдаемых и ожидаемых величин

Table

Standardized residuals of observed and expected values

Онимы	Немецкие наименования (A1)	Иные наименования (не немецкие реалии, а также англицизмы) (A2)
Антропонимы (B1)	4,4	-1,9
Топонимы (B2)	-0,5	0,2
Политонимы (B3)	0,5	-0,2
Официонимы (B4)	10,8	-4,6
Документонимы (B5)	-0,8	0,3
Эргонимы (B6)	-3,9	1,7
Этнонимы (B7)	3,7	-1,6
Отэтнонимные прил.+сущ. (B8)	-5	2,2
Геортонимы (B9)	-3,9	1,7

федерального канцлера А. Меркель были выявлены две категории культурно-маркированных единиц, обозначающие немецкие и не немецкие (иные) реалии. Поскольку данные выступления были адресованы прежде всего национальной аудитории, мы исходили из предположения, что оратор намерен подчеркивать свою национальную идентичность, апеллируя к национальным культурным кодам, хотя тематика выступлений затрагивала преимущественно вопросы международной политики. Однако количественный анализ употребления отобранных единиц позволил сделать вывод, что глава немецкого правительства в публичных выступлениях не демонстрирует аудитории свою национальную идентичность, перенося фокус внимания на европейские и межнациональные реалии (4909 словоупотреблений из 5823 случаев). Таким образом, выдвинутая гипотеза о взаимосвязи между языковыми маркерами (в нашем случае – конкретными классами культурно-маркированной лексики) и демонстрацией национальной идентичности политика доказана.

Статистический анализ показал наличие значимой зависимости между лексической единицей и ее происхождением в случае антропонимов, официонимов и этнонимов (немецкие наименования) и в случае эргонимов, отэтнонимных прилагательных и геортонимов (не немецкие обозначения). Интересным представляется показатель отсутствия значимой связи в случае политонимов и документонимов (характерно для обеих категорий выявленных лексических маркеров), относящихся к базовой терминологии политического дискурса.

Предлагаемый подход к анализу языкового материала представляется перспективным. Так, например, выделение отдельных блоков национальных (немецких) и европейских реалий позволит выявить наличие или отсутствие зависимости между их употреблением и демонстрацией национальной или европейской идентичности в речи политических деятелей ФРГ. Перспективным представляется сравнительный анализ выступлений политиков от правящих и оппозиционных партий, а также политиков регионального уровня, в частности, Баварии, где сильны национальные идеи и их демонстрация.

Материалы исследования

Regierungserklärungen – *Regierungserklärungen*. URL: www.bundesregierung.de.

Sarrazin 2010 – *Sarrazin T.* Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München. DVA Dt. Verlags-Anstalt, 2010. 461 S.

Асташкина 2020 – *Асташкина П.Г.* Язык медиа и национальная идентичность: русско-немецкие параллели: дис. ... канд. филол. Новгород, 2020. 189 с.

Подольская 1988 – Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука. 1988. 192 с.

Чудинов 2020 – *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: учебное пособие. 6-е изд., стер. М.: ФЛИНТА. 2020. 256 с.

Ширяев 2017 – *Ширяев Н.С.* Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале английского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017. 195 с.

Библиографический список

Bloom 1990 – *Bloom W.* Personal Identity, National Identity and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 194 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511558955>.

Bschleipfer 2010 – *Bschleipfer A.* Der «caso Parmalat» in der Berichterstattung italienischer Print- und Rundfunkmedien. Eine Studie zur sprachlichen Markierung von Corporate Identity, lokaler und nationaler Identität. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. 457 S. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-3-653-00122-8>.

Coulmas 1985 – *Coulmas F.* Sprache und Staat: Studien zur Sprachplanung und Sprachpolitik. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1985. 292 S. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110852752>.

Gaskarth, Oppermann 2021 – *Gaskarth J., Oppermann K.* Clashing traditions: German foreign policy in a New Era // International Studies Perspectives. 2021. Vol. 22, issue 1, P. 84–105. DOI: <https://doi.org/10.1093/isp/ekz017>.

Hermann 2021 – *Hermann E.* Die Regierungserklärungen der Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel. Eine vergleichende machtpolitische Analyse. München: GRIN Verlag, 2021. 22 S. Available at: <https://www.grin.com/document/1138657>.

Klein 2014 – *Klein M.* Die nationale Identität der Deutschen Commitment // Grenzkonstruktionen und Werte zu Beginn des 21. Jahrhunderts. Springer Fachmedien Wiesbaden, 2014. 377 S. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-658-04015-4>.

Korte 2002 – *Korte K.-R.* Die Regierungserklärung: Visitenkarte und Führungsinstrument der Kanzler // Das Wort hat der Herr Bundeskanzler. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. S. 11–31. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-322-90251-1>.

Mader 2016 – *Mader M.* Stabilität und Wandel der nationalen Identität in der deutschen Bevölkerung // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2016. № 68. S. 435–456. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11577-016-0370-9>.

Niehr 2014 – *Niehr Th.* Einführung in die Politolinguistik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, 2014. 191 S. DOI: <https://doi.org/10.36198/9783838541730>.

Oppenrieder, Thurmair 2003 – *Oppenrieder W., Thurmair M.* Sprachidentität im Kontext von Mehrsprachigkeit // Sprachidentität – Identität durch Sprache / hrsg. Janich N., Thim-Mabrey Ch. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. S. 39–61. Available at: <https://www.narr.de/sprachidentit%C3%A4t-identit%C3%A4t-durch-sprache-15761-2>.

Piwoni 2012 – *Piwoni E.* Nationale Identität im Wandel // Deutscher Intellektuellendiskurs zwischen Tradition und Weltkultur. Wiesbaden: Springer VS, 2012. 321 S. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-531-18740-2>.

Schröder 1995 – *Schröder K.* Zur Problematik von Sprache und Identität in Westeuropa: eine Analyse aus sprachpolitischer Perspektive // Europäische Identität und Sprachenvielfalt. Tübingen: Niemeyer, 1995. S. 56–66. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110245141.56>.

Thim-Mabrey 2003 – *Thim-Mabrey Ch.* Sprachidentität – Identität durch Sprache. Ein Problemaufriss aus sprachwissenschaftlicher Sicht // Sprachidentität – Identität durch Sprache / hrsg. Janich N., Thim-Mabrey Ch. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. S. 1–18. Available at: <https://www.narr.de/sprachidentit%C3%A4t-identit%C3%A4t-durch-sprache-15761-2>.

Алексеева, Байков, Барановский [и др.] 2019 – *Алексеева Т.А., Байков А.А., Барановский В.Г. [и др.]* Современная политическая наука: Методология: Научное издание / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. Москва: Аспект Пресс, 2019. 776 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37085232>. EDN: <https://elibrary.ru/kkhczu>.

Бушев 2012 – *Бушев А.Б.* Язык как основание и индикатор идентичности // Актуальные инновационные исследования: наука и практик. 2012. № 1. С. 12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17718117>. EDN: <https://elibrary.ru/oxswij>.

Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. 2018 – *Кауфова И.Б., Кауфова Л.А.* Национальная идентичность в британском политическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10, № 4–3. С. 86–97. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-3-86-97>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yogldn>.

Кудрявцев 2010 – *Кудрявцев А.Г.* Выражение национальной идентичности в политическом дискурсе: функции и механизмы воздействия на реципиента сообщения // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 115–117. URL: <https://politlingvistika.ru/archive/12124322/4/vyrazhenie-natsionalnoj-identichnosti-v-politicheskom-diskurse-funktsii-i-mekhanizmy-vozdeystviya-na-retsipienta-soobshcheniya?ysclid=lmk8loy5ih329877342>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15582115>. EDN: <https://elibrary.ru/nczord>.

Кузнецова 2011 – *Кузнецова Е.В.* Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 102–105. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17016074>. EDN: <https://elibrary.ru/oijlbv>.

Лаппо 2014 – *Лаппо М.А.* Сущность идентичности и методы ее анализа в лингвистических/психолингвистических исследованиях // Вопросы психолингвистики. 2014. № 19. С. 30–39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21692568>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sgsdzj>.

Орлов 2012 – *Орлов Б.С.* Проблемы идентичности в современной Германии: аналитический обзор. Москва: ИНИОН, 2012. 74 с. (Европа XXI век.) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18044995>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pewvur>.

Попцов 2015 – *Попцов Д.А.* Специфика Европейского и национального уровней в структуре идентичности немцев (историко-статистический аспект) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9 (162). С. 262–269. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive?year=2015&issue=9&article_id=5540&format=html.

Сафран 2011 – *Сафран У.* Национальная идентичность во Франции, Германии и США: современные споры // Политическая наука. 2011. № 1. С. 64–97. URL: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/74/0>.

Слюсарев 2012 – *Слюсарев Д.С.* Лингвостилистические особенности жанра «правительственное заявление»: на материале выступлений немецких бундесканцлеров // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2-2 (39). С. 137–139. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17919219>. EDN: <https://elibrary.ru/pcdhfh>.

Хауер-Тюкаркина 2013 – *Хауер-Тюкаркина О.М.* Дискурс национального в современном немецком обществе // Политика. 2013. № 4 (71). С. 67–78. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2013-71-4-67-78>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tccbyb>.

Чигашева, Елизарьева, Ларина, Крячкова 2021 – *Чигашева М.А., Елизарьева М.А., Ларина Т.С., Крячкова А.П.* Культурно-маркированная лексика политического дискурса Германии: монография. Москва: МГИМО-Университет, 2021. 203 с. URL: https://open.mgimo.ru/bitstream/123456789/224/1/1text_978_9_9228_2455_2_2021_02.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47262221>. EDN: <https://elibrary.ru/jpiiia>.

Шейгал 2004 – *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: монография. Москва: Гнозис, 2004. 324 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19655426>. EDN: <https://elibrary.ru/qodctf>.

References

Bloom 1990 – *Bloom W.* (1990) Personal Identity, National Identity and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 194 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511558955>.

Bschleipfer 2010 – *Bschleipfer A.* (2010) Der «caso Parmalat» in der Berichterstattung italienischer Print- und Rundfunkmedien. Eine Studie zur sprachlichen Markierung von Corporate Identity, lokaler und nationaler Identität. Frankfurt am Main: Peter Lang, 457 p. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-3-653-00122-8>.

Coulmas 1985 – *Coulmas F.* (1985) Sprache und Staat: Studien zur Sprachplanung und Sprachpolitik. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 292 p. DOI: [10.1515/9783110852752](https://doi.org/10.1515/9783110852752).

Gaskarth, Oppermann 2021 – *Gaskarth J., Oppermann K.* (2021) Clashing traditions: German foreign policy in a New Era. *International Studies Perspectives*, vol. 22, issue 1, pp. 84–105. DOI: <https://doi.org/10.1093/isp/ekz017>.

- Hermann 2021 – *Hermann E.* (2021) Die Regierungserklärungen der Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel. Eine vergleichende machtpolitische Analyse. München: GRIN Verlag, 22 p. Available at: <https://www.grin.com/document/1138657>.
- Klein 2014 – *Klein M.* (2014) Die nationale Identität der Deutschen. In: *Commitment, Grenzkonstruktionen und Werte zu Beginn des 21. Jahrhunderts*. Springer Fachmedien Wiesbaden, 377 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-658-04015-4>.
- Korte 2002 – *Korte K.-R.* (2002) Die Regierungserklärung: Visitenkarte und Führungsinstrument der Kanzler. In: Korte, K.R. (eds.) *Das Wort hat der Herr Bundeskanzler*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, pp. 11–31. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-322-90251-1>.
- Mader 2016 – *Mader M.* (2016) Stabilität und Wandel der nationalen Identität in der deutschen Bevölkerung. In: *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, no. 68, S. 435–456. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11577-016-0370-9>.
- Niehr 2014 – *Niehr Th.* (2014) Einführung in die Politolinguistik. Göttingen: Vandenhoeck&RuprechtGmbH&Co. KG, 191 p. DOI: <https://doi.org/10.36198/9783838541730>.
- Oppenrieder, Thurmair 2003 – *Oppenrieder W., Thurmair M.* (2003) Sprachidentität im Kontext von Mehrsprachigkeit. In: *Sprachidentität – Identität durch Sprache*. Janich N., Thim-Mabrey Ch. (Hrsg.). Tübingen: Gunter Narr Verlag, pp. 39–61. Available at: <https://www.narr.de/sprachidentit%C3%A4t-identit%C3%A4t-durch-sprache-15761-2/>.
- Piwoni 2012 – *Piwoni E.* (2012) Nationale Identität im Wandel. In: *Deutscher Intellektuellendiskurs zwischen Tradition und Weltkultur*. Wiesbaden: Springer VS, 321 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-531-18740-2>.
- Schröder 1995 – *Schröder K.* (1995) Zur Problematik von Sprache und Identität in Westeuropa: eine Analyse aus sprachwissenschaftlicher Perspektive. In: *Europäische Identität und Sprachenvielfalt*. Tübingen: Niemeyer, pp. 56–66. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110245141.56>.
- Thim-Mabrey 2003 – *Thim-Mabrey Ch.* (2003) Sprachidentität – Identität durch Sprache. Ein Problemaufriss aus sprachwissenschaftlicher Sicht. In: *Sprachidentität – Identität durch Sprache*. Janich N., Thim-Mabrey Ch. (Hrsg.) Tübingen: Gunter Narr Verlag, pp. 39–61. Available at: <https://www.narr.de/sprachidentit%C3%A4t-identit%C3%A4t-durch-sprache-15761-2/>.
- Alekseeva, Baikov, Baranovsky et al. 2019 – *Alekseeva T.A., Baikov A.A., Baranovsky V.G. et al.* (2019) Contemporary political science: Methodology: scientific edition. Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (Eds.). Moscow: Aspekt Press, 776 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37085232>. EDN: <https://elibrary.ru/kkhczu>. (In Russ.)
- Bushev 2012 – *Bushev A.B.* (2019) Language as a basis and indicator of identity. *Aktual'nye innovatsionnye issledovaniya: nauka i praktik*, no. 1, p. 12. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17718117>. EDN: <https://elibrary.ru/oxswij>. (In Russ.)
- Kaufova I.B., Kaufova L.A. 2018 – *Kaufova I.B., Kaufova L.A.* (2018) National identity in British political discourse. *Modern Studies of Social Issues*, vol. 10, no. 4–3, pp. 86–97. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-3-86-97>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yogldn>. (In Russ.)
- Kudryavtsev 2010 – *Kudryavtsev A.G.* (2010) Expression of national identity in political discourse: functions and mechanisms of producing influence on the recipient of the message. *Political Linguistics*, no. 4 (34), pp. 115–117. Available at: <https://politlinguistika.ru/archive/12124322/4/vyrazhenie-natsionalnoj-identichnosti-v-politicheskom-diskurse-funktsii-i-mekhanizmy-vozdeystviya-na-retsipienta-soobshcheniya?ysclid=lmk8loy5ih329877342>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15582115>. EDN: <https://elibrary.ru/nczord>. (In Russ.)
- Kuznetsova 2011 – *Kuznetsova E.V.* (2011) Language and national identity. *Omsk Scientific Bulletin*, no. 3 (98), pp. 102–105. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17016074>. EDN: <https://elibrary.ru/oijlvv>. (In Russ.)
- Lappo 2014 – *Lappo M.A.* (2014) Identity and methods of its analysis in linguistic/psycholinguistic research. *Journal of Psycholinguistics*, no. 19, pp. 30–39. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21692568>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sgsdzj>. (In Russ.)
- Orlov 2012 – *Orlov B.S.* (2012) Problems of identity in modern Germany: an analytical review. Moscow: INION, 74 p. (Europe XXI century). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18044995>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pewvur>. (In Russ.)
- Poptsov 2015 – *Poptsov D.A.* (2015) Specifics of European and national levels in the structure of identity of Germans (historical and statistical aspects). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 9 (162), pp. 262–269. Available at: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive?year=2015&issue=9&article_id=5540&format=html. (In Russ.)
- Safran 2011 – *Safran W.* (2011) National identity in France, Germany and the United States: the recent debate. *Political science*, no. 1, pp. 64–97. Available at: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/74/0>. (In Russ.)
- Slyusarev 2012 – *Slyusarev D.S.* (2012) Linguistic and stylistic features of the «government statement» genre: based on the speeches of the German Bundeschancellors. *Cherepovets State University Bulletin*, no. 2–2 (39), pp. 137–139. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17919219>. EDN: <https://elibrary.ru/pcdhfh>. (In Russ.)
- Khauer-Tyukarkina 2013 – *Khauer-Tyukarkina O.M.* (2013) The Discourse of the National in Contemporary German Society. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no. 4 (71), pp. 67–78. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2013-71-4-67-78>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tccbyb>. (In Russ.)
- Chigasheva, Elizar'eva, Larina, Kryachkova 2021 – *Chigasheva M.A., Yelizaryeva M.A., Larina T.S., Kryachkova A.P.* (2021) Culturally marked vocabulary of German political discourse: monograph. Moscow: MGIMO-Universität, 203 p. Available at: https://open.mgimo.ru/bitstream/123456789/224/1/1text_978_9_9228_2455_2_2021_02.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47262221>. EDN: <https://elibrary.ru/jpiiia>. (In Russ.)
- Sheigal 2004 – *Sheigal E.I.* (2004) Semiotics of political discourse: monograph. Moscow: Gnozis, 324 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19655426>. EDN: <https://elibrary.ru/qodctf>. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-3-205-211

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

УДК 94 (47)(1941/1945)

Дата поступления: 10.06.2023
рецензирования: 12.07.2023
принятия: 25.08.2023

Рецензия на монографию: Широков Г.А. Военные годы Куйбышевского региона: 1941–1945: монография / науч. ред. В.И. Дорофеев, О.Н. Солдатова. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2022. 336 с.

П.С. Кабытов

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): S-2272-2016
Scopus ID: 57194763364. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

Н.Н. Кабытова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): O-1671-2017.
Scopus ID: 57211608370. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9411-8429>

Аннотация: В рецензии дан анализ основных проблем, которые нашли отражение в обобщающем исследовании Г.А. Широкова. Опираясь на разнообразный корпус архивных и опубликованных документальных источников, периодическую печать, статистические материалы, а также научную литературу по исследуемой проблеме, автор выделяет два этапа в развитии Куйбышевского региона. Им представлена реконструкция мобилизационных мероприятий, осуществленных в течение первого этапа (1941–1942 гг.). Автором воссоздан процесс формирования новых отраслей экономики региона на основе промышленного оборудования эвакуированных заводов, показана перестройка промышленного производства, что обусловило формирование многоотраслевого экономического потенциала региона. Выявлены факторы, оказавшие негативное влияние на развитие сельскохозяйственного производства. Новые материалы приведены о трудовых буднях и адаптации населения к условиям военного лихолетья. Характеризуя второй этап (1943–1945 гг.), автор приводит сведения о мероприятиях по внедрению новых технологий и конвейеров на промышленных предприятиях, обеспечению кадрами квалифицированных рабочих и служащих, развитию сельского хозяйства и транспортной инфраструктуры. В монографии акцентируется внимание на развитии здравоохранения, системы народного образования и высшей школы, показана общественно-политическая жизнь населения в период Великой Отечественной войны. Центральной проблемой монографии является трудовой подвиг населения Куйбышевской области, обеспечивший единение фронта и тыла и Победу в мае 1945 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Куйбышевская область; эвакуация предприятий и населения; мобилизационные мероприятия; военный промышленный комплекс; эволюция отраслей экономики; сельское хозяйство; транспорт; социокультурная сфера; общественно-политическая жизнь.

Цитирование. Кабытов П.С., Кабытова Н.Н. Рецензия на монографию: Широков Г.А. Военные годы Куйбышевского региона: 1941–1945: монография / науч. ред. В.И. Дорофеев, О.Н. Солдатова. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2022. 336 с. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 205–211. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-205-211>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Кабытов П.С., Кабытова Н.Н., 2023

Петр Серафимович Кабытов – заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Надежда Николаевна Кабытова – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 10.06.2023
Revised: 12.07.2023
Accepted: 25.08.2023

Review of the monograph: Shirokov G.A. War years of Kuibyshev region: 1941–1945: monograph. V.I. Dorofeev, O.N. Soldatova (Eds.). Samara: ООО «Nauchno-tehnicheskii tsentr», 2022, 336 p.

P.S. Kabytov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): S-2272-2016.
Scopus ID: 57194763364. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

N.N. Kabytova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): O-1671-2017.
Scopus ID: 57211608370. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9411-8429>

Abstract: The review analyses the main problems reflected in the generalizing study by G.A. Shirokov. Relying on a diverse corpus of archival and published documentary sources, periodicals, statistical materials, as well as scientific literature on the problem under study, the author distinguishes two stages in the development of the Kuibyshev region. He presents a reconstruction of the mobilization measures carried out during the first stage (1941–1942). The author reconstructs the process of formation of new branches of regional economy on the basis of industrial equipment of evacuated factories, shows the restructuring of industrial production, which led to the formation of diversified economic potential of the region. Factors that had a negative impact on the development of agricultural production are revealed. New materials are given about labour everyday life and adaptation of the population to the conditions of the war years. Characterizing the second stage (1943–1945), the author provides information on measures to introduce new technologies and conveyors at industrial enterprises, to provide qualified workers and employees, to develop agriculture and transport infrastructure. The monograph focuses on the development of health care, public education and higher education, shows social and political life of the population during the Great Patriotic War. The central problem of the monograph is the labour feat of the population of Kuibyshev region, which ensured the unity of the front and rear and the victory in May 1945.

Key words: Great Patriotic War; Kuibyshev region; evacuation of enterprises and population; mobilization measures; military industrial complex; evolution of economic sectors; agriculture; transport; socio-cultural sphere; social and political life.

Citation. Kabytov P.S., Kabytova N.N. Review of the monograph: Shirokov G.A. War years of Kuibyshev region: 1941–1945: monograph. V.I. Dorofeev, O.N. Soldatova (Eds.). Samara: ООО «Nauchno-tehnicheskii tsentr», 2022, 336 p. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 205–211. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-205-211>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Kabytov P.S., Kabytova N.N., 2023

Peter S. Kabytov – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
Nadezhda N. Kabytova – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В 2022 г. издательство «Научно–технический центр» опубликовало монографию известного самарского историка, доктора исторических наук, профессора Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева Геннадия Афанасьевича Широкова [Широков 2022], который с середины 90-х гг XX в. стал специализироваться по истории Великой Отечественной войны. Ранее он многие годы разрабатывал проблематику по истории промышленного пролетариата Среднего Поволжья в послевоенный период. Речь идет о кандидатской диссертации, защищенной в 1970 г. в диссертационном совете при Саратовском государственном университете (Широков 1970), и монографии, опубликованной в 1987 г. [Широков 1987]. Но затем вектор его исследовательской практики претерпел изменения. Центральной проблемой, которую он правомерно относит к числу актуальных в новейший период развития российской историографии, стала деятельность ученых Поволжья в годы Великой

Отечественной войны. Кроме научных статей, учебного пособия, монографии и докторской диссертации по этой проблеме (Широков 2005) им были подготовлены и изданы сборники документов и материалов (Гарькин, Широков 2008; Широков, Кабытов 2005).

В то же время в течение многих лет он выявлял документальные материалы, хранящиеся в фонде 17 Российского государственного архива социально–политической истории. Он также использовал материалы 13 фондов Центрального государственного архива Самарской области, 9 фондов Самарского областного государственного архива социально–политической истории, 5 фондов Сызранского филиала Центрального областного архива Самарской области. В этих документальных источниках содержится ценнейшая историческая информация о развитии промышленного потенциала как областного центра, так и таких промышленных городов как Сызрань, Чапаевск. Архивные материалы позволили автору монографии реконструировать жизнь городского и сельского населения

Куйбышевской области в годы военного лихолетья и воссоздать трудовые подвиги женщин, стариков и детей, обеспечивающих воинов Красной Армии вооружением, одеждой и продовольствием. В документальную базу своего исследования автор включил официальные и периодические издания, а также сборники документов и материалов. При реконструкции событий Г.А. Широков цитирует научные труды своих предшественников. Такой подход позволил ученому представить научному сообществу новое исследование об истории Куйбышевского региона в годы Великой Отечественной войны. Реконструируя ход исторического процесса в Куйбышевском регионе в период войны, автор применяет традиционные методы анализа документального материала отечественной истории, творчески использует многофакторный анализ и междисциплинарный подход, методы экономической и новой социальной истории.

Основная часть

Структура рецензируемой монографии состоит из введения, четырех глав, заключения и списка источников. Во вводной части Г.А. Широков акцентирует внимание на том, что историографические аспекты проблематики неоднократно освещались в трудах А.В. Захарченко [Захарченко, 2013, с. 3–16], В.Н. Курятникова [Курятников 2008, с. 3–25], О.Н. Солдатовой [Солдатова 2013, с. 24–65], да и самого автора [Широков 2017, с. 9–29]. Вместе с тем здесь содержится критика десятого тома «Великая Отечественная война. Государство общество и война» (Великая Отечественная война 1941–1945 гг.). Позитивная оценка дана научным биографиям В.Я. Литвинова [Загребина 2010; Емельянов 2010], трудам В.Н. Курятникова и А.В. Захарченко [Курятников 2008; Захарченко 2013]. Здесь же сформулирована цель монографии, которая состоит в том, чтобы проследить развитие народного хозяйства Куйбышевского региона и общественно-политическую жизнь населения в годы войны, показать роль «куйбышевского тыла в разгроме агрессора».

На наш взгляд, Г.А. Широков вполне правомерно выделяет в периоде Великой Отечественной войны два этапа: первый охватывает промежуток с июня 1941 г. по сентябрь 1942 г., второй – с октября 1942 г. – по май 1945 г. В течение первого этапа шел самый сложный процесс как мобилизации всех ресурсов для отпора врагу, так и адаптации населения региона к условиям военного лихолетья.

Эти процессы нашли отражение в разделах первой главы «Создание в регионе слаженного военного хозяйства». Прежде всего Г.А. Широков анализирует первые неотложные меры по мобилизации всех людских и экономических ресурсов для победы над фашистской Германией. Приведены сведения о состоявшихся в июне 1941 г. митингах. Далее он отмечает, что в ходе мобилизационных

мероприятий с июня 1941 г. по сентябрь 1942 г. в Красную Армию было призвано 393 644 солдата и младшего командного состава, а также 15 508 офицеров. Всего за годы войны из региона в боевых действиях на фронтах войны приняли участие 503 374 человека. Впечатляют данные о формировании в Куйбышевской области народного ополчения, в состав которого вошли не только рабочие и колхозники, но и руководители предприятий, инженеры, преподаватели высших учебных заведений. Всего к 15 августа 1941 г. численность народного ополчения составляла 103 345 человек, в том числе 12 191 женщина. И конечно, Г.А. Широков детально анализирует участие населения региона в таких важнейших программах как всеобщее обязательное обучение, всеобщая обязательная подготовка населения к противовоздушной обороне, подготовка военных специалистов Осоавиахима, медико-санитарных кадров, сооружение бункера для местонахождения Ставки Верховного главнокомандующего И.В. Сталина, строительство Куйбышевского и Ульяновского укрепрайонов. Эти и другие программы и мероприятия свидетельствовали об эффективности деятельности региональных партийных и советских органов в реализации мобилизационных мероприятий, способствующих консолидации населения региона, единению фронта и тыла.

В монографии подчеркивается значимость Указов Президиума Верховного Совета СССР, изданных в первые дни Великой Отечественной войны, которые являлись правовой основой для перестройки промышленного потенциала страны на выпуск военной продукции. Укажем также на важнейшее значение мобилизационного народнохозяйственного плана на III квартал 1941 г. и военно-хозяйственного плана на IV квартал и на 1942 г., которые предписывали развертывание военно-промышленной базы на востоке Советского Союза. Речь идет как о сооружении и быстрейшем вводе в эксплуатацию эвакуированных в восточные районы промышленных производств, так и о переходе традиционных заводов на выпуск военной продукции. Автор подчеркивает, что в этой связи необходимо было в сжатые сроки устанавливать станки и другое оборудование, осваивать новые технологии, заниматься обучением рабочих и сотрудников как вновь принятых на работу, так и переучивать тех, кто ранее трудился на предприятиях в мирное время. На основе анализа производственной деятельности предприятий различных отраслей автор пришел к выводу, что в условиях военного времени принцип межобластного кооперирования сохранял свое значение, но вместе с тем в широких масштабах предприятия региона использовали внутригородское кооперирование, особенно на предприятиях авиационной промышленности.

Автор детально рассматривает процесс перестройки промышленных предприятий на выпуск

военной продукции в городах областного подчинения Чапаевске, Сызрани и в областном центре городе Куйбышеве. Позитивным является то, что он попытался представить объективную картину этого процесса, не умаляя достижения коллективов предприятий и отмечая те трудности, которые пришлось им преодолевать в ходе этой чрезвычайно трудоемкой работы, потребовавшей принятия нестандартных решений. Вполне обоснованно звучит вывод автора, что в ходе структурных преобразований экономического потенциала региона главным итогом первого периода стали перестройка производства на военные рельсы в рекордно короткий срок, освоение новых технологий, что позволило расширить как объемы производства, так и выпуск новой военной продукции. Причем предприятия при изготовлении продукции для нужд фронта использовали местное сырье.

В монографии представлен анализ численности и размещения на городских территориях Сызрани, Куйбышева эвакуированных предприятий из западных и центральных регионов СССР. Как видим, в отличие от монографии А.И. Репинецкого [Репинецкий 2021], который представил проблему размещения эвакуированных заводов в границах города Куйбышева, Г.А. Широков существенно расширил территориальные рамки этого процесса. Показательно также и то, что он прослеживает кардинальные изменения в эволюции промышленного потенциала региона, практически воссоздает процесс перестройки на военный лад всех отраслей экономики, как традиционных, так и вновь созданных. В целом автору удалось проследить все перипетии процесса размещения эвакуированных заводов: строительства производственных корпусов, монтажа оборудования и станков, ввода их в эксплуатацию и освоения технологических процессов. Всего в Куйбышевский регион прибыло оборудование 124 заводов и фабрик. На территории города Сызрани было размещено 11 предприятий. К достижениям первого этапа (1941–1942 гг.) Г.А. Широков относит то, что в Куйбышевской области возникли новые отрасли промышленности: авиационная, вооружения, подшипниковая, локомобильная, кабельная, нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая, парфюмерная, пищевкусовая. Надо особо отметить, что автору удалось проследить развитие этих отраслей в динамике и показать, как коллективы предприятий в сложнейших условиях смогли осуществить реконструкцию действующих предприятий и создание новых промышленных заводов на материальной базе эвакуированных в регион производств. Промышленность региона успешно обеспечивала производство военной техники и вооружения. Автор подчеркивает, что трудовой подвиг населения Куйбышевской области сыграл важную роль в победе над фашистской Германией.

Анализируя процесс мобилизации ресурсов сельского хозяйства в начальный период войны,

Г.А. Широков приходит к следующим выводам. В 1941–1942 гг. наиболее трудоспособная и квалифицированная часть сельского населения была призвана в действующую армию. Колхозы и совхозы вследствие мобилизации понесли значительные потери тракторов, автомашин и лошадей. Резко сократилось снабжение горючим, запасными частями и удобрениями. Все тяготы ведения сельскохозяйственных работ легли на плечи женщин, стариков и детей. Эти и другие факторы оказывали тормозящее воздействие на развитие сельского хозяйства региона в условиях военного времени. Автор приводит сведения о подготовке трактористов и комбайнеров из числа женщин и подростков. В ходе реконструкции уборочной кампании 1941 г. Г.А. Широков устанавливает, что сельские труженики работали по 18 и более часов. Приведены данные об участии в сельскохозяйственных работах 53 тысяч горожан и 70 тысяч студентов и школьников. В монографии доказано, что, несмотря на все усилия сельских тружеников, регион не справился с выполнением плановых показателей. Около 180 тысяч гектаров зерновых культур к 20 октября все еще не были убраны. По мнению автора, невыполнение плана произошло как по объективным условиям, так и по вине руководителей ряда районов, колхозов и совхозов, которые допустили просчеты в организации уборочной кампании. Иная ситуация в сельскохозяйственном секторе складывалась во время подготовки к посевной кампании весной и проведению уборки урожая летом и осенью 1942 г. Так, отмечено, что уборка урожая длилась 77 дней против 102 в 1941 г. Но тем не менее валовый сбор урожая и государственные поставки оказались ниже, чем в предыдущем году.

К 1943 г. в Куйбышевском регионе функционировало свыше 40 крупных заводов и фабрик, которые непосредственно подчинялись наркоматам СССР, что способствовало росту в 2 раза численности рабочих и служащих на промышленных предприятиях. Судя по статистическим данным, промышленное производство в регионе возросло по сравнению с довоенным уровнем в 6,5 раза. Структурные изменения произошли в промышленности. В качестве ведущих отраслей были машиностроение и металлообработка. Военный промышленный комплекс включал в себя 7 предприятий. Из них 4 были сооружены на оборудовании эвакуированных предприятий. В то же время на заводах КИНАП, А.А. Масленникова и других предприятиях в 1942 г. были введены в эксплуатацию новые цеха. Автор приводит сведения о том, что в годы войны были введены в эксплуатацию 77 поточных линий и конвейеров.

К числу положительных моментов следует отнести то, что в монографии дан анализ развития таких отраслей промышленности региона как авиационная, машиностроение, нефтяная и газовая, электроэнергетика, химическая, кабельная, лег-

кая, пищевая, предприятий местной промышленности. При этом автор приводит статистические данные, характеризующие вклад предприятий той или иной отрасли в производство продукции как для Красной Армии, так и для населения страны. Примечательно также и то, что автор показывает героический труд во имя победы как руководителей предприятий, так и инженеров и рабочих, тем самым создавая галерею портретов тружеников тыла.

Особо отметим анализ Г.А. Широковым процесса подготовки кадров для предприятий Куйбышевской области. В этой связи правовой основой стал Указ Президиума Верховного Совета СССР, изданный в феврале 1942 г., «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Как известно, в период эвакуации в город Куйбышев прибыло свыше 300 тысяч человек, в Сызрань – более 41 тысячи. Большая часть эвакуированных так или иначе включалась в производственную деятельность промышленных предприятий. Подготовка кадров для заводов занимались ФЗО и училища, численность которых увеличилась с 36 до 51. Всего в период войны было подготовлено 75 425 профессиональных рабочих. Кроме того, предприятия самостоятельно осуществляли переподготовку рабочих и служащих. Приведены данные о том, что в годы войны среди рабочих преобладали женщины и дети, а также о возвращении на предприятия пенсионеров. Здесь же представлен содержательный анализ форм подготовки и повышения квалификации кадров, что способствовало внедрению в производственную практику эффективных форм организации труда.

Автор приводит новые данные о развитии сельского хозяйства в регионе в 1943–1945 гг. Как и в предыдущих параграфах книги, дан анализ подготовки и проведения посевных кампаний и уборки урожая. На их реализацию оказывали влияние такие факторы, как сокращение машинно-тракторного парка, убыль вследствие реквизиции на военные нужды лошадей. Но эти трудности женщины, дети и старики героически преодолевали. Г.А. Широков говорит о подготовке кадров механизаторов, о развертывании социалистического соревнования, в том числе комсомольско-молодежных звеньев, о привлечении для выполнения сельскохозяйственных работ горожан, школьников и учителей. Вполне правомерно звучит вывод о том, что, несмотря на ущерб, нанесенный сельскому хозяйству войной, колхозы и совхозы в 1941–1945 гг. сдали государству 84,4 млн пудов хлеба, тем самым внося свой вклад в обеспечение армии и тыла продовольствием.

Значительный интерес представляет анализ развития транспорта в годы войны. Здесь речь идет о роли Куйбышевской железной дороги в период эвакуации населения и предприятий из западных

и центральных регионов страны. Показано, как железнодорожники решали сложнейшие проблемы при возникновении критических ситуаций. Отмечено значение строгой регламентации деятельности железных дорог, графиков их работы, роста числа погрузочно-разгрузочных пунктов, сооружения новых подъездных путей, что обеспечивало продвижение воинских грузов на фронт, а также грузов для промышленности и сельского хозяйства. Здесь же Г.А. Широков приводит статистические данные о деятельности Средневолжского речного пароходства и указывает на факторы, которые обусловили сокращение в два раза перевозки грузов.

Не обойдены вниманием Г.А. Широкова эволюция в годы войны социокультурной сферы региона. Прежде всего привлекает раздел, в котором дан анализ материального положения населения и деятельности медицинских учреждений в Куйбышевской области. Автор приводит сведения о нормировании продовольствием различных групп населения, введении карточной системы, подсобных хозяйствах предприятий, реализации проекта выделения индивидуальных огородов, о роли торговли продуктами питания и товарами на базарах и динамике цен на них, формировании жилого фонда в новых городских районах и развития трамвайного хозяйства. Здесь же находим данные о создании детских домов и организации помощи детям эвакуированных, статистические данные, свидетельствующие о динамике развития системы здравоохранения в регионе и деятельности Красного Креста и эвакогоспиталей.

Весьма содержательны разделы, в которых дан анализ деятельности начальной, средней, высшей школы, в которых образовательный процесс протекал в экстремальных условиях военного времени. Помимо статистических данных, характеризующих динамику развития общего, среднего, среднего специального и высшего образования, а также деятельного участия преподавателей вузов в реализации научных проектов, автор реконструирует условия, которые оказывали воздействие на все стороны жизни учащейся молодежи и преподавателей. Здесь также подчеркивается патриотический настрой, который в конечном счете свидетельствовал о единении тыла и фронта. Следует также позитивно оценить анализ Г.А. Широковым общественно-политической жизни населения региона в военный период. В монографии характеризуются формы и методы идеологической и массово-политической работы среди населения. Детально воссоздана деятельность органов власти, предприятий и общественных организаций по оказанию помощи фронту и освобожденным районам. Как и в предыдущих разделах монографии, в этой главе представлены коллективные и индивидуальные портретные характеристики тружеников тыла, учащихся и студентов, преподавателей

школ и вузов. Всех тех, кто не покладая рук трудился во имя Победы.

Заключение

Итак, рецензируемая монография представляет обобщающее исследование, в котором воссоздана панорама жизни населения одной из российских областей в годы Великой Отечественной войны. На наш взгляд, правомерно выделены два этапа, что позволило на основе анализа большого комплекса документальных материалов детально представить процесс формирования военного промышленного комплекса в 1941–1942 гг., показать как использование оборудования эвакуированных в Куйбышевскую область предприятий, так и переход традиционных заводов и фабрик на выпуск военной продукции. Выявлены факторы, оказавшие негативное влияние на развитие сельскохозяйственного производства. Одновременно рассмотрена проблема адаптации населения

к экстремальным условиям военного времени. Убедительно звучат выводы о единении тружеников тыла как в начальный период войны, так и в 1943–1945 гг. Эти люди в тяжелейших условиях военного времени внесли огромный вклад в производство военной техники, вооружения и продовольствия для нужд Красной Армии и страны. На страницах книги представлены обобщающие портреты многих участников войны – представителей властных структур, руководителей предприятий, колхозов и совхозов, учащейся молодежи и ученых, в конечном счете всех тружеников тыла, которые своим трудом обеспечили нашу Великую Победу 9 мая 1945 г. Как нам представляется, монография Г.А. Широкова придаст новый импульс разработке истории промышленного комплекса, сельскохозяйственного производства, транспортной инфраструктуры и повседневной жизни населения Куйбышевской области в период Великой Отечественной войны.

Материалы исследования

Великая Отечественная война 1941–1945 годов – *Великая Отечественная война 1941–1945 годов*. Документы и материалы: в 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. Москва: Кучково поле, 2014. 864 с. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/books/vov/tom10.htm>.

Гарькин, Широков 2008 – *Гарькин В.П., Широков Г.А.* Отечественная война и высшая школа. 1941–1945: сборник материалов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. 200 с. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/249026-garkin-v-p-shirokov-g-a-otechestvennaya-voyna-i-vyssshaya-shkola-1941-1945>.

Широков 1970 – *Широков Г.А.* Рабочий класс промышленности Поволжья в 1945–1950 гг. (на материалах Куйбышевской и Саратовской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970. 24 с.

Широков, Кабытов 2005 – *Широков Г.А., Кабытов П.С.* Война. Власть. Наука. 1941–1945: Сборник документов и материалов. Самара: Самарский университет, 2005. 496 с. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/195576>.

Широков 2005 – *Широков Г.А.* Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук. Самара: Самарский университет, 2005. 485 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16103193>.

Библиографический список

Загребина 2010 – *Загребина Г.В.* Дело всей жизни. Самара: Агни, 2010. 192 с. URL: https://epizodyspace.ru/bibl/zagrebina/delo/delo_vsej_zhizni.pdf.

Захарченко 2013 – *Захарченко А.В.* НКВД и формирование авиапромышленного комплекса в Поволжье, 1940–1943 гг. Самара: Самарский научный центр РАН, 2013. 475 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23158296>. EDN: <https://elibrary.ru/tmucix>.

Емельянов 2010 – *Емельянов С.Н.* Траектория жизни: Литвинов Виктор Яковлевич – инженер, создатель авиационных и космических технологий XX века: к 100-летию со дня рождения (1910–1983). Самара: Изд-во rudesign.ru, 2010. 184 с.

Курятников 2008 – *Курятников В.Н.* Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30–50-е гг. XX века). Самара: Самарский государственный технический университет, 2008. Ч. 1. 364 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19885131>. EDN: <https://elibrary.ru/qtduth>.

Репинецкий 2021 – *Репинецкий А.И.* Военная столица СССР. 1941–1943 гг.: очерки истории города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. Самара: Научно-технический центр, 2021. 270 с.

Солдатова 2013 – *Солдатова О.Н.* Изобретатели и изобретательская деятельность в развитии научно-технического прогресса промышленности советского государства (1917–1956 гг.). Самара: Ас Гард, 2013. 570 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25938556>. EDN: <https://elibrary.ru/vvpylr>.

Широков 1987 – *Широков Г.А.* Промышленные рабочие послевоенного Поволжья. 1945–1960. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. 142 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42971087>. EDN: <https://elibrary.ru/nirvtd>.

Широков 2017 – *Широков Г.А.* Они тоже ковали победу. Пищевая промышленность Куйбышевского Поволжья во время Великой Отечественной войны. Самара: Научно-технический центр, 2017. 192 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42957287>. EDN: <https://elibrary.ru/jmowjs>.

Широков 2022 – *Широков Г.А.* Военные годы Куйбышевского региона. 1941–1945: монография / науч. ред В.И. Дорофеев, О.Н. Солдатова. Самара: Научно-технический центр, 2022. 336 с.

References

Zagrebina 2010 – *Zagrebina G.V.* (2010) Lifetime project. Samara: Agni, 192 p. Available at: https://epizodyspace.ru/bibl/zagrebina/delo/delo_vsej_zhizni.pdf. (In Russ.)

Zakharchenko 2013 – *Zakharchenko A.V.* (2013) NKVD and the formation of aviation industrial complex in the Volga region, 1940–1943. Samara, 475 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23158296>. EDN: <https://elibrary.ru/tmucix>. (In Russ.)

Emelyanov 2010 – *Emelyanov S.N.* (2010) Trajectory of life: Litvinov Viktor Yakovlevich – engineer, creator of aviation and space technologies of the XX century: to the 100th anniversary of his birth (1910–1983). Samara: Izd-vo rudesign.ru, 184 p. (In Russ.)

Kuryatnikov 2008 – *Kuryatnikov V.N.* (2008) Formation of oil complex in the Ural and Volga regions (30–50-ies of the XX century). Samara: Samarskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, Part 1, 364 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19885131>. EDN: <https://elibrary.ru/qtduth>. (In Russ.)

Repinetsky 2021 – *Repinetsky A.I.* (2021) Military capital of the USSR. 1941–1943: sketches of the history of the city of Kuibyshev during the Great Patriotic War. Samara: Nauchno-tekhnicheskii tsentr, 270 p. (In Russ.)

Soldatova 2013 – *Soldatova O.N.* (2013) Inventors and inventive activity in the development of scientific and technological progress of the industry of the Soviet state (1917–1956). Samara: As Gard, 570 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25938556>. EDN: <https://elibrary.ru/vvpylr>. (In Russ.)

Shirokov 1987 – *Shirokov G.A.* (1987) Industrial workers of the postwar Volga region. 1945–1960. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 142 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42971087>. EDN: <https://elibrary.ru/nirvtd>. (In Russ.)

Shirokov 2017 – *Shirokov G.A.* (2017) They also forged the victory. Food industry of Kuibyshev Volga region during the Great Patriotic War. Samara: Nauchno-tekhnicheskii tsentr, 192 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42957287>. EDN: <https://elibrary.ru/jmowjs>. (In Russ.)

Shirokov 2022 – *Shirokov G.A.* (2022) War years of Kuibyshev region. 1941–1945: monograph. V.I. Dorofeev, O.N. Soldatova (Eds.). Samara: Nauchno-tekhnicheskii tsentr, 336 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

УДК 908

Дата поступления: 21.06.2023
рецензирования: 24.07.2023
принятия: 25.08.2023

**Рецензия на монографию: Кабытов П.С., Федорова Н.А.
Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. Самара:
Самарская гуманитарная академия, 2023. 144 с.**

В.А. Тюрин

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vad.im@inbox.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3003-9892>

М.М. Леонов

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mmleonov@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1235-0094>

Аннотация: Рецензия представляет собой анализ монографии Кабытова П.С., Федоровой Н.А. «Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время». Профессор И.М. Ионенко – видный казанский историк, один из основоположников изучения проблематики событий 1917 г. в Поволжье, специалист в области аграрной истории, заведующий кафедрой истории СССР Казанского государственного университета. Книга подготовлена на разнообразной источниковой базе, включающей материалы центральных и региональных архивов, периодику, многочисленные воспоминания учеников и коллег. Особо отметим обращение к обширному личному архиву Ионенко и его публикациям. В монографии представлена реконструкция основных этапов жизненного пути ученого: детские и юношеские годы на Смоленщине, обучение в Ленинградском государственном педагогическом институте, фронтовые годы, работа в Казанском государственном педагогическом институте, Казанском государственном университете. В рецензии авторами монографии дан анализ научной деятельности И.М. Ионенко – проблем Великой российской революции, аграрной истории Поволжья. Кроме того, показаны семейное окружение, педагогическая и административная деятельность ученого.

Ключевые слова: монография; рецензия; биография; И.М. Ионенко; Казанский государственный университет; Великая российская революция; Великая Отечественная война.

Цитирование. Тюрин В.А., Леонов М.М. Рецензия на монографию: Кабытов П.С., Федорова Н.А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2023. 144 с. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 212–216. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-212-216>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Тюрин В.А., Леонов М.М., 2023

Вадим Александрович Тюрин – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Михаил Михайлович Леонов – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, проректор по воспитательной работе и молодежной политике, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 21.06.2023
Revised: 24.07.2023
Accepted: 25.08.2023

**Monograph review: Kabytov P.S., Fedorova N.A.
Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: personality and time. Samara:
Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2023, 144 p.**

V.A. Tyurin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: vad.im@inbox.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3003-9892>

M.M. Leonov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: mmleonov@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1235-0094>

Abstract: The review is an analysis of the monograph by Kabytov P.S., Fedorova N.A. «Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: personality and time». Professor I.M. Ionenko is a prominent Kazan historian, one of the founders of the study of the problems of the events of 1917 in the Volga region, a specialist in the field of agrarian history, head of the Department of History of the USSR at Kazan State University. The book was prepared on a diverse source base, including materials from central and regional archives, periodicals, and numerous memoirs of students and colleagues. Let us especially note the appeal to the extensive personal archive of Ionenko and his publications. The monograph presents a reconstruction of the main stages of the scientist's life path: childhood and youth in the Smolensk region, training at the Leningrad State Pedagogical Institute, front-line years, work in the Kazan State Pedagogical Institute, Kazan State University. The review provides an analysis by the authors of the monograph of the scientific activity of I.M. Ionenko – problems of the Great Russian Revolution, agrarian history of the Volga region. In addition, the family environment, pedagogical and administrative activities of the scientist are shown.

Key words: monograph; review; biography; I.M. Ionenko; Kazan State University; Great Russian Revolution; Great Patriotic War.

Citation. Tyurin V.A., Leonov M.M. Monograph review: Kabytov P.S., Fedorova N.A. Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: personality and time. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2023, 144 p. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 212–216. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-212-216>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Tyurin V.A., Leonov M.M., 2023

Vadim A. Tyurin – Candidate of Historical Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Mikhail M. Leonov – Doctor of Historical Sciences, associate professor, head of the Department of National History and Historiography, vice-rector for Educational Work and Youth Policy, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В 2023 г. российская историография пополнилась исследованием жизни и деятельности видного советского историка, заслуженного деятеля науки ТАССР, доктора исторических наук, профессора И.М. Ионенко. Монография «Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время» подготовлена его учениками, известными историками П.С. Кабытовым, Н.А. Федоровой к 110-летию юбилею ученого.

Появление этой книги обусловлено тем, что полноценное развитие исторической науки невозможно без уважительного и бережного отношения к памяти об учителях, создателях современного исторического знания. Тем более это актуально в 2023 г. – Году педагога и наставника.

Иван Михайлович Ионенко является значительной фигурой в российской историографии. Он внес неоценимый вклад в изучение революционных событий 1917 г. в Поволжье, активно исследовал аграрную проблематику и историю Великой Отечественной войны. Одаренность Ионенко отчетливо видна даже в кратких биографических сведениях. Молодой школьный учитель уже в 20 лет становится директором школы крестьянской молодежи. В 1939 г. выпускник Ленинградского государственного педагогического института распределяется в Казанский педагогический, и вскоре его назначают заместителем декана исторического факультета. Вплоть до 1960 г. он работал заведующим кафедрой в Казанской высшей партийной школе. Авторы вполне обоснованно доказывают, что переход И.М. Ионенко в Казанский государственный университет стимулировал его работу по сбору материалов и написанию докторской диссертации, которая была защищена в 1966 г. А вскоре он был избран заведующим кафе-

дрой истории СССР Казанского государственного университета, что позволило ученому создать научную школу по истории Великой русской революции и Великой Отечественной войны.

При написании биографии И.М. Ионенко авторы опирались на прочный фундамент документальных источников, провели обширную работу по поиску и обработке материалов, в которых содержится историческая информация о жизни и деятельности ученого. Они выявили и изучили документы Национального архива Республики Татарстан, музея истории Казанского университета. Кроме того, в научный оборот введены источники личного происхождения, в том числе обширный личный архив И.М. Ионенко. Огромную роль при подготовке издания играли воспоминания членов семьи и многочисленных учеников. А также визуальные источники.

Основная часть

Первый раздел книги посвящен изучению жизненного пути и формированию характера И.М. Ионенко. Авторы книги очень подробно реконструируют биографию ученого и выявляют факторы, определяющие его жизненный путь. В книге представлен очерк юго-запада Смоленской губернии, где в 1913 г. родился герой повествования. Крестьянская семья Ионенковых, выйдя из сельской общины на хутор, уверенно вела хозяйство, несмотря на почвенные и климатические условия, характерные для этого края [Кабытов, Федорова 2023, с. 9].

Авторы книги воссоздали яркий портрет отца – Михаила Фроловича Ионенкова (1879–1955 гг.), человека, несомненно, одаренного и удачливого. М.Ф. Ионенков был не только грамотен, но и держал дома небольшую библиотеку церковных и светских книг, при этом играл на скрипке и умел

их делать (!). Он успешно освоил множество крестьянских практик (печное, столярное, ветеринарное дело). Конечно, все эти знания перенимали шестеро детей. Столь необычно высокий уровень духовной жизни семьи, трудолюбие существенно повлияли на становление личности И.М. Ионенко. Детские воспоминания и созидательная деятельность крестьян преопределили в конечном счете выбор научной проблематики исследователя. Он многие годы плодотворно занимался аграрной историей России.

В книге показано, что родители И.М. Ионенко, заметив у него любовь к чтению книг, отправили старшего сына Ивана на учебу в школу-десятилетку, а затем в педагогический техникум. После окончания техникума он начал работать учителем, вскоре был назначен заведующим учебной частью и уже в возрасте 20 лет стал директором школы колхозной молодежи. Авторы книги вполне правомерно так оценивают этот период жизни Ионенко: «...энергия, организационные способности, твердый характер и убежденность в правоте советской политики... несомненно, сыграли свою роль» [Кабытов, Федорова 2023, с. 14]. Отметим, что он, как представитель учреждения образования, лично принимал участие в организации колхозов на Смоленщине.

В 1934 г. Ионенко был направлен на учебу в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. Невозможно переоценить воздействие культурной столицы СССР на смоленского паренька. Ленинград дал ему полноценное духовное-эстетическое, научное развитие. Учеба на историческом факультете преопределила судьбу Ионенко, дала огромный багаж знаний и компетенций, ведь его учителями были выдающиеся Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, В.В. Мавродин.

Очень трогательно авторы книги рассказали о встрече с будущей женой Ольгой Владимировной Меньшиковой, сокурсницей Ионенко. На 4-м курсе они вступили в брак, несколько лет студенческой дружбы превратились в союз на всю жизнь.

В 1939 г. Ионенко, как один из лучших выпускников, получил распределение в Казанский педагогический институт, так начался его казанский период. Однако первые казанские годы жизни молодой семьи Ионенко прервала Великая Отечественная война. Уже в мае 1941 г. Иван Михайлович был призван на военные сборы. 22 июня 208-й полк 18-й стрелковой дивизии был отправлен на защиту Москвы, а 12 июля командир взвода Ионенко получил ранение «средней тяжести». Именно тогда, после излечения в госпитале, он «утратил» и последнюю букву в фамилии – был Ионенков, стал Ионенко. В августе 1941 г. он был направлен в Казань на формирование 334-й дивизии. Здесь его ждала радостная встреча не только с женой, но и с родителями, которые были эвакуированы в Казань. «Радость родных трудно описать

словами» [Кабытов, Федорова 2023, с. 31], а как иначе, если о муже и сыне родные все эти месяцы не имели ни крупицы информации.

И.М. Ионенко продолжил воинскую службу начальником отделения штаба 344-й дивизии, которая вела сражения на родной Смоленщине. В штабной работе по достоинству проявились организационные способности, энергия и умение общаться с людьми.

Период ратной службы И.М. Ионенко в годы Великой Отечественной войны воссоздан на ценнейшем типе источников – обширной коллекции фронтовых писем, бережно хранимой семьей Ионенко. В книге эти письма содержат ценнейшую историческую информацию, которая характеризует личность героя книги.

Авторы книги подробно описывают основную деятельность Ионенко в годы войны – «даже на фронте он продолжал оставаться практикующим историком» [Кабытов, Федорова 2023, с. 36]. Командование Ленинградского и Прибалтийского фронтов поручило профессиональному историку изучать и проверять донесения и оперативные сводки, а затем уже на их основе составлять журналы боевых действий и описания боевых операций. В годы войны он стал полноценным военным историком, который буквально по «горячим следам» вел летопись войны. «Впоследствии все это послужит основой книги воспоминаний “Нам жить и помнить” [Ионенко 1988], в которой органично присутствуют как бы два автора – маститый историк, доктор наук и молодой начинающий профессионал-историк, волею судьбы оказавшийся на фронте» [Кабытов, Федорова 2023, с. 36]. Эта книга вышла в 1988 г., когда уже можно было правдиво описывать как ход боевых действий, так и сложности, возникающие при управлении армией. О ценности фронтовых воспоминаний Ионенко свидетельствует вывод П.С. Кабытова, Н.А. Федоровой: «...фронтовые воспоминания... со множеством будничных, казалось бы, незначительных деталей. Именно эти детали без громких слов подчас заставляют содрогнуться и восхититься людьми, прошедшими через это боевое горнило и оставшимися людьми» [Кабытов, Федорова 2023, с. 39].

Период войны был для И.М. Ионенко периодом горя и потерь, но были и удачи, и радость Победы. Это, несомненно, закалило и окончательно сформировало личность ученого. В 1945 г. он демобилизуется и сразу получает назначение на должность декана исторического факультета КГПИ, что можно считать признанием фронтовых заслуг. Военный опыт управления пригодился в условиях послевоенного восстановления, дефицита педагогических кадров. Ионенко возглавил также и кафедру истории Казанской высшей партшколы, вел учебные занятия, при этом успевал найти время и для собственных научных изысканий. Он приступил к изучению массового крестьянского дви-

жения в Казанской губернии в 1917 г., а в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию в Высшей партийной школе в Москве.

В книге об Ионенко подробно освещена его многолетняя деятельность в Ученом совете Государственного музея ТАССР. Он активно участвовал в создании новых экспозиций, инициировал проведение многих мероприятий, посвященных Великой российской революции и Великой Отечественной войне. Им были организованы встречи ветеранов в стенах музея. Это позволяет сделать вывод об его искреннем желании развивать главный центр культурной и общественной жизни республики – Музея ТАССР. Отдавая дань уважения, музей провел мемориальные мероприятия к 95-летию и 100-летию ученого.

Важным результатом научной деятельности И.М. Ионенко была огромная работа вместе с Н.М. Силаевой по подготовке и изданию сборника документов о революционной борьбе крестьян Казанской губернии накануне Октября (всего в нем опубликовано 692 документа). Этот сборник сыграл большую роль в советской историографии аграрного и революционного движения. Он на несколько десятилетий стал образцом публикации документов и с точки зрения ценности опубликованных документов и оформления обширного научно-справочного аппарата.

Новый этап биографии И.М. Ионенко органично связан с Казанским государственным университетом, в котором он работал с 1960 г. Высокий научный уровень, давние академические традиции университета потребовали еще большей концентрации сил в педагогической и научной деятельности. Однако Ионенко сумел быстро влиться в университетский коллектив, показал себя деятельным и талантливым ученым и в новой университетской научной среде ускорил свою научную работу. Быстро шла подготовка докторской диссертации. Важными этапами на этом пути были разработка спецкурса и спецсеминара, подготовка коллективных монографий «Октябрь в Казани», «Октябрь в Поволжье». Примечательно, что в Казанском университете Ионенко приступил к созданию научного направления по истории Великой Октябрьской революции. Постепенно завершалась многолетняя работа по написанию докторской диссертации, которая опиралась на прочный фундамент из двух монографий и около 30 научных статей. В декабре 1966 г. докторская диссертация была успешно защищена в стенах КГУ, оппонентами выступили академик И.И. Минц и профессор Е.И. Медведев.

В книге об Ионенко подробно рассмотрен следующий этап его жизни – заведование кафедрой истории СССР КГУ (1970–1983 гг.). В эти годы на кафедре была открыта специализация по истории Татарии, внедрялись новые спецкурсы и спецсеминары. Авторы книги особо подчеркивают теплую,

творческую атмосферу, которая сложилась на кафедре, «научная школа, созданная И.М. Ионенко в Казанском университете отличалась демократизмом...» [Кабытов, Федорова 2023, с. 71]. Общение учителя с большинством учеников проходило в стенах университета, дома и на даче Ивана Михайловича, оно не прерывалось десятилетиями. В личном архиве Ионенко сохранилось 913 эпистолярных документов, ценных свидетельств межличностных отношений в советской исторической науке. П.С. Кабытовым, Н.А. Федоровой тщательно проанализирован этот массив документов, выделены этапы активности в переписке, изучены основные сюжеты.

В книге показала активная работа Диссертационного совета, открытого под руководством И.М. Ионенко в 1977 г. Всего в нем было защищено более 80 диссертаций, ни одна из которых не была отклонена Высшей аттестационной комиссией.

В 1983 г. на историческом факультете КГУ было торжественно отмечено 70-летие Ивана Михайловича, ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки ТАССР». В том же году он передает заведование кафедрой своему ученику и декану истфака проф. И.Р. Тагирову. Во второй половине 1980-х стало ухудшаться здоровье Ивана Михайловича. Он сокращает свою педагогическую нагрузку, но продолжает заниматься наукой: участвует в научных конференциях, консультирует учеников, завершает воспоминания «Нам жить и помнить (Записки штабного офицера)» [Ионенко 1988].

Ценной и важной частью рецензируемой книги явилась подборка воспоминаний о коллеге и учителе. Авторами этих очерков выступили И.Р. Тагиров, Р.К. Валеев, В.Н. Данилов, Т.И. Славко, М.И. Роднов, В.Ф. Телишев, В.А. Бормотов, Л.Г. Краева, Р.Б. Гайнетдинов, В.Ф. Иванова. Большая часть этих имен – выдающиеся историки, но их воспоминания подчеркивают, как важны для научного знания преемственность, сохранение традиций, уважение к своим наставникам. Их добрые слова об учителе – неакадемичные, простые и теплые, что удивительным образом дополняет образ героя повествования.

Заключение

Таким образом, книга «Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время» точно и ярко преподносит нам портрет талантливого советского историка. Немаловажно, что на фоне выдающейся личности Ионенко мы видим формирование и развитие социокультурной сферы, академической среды советского Татарстана. Авторы подчеркивают, что он был организатором научного поиска и оказал огромное влияние на формирование научных школ историков в республиках Поволжья.

Библиографический список

Ионенко 1988 – *Ионенко И.М.* Нам жить и помнить. (Записки штабного офицера). Казань: Тат-книгоиздат, 1988. 190 с. URL: https://archive.org/details/Nam_zhit_i_pomnit.

Кабытов, Федорова 2023 – *Кабытов, П.С., Федорова, Н.А.* Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время: монография. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2023. 144 с.: илл. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Professor-Ivan-Mihailovich-Ionenko-lichnost-i-vremya-104234?ysclid=113lni1nh2667047386>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=54028143>. EDN: <https://elibrary.ru/djcczw>.

References

Ionenko 1988 – *Ionenko I.M.* (1988) We live and remember. (Notes of a staff officer). Kazan: Tat-knigoizdat, 190 p. Available at: https://archive.org/details/Nam_zhit_i_pomnit. (In Russ.)

Kabytov, Fedorova 2023 – *Kabytov P.S., Fedorova N.A.* (2023) Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: personality and time: monograph. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 144 p.: illustrated. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Professor-Ivan-Mihailovich-Ionenko-lichnost-i-vremya-104234?ysclid=113lni1nh2667047386>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=54028143>. EDN: <https://elibrary.ru/djcczw>. (In Russ.)

Рецензия на монографию: Евграшкина Е. Семиотическая природа смысловой неопределенности в современном поэтическом дискурсе (на материале немецкоязычной и русскоязычной поэзии): NEUERE LYRIK. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Herausgegeben von Henrieke Stahl, Dmitrij Bak, Hermann Korte, Hiroko Masumoto und Stephanie Sandler. BAND 5. Berlin: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 173 S. ISBN 978-3-631-78193-7

Г.В. Кучумова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: gal-kuchumova@mail.ru. Web of Science Researcher ID: S-2848-2017.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

Аннотация: В монографии Е. Евграшкиной проводится творческое исследование семиотических возможностей языка современной поэзии. Инструментальная настройка теоретического поля исследования требует подробного освещения понятий «языковые игры», «поэтический дискурс», «семиотическая реальность», «семиозис». Поэтический дискурс отождествляется с семиотическим процессом, в котором реализуется «подвижный семиозис», вовлекающий читателя в игру видимостей и «мерцание смыслов». Прослеживается развертывание семиотического потенциала индивидуальных лирических текстов немецко- и русскоязычных авторов. Их поэтические тексты обнаруживают сложную композицию знаков, распад синтаксиса, отказ от рифмы, лексические «новшества», изменения конвенциональной графики, игру с пунктуационными знаками и др. Основная значимость монографии Е. Евграшкиной определяется теоретическим осмыслением отдельных поэтических практик, исследованием семиотического потенциала языка и поля его функционирования в современных русско- и немецкоязычных поэтических текстах.

Ключевые слова: семиотический потенциал языка; герметическая поэзия; поэтический дискурс; семиотическая реальность; «подвижный семиозис»; современная русскоязычная и немецкоязычная поэзия.

Цитирование. Кучумова Г.В. Рецензия на монографию: Евграшкина Е. Семиотическая природа смысловой неопределенности в современном поэтическом дискурсе (на материале немецкоязычной и русскоязычной поэзии): NEUERE LYRIK. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Herausgegeben von Henrieke Stahl, Dmitrij Bak, Hermann Korte, Hiroko Masumoto und Stephanie Sandler. BAND 5. Berlin: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 173 S. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 217–220. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-217-220>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кучумова Г.В., 2023

Галина Васильевна Кучумова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 21.04.2023

Revised: 24.05.2023

Accepted: 25.08.2023

Review on the monograph: Evgrashkina E. The semiotic nature of semantic uncertainty in modern poetic discourse, based on the material of German and Russian poetry. NEUERE LYRIK. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Herausgegeben von Henrieke Stahl, Dmitrij Bak, Hermann Korte, Hiroko Masumoto und Stephanie Sandler. BAND 5. Berlin: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 173 S. ISBN 978-3-631-78193-7

G.V. Kuchumova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: gal-kuchumova@mail.ru. Web of Science Researcher ID: S-2848-2017.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

Abstract: The monograph by E. Evgrashkina examines the semiotic possibilities of the language of contemporary Russian- and German-language poetic texts. Instrumental tuning of the theoretical field of research requires detailed coverage of the concepts of «language games», «poetic discourse», «semiotic reality», «semiosis». Poetic discourse is identified with a semiotic process in which a special kind of semiosis is realized – «mobile semiosis», involving the reader in the game of appearances and «flickering of meanings». The development of the semiotic potential of individual lyrical texts of German- and Russian authors is traced. Their poetic texts of these authors reveal a complex composition of signs, syntax decay, rejection of rhyme, lexical «innovations», changes in conventional graphics, playing with punctuation marks etc. The main significance of the monograph by E. Evgrashkina is determined by the theoretical understanding of individual poetic practices, the study of the semiotic potential of language and the field of its functioning in modern Russian- and German poetic texts.

Key words: semiotic potential of language; hermetic poetry; poetic discourse; semiotic reality; «mobile semiosis»; contemporary Russian and German poetry.

Citation. Kuchumova G.V. Review of the monograph: Evgrashkina E. The semiotic nature of semantic uncertainty in modern poetic discourse, based on the material of German and Russian poetry: NEUERE LYRIK. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Herausgegeben von Henrieke Stahl, Dmitrij Bak, Hermann Korte, Hiroko Masumoto und Stephanie Sandler. BAND 5. Berlin: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 173 S. ISBN 978-3-631-78193-7. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 217–220. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-217-220>. (In Russ.)

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Kuchumova G.V., 2023

Galina V. Kuchumova – Doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Рецензируемая монография, опубликованная в 2019 году в Берлинском издательстве научной литературы на русском языке, и сегодня остается редкой книгой по исследованию семиотической природы поэтического герметизма на материале русско- и немецкоязычных поэтических текстов нового рубежа веков. В текстах поэтического герметизма выговаривается новая природа художественного текста, создаваемого при помощи знаков различных семиотических систем с нарушением языковых конвенций и с высокой степенью креолизации. Сознательный выбор авторами текстов стратегий письма (языковые игры, визуальные эффекты, графические акценты, плотная интертекстуальность, интермедийные включения и др.) отражает усложненную постмодернистскую реальность с ее многозначной неопределенностью, мозаичностью и фрагментарностью.

Основная часть

Инструментальная настройка регистров исследования осуществляется в первой главе «Проблема поэтического смысла». Здесь подробно освещаются понятия «поэтическая герменевтика», языковые игры/дискурс и текст/дискурс, уточняются принципиальные различия «текст» и «произведение», акцентируется дихотомия: статика языковой структуры/динамика смысла, линейная последовательность языковых единиц/нелинейность смысла. Ссылаясь на тезисы о диалогическом измерении поэтического текста, в частности на высказывания М. Бахтина (текст живет в «большом времени», взаимодействуя со своими и чужими высказываниями) и Р. Барта (текст как диалог в аспекте внутритекстовых и внетекстовых отношений), автор монографии попадает в парадоксальную ситуацию. Ведь тексты герметической поэзии ставят под вопрос уже саму возможность диалога.

Вслед за М. Хайдеггером немецкий исследователь Герман КORTE, отмечая особое качество герметичной поэзии, ее некоммуникативность (*Inkommunikativität*), утверждает, что полноценное онтологическое слово заключает в себе главный смысл, не нуждающийся в передатчике или приемнике, и что оно, по сути своей, коммуникативным не является [Korte 2004, S. 47]. Этот парадоксальный сюжет автору монографии приходится уточнять, ссылаясь на специфику поэтического текста. В поэтическом тексте сфера субъективного означивается, сложные психологические процессы моделируются, и потому диалогические формы здесь неизменно присутствуют, просто они не столь очевидны (S. 26). Сам текст поэтического герметизма задает определенную программу восприятия, направляющую интерпретационную работу читателя, и вместе с тем содержит некоторые зоны смысловой неопределенности, где и возникают рецептивные трудности. Сложные построения семиотических знаков, различные нарушения конвенционального использования языковых единиц, пунктуационные «новшества», замысловатый графический рисунок – все это в значительной степени затрудняет декодирование текста читателем.

Во второй главе «Семиотика современной поэзии» пространством интерпретации поэтического дискурса выступает семиозис. Поэтический дискурс, отождествляемый с семиотическим процессом, «работает» преимущественно в сфере означающего, при этом означаемое бесконечно откладывается на будущее. В тексте не происходит «мирного сосуществования смыслов» (Р. Барт). Здесь реализуется особый вид семиозиса – «подвижный семиозис», или «дискурс соблазна» (Ж. Бодрийяр), в котором связь между означающим и означаемым подвижна за счет того, что происходит вращение составляющих знака и постоянная подмена одних зна-

ков другими. Герметический поэтический дискурс Е. Евграшкина определяет как дискурс соблазна, вовлекающий читателя в игру видимостей и «мерцание смыслов». В этом случае читатель соучаствует в подвижной игре знаков на поле «сворачивания» [Бодрийяр 2000, с. 106]. Закономерно встает вопрос о (не)возможности конечной интерпретации поэтического текста. Читателя критического, способного в ситуации дополненности языков объяснить и понять семиотический рисунок текста, итальянский семиотик У. Эко («Роль читателя») отделяет от читателя наивного, попавшего в ловушку соблазна и неспособного к глубокой распаковке знаков. Сюзен Зонтаг, отрицая возможность конечной интерпретации текста, объявляет герменевтику особой формой «культурного» насилия: «Вместо герменевтики нам нужна эротика искусства». Интерпретативные усилия читателя С. Зонтаг помещает в эротические координаты, сходным образом, как и Р. Барт («удовольствие от текста») [Sontag 2008, S. 189].

В третьей главе «Языковые инсталляции: смысловой потенциал материализации языкового знака» семиотическая природа современного поэтического герметизма богато иллюстрируется примерами из поэтической практики русско- и немецкоязычных авторов. В экспериментальной литературе второй половины XX века востребованы визуальная и конкретная поэзия, работающие с языком, который выполняет здесь референциальную функцию по отношению к самому себе. Организованный таким образом поэтический текст выходит в иные семиотические пространства, дополнительно усиливается визуальными эффектами и за счет привлечения семиотического потенциала неязыковых знаков. Так, австрийский автор Анатолий Кнотек (*Anatol Knotek*, 1977), в текстах которого доминирует графическое представление языковой игры, активизирует разноуровневые измерения языка: фонетическое, визуальное измерение, игру со знаками пунктуации, изолированными от своего конвенционального употребления и др. В его текстах *sich entwickeln* (развиваться) и *treffen-trennen* (встретиться-расстаться) используется визуальный эффект центробежно развертывающейся спирали глаголов и графически отображается как х-образное схождение, пересечение и расхождение слогов, в тексте *zurück* (назад) представлено «теневое» смещение умлаута, в тексте *M U S E U M / MUSS SEHN / M U S E E N* Кнотек прибегает к семантическому обновлению слова (ложная этимологизация, подсказанная графико-фонетической формой самого слова).

Интересны примеры из поэтической практики Клауса Петера Денкера (*Klaus Peter Dencker*, 1941). Его креолизованный текст *goethe* (гете) выстраивается на анаграмме имени немецкого классика, а в тексте *dead* (мертвый) визуально воспроизводится форма sudoku. Яркий пример графического представления языковой игры: «магический квадрат» Барбары Кёлер (*Barbara Köhler*, 1959–

2021) в поэтическом тексте *The Promised Rose garden* («Обещанный сад роз»): R O S E / O S E R / S E R O / E R O S. Необычным образом комбинирует визуальные и текстовые элементы Герта Мюллер (*Herta Müller*, 1953). В ее интермедийных проектах [Müller 2005] – *Die blassen Herren mit den Mokkatassen* («Бледные господа с чашками мокко») и *Im Haarknoten wohnt eine Dame* («В узле волос живет одна дама») – используются газетные вырезки *Schnipseltechnik*, что иллюстрирует «анонимное письмо» («исчезновение автора»).

В главе «“Саморефлексирующий” дискурс: смысловой потенциал трансформации языкового знака» Е. Евграшкина акцентирует маргинальные позиции современного поэтического герметизма. Поэтические тексты – Лутц Зайлер (*Lutz Seiler*, 1963), Константин Амес (*Konstantin Ames*, 1979), Полина Андрукович (1969), Александр Уланов (1963) – обнаруживают интересные семиотические узоры: отказ от рифмы и метра, распад синтаксиса, знак & (амперсанд), нарушающий семиотическую однородность текста и привносящий целые комплексы дополнительных смысловых нюансов; знак «скобки», выступающий творческой ремаркой, паратекстом, текстовым элементом, графически маркирующим множественное прочтение. Такое обилие семиотических координат, несомненно, создает «затрудненную форму» для интерпретационных усилий читателя.

В поэтическом герметизме отмечается значимая роль местоимений, указывающих на субъект. Так, местоимение «я» у Б. Кёлер выступает как поэтический артефакт и как дезинтеграция субъекта (*Deutsches Roulette*, Немецкая рулетка, 1991). Присутствие субъекта и его отсутствие становятся предметом поэтической рефлексии и в текстах Лутца Зайлера, Полины Андрукович, Дмитрия Воробьева. Таким образом, поэтический субъект в пространстве подвижного семиозиса либо дезинтегрирован, либо вовсе отсутствует.

В заключительной главе «В поисках смысла: поля поэтических референций» дается тщательный анализ индивидуальных поэтических практик, прослеживается развертывание их семиотического потенциала. Так, в поэтическом дискурсе Барбары Кёлер доминируют концепты «маска» и «зеркало», обозначающие дезинтеграцию субъекта и умножающие количество отражений (цикл стихотворений *Elektra. Spiegelungen*, «Электра. Отражения»). В тексте *Selbstporträt* («Автопортрет») концепт «зеркало» реализует себя посредством неязыковых графических средств. В сборнике *Deutsches Roulette* представлен сложный рисунок изменения конвенциональной графики: отказ от прописных букв, часто полный отказ от пунктуации, местоимения в качестве знаков-шифтеров, которые участвуют в изменении перспектив и постоянных «превращениях» субъекта высказывания.

Особого упоминания заслуживают экспериментальные тексты из сборника двух авторов – фотографа Манфреда Коха (*Manfred Koch*, 1956)

и поэта Рольфа-Бернхарда Эссига (*Rolf-Bernhard Essig*, 1963), продолжающих традиции интермедиальных проектов *Klecksographien* («Кляксографии», 1890) и *Kleine Fleckenkunde* («Малое пятноведение», 1982). В названных книгах – авторы Юстинус Кернер (*Justinus Kerner*, 1786–1862) и Петер Рюмкорф (*Peter Rühmkorf*, 1929–2008) – картинки-кляксы, выступая своего рода паратекстуальными элементами, становятся предметом наррации. Особенно забавными выглядят картинки-кляксы, напоминающие по форме насекомых. П. Рюмкорф утверждает, что *In jedem Kleckser ruht versteckt / ein Ur-Insekt* (В каждой кляксе затаилось пра-насекомое). Это вырастает до масштабов обобщающей рефлексии о существах органического мира. Сложные для восприятия тексты Р.-Б. Эссига, рассчитанные на «продвинутого» читателя, отсылают к разным культурным кодам (музыке, пище, моде и др.), к неязыковым знаковым системам (живописи, кино). Для наивного читателя к текстам предлагаются небольшие авторские ремарки, дающие в игровой форме текстовую информацию. Так, Эссиг дает краткий комментарий к своему поэтическому тексту *Jedem die Seine* («Каждому своя Сена»), построенному на графико-фонетической игре (здесь французское название реки *Seine* и прямая отсылка к теме Холокоста *Jedem das Seine*) [Essig 2011, S. 51].

В поле исследования попадают и поэтические тексты русскоязычных авторов, затрагивающих проблему гендера субъекта, например «осциллирующий» гендер у Марианны Гейде (1980). Двусмысленность ситуации с гендерной идентификацией субъекта иронически обыгрывает Гиля Лоран (1978) в сборнике стихов «Первое слово съела корова» (2004). Эксплицитно битекстуален и поэтический дискурс Наили Ямаковой (1982), в ее текстах субъект «осциллирует» (формула «девочка-мальчик») между двумя полюсами мужского и женского (Приручение, 2006).

Заключение

Тонкий анализ поэтических текстов русско- и немецкоязычных авторов в семиотических координатах – сильная сторона рецензируемой монографии. Данное исследование семиотической природы современного поэтического герметизма, во-первых, расширяет базовую теорию знака; во-вторых, выявляет парадоксы семиотики (симулякры, знаки без референтов); в-третьих, указывает на проблему чтения и интерпретации сложных, семиотически нагруженных текстов. Несомненно, монография Екатерины Евграшкиной будет востребована разной целевой аудиторией, которая поддержит научную дискуссию по вопросам о семиотической природе поэтического текста.

Библиографический список

- Essig 2011 – *Essig R.-B.* Übergangenes: Gedichte. Bamberg: Erich Weiß Verlag, 2011. 61 S.
- Korte 2004 – *Korte H.* Deutschsprachige Lyrik seit 1945. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2004. 354 S. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-476-05035-9>.
- Müller 2005 – *Müller H.* Die blassen Herren mit den Mokkatassen. München: Carl Hanser Verlag, 2005, без пагинации. URL: <https://archive.org/details/dieblassenherren0000mull>.
- Sontag 2008 – *Sontag S.* Gegen Interpretation // Kindt T. / Köppe T. (Hrsg.) *Moderne Interpretationstheorien*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. S. 172–190.
- Бодрийяр 2000 – *Бодрийяр Ж.* Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. Москва: Ad Marginem, 2000. 319 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/ baudrillard-soblazn-l.pdf>.

References

- Essig 2011 – *Essig R.-B.* (2011) *Übergangenes: Gedichte*. Bamberg: Erich Weiß Verlag, 61 S.
- Korte 2004 – *Korte H.* (2004) *Deutschsprachige Lyrik seit 1945*. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 354 S. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-476-05035-9>.
- Müller 2005 – *Müller H.* (2005) *Die blassen Herren mit den Mokkatassen*. München: Carl Hanser Verlag. Available at: <https://archive.org/details/dieblassenherren0000mull>.
- Sontag 2008 – *Sontag S.* (2008) *Gegen Interpretation*. In: *Kindt T. / Köppe T. (Hrsg.): Moderne Interpretationstheorien*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, S. 172–190.
- Baudrillard 2000 – *Baudrillard J.* *The temptation*. Translated from French by A. Garadzhii. Moscow: Ad Marginem, 319 p. Available at: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/ baudrillard-soblazn-l.pdf>. (In Russ).

Рецензия на комплекс учебных пособий для магистров, ориентирующих на развитие навыков самостоятельной и исследовательской деятельности

Н.В. Соловова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: solovova.nv@ssau.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

Цитирование. Соловова Н.В. Рецензия на комплекс учебных пособий для магистров, ориентирующих на развитие навыков самостоятельной и исследовательской деятельности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 221–222. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-221-222>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Соловова Н.В., 2023

Наталья Валентиновна Соловова – доктор педагогических наук, заведующий кафедрой управления человеческими ресурсами, Самарский национальный исследовательский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 21.06.2023
Revised: 24.07.2023
Accepted: 25.08.2023

Review for a set of textbooks for masters, focusing on the development of independent and research skills

N.V. Solovova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: solovova.nv@ssau.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

Citation. Solovova N.V. Review for a set of textbooks for masters, focusing on the development of independent and research skills. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 221–222. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-221-222>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Solovova N.V., 2023

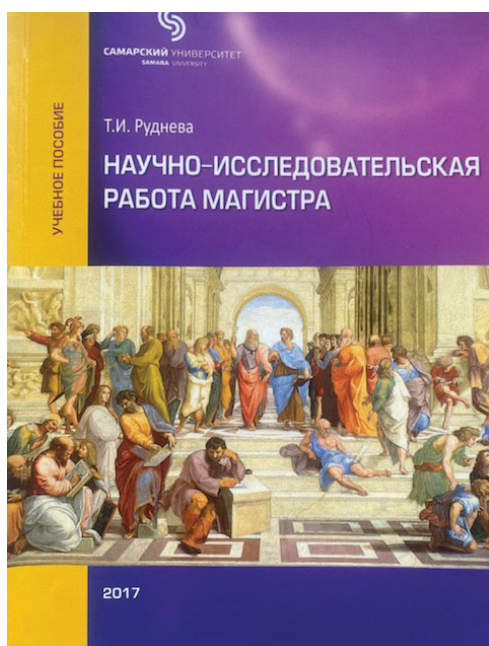
Natalya V. Solovova – Doctor of Pedagogical Sciences, head of the Department of Human Resources Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Глобализационные процессы во всех сферах жизнедеятельности современного человека задают ситуации неопределенности при выполнении профессиональных задач. Выбор адекватных способов их решения требует от специалистов способностей к научному поиску, получению эмпирического материала, его осмыслению, критической оценке и внедрению в практику.

Трансформационные процессы в образовании вызвали ряд противоречий, их разрешение требует исследований, результат которых задает стратегию профессиональной подготовки обучающихся в вузе. На основе комплексного исследования, проведенного в научной школе профессора Т.И. Рудневой, доказано, что специалист любого направления подготовки должен обладать методологической культурой, предполагающей навыки грамотной работы с научной информацией, реферирования научных источников.

Профессором Т.И. Рудневой создано два учебных пособия для магистров. В первом «Научно-исследовательская работа магистра» научная работа рассматривается как вид учебной деятельности. Предлагаемые автором творческие задания позволяют обучающимся включиться в процесс научного поиска, знакомиться с видами научного текста (аннотация, рецензия, отзыв, реферат, научная статья), стилем письменной научной речи, который сложился под влиянием академического этикета. В пособии описывается предмет научной работы – это получение нового научного знания, что требует специальных умений. Предлагаются творческие задания для их развития у магистров, обучающихся по направлению подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование.

Правомерно автором пособия в тезаурус проблемы «профессионально-педагогическая деятельность» включается комплекс понятий «педагогиче-

ческое мастерство», «педагогическое творчество», «педагогический профессионализм», «педагогическая техника», «педагогический стиль» и «педагогический почерк». Каждая из этих личностных характеристик отражает меру владения методологической грамотой для разрешения возникших в педагогическом процессе противоречий в ходе педагогического исследования. Ценным является представленная в пособии структура исследовательского процесса, ориентирующая на продуктивную педагогическую деятельность.

Актуальность идей, содержащихся во втором учебном пособии «Методология педагогического исследования (сборник заданий по практической методологии)», подтверждается исследовательско-поисковым характером педагогической деятельности. Содержание данного пособия базируются на результатах исследований в области профессиональной педагогики, выполненных под руководством профессора Т.И. Рудневой. В первом разделе «Методология» автор ориентирует исследователя на реализацию требований научного анализа при проведении педагогического исследования, обращается к уровням методологии. Во втором отделе

«Модернизация и реформирование образования» автор обращает внимание на смысл понятий, характеризующих развитие современного образования, а также задающих особые требования к исследованию педагогических проблем. В разделе «Педагогическое исследование» обращается внимание на научную новизну исследования, востребованную новой парадигмой образования, за которую исследователь несет индивидуальную ответственность, владея алгоритмами применения методологических характеристик, логикой научного поиска (Раздел IV. Методологическая грамота). Практически значимым является предлагаемый магистрам тест для самооценки уровня сформированности методологической компетентности исследователя. Каждый раздел учебного пособия сопровождается заданиями, выполнению которых способствуют логические схемы.

Оба учебных пособия рекомендуются в систему профессиональной подготовки специалистов, выполняющих инновационные виды деятельности, а также в систему повышения квалификации преподавателей вузов, выполняющих педагогические исследования.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в выпусках журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology» (прежнее название – «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

В журнале публикуются научные статьи теоретического, исследовательского и практического характера, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу по профилю журнала.

Тематика журнала: исторические науки и археология (5.6.1; 5.6.2; 5.6.4; 5.6.5; 5.6.7), педагогические науки (5.8.1; 5.8.7), языкознание (5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) двойное слепое рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Правила оформления

Текст статьи

• Статья предоставляется на русском или английском, французском, немецком и испанском языках в электронном виде (на сайте <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp>), заполняется лицензионный договор.

• Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.

• Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, звание, должность, место работы, индекс и адрес места работы, электронная почта, ORCID – регистрация на сайте www.orcid.org), аннотация, ключевые слова, названия рисунков и таблиц, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.

• Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.

• Объем основного текста не должен превышать 30 страниц. Аннотация создана по IMRAD (200–250 слов), ключевых слов – не менее 8, текст статьи структурирован (минимальная структура – введение, основная часть, заключение)

• **Рисунки и таблицы** предполагают наличие названия на русском и английском языках и сквозную нумерацию.

• **Библиографический список** на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по алфавиту и содержит только научную литературу (источники, архивные документы, диссертации, словари помещаются в источники фактического материала только в русском варианте в круглых скобках, иностранные – на языке оригинала), сначала размещается иностранная литература, потом русская, по образцу: Иванов 2018 – *Иванов В.В.* Название. Город (полностью): Издательство, год. X с. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [Иванова 2017, с. 28; Память истории... 2019]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

• **Reference** оформляется по гарвардскому стилю, но без транслитерации и квадратных скобок. Например, Roediger, Wertsch 2008 – *Roediger H.L. and Wertsch J.V.* (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*, vol. 1, issue 1, pp. 9–22. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698007083884>. Saveleva, Poletaev 2005 – *Saveleva I.M. and Poletaev A.V.* (2005) «Historical memory»: on the issue of the boundaries of the concept, in *Phenomenon of the past*. Moscow: GU VShE, pp. 170–220. Available at: http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya. (In Russ.)

Если у журнала есть английское название, то оно указывается курсивом, если его нет, то курсивом дается транслитерированное название, если журнал указывает и транслитерированное, и английское названия, то они даются курсивом через знак «=»: *Vestnik Samarskogo...* = *Vestnik of Samara...* Желательно указывать DOI или URL. Наличие иностранных источников (около 30 %) говорит о знакомстве автора с освещением проблемы статьи за рубежом.

Допускается не более 30–40 источников в научной статье, 70–100 – в обзоре.

Графика

· Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат JPEG.

· Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Подробные требования, шаблон статьи размещены на сайте журнала <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp>.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

Редакция журнала